

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

A lush garden scene with a stone bridge over a stream, a large building in the background, and a fountain in the foreground. The scene is vibrant with green foliage and a clear sky.

АВТОР АЛМАГА

Annotation

Принцесса Беллона, не сумевшая разобраться в своих чувствах и отношениях с любимым рыцарем до конца, обретает большую свободу и выходит в высший свет. Сильно ли изменится её жизнь, или она станет совсем другая?

Часы пробили полночь. В замке было прохладно, и гуляли сквозняки, за исключением тех комнат, в которых жарко пылал камин, согревая даже каменные стены. За окнами темнота покрыла собой всё, хоть глаз выколи. Что уж поделывать, Вермаш — безлунная планета, на небе которой виднеются лишь мелкие звёздочки. И даже то, что замок стоит высоко в горах, не делает его к ним ближе. На самом деле устрашающим это место было только внешне. Внутри всегда царила атмосфера уюта и дружелюбия, потому что сплочённая большая королевская семья отличалась взаимопониманием и любовью друг другу. Королева любила короля, тот в свою очередь её, оба они обожали восемь своих детей и те отвечали им тем же.

Виктории Атике, сестре короля Робина Третьего, не приходилось волноваться за потомство, в отличие от брата, не только потому, что у неё было семь сыновей и одна дочка, но и потому, что нб один из них не доставлял ей никаких хлопот. Даже все вместе взятые они приносили ей беспокойства меньше, чем Робин-младший своему отцу. Просто они пошли нравом и характером в короля Жерара, спокойного, уравновешенного и тихого мужчину, полностью занятого делами, либо семейными, либо политическими. Он не был искателем приключений и авантюристом даже в юности, что же говорить о том, каким он являлся сейчас. Виктории на самом деле повезло с таким супругом, потому что с её темпераментом упрямого и своенравного мужа она бы просто не выдержала, а этот и не пытался присмирить её, и не давал стать окончательной хозяйкой в доме.

Виктория, единственная из пяти детей в семье, родилась шатенкой, и, замученная рассказами деда о своей прабабке Стелле Нордмунской, увлеклась гордостью за своё происхождение, имеющее отношение к этой легендарной женщине. Не успело ей исполниться восемнадцать, как она перекрасила волосы в знаменитый малиновый цвет и возомнила себя второй Стеллой. Имея огромный успех среди молодых людей, меняя ухажёров и женихов, она засиделась свободной до двадцати пяти лет, пока не влюбилась и быстро не вышла замуж. Ей не хватило упорства, сдержанности и ума (или наоборот — глупости), чтобы стать очередной легендой и притчей во языцех. Легкомысленная в молодости и уставшая теперь, Виктория после вступления в возраст «за пятьдесят» взяла за привычку пугать близких и знакомых скорым исчезновением, как прабабка. Изначально это производило кое-какой эффект на окружающих, но прошло пять лет, а Виктория оставалась на месте, жива и здорова. Поэтому теперь это превратилось в модную шутку, поверив в которую можно было сразу добиться расположения королевы. Многие тешили себя надеждой стать её фаворитами и любовниками, но женщина прекрасно понимала, что у неё не хватило бы смелости и влияния повторить жизнь Стеллы. Одно неверного шага хватило бы для того, чтобы потерять всё. Хотя среди претендентов на её сердце и место в спальне числились самые красивые и популярные мужчины, в том числе и рыцари ордена Стеллы Нордмунской. Собственно, они участвовали во всех посягательствах на честь женщин, тем или иным образом связанных с их кумиром.

Перевалило за полночь. В замке все спят беззаботным сном. И только в одной комнате до сих пор горит свет, а постель уже помята, но пуста. Её хозяйка покинула её из-за

невозможности отвлечься от мыслей и села на подоконник. За окном, по-прежнему, ничего не видно, только дежурные огни у подножья стен. Они освещают двор и крутую дорогу вниз, в город, раскинувшийся вокруг горы, на которой и стоят монаршие владения. В отличие от Феира, на котором венценосные правители предпочитали жить поодаль от подданных, на Вермаше короли всегда находились в центре событий и после получасовой пешей прогулки с лёгкостью оказывались в своей столице, которая полукругом обрамляла их замок. С другой стороны гора резко обрывалась и устремлялась вниз на десятки метров, заканчиваясь ревушей мощной рекой. А дальше, после реки, простирался бескрайний хвойный лес из кедров и сосен, густых елей и зарослей других вечнозелёных деревьев. Про него, его обитателей и свойства ходили разные басни и мифы. Но вернёмся к девушке, одиноко сидящей на подоконнике.

Это была принцесса Беллона. По её лицу нельзя было сказать, что смена обстановки осчастливила её или отвлекла от прежних переживаний. Глаза были мокрыми, что стало регулярным с того дня, как рыцари и кавалеры покинули её родину. Она так и не дождалась ни письма, ни записки, ни даже устного известия от графа Аморвила, который уехал, не попрощавшись. Беллона вообще стала сомневаться, думал ли он о ней, уезжая, или его голова уже была занята дальнейшими планами о романе с принцессами Астеры, на которую направился орден? А ей так хотелось обнять его напоследок, сказать, чтобы он помнил о ней, чтобы не забывал. Ей хотелось поцеловать его и пообещать дождаться его возвращения. Или напротив, пообещать, что она сама найдёт его, чего бы ей это ни стоило. Но он повёл себя так, будто ему это было ненужно, безразлично. Принцесса утешала себя тем, что не стоит делать поспешных выводов. У Дерека могло что-то случиться или появились срочные дела. Его мог не отпустить Джордан Льюмен или снова вмешались виконт Тревор и маркиз о'Лермон. Он попросту мог заботиться о её репутации и не искать открыто свидания с ней! Была масса оправданий его поведению, но тоска Беллоны от этого не проходила, а мучила её душу. Неизвестность, что так часто гложет влюблённых, терзала девушку так сильно, как не терзала никогда. Почти каждую ночь она думала о том, что делать дальше, как быть? Она жила ожиданием дня, когда они вернутся на Феир с новостями о назначении маркиза Модиса на место следующего магистра, но в один день были перечеркнуты все её надежды, когда в самом начале июля принц вернулся с Астеры один и сообщил, что был выбран Джордан Льюмен. С того момента жизнь Беллоны превратилась в механические движения, выполнение своих обычных обязанностей, вежливые разговоры и прогулки, равнодушное отношение ко всему окружающему. Холод в голосе и рассеянность внимания стали постоянными спутниками принцессы. И лишь когда закрывались двери спальни и все уходило на покой, девушка выходила на балкон, ставший свидетелем её последней встречи с возлюбленным, и кляла себя за гордыню и неуместную важность. Слезы снова орошали её лицо, и только рассвет прогонял Беллону обратно в покои, где она, обессиленная и вымотанная своими переживаниями, засыпала. За эти несколько недель девушка немного похудела, щёки её побледнели. Королева Веста обратилась к докторам, которые списали всё на стрессы переходного возраста. Её высочество взрослеет, заявили они, ей нужно время, чтобы привыкнуть к тому, что она уже не ребёнок и скоро станет чьей-нибудь женой. Мать догадывалась, что дело не в этом, ведь родители не торопили дочь с выбором, желая ей счастья и безмятежного будущего, но разобраться и помочь ничем не могла.

Беллона ждала своей премьеры, как спасения от прошлого или наоборот, встречи с ним. Она помнила слова Дерека о том, что за обещанным принцессой подарком он примчится

хоть на край света. Она почти не сомневалась, что он прибудет в свите какого-нибудь императора, короля или принца на Вермаш, но вот она здесь. Завтра её представление высшему обществу, а его как не было, так и нет. Беллона просмотрела списки гостей и не нашла там даже близкого упоминания имени рыцаря. Около шестидесяти самодержавных персон, на каждого по человек пять сопровождения. Итого примерно триста пятьдесят приехавших со всех концов света величественных людей. И среди них ни одного, кто бы хоть малость заинтересовал принцессу! Хотя нет, приятные личности всё же были. Например, наследница Гиганта. Беллоне было очень приятно увидеть свою знакомую, с которой толком в прошлый раз не удалось пообщаться. Да и Энжел с радостью встретила девушку. Они целый день провели вместе, обсудив всё, что изменилось за месяц. Изменения оказались незначительными, но о чём поговорить всё равно нашлось. Беллона пожаловалась на то, что Марию из-за её происхождения не пустили на юбилей тёти Виктории и теперь ей не на кого положиться в трудной ситуации или затруднительном положении. От Габриэль ведь толку мало, она сама витала где-то в облаках, потому что умудрилась перед отъездом, на одном рауте, устроенном в честь скорого важного события в жизни принцессы, поцеловаться со Сторианом МакДжойном, который был страстен и настойчив и не хотел выпускать виконтессу из комнаты, пока она не позволит ему большего, но она ловко вывернулась из его объятий и убежала, вернувшись к подругам. Габи вспоминала это, как забавное приключение, в котором она получила кучу удовольствия, а эрцгерцогиня и принцесса удивлялись и вздыхали, что их подруга как всегда легко отделалась и вышла сухой из воды. Обычно от князя так просто не уходили, а когда его обводили вокруг пальца (а такие случаи были единичными), он не прощал того, что из него делают дурака. Габриэль не стала уточнять подругам, что на самом деле она бы в жизни не отбилась от Сториана, если бы не соврала ему, что ей нужно в дамскую комнату и она через минуту вернётся, а сама тем временем сбежала в общий зал, и потом уехала вместе с отцом. По наивности, ей не терпелось вернуться на Феир и продолжить свой флирт и кокетство. Беллона же молилась, чтобы за время их отсутствия князь поостыл и не вспомнил о шалости маленькой виконтессы, потому что если этого не произойдёт, то Габриэль ждут серьёзные неприятности. Энжел выслушала всё внимательно, но не разделила волнений Беллоны и не поняла поведения виконтессы. Она бы с удовольствием оказалась на месте последней... Тем более, что Габи была влюблена в МакДжойна. Так за чем же дело встало? Энжел сожалела, что принц Феира с друзьями не приехал на бал и не поздравил тётю с днём рождения.

Ещё Беллона встретила здесь королеву Сивиллу. На этот раз у девушки не возникло желание поговорить с ней по душам, потому что ей было стыдно признаться, что всё произошло именно так, как подозревала тётя. Принцесса лишь поздоровалась с ней и кинула смутную фразу о том, что женщина была права. Королева с пониманием отнеслась к тому, что её избегают, и не стала настаивать на дальнейшем общении. Беллоне приходилось разрываться между всеми, с кем ей хотелось повидаться и с кем не хотелось сталкиваться вовсе. К последним относилась Матильда фон Даберлёф, которую навязали ей в качестве фрейлины. Юной баронессе в начале месяца исполнилось восемнадцать, и её мать настояла, чтобы девушка повидала общество и высший свет. Конечно же, это подразумевало поиск мужа, выгодной партии. Несмотря на все законы и запреты, амбиций этого семейства хватало даже на то, чтобы надеяться на обручение с принцем или герцогом. Беллона долго противилась такой спутнице, но потом её заинтересовал исход этой задумки, и она решила ей поспособствовать. В конце концов, если баронессе удастся выйти замуж за будущего

короля, почему после этого принцессе не суметь пойти под венец с графом? Раньше Беллона и не подозревала в себе такой корысти и такого коварства. Некоторые происшествия изменили её, непонятно в какую сторону — положительную или отрицательную. Для всех по-разному. Одно принцесса знала точно: теперь она стала осмотрительнее и сильнее. Не намного, но достаточно для того, чтобы вращаться в кругах, в которых ей предстояло провести всю будущую жизнь.

Для солидности, должной быть у принцессы такой крупной планеты, как Феир, Беллоне нашли третью фрейлину, семнадцатилетнюю виконтессу Дору Незардроун. Её предок отличился тем, что участвовал в возвращении престола Робину Первому после революции, поэтому её род был уважаемым и прославленным. Сама девушка отличалась идеальным знанием этикета, безупречным поведением, начитанностью и педантичностью. Серенькая и неприглядная, она была таковой скорее из-за сухости характера и строгости, не позволяющей ей ничего лишнего, как в речи и манере поведения, так и в одежде. С одной стороны, Беллоне было с ней скучновато, а с другой, радовало, что она не суёт нос в чужие дела, не спрашивает лишнего и не пытается читать морали, как любила это делать кузина.

Шёл час за часом, а девушка оставалась неподвижной на подоконнике. Со стороны можно было подумать, что она уснула, но принцессе не так-то легко засыпалось, именно поэтому она и искала поддержки где-то там, за пределами видимости, в небе, за горизонтом, у леса, у свечения факелов. Никто даже представить не мог, как ей хотелось птицей расправить крылья и улететь отсюда далеко-далеко, на другую планету. Как жаль, что это не представлялось возможным. Свеча догорала в серебряном подсвечнике и обещала скоро погаснуть, украшая каплями воска стол. В комнату уже несколько раз постучали, звуками, больше похожими на то, как скребётся кошка. Принцесса не обращала на это никакого внимания, уйдя глубоко в свои воспоминания.

— Ваше высочество, у вас всё в порядке? — в комнату вошла Дора.

— А, что? Ах, да, конечно, у меня всё замечательно, а почему ты спрашиваешь? — очнулась Беллона от своих раздумий. Фрейлина ещё устраивала её потому, что, несмотря на то, что принцесса называла её на «ты» и общалась на равных, та всё равно относилась к ней с почтением и беспрекословным послушанием. Поведение виконтессы Незардроун даже можно было бы назвать восхищением перед человеком, который был прекраснее, могущественнее и значимее, чем она сама.

— Я увидела, что у вас горит свет, и решила узнать, почему вы не спите. А потом вы ещё и на стук не ответили, вот я и позволила себе смелость зайти без разрешения. Но раз у вас всё хорошо, то я пойду...

— Пойди, Дора. Посиди со мной, пожалуйста, если тебя сон не сморил ещё, конечно.

— Нет-нет, что вы, я посижу, с вашего позволения, — у девушки был заспанный вид, но раз её просила сама дочь короля, то она стойко выполнит просьбу. Она присела на стул рядом с окном и с интересом взглянула на принцессу.

— Дора, скажи, ты когда-нибудь любила? — вопрос был риторическим, потому что новая фрейлина была похожа на вышедшую из монастыря послушницу. Наивная и не выходившая прежде за пределы имени родителей, девушка, привезённая ко двору, представляла собой белую ворону. Многое удивляло её, поражало, восхищало, но она ничего не отталкивала и не противилась тому, что её окружало, а, напротив, пыталась научиться и стать уместной.

— Нет, ваше высочество.

— Тебе повезло.

Не расположенная к разговору, принцесса просто хотела чувствовать чьё-то присутствие. Одиночество угнетало её, хотя она сама не всегда понимала, когда хочет его, а когда нет. Тут, на Вермаше, последние три дня это было фактически невозможно — остаться наедине самой с собой. И это пока Беллона не общалась ни с кем, кроме родственников! А когда её представят всем прибывшим гостям, страшно было представить, какой график ждёт её после этого. Попечителем девушки стал король соседней с Феиром планеты Медео, почитаемый и уважаемый властелин, поэтому за предвзятое отношение к Беллоне на премьере можно было не бояться, если оно таковым и будет, то исключительно в лучшую сторону. Король Рейнальдо не только дружил с Робинот Третьим, но и был должником покойного Робина Второго. Когда-то, много лет назад, тот спас невесту ещё молодого Рейнальдо. История долгая и запутанная, поэтому в неё не стоит углубляться. Главное то, что из неё вышло — чувство долга и вечная поддержка короля Медео правителям Феира.

Из многочисленных кузенов Беллона быстрее всего нашла общий язык с четвёртым сыном Виктории Аттики и его двадцатилетней суженой, будущей королевой Золотого дождя. Сабрина и Метью настолько гармонично смотрелись вместе и влюблено относились друг к другу, что рядом с ними было приятно уже просто стоять. Оба молодые, красивые и романтичные, они желали всем только счастья и не имели никаких проблем. У них впереди было светлое совместное будущее, которого они с нетерпением ждали, но даже сейчас, до свадьбы, им всё было нипочём, лишь бы любимая половинка находилась поблизости, и с ней было всё хорошо. Как по-доброму Беллона завидовала этой паре! Случалось же ведь так, что двое обретали любовь, которой ничто не мешало и не грозило расставанием. Если бы у всех всё было настолько просто и безоблачно. Принцесса чувствовала себя ущербной в этом смысле. Она не только не могла стать женой графа Аморвила, но даже не смела признаться, что испытывает чувства к нему. Уже начинали приходить мысли, что стоит забыть его вовсе. Но, как и всегда получается, что больше всего жаждешь забыть, то дольше всего помнишь. Так и Дерек, каждый день, каждый час, почти каждый миг врезался в память Беллоны, всплывая перед глазами. Почему именно он? Почему не другой, принц, наследник, стать супругой которого сочли бы за честь самые лучшие принцессы Вселенной. Чем притягательнее остальных мужчин был этот орденосец? Вот незадача. Сердцу не прикажешь, хотя разум понимает ошибочность привязанности к этому человеку.

— Ваше высочество, вам бы нужно ложиться спать. Завтра ваш день, ваш звёздный час. Вам нужно хорошенько выспаться и выглядеть отдохнувшей, иначе его величество Рейнальдо будет опечален, да и их величества Робин и Веста будут волноваться.

Беллона и не заметила, как пролетел час в молчании, который Дора терпеливо ждала дальнейших распоряжений от принцессы. «Что ж, постараюсь уснуть, если получится. Некрасиво держать бедную виконтессу при себе. Когда мучаюсь сама, незачем заставлять мучаться кого-то ещё».

— Конечно, Дора. Вы свободны и можете идти. Спокойной ночи!

Девушки разошлись. Свеча через минуту погасла сама, заставив Беллону вздрогнуть от неожиданно наступившей темноты. Чем сейчас занимался Дерек? Какое время суток было на Олтерне? Спал ли он, решал дела, развлекался? С кем он был? С братьями по ордену, друзьями, деловыми знакомыми, другими девушками? Нет, эти мысли снова не дадут расслабиться до рассвета. «Ладно, подумаю о чём-нибудь позитивном. О наступившей самостоятельности. Мадам Бланж осталась дома и больше никогда не станет следить за

мной и надоедать. Я вольна поступать, как мне заблагорассудится. Пока я нахожусь под присмотром многочисленной родни, но и этого тоже скоро не станет. И тогда я поеду на Олтерн. Правда, нужно дожидаться приглашения. А если его не будет? Что же, я опять не увижу Дерек?! Чёрт, снова вернулась к тому, от чего пыталась уйти».

В замке начали просыпаться слуги и работники. Ещё засветло они делали последние приготовления перед балом. На Вермаше каждый праздник проходил по-семейному, весело и, если не скромно, то, по крайней мере, не превращаясь в то феерическое действо, что любили устроить на Феире. Король Жерар не скупился на торжества, но не хотел никаких рецидивов и неприятных потасовок. Этим он подавал пример сыновьям — своей сдержанностью и умеренностью. Почти все они выросли образцами примерного поведения и послушания. Старший, наследник, уже готовился занять место отца. Его супруга, принцесса Энни, осенью должна была родить ребёнка. Если рождался мальчик, то его родители короновались на престол, если девочка, то они смещали Викторию и Жерара в следующем году, когда принцу исполнялось тридцать лет.

Второй сын так же уже был женат и тоже вскоре готовился стать отцом, но только королём ему предстояло быть ещё не скоро. Девушка, на которой он женился, была наследницей Омеги, крошечной планеты в соседней системе. А там законы были таковыми, что трон занимался только в случае смерти предыдущей королевы. Но, слава Богу, та была ещё жива, здорова и собиралась править много счастливых лет.

Остальные дети правителей Вермаша пока просто обручились и наслаждались молодостью, не так развязно, как делал это их кузен Робин, но в меру увлекательно и радостно. Младшей и единственной девочке только исполнилось девять, поэтому она ещё даже не принимала участие в межпланетных мероприятиях.

Из-за горизонта показались первые лучи солнца. Беллона по-прежнему ворочалась с боку на бок. Вдобавок к мыслям о графе Аморвиле её начало мучить волнение от предстоящего дебюта. Как всё пройдёт? Гладко ли? Примет ли её высший свет? Впрочем, почему бы нет, ничего противоестественного она в своей жизни сделать не успела, а те ошибки, которые всё же случились, принцесса надеялась на это, не достигли общественности. Да и кто не совершал глупостей? Таких людей и впрямь не существует. Есть такие, кто обладает огромной властью, поэтому им всё прощается и сходит с рук. А ещё есть такие, которые имеют способность или талант располагать к себе и за обаяние им тоже многое прощается. «Стелла Нордмунская. Она была из подобных. Как жаль, что я не знала её лично! Очень хотелось бы посмотреть на неё со стороны, на её поведение, манеру разговаривать и вести себя с людьми. Нет, с мужчинами. Наверняка, будь я такой, как она, Дерек не уехал бы с Феира. Он нашёл бы любой предлог, чтобы остаться. Да и мне бы тогда не вменяли в вину любовь к человеку, ниже меня по статусу. Что я забиваю себе голову глупостями! Дерек и так полюбил меня, значит, ему не нужна распущенная женщина, не отличающаяся строгими нравами и принципами. Ему нужна я. Кого я обманываю? Будь это на самом деле так, он прислал бы мне маленькое послание, весточку. А с кем? Кого можно было попросить доставить мне любовное письмо, чтобы этого никто не узнал? Такого человека не было, и нет. Так вот в чём проблема! Какая я дурочка, сразу могла бы догадаться...» Мало-мальски успокоившись, Беллона уснула. В окно пробивался свет и вскоре замок поднимался навстречу очередному дню.

Потихоньку, начиная с первого этажа, с комнат слуг, кухарок и дворецких, доносились голоса и шум бодрствующего жилья, становясь громче и пробуждая остальных обитателей. В

одной половине замка накрывался стол для завтрака хозяев и их родственников, в другой для гостей. До обеда они ещё будут разделены правилами и обычаями, предшествующими каждой премьере, но после, вечером, всё смешается в одном сплошном потоке веселья и праздника. Представленные новички, потомки именитых родов и семейств появятся во всей красе и обретут новые знакомства, а может, и друзей. Это их первый шаг во взрослую жизнь, который сильно повлияет на дальнейшую судьбу. Любимые, знаменитые или популярные на своих родинах, они совершенно не представляли, что будет здесь и потом, дальше, ведь каждый был воспитан по-своему, и трудно было подстроиться под одни общие обязанности и законы. Нелегко привыкнуть и к чужим традициям, которых хватало в каждом королевстве. Что ж, путь к власти и известности не лёгок ни для кого.

Три горничных кружились и трудились над Беллоной не покладая рук. Сегодня она должна быть лучше всех, прекрасной, превосходной, блестящей, затмевающей всё и покоряющей с первого взгляда всех и каждого. Императоры и королевы, цари и царицы должны захотеть видеть её у себя в гостях, на своих приёмах и балах. Они должны желать породниться с такой красивой и восхитительной принцессой, предлагая руку и сердце своих сыновей. Король Рейнальдо лично проследил за выбором премьерного платья и оценил, как его протеже будет в нём смотреться. Результат превзошёл все ожидания. В любимом и самом удачном для девушки из цветов — изумрудном, она смотрелась просто божественно, а самое главное, сама чувствовала себя уверенно. Пышные юбки воздушным облаком опускались до пола, сзади тянулся шлейф из более тяжёлой ткани в несколько рядов. Каждый заканчивался золотыми кружевами. На талии был стянут широкий пояс из крупных золотых пластин, инкрустированных изумрудами и янтарной россыпью. Глубокое декольте открывало шею, предплечья и грудь. Нежная шелковистая кожа светилась под увесистым колье, к которому Беллона даже не сразу привыкла, настолько оно было грузным. Изумруды на нём явно превышали размером десять карат, не говоря уже о том, сколько золота ушло на его оформление. Как олицетворение юности и невинности девушки, волосы оставили распущенными по плечам. Они струились ровным золотым каскадом до самых бёдер, играя всеми оттенками драгоценного металла.

Собственно, соперничать и конкурировать принцессе Феира, было не с кем, так как помимо неё дебютировали два юноши: младший сын самого короля Рейнальдо — Пауло, черноглазый и черноволосый принц, обещающий вырасти в настоящего красавца (уже сейчас он был, словно чертёнок, тормозил всех своих друзей и заводил проказы, да игры, не жестокий и не нахальный, но безумно беспокойный и неусидчивый), вторым являлся троюродный брат Беллоны — Астерикс, противоположной внешности своего оппонента, рыжий и светлоглазый, но такой же шумливый и активный, он уже был любимчиком в Южных ветрах. За его улыбку, умение развеселить, находить общий язык с людьми, как своего возраста, так и постарше, наследника Офеля ждали в кругах взрослого мира, предвещая большое будущее. О нём были наслышаны. Он сам знал о своей заочной популярности, но не робел перед тем, что от него многого ждут. Астерикс подготовился серьёзно, хотя особого напряжения не испытывал. С четырнадцати лет ему приходилось проявлять себя на вечерах в родной системе Южные ветра, а на Офеле принц стал центром внимания ещё раньше.

Габриэль, в шикарном голубом платье, вертелась рядом с подругой. Дора и Матильда шли чуть позади, одна полярная другой: невзрачная, неприметная и блёкляя виконтесса с яркой, роскошной, грациозной баронессой. Они направлялись к дверям, за которыми собрались сливки общества. Вот-вот их распахнут и перед ними предстанет ковровая дорожка, длиной около ста метров. По левую и по правую сторону будут находиться все приехавшие правители со свитами. Их взгляды, будто удары, пропустят проходящих мимо, как провинившихся через строй. Они обсудят, заметят, потолкуют. В конце ждёт королева Виктория и король Жерар вместе с самыми важными из приглашённых. Сейчас ими являлись император Голубого квазара Виталий Дьюс со своей четвёртой супругой, кузиной

Беллоны, Гвинет. О нём хотелось бы рассказать поподробнее, так как личность это колоритная и выделяющаяся.

Он был сыном бессмертной императрицы по имени Алма. Она родилась в 320 году и была дочерью одного князька, но добилась завоеваниями и войнами, которые возглавляла и организовывала, того, что стала правительницей целой планеты. Ставшая жертвой древнего проклятия, она лишилась способности стареть, болеть, меняться и умереть. Обозлившись на несправедливость жизни и на свою ужасную участь, она хотела завоевать Вселенную. Времени у неё для этого было достаточно. Однако, за полторы тысячи лет кровопролитий, резни, заговоров и разрушений, ей удалось завладеть лишь одной системой — Голубой квазар, которая состояла из четырнадцати планет, довольно-таки крупных, а одна из них, родина Алмы, превосходила по размерам все известные в обоих измерениях. Опомнившись от наваждения, длившегося почти шестнадцать веков, императрица-воительница начала восстанавливать то, что погубила за годы своего отчаянного поведения. Обретая заново друзей, знакомых, подруг и союзников, она отдавала в бразды правления самым преданным из них эти завоёванные планеты. Так и появилась сплочённая, влиятельная и самая могущественная система. Только Алма продолжала жить, а её дорогих людей уносила смерть. Их сменяли дети, поколение за поколением, которых бессмертная женщина продолжала поддерживать. Она отказалась от бремени власти, но её продолжали беспрекословно слушаться, как уважаемую и великую персону. Как будто в награду за то, что она исправилась, судьба даровала ей возможность родить ребёнка. Им и был Виталий. Его отец тщательно скрывался и никто не знал, кроме самой Алмы, кто же им был. Самая крупная планета Голубого квазара, родина императрицы и бывшего полководца в одном лице, стала владением её сына, как только ему исполнилось двадцать пять лет. С тех пор прошло больше чем полвека. Виталию исполнилось восемьдесят пять. За это время у него в жизни случилось огромное количество событий, которые прославили его если не больше чем мать, то не меньше точно. Алма всегда хотела, чтобы он ни в коем случае не состоялся как личность, похожая на ту, какой была она, поэтому пыталась удержать его от грехов и пороков, но от судьбы не уйдешь, и её наследник стал самым известным соблазнителем и совратителем своего времени.

Лучший друг Робина Второго, сексуальный и притягательный, ушлый и знающий, где и когда что нужно сказать — вот главные критерии, по которым можно составить о нём почти полное представление. Сделав молодой мамой одну хорошенькую принцессу, Виталий не противился женитьбе, которую организовала Алма, в надежде, что он остепенится. Но он и не думал этого делать! Напротив, это раззадорило его ещё больше на приключения и поиск недостижимых целей, таких как побывать в кровати самых красивых, недоступных и на вид похожих на лёд королев и принцесс. Что самое интересное — это ему без труда удавалось. Его поведение сыграло ему на руку. Вскоре его бедная супруга, изведённая непостижимой наглостью мужа, сама попросила развода, который ей быстро и с улыбкой на лице дал счастливый Виталий. Потом он полюбил (на самом деле просто увлёкся) дочь Стеллы Нордмунской, рыжеволосую бестию Стейси Назарову. Решающую роль сыграло, конечно же, то, чьей она была дочерью и повышение престижа того, кто сумеет завладеть её сердцем. Не прошло и месяца, как они поженились. Заведя двух детей, они развелись после непродолжительного брака. На этот раз причиной семейных неурядиц стала Стейси. Не далеко уйдя от матери, она устроила мужу такую «сладкую» жизнь, что первым не выдержал он и предпочёл свободу и холостяцкую жизнь позорной роли обманутого супруга.

Третьей его женой была именитая тётя Беллоны Минерва. Они встретились и полюбили друг друга после того, как за плечами у обоих уже был огромный опыт и прожита долгая жизнь. Она была младше его на тридцать три года, но никто не понимал друг друга лучше, чем они. Это была настоящая любовь, которая возникла не сразу, а прошла много препятствий, преград и разочарований. После смерти Минервы Виталий долго не мог оправиться и вернуться к прежнему, свойственному ему и его другу Робину, безрассудному поведению, азарту и авантюризму. Но, так как это был сильный и волевой человек, он смог преодолеть себя и начать всё заново.

Беллона была шокирована, когда узнала, что её кузина, дочь тёти Патриции, вышла замуж за императора, ведь ему тогда было под восемьдесят, а ей двадцать два. Ожидая найти в Виталии дряхлого старика, принцесса Феира поразилась, увидев краем глаза, когда он вылезал из экипажа, подъехавшего к замку, мужчину лет сорока, потому что больше ему дать было невозможно! Статный, презентабельный и вальяжный, он до сих пор нравился женщинам, и они стремились обратить на себя его внимание, но повезло только одной Гвинет, которая теперь с гордостью носила титул императрицы Голубого квазара. От наивных девушек и от той же Беллоны, скрывали её предысторию о том, как она взлетела так высоко, и рассказывали уже саму развязку — громкую свадьбу шесть лет назад, а то, что её дочери от Виталия было уже тринадцать, прилагалось как бы само собой.

Беллона очень хотела бы подружиться с кузиной, не столько из-за выгоды и значимости её персоны, сколько ради того, чтобы пообщаться с ней самой. Но, говорили, она стала чересчур высокомерна, и добиться её расположения не представлялось возможным. Легче было стать любовницей императора, чем подругой его благоверной. Сегодня предоставлялась возможность лично пообщаться с обоими.

Девушка с фрейлинами подошла к заветным дверям. У них её ждал король Рейнальдо, но и помимо него здесь столпился народ. Это были принцы Пауло и Астерикс со своими друзьями и попечителями. Беллона встала в стороне, так как совершенно не знала, как себя вести, она немного растерялась от неожиданности, что всё будет именно так. Она не представляла себе ничего другого, но и это всё было новым и непривычным. Распорядитель торжества начал выстраивать поочерёдность, с которой должны были заходить в бальный зал представляемые обществу. В сторону Беллоны посмотрел её троюродный брат и, заметив её замешательство, подошёл к ней. Астерикс не был фамильярным, но чувствовал, когда люди нуждались в поддержке.

— Привет, я заметил, что ты волнуешься. Первый раз на официальном межпланетном празднике?

Беллона удивилась до глубины души простоте обращения чужестранного принца. Она думала, что в Южных ветрах, о которых всё время говорил отец и куда попасть мечтал каждый, всё гораздо сложнее и напыщеннее. А тут, так запросто подходит и сам заводит знакомство.

— Да, я на самом деле впервые оказываюсь на подобном мероприятии. Мне приходилось бывать на вечерах у себя на Феире, но там я не выставилась напоказ для рассмотрения. Признаться, мне это не очень нравится. А вы?

— Давай сразу на «ты»?! Мы же ровесники, да к тому же, как-никак, родственники. Так что, зачем лишние условности? Можешь обращаться ко мне по имени. Если тебя не смутит, я тоже буду тебя называть Беллона.

— Хорошо, давай.

— Вот теперь могу ответить на твой вопрос. На самом деле я уже сто раз бывал в таких местах, на таких балах. Быть центром внимания я люблю, но когда меня оценивают — это, конечно, не очень здорово. Но ты не переживай, тут почти все прошли через это, многие только кажутся вредными и придирчивыми, а сами относятся ко всему с пониманием. Ты просто старайся сразу понять, кому что нравится, а кто на что реагирует неадекватно, а потом, следуя из этого, говори с ними на их языке. Понимаешь, что я имею в виду?

— Да, приблизительно. А разве обязательно начинать свою светскую жизнь с лест и лицемерия? Я думала, что честность и правда имеют большую ценность.

— Это всё верно, но быть хорошим и правильным можно только добившись веса и уважения среди таких же, как ты. А до этого нужно играть по чужим правилам. Именно в этом и состоит трудность. Иначе я бы вообще не переживал по этому поводу!

— А ты переживаешь?

— Немного. К тому же, я иду первым, потом ты, а потом уже Пауло. Кстати, после премьер я тебя с ним познакомлю, отличный парень.

— Вы с ним знакомы?

— Да, только что впервые пообщались, — засмеялся Астерикс.

— Какой ты контактный и смелый. Я бы не смогла вот так запросто заговорить ни с кем, даже со сверстниками.

— А зря! Когда ещё представится такая возможность? Стоит ещё немного повзрослеть и можно будет забыть об этом! Каждое знакомство и разговор будет вести за собой массу сплетен, а дружбу назовут романом. Родители попытаются обручить тебя с любым, на кого ты помотришь.

— Ты прав, всё-таки пока к нам ещё относятся, как к детям. А ты боишься помолвки?

— А я уже помолвлен. Мне невесту выбрали в пятилетнем возрасте.

Распорядитель подошёл к принцу и призвал его не задерживать церемонию. Астерикс махнул напоследок рукой и встал перед дверями, которые распахнулись. Шагнув в освещённый и шумный зал, принц, а за ним и четверо его друзей, исчезли из поля зрения Беллоны, так как двери за ними снова затворились. Девушка успела лишь увидеть многолюдную толпу, пеструю и разноцветную, от которой зарябило в глазах. После знакомства с наследником Офеля ей значительно полегчало. Теперь она знала, что ко всем её не многочисленным знакомым, по крайней мере, ещё одним доброжелательным человеком стало больше.

Вот и настала её очередь. Отступить некуда, да и незачем. Нужно побороть волнение и смело выступить перед собравшимися важными особами. Показать, что она равна им, а когда-нибудь, возможно, станет и выше кого-нибудь их них. Жаль, что не было никого с Олтерна, иначе Беллона бы показала этим Назаровым, что Карлеали ничуть не хуже. Пускай знают, что влияние Феира скоро поднимется на небывалую высоту, потому что она, его принцесса, сделает для этого всё от неё зависящее. Отец будет гордиться ей, а брат поймёт, как нужно себя вести достойному потомку Робина Первого, который когда-то отказался от всего ради своего государства, его величия и спокойствия. Благородные порывы Беллоны прервались воспоминанием о Дерекке Аморвиле. Стоило почувствовать себя настоящей дочерью короля, как опять перед ней появилась дилемма — честь семьи или любовь. Что выбрать? На сторону чего склониться? Ради чего она бы пошла на большие жертвы? Слава Богу, выбор был не срочный. Но если когда-нибудь он всё же перед ней встанет?

Двери снова открылись, отвлекая Беллону от ненужных размышлений. За ними

возникло горение тысяч свечей, которые ослепляли, отражаясь в зеркалах, позолоченных канделябрах, люстрах, рамах картин, мраморных колоннах, отполированном блестящем паркете, украшениях дам. Головы всех стоящих по обе стороны от ковровой дорожки повернулись ко входу. Сотни глаз устремились посмотреть на вошедшую. Король Рейнальдо, выйдя вперёд, объявлял её громкий титул, которого она, пытаясь сосредоточиться на своих движениях, походке и выражении лица, не слышала.

— Её высочество Беллона Карлеаль, принцесса Феирская, эрцгерцогиня Вермаша, Зарландии, Тесла, Альфы и Мильи...

Дальше шёл перечень всех именитых предков до пятого колена, который был довольно внушительным, но тоже пролетел мимо ушей девушки, старавшейся не сбиться с темпа шага. Не отводя взгляда от трона, расположившегося в конце зала, на возвышении, Беллона, величественной поступью направлялась прямо к нему. Стряхнув с себя туманность сознания, налетевшую на неё в самом начале, она поймала себя на том, что очнулась оттого, что услышала имя Стеллы Нордмунской, как всегда, привлёкшей её внимание. Дослушав речь, принцесса как раз остановилась перед правителями Вермаша и склонилась в глубоком реверансе. Фрейлины присели ещё ниже и замерли, ожидая продолжения. Король Медео поднялся на одну ступеньку и развернулся к внимательным зрителям, разом замолчавшим, и превратившим гул голосов в гробовую тишину.

— Дамы и господа! Миледи и уважаемые джентльмены! Я представляю вам свою подопечную, дочь славного короля Робина и благородной королевы Весты, которая сегодня вступает в наше с вами общество. Её высочество молода и прекрасна, примерна и добродетельна, прошу принять её, полюбить и оценить по достоинству. В свою очередь, я ручаюсь за неё, как за родное дитя и обещаю отвечать за её судьбу и честь, покуда буду в силах это делать.

Король Жерар жестом попросил отойти Рейнальдо в сторону, а Беллону подняться к ним на пьедестал. Девушка подчинилась и расположилась между тронном тётки и дяди. Повернувшись лицом к залу, она наконец-то заметила уже стоявшего в первом ряду улыбающегося Астерикса, у которого видимо всё прошло отлично.

— Мы принимаем ваше поручительство, — произнёс государь Вермаша, — и ждём согласия наших почётных гостей, императора и императрицы Голубого квазара.

Беллона увидела, как к ней приближается эта шумевшая пара. Превозмогая интерес и любопытство, принцесса постаралась не слишком откровенно рассматривать их и уважительно поклонилась, опустив голову.

— Встаньте, ваше высочество, — послышался повелительный мужской голос, очень приятный, низкий и бархатистый, но властный и прохладный. Девушка распрямилась и посмотрела ровно в глаза тому, кто к ней обращался. Они оказались зелёными, как у неё самой, только светлее и холоднее. Цвет напоминал больше морскую гладь, чем зелень листвы.

Император. Оказаться с ним рядом значило многое для людей, жаждущих славы и власти, только Беллоне это было неважно. Ей сейчас хотелось быстрее покончить с церемониалом и продолжить праздник в окружении родных и близких, а не пытаться понравиться этому человеку и заслужить его расположение. Однако мужчина, который при тщательном рассмотрении всё равно выглядел просто волшебным молодцом для своего возраста, явно заинтересовался красивой девушкой, представленной ему. Он как-то по-особенному глядел на неё, что принцессе не понравилось. На его лице завиднелось хищное выражение,

подобное лису на охоте. Протянув руку, Виталий молча предложил подойти к нему ближе.

— Разумеется, мы согласны принять такое сокровище. Наш свет просто померкнет, если оно к нам не присоединится. Тем более, если за её высочество отвечают головой такие почитаемые мной и моей супругой монархи, — не отпуская из ладони руки Беллоны, император подвёл её к императрице. Гвинет отдалённо походила на кузину, но была менее выразительной и приятной. Её светлые волосы были не золотыми, а такими же соломенно-солнечными, как у Робина Третьего и его братьев, а так же сестры Патриции, в которую и пошла Гвинет. Ещё они были, хоть и длинными, но совершенно прямыми, поэтому девушка забирала их в высокую причёску, а оттуда выпускала несколько локонов, которые накручивала и тщательно укладывала. Черты, хоть и аккуратные, но не выделяющиеся, она унаследовала от отца, короля Зарландии — Бернардо. В принципе, её можно назвать симпатичной, но для блестящих и пышных дворов и той жизни, которую она вела, Гвинет немного недотягивала. Куда больше на её место подошла бы Беллона...

— Мы рады, что вы, кузина, стали одной из нас, и мы теперь сможем лицезреть вас на приёмах, — холодно и пренебрежительно сказала императрица, равнодушно поглядев в сторону принцессы Феира и снова отвернувшись к своим фрейлинам, которых было море вокруг неё. Раздались громкие аплодисменты, чествующие признанную самыми влиятельными людьми Беллону. Как всё удачно и великолепно прошло! Наконец, хоть что-то не принесло ей неприятности, а только восторг и удовлетворение от успешно пройденного жизненного этапа. Девушка отошла с ковровой дорожки (всё так же сопровождаемая Виталием), потому что прозвучала труба, возвещающая о появлении следующего дебютанта. И хотя его поручителем был отец Беллоны, она не стала слушать и смотреть на очередное официальное действие, а попыталась смешаться в толпе, чтобы найти Энжел или Астерикса. Но её удержал окликом император.

— Куда же вы? Так быстро покинете меня и лишите своей компании?

— Я? Нет, что вы, просто мне ведь ещё предстоит кое-что сделать. После общего представления король Рейнальдо должен будет познакомиться меня лично со всеми присутствующими, мне бы хотелось подготовиться к этому. Наверное, знакомство займёт немало времени, — после завершения премьеры Пауло, Беллона действительно должна была поздороваться со всеми гостями Виктории Атики и её мужа, под чётким руководством короля Медео. Но только особой подготовки это не требовало.

— А мне показалось, что вы меня смутились? Или скажете, это не так?

Девушке всё меньше нравилось внимание императора Голубого квазара. Пока оно не было назойливым, но его настойчивость напрягала и без того накалённые нервы. Принцесса снова посмотрела прямо ему в глаза и постаралась ответить как можно решительнее:

— Признаюсь честно, я не ожидала столкнуться с тем, что вы окажете Феиру такую честь, уделяя мне столько времени. Поэтому, конечно же, я растеряна и смущена.

— У вас не получилось заставить меня поверить в вашу искренность. Вид у вас сейчас был явно не робкий. Если вы переживаете по поводу того, что кому-то вы можете не понравиться при личной беседе, в чём я сильно сомневаюсь, предлагаю свои услуги в качестве лица, которое будет вас всем представлять. Поверьте, если я буду стоять рядом, никто не посмеет даже косо посмотреть на вас.

— Благодарю, но я предпочитаю заработать симпатии своими усилиями, нежели вашим престижем и влиянием.

— Как знаете, но всё же, если вам что-то понадобится, только намекните...

Король Жерар позвал Виталия к трону, чтобы тот признал для общества принца Пауло, поэтому он не успел договорить, и, извинившись, удалился по своим светским обязанностям. Беллона вздохнула с облегчением. Она совершенно не знала, как и о чём разговаривать с такими важными особами, когда они этого хотят, а ты нет. Император вовсе не был противен ей, и откровенно не отталкивал от себя чем-либо. Мужчина был вполне обаятельным и с огромной долей шарма, но не для девушки, мысли которой снова вернулись к графу Аморвилу. Если бы он видел, как достойно она прошла это маленькое испытание! Как хорошо к ней отнеслись и даже сам сын легендарной Алмы! Что ещё, казалось бы, нужно для счастья?

Прошло всего несколько минут, и к Беллоне подошёл король Рейнальдо.

— Ну что, ваше высочество, вы готовы? Тогда идёмте, я представлю вас элите нашей галактики.

Последним Беллоне Рейнальдо представил своего старшего сына, наследника Медео — Ричарда Линкольна. Взрослее принцессы всего на два года, он не был так красив, как младший брат, и не выделялся тем обаянием и раскованностью, что сполна присутствовали в Пауло. Но зато юноша умел поддержать разговор, выслушать собеседника. Пребывание в высшем свете не лишило его застенчивости, умеренности и знания рамок приличия и дозволенного. Он не собирался покорять сердца элиты красноречием или другими методами и довольствовался тем, что порядочностью и умом заслужил уважение своих будущих подданных.

Оставив дочь в компании её фрейлин и двух принцев Медео с их свитами, Робин Третий отозвал короля Рейнальдо и пригласил его пройти в отдельный кабинет для разговора. Мужчины незаметно удалились из бального зала в поиске места, где можно было бы спокойно поговорить в непринуждённой обстановке. Найдя его, оба они уселись поудобнее на мягком диване.

— Послушай, Рейнальдо, вот о чём я хотел сказать тебе. Обе наши планеты находятся в одной системе. Мы с тобою соседи и сделали многое для того, чтобы стать не только компаньонами во всём, но и завязали крепкую дружбу. Ты знаешь, как давно Олтерн хочет сдвинуть Феир с мировой арены, а твои владения ещё только добиваются того положения, которое заслуживают. Нам не выгодно разрушать наш союз, да мы сами и не сделаем этого, потому что слишком хорошо относимся друг к другу. Но мы не вечны, а наших детей ждёт впереди долгая жизнь, которую они могут прожить замечательно, но могут и наделать ошибок, оступиться, не разобраться, как правильно поступить. Особенно я волнуюсь за своего сына. Пока он завоевывает расположение вне своей родины, Робин теряет поддержку своего народа, который иногда становится совершенно недоволен его поведением и отношением к нему. Ричард же напротив, снискал любовь и преданность жителей твоего королевства, но он не имеет и не ищет покровителей и товарищей среди других правителей. Мало этих проблем, так наши сыновья ещё и не нашли языка между собой! Они разные люди и вряд ли когда-нибудь смогут понять один второго. Я боюсь, что когда меня не станет, соседство Феира и Медео из взаимно полезного превратится во взаимно никчёмное. Что ты думаешь об этом?

— Ты словно прочёл мои мысли! Я сам уже подумывал об этом и вспоминал старые наши разговоры о том, что когда-нибудь стоит обручить наших детей, породнившись таким образом. Ричард правильный и понимающий сын, но как бы я ни желал ему брака по любви и собственному выбору, он согласится и смиренно выполнит моё повеление взять в супруги Беллону. Хотя, я думаю твою дочь нетрудно полюбить даже с первого взгляда. Я рад, что являюсь её попечителем, так как сильно переживаю за её броскую красоту, мимо которой не каждый пройдёт, не потеряв самообладания. А теперь я имею полное право присмотреть за ней.

— Что ты хочешь сказать? Моя девочка сама никогда не позволит себе ничего лишнего или порочащего!

— Робин, Робин, не кипятись! Я совсем не это имел в виду! Я не сомневаюсь в

непорочности и чистоте твоей дочери, но просто сегодня произошло кое-что, что не ускользнуло ни от одного присутствующего при премьере Беллоны человека. Пока ты и Пауло готовились к дебюту за дверями, ты как раз и просмотрел то, что случилось.

— Боже, не томи, говори же, что такого страшного или необычайного стряслось?!

— Виталий Дьюс, вот что стряслось. Этот неисправимый ловелас и юбочник положил глаз на твою дочь.

— Что?! Этого не может быть! Как бы он не выглядел, не знаю уж, что он для этого делает, но он же настоящий старик! Ему одной ногой в могиле стоять, а он засматривается на молодых девушек, и не просто на девушек, он кинул свой похотливый и пресыщенный взгляд на мою Белл, это юное и нежное дитя...

Робин Карлеаль осёкся. Возмущение и ужас, возникшие на первых порах, стали утихать и начал работать мозг. Ум и хитрость, выгода и корысть. Разумеется, он никогда в жизни не пойдёт на то, чтобы его дочь была обесчещена этим подлецом и негодяем. Но! Но каким бы он ни был человеком, он оставался императором Голубого квазара, одним из самых могущественных из ныне живущих людей. Кто мог ему противостоять? Только Южные ветра, Небесная даль (это место, где когда-то правили короли тьмы, подчинившиеся силам зла, создавшие Тёмную армию и желавшие захватить мир), Кристалл и Ледяная, закрытые системы, в которых правили бал «золотые» и их таинственный Лео, да и Заседание Министров и Представителей власти всех держав. Вот, пожалуй, всё. А сам Робин Третий продолжал быть сыном Робина Второго, покойного лучшего друга Виталия Дьюса. Так неужели он не сможет повернуть то, что ему сейчас пришло в голову? Коли император женился в четвёртый раз, что ему помешает развестись и жениться пятый? Эта Гвинет...она хоть и приходилась королю Феира племянницей, но была слишком далека ему по духу и по всем остальным понятиям, чтобы он мог иметь от неё какую-то выгоду. К тому же она была в десятки раз хуже Беллоны и, можно сказать, силой, упорством и неприкрытой наглостью женила на себе Виталия. Плюс к этим пунктам из её реноме, далеко не украшающим Гвинет, она вообще зазналась и практически перестала общаться с родственниками, принимая их за «недостойных». Так-так, неплохая перспектива проявлялась на горизонте. Ну и что же, что старик, но ведь выглядел он вполне нормально и не полностью растерял былой лоск. А как можно было утереть нос олтернцам! Король Элиос сойдёт с ума от зависти. Он использует все возможности и связи, чтобы предотвратить этот взлёт Феира на небывалую высоту. Только сделать ничего так и не сможет. Как хотелось бы поторопить будущее, чтобы уже купаться в счастье и радости от исполнившейся мечты и сбывшихся надежд. Осталось подготовить саму Беллону. Ей предстояло выполнить нелёгкую задачу — очаровать императора настолько, чтобы он согласился окунуться в молодость и пойти под венец в пятый раз.

Напротив Робина сидел его хороший друг. Только что они строили совместные планы и вот, один уже сомневался, так ли ему это всё нужно. Зачем нужна была помолвка с каким-то наследником-тихоней Ричардом, когда можно попробовать выдать замуж дочь за императора Голубого квазара? Рейнальдо принял задумчивость короля Феира за растерянность оскорблённого отца, не знающего, что предпринять для спасения репутации своего ребёнка.

— Робин, ты не переживай так! Я глаз не спущу с Беллоны. А если мы объявим, что скоро принц Медео и принцесса Феира станут женихом и невестой, император поостынет.

— Постой-постой! Ты, конечно же, прав. Я и сам впредь не отойду ни на шаг от Белл,

но с помолвкой я бы не стал так спешить. Пусть твой сын и отнесётся с пониманием к твоему решению, но я и Веста обещали Беллоне, что она сама сможет выбрать себе супруга, поэтому категорическое моё заявление о решённом её браке могут травмировать и сильно расстроить её. Мне нужно сначала поговорить с ней, так сказать, проработать с ней этот вопрос. Она покладистая девушка, но всё-таки ранимая. А император? Думаешь, такое наше поведение понравится ему? Ничего дороже чести нет, но если есть возможность решить всё без инцидентов и с минимальными потерями, то почему бы так ни сделать? Зачем злить Виталия понапрасну?

Довольные собой мужчины расстались в мире и согласии. Робину Третьему было над чем подумать на досуге. Сказав, что Беллона покладистая девушка, он сильно преувеличил. Представить, какой гнев и злоба овладеют принцессой, когда она узнает о мыслях отца на её счёт, не составляло труда. Её возмущение не будет знать предела. И если уговорить дочь отнестись к свадьбе с Ричардом смиренно ещё можно было, то выйти замуж за восьмидесятипятилетнего мужчину Беллону оставалось только заставить. Но, может быть, девушка не настолько в этом плане глупа, как её старший брат, чтобы не понять, какая польза и какие преимущества ожидают не только её саму, но и её родину, если она поступится своими предубеждениями, свободой и попридержит свой необузданный нрав при себе. Оставалось подготовить благодатную почву. Подговорить кого-то из друзей принцессы побеседовать с ней на эту тему. С кондачка такие дела не решаются.

Рассматривая всё со всех сторон, взвешивая все «за» и «против», Робин обдумывал, что же такое послужит главным аргументом в пользу Беллоны, чтобы Виталий Дьюс окончательно и бесповоротно ей очаровался. Прожившего такую насыщенную и долгую жизнь трудно чем-либо удивить или привлечь. Тем более что большую часть этой долгой жизни он только и делал, что заводил романы и интрижки. Видевшему самых прекрасных и великолепных женщин вряд ли понадобится связывать себя с пока ещё почти неизвестной принцессой. Этому нужен был веский довод. И на этом месте король Феира внезапно остановился. Как же он сразу не понял и не обратил на это внимания! Ведь Беллона была племянницей Минервы, той самой, одной единственной из многих, которую любил император Голубого квазара. В груди у Робина защемило. Он и сам когда-то любил эту отвергнутую всеми красавицу. Если бы не его мать, он женился бы на ней, а не на Весте. Всё прошло, и остались только приятные, но печальные воспоминания. Он не раз замечал, что хотя Беллона совершенно на неё не похожа на первый взгляд, в её мимике, голосе, манерах всегда отдавало чем-то от Минервы. Та была темноокой брюнеткой, с ямочкой на подбородке, белокожая. Беллона же златовласая, смуглая, и даже форма лица другая. Но вот само выражение глаз и губ, особенно когда она настаивает на чём-то или сердится. Нос, да он тоже больше похож на нос Минервы, чем кого-то другого; ровный, чуть узкий и каплю длинноватый, с небольшой горбинкой. И изгиб бровей! Точно, они были точь-в-точь как у покойной тёти. Тёмные, от переносицы идущие плавной дугой, а потом преломляющиеся и резко взмахивающие вверх. Они так красиво открывали глаза и подчёркивали их!

Вспомнив судьбу бедной Минервы, Робин устыдился того, как хотел использовать дочь в своей политике. Нет, как он вообще мог такое придумать! Боже, не дай Беллоне повторить даже половину из того, что сделала сестра его жены. Рейнальдо прав, и нужно как можно дальше держать Виталия от дочери, пока не случилось ничего недоброго. Если тот тоже заметил сходство принцессы со своей умершей третьей супругой, он может постараться сделать из неё что-то подобное. Король поспешил в бальный зал, откуда доносилась музыка.

Принцесса Феира тем временем вальсировала с Ричардом. Он приглашал её уже на второй танец, найдя девушку интересной, разумной. С ней было о чём поговорить. По привычке и своему научно-духовному складу, принц не обращал внимания на внешнюю красоту собеседницы, увлекаясь только её внутренним содержанием. А оно тоже было весьма приятным. Совершенно не настроенную по началу на танцы Беллону развеселил Астерикс, присоединившись к их компании со своей свитой и рассказывая уморительные ситуации, с которыми ему приходилось сталкиваться, а так же ироничные и курьёзные случаи из светской жизни. Потеряв после первого вальса своих фрейлин, кроме Доры, из вида, Беллоне больше ничего не осталось, как развлекаться в мужском обществе, так как Энжел тоже кружилась среди кавалеров и принцев. Как хорошо, что рядом был Ричард, Пауло и троюродный брат! Они не только скрасили одиночество девушки и отвлекли её ото всех мрачных мыслей, но и послужили надёжным укрытием от императора Виталия, который, и Беллона это видела, весь вечер продолжал кидать в её сторону пламенные красноречивые взгляды.

Король Робин увидел, что его дочь находится в том окружении, котором ему и хотелось, что Виталий Дьус держится от неё на расстоянии, а сама она улыбается и радуется, чего он не замечал уже довольно долгое время. Успокоившись, умиротворённый монарх направился дальше по своим делам и знакомым.

В зале становилось душно. Не из-за того, что на дворе стояло лето — в этих местах оно было довольно прохладным, — виной жары являлось скопление людей и множество горящих свечей. Беллона, с непривычки, быстро устала от веселья, шума и танцев, которых уже сплясала почти десяток. Наследник Медео предложил выйти ей на балкон и вдохнуть свежего ночного воздуха. Приближалась полночь. За Ричардом и его юной спутницей последовали Пауло и Астерикс. Все трое молодых людей отпустили сопровождающих их дворян, дабы те могли сполна нарезать и получить такое же удовольствие от праздника, как и их господа. К своему удивлению и недовольству, на балконе принцесса Феира встретила виконтессу Леонверден. Та прохлаждалась вместе с молодым мужчиной милой наружности, который что-то шептал ей на ухо, а девушка кокетливо смеялась и жеманно отводила глаза. Беллона хотела подойти к подруге и прекратить этот глупый флирт, так полюбившийся Габриэль, но, вспомнив свою промашку на маскараде в честь дня рождения отца, для начала всё же поинтересовалась, кем был этот человек благородного вида. Единственным осведомлённым оказался, почти как и во всех отношениях касательно элиты и высшего общества, Астерикс.

— Это мой сосед, принц Эммануил де Леви. Ты переживаешь за подругу? Не волнуйся, он на самом деле очень сдержанный и порядочный, прекрасно воспитан и относится к легкомысленным девушкам отрицательно. Но вот немного алкоголя действует на него плоховато и он способен на то, что никогда бы не позволил себе на трезвую голову.

Беллона сразу прикинула, что, стало быть, Габриэль начала это знакомство первой. По всей видимости, ей понравился очередной объект, а, узнав, что он к тому же и будущий король в Южных ветрах, девушка набралась смелости и подошла к нему. К её счастью, он, как и предположил Астерикс, уже успел выпить, поэтому отнёсся к её решительности без обид и без предвзятости.

— Астерикс, значит, я могу не волноваться за честь и достоинство Габи, если он такой положительный?

— Я бы не сказал. Дело в том, что у него скоро свадьба, поэтому он пытается

нагуляться. Супружеская верность для Эммануила — табу, которое нельзя переступать, так что рано начавшийся затяжной мальчишник может затронуть и твою подданную.

— Отлично! Снова она ввязывается туда, куда не стоит. Подождите меня здесь, сейчас я заберу её, и мы вернёмся на бал, — Беллона, поражающаяся тому, что у неё здравомыслия больше, чем у Габи, несмотря на то, что та была на год её старше, ринулась на защиту репутации подруги.

Виконтесса в свою очередь успела опустошить три бокала шампанского. Её всегда приподнятое настроение било ключом ещё сильнее обычного. Поэтому когда к ней подошла принцесса и попросила присоединиться к их компании, Габи среагировала неадекватно, проявив крайнее упорство и несговорчивость.

— Габи, ты что не понимаешь, чем может закончиться твоё поведение? Тебе не надоело вести себя неподобающим образом? — Беллона заметила лёгкое опьянение будущей графини Нови, от чего пришла в настоящее бешенство. — Я сказала, что мы уходим, значит, мы уходим!

— Что? Ты будешь мне приказывать? А я думала, что с друзьями обращаются не так!

— Я пыталась нормально тебе всё объяснить, но ты же даже не слушаешь! Твоя легкомысленность заведёт тебя далеко, причём совсем не туда, куда бы тебе хотелось! — заметив, что принц Эммануил косится в сторону девушек, Беллона извинилась перед ним, отвела Габи чуть в сторону и заговорила тише, — чего ты пытаешься добиться этими своими выходками?

— Какими выходками? Я не делаю ничего плохого, просто провожу время так, как мне нравится, в то время как ты следуешь не призывам своего сердца, а мнению посторонних людей. Ты поддаёшься влиянию тех, кому никогда не оказаться на твоём месте и кто не знает, что тебе лучше и что тебе нужно, а всё равно советуют!

— Ты говоришь ерунду! Просто я ответственнее, чем ты, и никогда не нарушу правил приличия, не огорчу своим поведением родителей, не стану перечить тем, кто старше меня, а потому мудрее и может оказаться прав. Подумай, что бы случилось, если бы тогда, перед отъездом рыцарей, я не послушала тётю Сивиллу и помчалась проводить Дерекка? Да меня бы здесь и близко не приняли, потому что, я не сомневаюсь в этом, слухи о такой взбалмошной принцессе быстро бы достигли ушей сплетников во всех краях.

— Очень хорошая тема. Давай поговорим об этом. Твой Дерекк плевать хотел на то, что ты вся такая правильная и порядочная и ускакал за своей «идеальной» Стеллой Нордмунской. А не мне тебе рассказывать, какой она была! Так вот нечего мне говорить, что и как, когда ты сама с радостью бы последовала примеру своей легендарной прапрабабки!

Беллона смотрела на Габи и понимала, что та права. Но за то, что та откровенно высказала потаённые мечты и думы девушки, она обиделась на неё и не хотела больше разговаривать. Она задела самым грубым образом только начавшую затягиваться рану. Стоило ей накануне убедить себя в том, что Дерекку просто не через кого было связаться с ней, как её хрупкое убеждение рухнуло, разбившись вдребезги. Бернардо Тревор перечислял ей, среди прочих недостатков рыцаря, его безумную и единственную любовь к безвестно пропавшей Стелле. Нужно было взглянуть правде в глаза — мужчина, любящий подобную женщину, никогда всерьёз не отнесётся к увлечению молодой неопытной девушкой. Но что ей-то делать со своим чувством? Она не могла просто взять и выкинуть Дерекка из головы. Она не могла полюбить другого, не могла справиться с воспоминанием о лице графа, о его фигуре, запахе, голосе. Его силуэт так и маячил то там, то тут. Как он целовал ей руку после

охоты, как нёс тогда на руках...как пытался поцеловать тогда на балконе и обещал вернуться! Беллона поняла, что сейчас тоже стоит на балконе, но рядом нет его. Много мужчин, их лиц, костюмов, фраков, камзолов, но среди них нет ни одного, который бы смог заменить Дерека хотя бы на сотую часть! Из очей принцессы полились слёзы. Снова вернулось это состояние, от которого она тщетно пыталась избавиться. Повернувшись к Габриэль спиной, девушка сорвалась с места, и чуть не сбив с ног Астерикса, который хотел поинтересоваться, что произошло, убежала с бала в самый его разгар.

Отослав Дору обратно на праздник, единственную, кто последовал за ней по пятам, Беллона осталась совсем одна-одинёшенька в спальне. Горькие рыдания душили принцессу, а обида на Габи сменялась ненавистью к самой себе, хотя желания поговорить или даже видеть подругу по-прежнему не было. Кто виноват во всех её горестях? Никто кроме неё самой и её воспитания. Если бы она была другой, то либо она не влюбилась бы в Дерека, либо он полюбил бы её! Но ни одного из двух вариантов не произошло, а случился третий — она безответно, страстно и преданно поддалась пожирающему всю её чувству. И если не принять каких-то кардинальных мер, ничего не изменится. А что она была в силах сделать? Из графа Аморвила в жизни не выйдет не то что монах, но даже примерный супруг или, пусть и холостяк, но не ищущий приключений и не готовый на всё ради опасности, азарта, авантюры, риска. В двадцать четыре года пытаться повлиять на характер мужчины уже бесполезно. Это она ещё несформировавшаяся личность, которая, как верно, пусть больно и неприятно, заметила Габриэль, поддаётся влиянию людей. А может быть выход здесь? Ведь ей, Беллоне, ещё не поздно измениться! И совсем не в лучшую сторону, чтобы устремиться к идеальной безгрешнице. Да и для чего она будет тогда идеальной? Добродетельная и смиренная девушка подходит только для монастыря, в котором нет соблазнов и искушений, а в жизни всё совсем иначе. Правильно говорила тётя Сивилла, что жизнь без ошибок — это скучно, что ненужно подстраиваться и пытаться кого-то подделать под себя, нужно делать то, что нужно для твоего блага, при этом, не вредя другим. А кому бы навредило дурное поведение принцессы Феира? Подумаешь, полюбила графа, вышла за него замуж. Что другим с этого, кроме новой сплетни и скандала? Всё со временем забывается, заглушённое очередными слухами и пересудами. Зато Беллона будет счастлива, ведь ей не нужно ничего кроме любви Дерека. А как её добиться? Ответ был прост, и девушка его давно знала — нужно уподобиться Стелле Нордмунской. Господи, но как же, как? Вот она и пришла к тому, чего меньше всего хотела, чего в глубине страшилась и о чём предупреждала Мария: интересуясь тем или иным человеком, невольно начинаешь ему соответствовать. Беллона вдруг осознала, что, несмотря на всё своё любопытство и любознательность, она совсем ничего не знала о своей прародительнице. Да, какие-то главные исторические события, основные даты, самые громкие её проделки, но ничего из личного, частного. Теперь девушка поняла, почему так важен был дневник Стеллы для всех её поклонников, почитателей или даже последователей, если такие были, конечно. Хотя, что далеко ходить, конечно, были, по крайней мере, одна — её родная тётя Виктория. Вопреки всем своим стараниям, она не стала такой же, как прабабка, но знала про неё много. Одни угрозы о внезапном исчезновении чего стоили! У неё даже литература о Стелле имелась, написанная фаворитами, друзьями или просто современниками той. Что ж, нужно было заглянуть в эту маленькую отдельную библиотеку, посвящённую всего одной личности, а потом поговорить и с самой тётей. Завтрашний день нужно полностью посвятить этому, так как потом начнётся подготовка к отъезду и будет уже не до того. В дверь постучали. Беллона сделала

растерянное движение, желая вытереть мокрые щёки, но за своим раздумьем не заметила, как давно уже перестала плакать, и что её лицо стало сухим. Кинув взгляд в зеркало, она, однако, нахмурилась, так как глаза были ещё красными. Ну и ладно! В конце концов, все близкие, кроме которых некому собственно придти в столь поздний час, не являлись теми, от кого нужно скрывать свои эмоции. Ведь слёзы можно объяснить, как угодно. Повернув ключ в замочной скважине и, не спрашивая, отворив дверь, Беллона вздрогнула, обнаружив за порогом незнакомого мужчину лет сорока.

— Доброй ночи, сударь, чем могу быть полезна?

— Позвольте представиться, я князь Дмитрий Рейнтфилд. Я пришёл от императора Голубого квазара, чьим вассалом являюсь, который приглашает вас для дружеской беседы...

— В такое время? — первой мыслью Беллоны было швырнуть что-нибудь тяжёлое в этого нахала и ещё более тяжёловесное в его суверена. Её недоумение и гнев готовы были вырваться наружу в качестве пощёчины, бранных слов, криков, но, приученная быть сдержанной, принцесса просто смерила презрительным взглядом князя и произнесла: — извинитесь за меня перед императором, но я уже сплю.

Дверь захлопнулась. Каков наглец! Посылает таких же старых, как и он сам, сводников, и ещё смеет надеяться, что ему не откажут. И пусть думает, что хочет, когда ему передадут её слова, но при этом уточнят, что Беллона была одета, свет в комнате горел, а ко сну она отходить ещё даже не собиралась. Но, стоп! Если она собиралась меняться в худшую сторону, быть развратной и распущенной, откровенной и порочной, то зачем откладывать на завтра? Лучшее время для этого — ночь! Беллона быстро открыла дверь опять и окрикнула уходящего:

— Пойдите, князь! Подождите минуту, я только накину что-нибудь, в замке ужасные сквозняки...

Покои императора Голубого квазара расположились в другом конце замка от покоев Беллоны, идти туда пришлось через множество коридоров и комнат, пустых и людных, тёмных и светлых, холодных и тёплых. По этой причине девушка закуталась в длинную накидку с капюшоном, чтобы ни её одеяния, ни лица никто не увидел. К чему после первой же попытки изменить себя и жизнь оставлять за собой скандал? Нет уж, узнанной Беллоне быть совсем не хотелось. Тем более в сопровождении какого-то поверенного Виталия Дьюса её могли встретить родители, а этого ей было не нужно. Они после такого отчаянного поступка дочери точно не дали бы ей впоследствии осуществить задуманное — сравняться со Стеллой Нордмунской.

Если бы не тот несчастный поцелуй месяц назад, Беллона, возможно, никогда не решилась на подобное. Но после того как она испытала муки ощущения, будто предала Дерека и изменила ему, ей стало легче представить, что она снова окажется столь же близко с другим мужчиной. Разумеется, девушка ещё не знала, насколько близки бывают мужчина и женщина, поэтому и решилась на такое безумство. А насчёт очередного поцелуя... что ж, первый был хоть и не с тем, с кем хотелось, но назвать его неприятным Беллона не могла, не соврав себе. Когда она полностью успокоилась и проанализировала его, то честно себе призналась, что ей понравилось. Может, потому что она не видела лица незнакомца и приняла его за желаемого графа, а может потому, что он на самом деле умел отлично целоваться. Откуда знать, ведь сравнить было не с кем. Поэтому Беллона и думала, что с лёгкостью повторит свой печальный опыт, если пожелает. Ничего отталкивающего в Виталии не было. Да, морщинки вокруг глаз, одна глубокая на переносице и одна на лбу выдавали возраст, но всё остальное выглядело вполне сносно, если ни сказать привлекательно. Особенно улыбка. Ослепительно белоснежная, надменная и лукавая. Иногда она была снисходительной и ужасно обворожительной в этот момент. Именно она служила главным украшением императора и делала его гораздо моложе. Кожа так же была не старческой, а гладкой и упругой. «Да что я вообще морочу себе голову! Подумаешь, восемьдесят пять! Это глупый стереотип, считать по календарным годам. На некоторых планетах, как я слышала, люди живут и до двухсот лет, поэтому, конечно, там бы Виталия приняли за юнца. А уж по сравнению со своей матерью, он, наверное, и впрямь мнит себя мальчиком. Появись сейчас перед Дерекком или любым другим его братом по ордену Стелла, выглядящая, как молодая, они бы наплевали на то, что ей на деле перевалило за сотню и наперебой пытались завоевать её! А она сама? Стала бы она отказывать императору Голубого квазара в его ухаживаниях? Сильно сомневаюсь». Ах, как сильно ошибалась Беллона, думая, что её прапрабабка связывалась с мужчинами только из корысти, ради славы и денег. В действительности, той просто всегда везло в том, что оба её интереса — получение власти и удовольствий, не расходились по разным дорогам, а шли бок о бок один с другим. Но Виталию она бы точно ответила взаимной страстью, жаль пропала, когда ему ещё не исполнилось и семнадцати. «Интересно, как первый раз поцеловалась Стелла? Наверняка не так странно и чудно, как я. По слухам, она вообще встречалась с мужчинами с четырнадцати, за семь лет до того, как вышла замуж! И скольких эта дамочка успела сменить за эти годы? Наблюдая за Габи, можно предположить, что уйму. Одна я, как

дурочка. Хм, кстати, Бернардо сказал тогда, что тем юношей, с которым произошёл мой казус десятого июня, был принц Голубого квазара. А что, если это внук императора? Насколько мне не изменяет память, из уроков мадам Бланж о современной политике я помню, что там всего семь принцев. Четверо из них младше меня, а два из оставшихся сыновья наследника Виталия, его единственного законного отпрыска мужского пола от брака со Стейси Назаровой. Вот так-так. Что-то эти Дьюсы никак не дадут мне покоя».

Беллона и князь Рейнтфилд дошли до конечной цели. Остановившись у двухдверного входа в императорскую спальню (ему выделили самые роскошные и просторные апартаменты из всех гостей), Дмитрий без предупреждения вошёл внутрь, и, как расслышала девушка, сообщил, что её высочество принцесса Феирская здесь. Изнутри раздался голос, тот самый, низкий и бархатистый, но не такой прохладный, как тогда, когда Беллона впервые его услышала. Он нетерпеливо приглашал впустить ночную гостью и приказал князю удалиться. Юная леди, уняв дрожь и приняв как можно более равнодушный вид, несмело остановилась на пороге, но её заставила его переступить захлопнувшаяся за спиной дверь, которая слегка подтолкнула Беллону. Навстречу ей поднялся с дивана Виталий, галантно поцеловав девушке руку и усадив её рядом с собой туда, откуда только что встал. Перед этим он принял плащ с её плеч и аккуратно повесил его на спинку стула.

— Я безумно рад, что вы согласились прийти и составить мне компанию. Но что это? Вы плакали? Кто вас обидел? Если это Дмитрий, я немедленно прикажу наказать его!

— Нет, что вы! Ненужно никого наказывать! Просто камин в моей комнате задымил, вот у меня и заслезились глаза, — как хорошо, что Беллона заранее продумала эту отговорку, без замешательства и запинок она прозвучала вполне правдиво. Император, увлечённый чертами принцессы и очарованный её появлением, которого он, конечно же, ждал, но всё-таки сомневался, что она придёт, не смел усомниться в неподдельности слов девушки.

— Даже если вы приняли моё приглашение только ради того, чтобы покинуть свои покои, в которых невозможно было оставаться, потому что всё там заполонил смог, я всё равно рад вашему присутствию.

— Как вы могли заподозрить во мне такое коварство?! Разумеется, я пришла к вам, потому что мне хотелось с вами пообщаться и потому, что вам хотелось пообщаться со мной, — Беллона произносила каждое слово с натянутой улыбкой, которая в глазах растаявшего от восторга Виталия выглядела столь же искренней, как и сами фальшивые фразы. Он и сам сиял от удовольствия.

«Неужели он принимает всю эту чушь за чистую монету? Неужели считает, что понравился мне? А я ведь, кроме как уважение, вряд ли смогу что-нибудь к нему почувствовать. Да и он сам, чего хочет от меня? Как могла ему понравиться девушка, которая годится ему во внучки? Может, он испытывает ко мне чисто отеческую, покровительственную привязанность, возникшую у него от жалости или ещё от чего-нибудь? Я, наверное, выглядела так неуверенно и трусливо, что он, человек влиятельный и могущественный, решил взять меня под свою опеку». С другой стороны, Беллоне на самом деле интересно было поговорить с Виталием. Он столько мог рассказать ей. А уж сколькому научить! Совсем мальчишкой император видел Стеллу, её супруга Элиоса Второго. Он застал живым Робина Первого, основателя ордена, так увлекшего принцессу. В конце концов, он был мужем тёти Минервы, о судьбе которой Беллоне упорно не хотели рассказывать в подробностях. А захочет ли Виталий, с трудом забывший свою тоску о потерянной любви? Поговаривали, что если бы не эта трагедия, мужчина никогда бы не

постарел даже на год и всегда бы выглядел прекрасным молодым юношей.

Беллоне повисшая тишина казалась неловкой, но нарушить её она не смела, да и не знала, о чём завести разговор. Начали возникать разные страхи; кто-то мог зайти сюда, кто-то мог видеть, как она направляется из своих покоев в покои к императору. Опять вернулось угрызение совести по поводу Дерека, но принцесса быстро отмела его, утверждая сама себе, что её преданность не нужна ему. Виталий Дьюс, насмотревшись на юную доверчивую красавицу, оказавшуюся рядом с ним среди ночи, заговорил на отстранённую тему.

— И как вам ваша премьера? Всё прошло, как вы хотели? Или что-то, может быть, не понравилось?

— Всё прошло замечательно. Я не ожидала, что ко мне так по-доброму отнесутся почти все, кому я была представлена. Я представляла высший свет немного другим, суровым и жестоким, а людей из него язвительными и презиравшими всех других. Однако почти сразу мне удалось обрести новых друзей.

— Это великолепно, что вы так просто нашли общий язык с некоторыми сливками нашего общества. А вот насчёт того, что все они были искренними в своих улыбках и распротёртых объятьях, я бы усомнился. Остерегайтесь делать поспешные выводы. Просто вы пока не дали им повода для проявления их истинного лица. Но стоит лишь слегка оступиться и тут сразу сполна откроется вся сущность и вся зависть, которую, скорее всего, сегодня многие испытали к вашей молодости, красоте и перспективному будущему. Вы научитесь видеть это, как только хоть раз столкнётесь с человеческой ненавистью и злобой. Хотя желаю вам лучше этого не знать в своей жизни.

— К сожалению, я уже испытывала на себе нечто подобное, — Беллоне вспомнился печально отличившийся граф Бенк, покушавшийся на неё дважды. Он сейчас был на Астере, куда уехал вместе с принцем Робинотом и рыцарями, но остался там, даже когда они вернулись к своим дальнейшим делам. С какой целью он хотел убить её? Зависть, ненависть, мимолётное помешательство? Как хорошо, что это осталось в прошлом.

Император прочёл на лице Беллоны неподдельную тревогу и беспокойство. «А эта девушка уже успела что-то пережить, и не настолько наивна и беззаботна, насколько бывают принцессы в шестнадцать лет» — подумал Виталий. И это открытие ещё больше зацепило его. Было удивительно в ветреной и легкомысленной девушке, бегущей по первому зову к мужчине, найти вдумчивость и некий трагизм.

— Может быть, расскажете мне как-нибудь о своей судьбе? И об этом случае...

— Может быть, ваше величество. В другой раз, когда будет настроение...

— Значит, вы не исключаете, что мы ещё встретимся?

Беллона не знала, что ответить. Не сказать же, что ей не хочется слишком часто с ним видеться! Хотя пока он ничего такого не сделал, что бы заставило принцессу расхотеть видеть его вовсе. Ей было неловко в обществе такого человека, умудрённого жизнью и развращённого могуществом, находящимся в его руках с самого его рождения.

— Ваше величество, всё зависит не только от желания людей, но и от случая и других факторов, неподвластных обычному человеку, — Беллоне показалось, что такое расплывчатое объяснение максимально нейтрально и не даст императору никаких поводов для лишних мыслей. Оно не должно побудить его к действиям и заронить надежду на взаимность (если, конечно, Виталий именно этого хотел от принцессы).

По выражению лица мужчины, однако, можно было предположить, что он всё понял так, как ему то заблагорассудилось. Видимо, слова девушки пришлись по душе этому

женолюбцу. Беллона снова почувствовала себя неуютно. Почему её угораздило даже теперь, подражая Стелле Нордмунской, попасть впросак? О чём бы та стала говорить с женщиной, о чём не может она?

— Да, а почему собственно мы говорим обо мне? Давайте о вас? Расскажите что-нибудь интересное из своей жизни. Наверняка было что-то, что вам запомнилось. Я ведь видела пока не так много, а с родины так и вовсе выехала впервые. А вы успели повидать свет!

— Вы правы, но я думал, обо мне и так столько говорят и сплетничают, что ничего нового вы не узнаете. И чем я могу таким поделиться с вами, что стоило бы внимания?

— Признаться честно — я совсем ничего про вас не знаю, за исключением банальных вещей из вашей биографии. Но разве из дат и событий можно составить представление о человеке?

— Нет, конечно, нельзя. В этом вы тоже правы. Так, что бы вы хотели услышать обо мне? Спрашивайте, я постараюсь быть предельно откровенным, чего не делал уже довольно давно, — император располагаясь улыбнулся. Это всегда сбавывало как обезоруживающее средство на представительниц слабого пола. На Беллону, быть может, это тоже могло бы подействовать, если бы она не знала сэра Дерека и если бы не сравнивала с ним каждого мужчину, от мала до велика. Поэтому девушка не растерялась и задала не какой-нибудь глупый и пустой вопрос, а издали решила приблизиться к тому, что её интересовало. Впрочем, такого было огромное множество.

— Расскажите о своей семье.

Виталий немало удивился неожиданному направлению любопытства своей собеседницы. Но, несмотря на все свои пороки и хитрость, он никогда не нарушал слова, поэтому не отступил и был, как и обещал, откровенен.

— Боюсь вас огорчить, но я знаю о ней не больше, чем это знает любой другой. Мой отец мне неизвестен, а мать порой кажется совершенно чужим человеком, несмотря на то, что она раньше, в моей молодости, часто проводила со мной время, давала уроки жизни, советы, нравоучения. Ничего из её слов я не усвоил и жил так, как считал нужным. Совершенно в этом не раскаиваюсь, так как считаю, что из всех своих ошибок и передраг, в которые мне случалось попадать, извлёк больше пользы и умных выводов, чем если бы следовал книжным и словесным мудростям. А настоящей семьи у меня толком никогда и не было. Не знаю, что тому виной, но, скорее всего, я сам. Моим единственным пристанищем и гаванью во время бурь, устраиваемых судьбой, были лучшие друзья. Их было двое, но зато какие! Им не было цены, как товарищам. Не каждый брат так близок, как был мне близок Робин, кстати, ваш покойный дедушка, и Ти Джей, принц Бероны, из параллельного измерения. Наша троица прославилась на века, жаль, что былое не вернуть...

Император сам подивился, каким разговорчивым вдруг сделался. Но девушка, сидящая рядом, была совсем не такой, какими были люди, попадающиеся ему последние лет двадцать; она с живым интересом и искренностью слушала всё, что он говорил, жадно внимала и ждала продолжения. Поэтому он и открывал душу. Беллона и сама понимала, что ей хочется слушать и слушать.

— Но я не думаю, что мне стоит упоминать о нашей троице и её «подвигах». Это совсем не для ушей юной принцессы. Вы должны быть воспитаны на сказках со счастливым концом и историях о рыцарях...

На последнем слове Беллона впала в ступор и пропустила несколько последующих фраз. Там что-то проскользнуло о том, что в жизни Виталия не было моментов, похожих на

сказки, которые так любят девушки, а о Робине Втором, должно быть, его внучке и так всё отлично известно.

— ...так что, можете спросить о чём-нибудь другом, если вас по-прежнему волнует моя личность, и вы хотите что-либо знать.

— Вы немного слукавили, сказав, что у вас нет семьи, — не задумываясь, продолжила Беллона. На этот раз она спрашивала прямо о том, что ей в течение последних часов становилось всё больше интересно. — А как же ваши дети и внуки? Разве они — не ваша семья?

— Хм, естественно, это называется семьёй, но то, чем она становится в дальнейшем, не всегда оправдывает то, что от неё ожидается. Отношения, общение, чувства — всё порой складывается самым нелепым образом. Вам действительно хочется всё это слушать? — император готов был долго повествовать, но что-то его остановило. Видимо, последнее сомнение в бескорыстии, скользющем во взгляде принцессы Феира.

— Конечно, прошу вас, продолжайте!

— Что ж, с вашего разрешения. Моей старшей дочери сейчас шестьдесят два года. Я женился на её матери по принуждению своей, поэтому никогда не любил ни её, ни первой жены. Я вообще не испытывал к ней отцовских чувств, так как был слишком молод, когда она родилась. Когда Фаине исполнилось, кажется, десять, мы расстались. Это была не моя инициатива, меня всё устраивало. К тому же, Робин тогда с головой ушёл в свою семью — у него родился третий ребёнок, — и нам с Ти Джеем было скучновато, но, лишившись главного заводилы и подателя идей, мы смиренно разлетелись по своим «гнездам». Мы искали приключений в надоевшем праздном времяпрепровождении, и терпение наше готово было закончиться в любую секунду. Начнись в том момент где-нибудь война, мы непременно в ней бы поучаствовали. Но время мирное, как и нынче, приходилось довольствоваться завоеваниями совсем другого толка. Тогда-то, в 2054 году, мне на пути попала крепость, которую я восемнадцать месяцев не мог взять ни штурмом, ни осадой — это была Стейси, моя вторая супруга.

Беллона, затаив дыхание, ждала упоминания о Стелле Нордмунской, но о ней не прозвучало ни слова, будто для Виталия Дьюса она ничего собой не представляла. На самом деле сейчас так оно и было. Сделавшись не менее знаменитым, император Голубого квазара, в отличие от прабабки девушки, был живой легендой, поэтому мог ставить себя на одну с ней ступень. Это тогда, в юности, он подвергся влиянию басен, мифов и искал славу, потому и положил свой взор на дочь Стеллы. Впрочем, Стейси слыла такой красавицей, что будь она хоть крестьянкой без роду, без племени, или рабыней, на неё всё равно бы обратили внимание. Её огненно-рыжие волосы, чёрные глаза, унаследованные от матери, всё говорило о натуре незаурядной. Многие ожидали от неё того же, чего и от родительницы. Она имела все шансы заслужить такое же поклонение, такой же восторг и то же восхищение со стороны мужчин, но ей не хватило одной маленькой детали — мужа, подобного Элиосу Второму, который уважал, любил и боготворил свою супругу несмотря на всё, что она делала. Он прощал её измены, закрывал глаза на то, что она иногда относилась к нему пренебрежительно и без тепла. При этом он заставлял всех своим авторитетом испытывать к Стелле то же самое, что и сам — трепетное обожание и страстное упоение при одном её виде. Нет, среди настоящих мужчин его вмешательство было не нужно, но зато холодные, чёрствые и нечуткие к женским чарам правители, завистливые королевы или любящие посплетничать придворные умолкали и воспринимали Стеллу с уважением.

Стейси же прогадала с браком. Ей достался гордый и своенравный муж, отнюдь не готовый терпеть безобразия за своей спиной и выросший из костного вещества на голове.

— ...когда у меня родился сын, я испытал неописуемое блаженство. Я занёлся, стал надменным, кичился, что у меня появился наследник. Почти в сорок лет, когда у тебя рождается ребёнок, испытываешь иное ощущение, нежели в двадцать. Через три года родилась Анабель, моя вторая дочь. Я старался уделять внимание детям, но больше времени я тратил на усмирение Стейси и на то, чтобы заставить её интересоваться детьми. Вскоре я разочаровался в ней полностью, поняв безнадёжность напрасных стараний, а вместе с этим ушла и отцовская спесивость. Я был сильно опечален своим снова неудавшимся и распавшимся браком. На пятом десятке лет я осознал, что вот теперь, наконец-то, повзрослел. До этого я всё воспринимал, как забаву, как игру. Думал, развлечения и радость будут длиться вечно, беззаботность не покинет меня до самой смерти. А после этого стал гораздо серьёзнее, требовательнее. Хотя, немного поостыв и отбросив раздражённость, которую разожгла во мне Стейси, я, Ти Джей и, вернувшийся к нам после рождения пятого ребёнка, Робин, начали по новой свои похождения.

Беллона снова застыла. Виталий подошёл к тому рубежу своей жизни, когда он встретился с Минервой. Вот-вот он откроет все секретные стороны судьбы её тётки, и сокровенные тайны его собственной души. Но опять ничего подобного не произошло. Ожидания принцессы не оправдали себя.

— Когда на свет появилась Дарма, наша с Гвинет дочь, я словно обрёл второе дыхание. Никогда я не любил своё дитя больше, чем её. Я сам занимаюсь её воспитанием, сам подолгу наблюдаю за её играми, прогуливаюсь с ней. Ей сейчас тринадцать лет, немногим младше вас... — только сейчас император поймал себя на мысли, что отношение к принцессе Феира у него плавно переходит от влечения к отцовской привязанности. Ведь эта девушка, действительно, была под стать его дочери — с невинными глазами, внимательная, относящаяся к нему с почтением. К тому же, она была племянницей его безвременно ушедшей Минервы. Да, именно из-за этого он сразу обратил на неё внимание, именно из-за её отдалённого сходства с ней он вспылал к Беллоне жгучим интересом. Но, если он станет домогаться расположения этой девушки, как мужчина, то не осквернит ли этим память любимой? Как он мог так по-идиотски себя повести! Конечно же, он не имел права даже думать о близости с принцессой. Просто желание воскресить Минерву в представленной ему Беллоне настолько сильно захватило его, что он еле смог с собой совладать. Слава Богу, он вовремя опомнился!

Девушка заметила заминку. Виталий смотрел на неё теперь другими глазами, нежели когда она только зашла. Она не могла понять, какими именно и что изменилось, но в голове императора явно произошли перемены. Не услышав ничего ни об одной из завораживающих и захватывающих её ум женщин, Беллона нажала на вопрос о потомках императора. Выбросив из головы Стеллу и Минерву (к девушке возвращалась её прагматичность и свойственный ей реализм, когда она предпочитала думать о настоящем и будущем, а не придаваться мечтам и воспоминаниям о давно ушедшем и канувшем в лету), и занялась опознанием незнакомца с феирского маскарада в честь дня рождения короля.

— ...мои со Стейси дети? Как я уже сказал, после развода с ней, я изменился и стал самым отвратительным и никчёмным отцом, какого только можно представить. Я перестал следить за тем, как они росли и формировались. Годы шли, и я замечал, что Анабель пошла в мать — ей не нужны были сентиментальные семейные ценности. Ей нужна была красивая и

лёгкая жизнь. Благо, я удачно и как можно раньше выдал её замуж. Её свёкор и свекровь оказались людьми более терпеливыми и умеющими внушать и наставлять. Анабель поддалась их влиянию. Она даже полюбила супруга, хоть и не сразу, но полюбила. Она исправилась. Я жалею только, что это произошло без моего участия. Мне бы очень хотелось оставить хоть одно приятное воспоминание о себе в сердце дочери. Анабель относится ко мне ровно, без обиды или затаённой злобы, но так же без любви или привязанности. А Марсель, мой единственный сын, он вообще меня сторонится. Ему уже сорок восемь лет, но он не может избавиться от навязчивой идеи, что я — олицетворение зла и сею вокруг себя только горе и беды. Наверное, такое отношение моих детей досталось мне за все мои грехи, которые я совершил. Впрочем, не могу сказать, что они были более тяжкими, чем у любого другого мужчины. Я более склоняюсь к той версии, которая распространена у нас в Голубом квазаре: проклятие, которое наложили на мою мать, переносится и на её потомство. Печально, не доказано, но — факт!

— Так ваших детей и внуков ждёт такое же несчастье? Страшно подумать, что проклятие существует и имеет действие. Неужели с этим ничего невозможно поделать?

— Не хочу сглазить, но вроде бы у них всё в порядке и им не передался злой рок, тяготеющий надо мной.

— Слава богу! Значит, они смогут быть счастливы?

— Анабель уже счастлива. Её редко можно увидеть грустной или задумчивой. Что бы ни произошло и ни стряслось, на её лице улыбка, а в душе безмятежность. Марсель своеобразно, но я так думаю, тоже рад всему, что с ним происходит. Самой большой его отрадой был, есть и будет единственный сын Лион, которого и я очень люблю. Мне доставляет удовольствие и наслаждение общение с этим юношей...

Вот оно! Наконец-то Беллона дождалась! Сейчас она расспросит его обо всём, что касается принцев Голубого квазара.

— Но мне казалось, что у вас два внука?

— Так и есть, но второй — сын Анабель. Я его вижу гораздо реже, чем Лиона, так как они живут в другой системе и дочь не жалует меня визитами, а мне самому порой некогда наведаться на Брокс, кстати, это ведь по соседству с Феиром, в вашем Чёрном пути!

Девушка приблизилась к разгадке. Робин Третий всегда приглашал на свой день рождения всех из родной системы. Стало быть, сын Анабель точно был в Риджейсити десятого июня, а значит — это он украл первый поцелуй Беллоны. Да нет, не украл! Она сама его ему навязала. Как можно обвинять человека в том, чего он совсем не хотел и на чём не настаивал!

— А Лион и...

— Деметрий, его зовут Деметрий.

— Да, спасибо. Они похожи на вас? Какие они?

— О, боюсь, я буду не объективным, так как очень привязан к одному из них, и, всё-таки, являюсь их дедушкой. Лион высокий и статный, светловолосый. Внешне он полностью пошёл в мать и её родню — Назаровых.

— Назаровых?! — невольно сорвалось у Беллоны.

— Ах да, я же забыл, что вы дочь Феира и яро реагируете на упоминания об Олтерне. Да, мать Лиона — сестра Элиоса Третьего, короля вашей вражеской планеты.

— Вы превратно поняли. Я не считаю олтернцев, а тем более, Назаровых, своими врагами или даже противниками. Просто у меня есть кое-что, заставляющее ими

интересоваться. Но простите, что перебила, продолжайте.

Виталий посмотрел на принцессу и не стал спрашивать, что за обстоятельства вынудили её любопытствовать по поводу Олтерна, так как весь вид Беллоны говорил о том, что она не намерена разглашать свой секрет.

— Характером он честолюбив, храбр, щедр и благороден. Любит фехтование, конные упражнения, но и умственным трудом занимается немало. От меня ему досталось упорство во всех начинаниях и находчивость, быстрота мысли. Правда, я использовал свои таланты по-другому, а он предпочитает направлять их на пользу себе и окружающим. А о Деметрии я знаю не так много; неусидчив, всегда оживлён, разговорчив. Быстро переключается с одного увлечения на другое. Впрочем, вы сами можете его увидеть и познакомиться, он сейчас здесь. Разве вы не были представлены друг другу?

Беллона судорожно вспоминала все лица, которые предстали перед ней в прошедший вечер. Да, ей представили короля-отца и королеву-мать Брокса — семидесятилетнюю пару, видимо, свёкра и свекровь Анабель, но с ними никого не было! Девушка поделилась разочарованием с императором.

— Ну вот, я же говорил — неусидчив и непостоянен, словно ветер! Не дождался даже финала премьер и уже куда-то испарился. Что ж, тогда поздно, потому что завтра с утра он собирался отбыть куда-то ещё. Если всё же хотите успеть с ним познакомиться, то вам следует отправляться спать, — Виталий посмотрел на часы, маленькая стрелка, которых указывала на двойку, а большая на шестёрку, и на сонный облик принцессы, — к тому же, вы устали и вам нужно отдохнуть. Я прикажу Дмитрию вас проводить.

Беллона, снова закутанная в накидку, шла обратно в свои покои и долго размышляла, и пришла к выводу, что оно так даже лучше, что она опять не увидит лица того, кто несколько мгновений занимал место графа Аморвила. Она не будет завтра рано вставать, и искать с ним встречи. Сегодня она обрела нечто гораздо большее — человека, который ей очень понравился и в котором она нашла замену отцу, советам и наставлений которого ей всегда так не хватало. Отцу, с которым ей так часто хотелось просто поговорить и пообщаться. К тому же, он от неё ничего не требовал, точно так же, как и она от него. Только дружбу, взаимопонимание, уважение. Они были так похожи душой, будто родственники. У него тоже никогда не было настоящей семьи, о которой мечтала и Беллона. Он тоже нашёл её замену в друзьях, как и Беллона в подругах. Но самое первое и главное, что приятно удивило девушку в мужчине — это его отношение к Стелле Нордмунской. Оно было «никаким». Она для него была ничего не значащим объектом, обратившейся в прах легендой, пустым звуком, который он даже ни разу не произнёс! Вместе с огромной симпатией к своему новому знакомому — императору Голубого квазара, Беллона ощутила первую победу над Дерексом. Теперь она не чувствовала себя ущербной из-за несхожести с прапрабабкой. Она знала, что не уступит её мёртвой тени до последнего.

Но радость и успокоение, за которые Беллона была несказанно благодарна Виталию, стремительно рассеялись. Сегодня она впервые за последний месяц быстро и умиротворённо уснула, ни разу не омрачившись воспоминаниями или бесплодными фантазиями и не пролив ни слезинки. Но после ночи наступило утро, а с ним и бодрствование мыслей. Уже готовясь к завтраку в кругу родни — тётей, дядей, кузенов и кузин — принцесса увидела Габриэль, понурую, виновато заходящую к ней в спальню. Девушки посмотрели друг на друга. Одна вопрошающе, вторая стыдливо. Последняя и нарушила молчание.

— Я пришла извиниться. Белл, если сможешь, прости меня, я не знаю, что на меня нашло. Я немного выпила, точнее, для меня это было много, вот меня и понесло...

Беллона покачала головой и сделала шаг навстречу виконтессе. Та тоже бросилась вперёд и обняла подругу.

— Ну, и что тебя подвигло на такой беспредел? — поощряющее улыбнулась принцесса. Габи немного помолчала, как будто смущаясь не того, что хочет сказать, а того, что эти слова прозвучат именно от неё.

— Я скучаю по Сториану. Я не знаю, что со мной творится. Ты была права, когда говорила, что Сержио — это мимолётное увлечение, но я хотела бы, чтобы вы с Мари не ошиблись и в этот раз, говоря, что скоро всё снова пройдёт.

— Если у тебя опять те же ощущения, что и тогда, когда ты гонялась за маркизом, то могу тебя успокоить — это ненадолго, — но взглядевшись в лицо подруги, Беллона не нашла и следа от той легкомысленной, весёлой, жизнерадостной девушки, которую знала. Раньше та была полна энтузиазма, а, как известно, энтузиазм — это любовь без определённого объекта. Но теперь, когда энтузиазм пропал, принцесса поняла, что объект появился. И что за очередная напасть! Этим объектом был не кто иной, а самый ужасный, распутный, жестокий и безнравственный князь МакДжойн. Ну почему, почему такое светлое и милое создание, как Габи, полюбила такое чудовище? Правду говорят — противоположности притягиваются. Беллона попыталась посмотреть со стороны на себя и Дерека. Неужели они выглядят точно так же? Он — тень, она — свет. Нет! Граф не был и половиной того зла, которое вмещал в себя Сториан. Рыцарь никогда не убивал, не насиловал и не бесчинствовал. А все остальные его недостатки... пусть кинет в него камень тот, кто сам без греха!

— Габи, я тоже должна тебе кое в чём признаться. Я полночи провела не у себя...

Виконтесса уже хотела ахнуть и высказать свои самые смелые предположения, но принцесса рассказала всё, как было на деле.

— Вот видишь, мы обе накануне чуть не поступили так, как нам не следовало, но вместо непоправимых ошибок, мы получили урок на будущее, что не стоит опрометчиво кидаться во все тяжкие, чтобы кому-то что-то доказать, даже самим себе. Ты ведь вовремя опомнилась?

— Да, когда ты убежала, я через минуту последовала за тобой, но сразу не решилась зайти, поэтому ушла к себе. До сих пор не могу поверить, что ты согласилась пойти к императору, и вы с ним просто мило беседовали! Похоже, фортуна оказалась к тебе благосклонной.

— Знаешь, у меня действительно появилось чувство уверенности, безопасности и удачливости, как только я покинула Феир. Как будто там я оставила все переживания и всё плохое. Новые места, люди, этикет — всё отвлекает меня от прошлого и устремляет в будущее. Много забывается.

— И... Дерек?

— Нет. Его я не могу забыть. Как ни стараюсь! Хотя вчера во время беседы с его величеством Виталием моими мыслями завладел другой молодой человек, хоть и ненадолго, но он заинтересовал меня.

— Он красив? Какой он?

— Габи, я не знаю! Я говорю о том юноше, на которого я набросилась на маскараде, перепутав с Дерекком.

— Принц из Голубого квазара? Но при чём тут... — виконтесса взвизгнула и запрыгала, наконец, озарившись улыбкой и захлопав в ладоши. — Ну конечно! Голубой квазар! Так он родственник императора?

— Из того, что он поведал мне о своей семье, я поняла, что этим принцем был его внук — Деметрий, человек, о котором мне совершенно ничего неизвестно, кроме того, что он был здесь и рано утром отбыл в непонятном направлении.

— Как? Он был тут? В этом замке? И ты не попыталась посмотреть на него? Как же так?

— В том-то и дело, Габи, что я хотела увидеть его, но потом передумала. К чему мне это? Что бы это дало?

— Ну... не знаю. Хотя бы из элементарного любопытства!

— Нет, для меня мой первый поцелуй навсегда останется принадлежащим Дерекку. Если я не знаю лица того, кто его получил, то всей той ситуации как будто бы и не было, понимаешь? Я забуду про неё и с чистой совестью предстану перед Дерекком в следующий раз.

— Ты опять за своё! А будет ли он, этот следующий раз?

— Ох, Габи, нам не ведомо грядущее. Время покажет. Один месяц — это ничто для фальшивых чувств, но целая вечность для настоящих влюблённых. Если по прошествии лета я не выброшу из головы сэра Аморвила, то это уже что-то будет значить. А сейчас мне надо спешить, хочу до обеда повидать тётю Викторю.

Королева Вермаша приняла племянницу в той самой библиотеке, посвящённой Стелле Нордмунской. Ей было радостно ткнуть новому человеку своей значимостью и схожестью с прабабкой. За её спиной, прямо над мягким диваном, висело два портрета одинаковой величины, в одинаковых рамах, выполненных в одинаковых тонах. Разница была лишь в их возрасте. Одному, изображающему Стеллу, было лет семьдесят, не меньше. Другому, на котором красовалась молодая Виктория Атика (в девичестве Карлеаль), было лет тридцать. Если не знать, что на полотнах нарисованы разные женщины, то можно было бы подумать, что это одна и та же личность. Однако портрет Виктории не совсем совпадал с реальностью, потому что она попросила сделать её на картине похожей на свой идеал. Художники так старались угодить госпоже, что переусердствовали, уподобляя одну женщину другой, буквально скопировав портрет Стеллы. Беллона слышала эту историю, поэтому это было первым, что бросилось ей в глаза, когда она вошла в помещение. Вторым предметом была маленькая книжонка, лежавшая распахнутой перед королевой. Она была с ярко красной обложкой и золотым переплётом. Виктория, тихо попивавшая кофе и наблюдавшая за

племянницей, глаза которой разгорались всё большим интересом, обратила на это внимание и протянула ей этот тоненький томик.

— Присаживайся, пока я перекусываю, можешь немного почитать. Это сборник стихов одного придворного поэта, он умер более чем полвека назад. Все свои стихи он посвятил моей прабабушке, — королева склонилась ближе к девушке и, подмигнув, произнесла, — поговаривают, что у них был роман!

Беллона не разделила воодушевления тёти, которая возбуждалась от каждой мелочи, связанной со Стеллой. Но всё же улыбнулась в ответ и принялась читать предложенную литературу. Принцессе хватило пары четверостиший, чтобы понять, что ей это совсем не любопытно. Из таких фраз, как например «Её глаза черней, чем ночь, они манят и гонят прочь» или «Я думал, что она моя, когда была она со мной, но утра позвала заря, и с нею был уже другой», девушка лишь в очередной раз узнала, как относились к легендарной женщине, а не как она себя вела, что от неё все с ума сходили. С некоторым разочарованием Беллона вернула книгу на стол. Виктория, увидев скуку на лице собеседницы, в момент переменялась и спросила уже более деловым и строгим тоном:

— Так о чём хотела ты поговорить со мной?

— Я хотела пообщаться с вами. Мне было бы очень печально узнать однажды, что вы пропали без вести, а я вас так и не успела узнать получше. Поэтому при первой же возможности попросила аудиенции.

Это был удар в точку. Задев королеву за живое, убедительно сказав то, чего она всегда ждала от окружающих, принцесса в один миг завоевала её расположение. Виктория заулыбалась своим не молодым, но свежим лицом. Её очень украшал тот малиновый цвет, в который она большую часть своей жизни красила волосы. Глаза Виктории, к её огромному сожалению, были не чёрными, которые так восхвалялись трубадурами и прославлялись легендами, поэтому она отпускала длинную чёлку до самых бровей, которая своей тенью почти скрывала настоящий цвет глаз королевы. Впрочем, Стелла Нордмунская тоже носила чёлку, только более короткую, поэтому этот элемент причёски вдвойне радовал Викторину Атику.

По всему виду королевы было заметно, что она привыкла к вниманию и восхищению. В молодости она пользовалась ещё той славой! Она не была гордячкой и не страдала нарциссизмом, но даже откровенную лесть почему-то воспринимала с удовольствием, а ложь в комплиментах её несуществующим достоинствам пропускала мимо ушей, считая их правдой. Беллона совершенно не собиралась изощряться в лицемерии и подхалимничать тёте, но вспомнив наставления Астерикса перед премьерой, решила не упустить возможность потренироваться в этом деле, так, на всякий случай. Тем более, ей очень хотелось узнать что-нибудь о своей именитой прародительнице. Не то, что и так все знали, а что-нибудь особое. О её внутреннем мире, о её самом глубоко личном. Обо всём!

— Ах, как приятно увидеть новое лицо при дворе! Удивительно, моя племянница уже вступила в брачный возраст, а я с ней только познакомилась! Хотя нет, я видела тебя, когда ты была совсем крошкой, всего пару лет от роду. Ну, рассказывай, как там у нас на Феире? Что творится? Я хоть и живу по соседству, но так давно не была на родине! Сначала дети были маленькие, потом стали большие, а хлопот ещё больше! Скоро вот, вообще, бабушкой стану... Не смогла даже на именины к брату приехать! Но тут просто сама захворала, сил не было ехать...

Беллона поняла, что её тётя относится к числу людей, которые слушают только для

того, чтобы самим вставить словечко. А пока говорила она сама, пытаться добавить что-либо было бесполезным трудом. Она даже вопросы задавала постольку поскольку, и не ждала ответов на них. Что ж, в таких случаях оставалось только надеяться, что Виктория сама устанет трещать и готова будет к диалогу, а не монологу. К удивлению принцессы, королева замолчала очень скоро, минут через десять.

— Так о чём ты, душечка, хотела со мной поболтать? Знаешь, все мои фрейлины и подруги-правительницы редко могут мне сообщить что-то новое или хотя бы поддержать мою мысль. Они увлекаются какими-то глупостями, перемывают друг другу кости, а разве это интересно? Моя чтица перечитала мне уже все книги и сказки, романы и детективы — всё впустую! Меня это мало развлекает. Именно поэтому я люблю бывать здесь. Тут совсем другое, даже трудно описать. У всех историй есть развязка, финал. Грустный, весёлый, хороший, плохой — какая разница? Ведь у всех у них есть неминуемый конец, а это так скучно. Меня это всегда разочаровывает. А в легенде о Стелле...не знаю, что-то есть, что меня — да и не только меня! — завораживает. Мало того, что она не завершена, так, мне кажется, она не кончится никогда! Неразгаданное — это так прекрасно! Да, именно такой и была сама Стелла — неразгаданной! Но, извини, я так и не услышала, о чём ты хотела поговорить?

Беллона уже боялась произнести это страшное имя, после которого тётю трудно было удержать в состоянии тишины. Но сделать это всё-таки нужно было, не уходить же с пустыми руками?

— Я хотела узнать у вас побольше о ней...Стелле, — принцесса была уверена, что королева, любящая быть центром внимания и привыкшая к этому, либо обидится, что интересуются не ею, либо снова затараторит обо всём подряд. Однако произошло невероятное; Виктория подвинулась к племяннице, и с глазами азартного игрока взяла её за руку.

— Душечка, я могу тебе рассказать всё, что пожелаешь! С огромным удовольствием. Что конкретно ты хочешь знать? Могу разложить её жизнь по полочкам. Она родилась на Северной Луне — это далеко отсюда — простой герцогиней, её родители были весьма бедны, так ещё и её сводный братец подался в «золотые» и потихоньку унёс всё оставшееся богатство в свою шайку. В четырнадцать лет...

Девушка поняла, что не выдержит нечто вроде исповеди своей тёти, и впервые прервала её.

— Простите, что перебиваю, но я хотела знать немного другое, — Виктория внимательно ждала слов племянницы. — Я хотела знать, что она такого делала, что перед ней не мог устоять ни один мужчина, почему это происходило? Какой она была? Не внешне, нет! Её изображения я наблюдала много раз, но что творилось в её душе?

Королева дослушала до конца все вопросы, а потом, словно переваривая те знания, что хранила у себя в голове, откинулась на спинку и думала. Думала над тем, что ответить и как понятнее объяснить то, что она сама до конца так и не смогла постигнуть.

— Понимаешь, душечка, — даже сейчас, когда она пыталась разобраться в том, в чём была не очень осведомлена, Виктория продолжала сохранять вид важный, как будто от неё многое зависело, — я сама долго задавалась этими вопросами, мучилась в невозможности найти ответы на них. Но, в конце концов, я пришла только к одному выводу, который я уже упомянула. Стелла была и останется неразгаданной. Не только её исчезновение, но и вся она сама, её разум, сердце и душа.

Беллона посмотрела на тётю с сомнением. Если бы каждая женщина хранила в себе какие-то тайны и секреты, то что же получается, они все бы пользовались небывалым успехом? И если тётя знает ответ на эту загадку, почему сама не стала такой, какой мечтала быть? Отгадав ход мыслей девушки, Виктория опередила её и заговорила сама.

— Да, я не смогла воспользоваться своим открытием, потому что не смогла перебороть в себе самого главного: я не смогла стать загадкой самой для себя!

Принцесса непонимающе хлопала глазами, словно сбрасывая с них пелену невежества, которая мешала понять смысл сказанной тётей фразы.

— То есть как? Разве может человек сам от себя держать что-то в секрете? Это же невозможно!

— Это не совсем так. Иногда непредсказуемость природы доходит до того, что человек сам не знает, что от себя ждать. А иногда он даже не знает, чего он хочет! Именно в этом и заключается таинственность самого для себя. Я не смогла быть такой, я всегда знала, чего хочу, и шла к цели. Я слишком постоянна во всём.

— Но разве хорошо, когда не можешь сделать выбор? Когда неуверенна в себе, когда не знаешь, чего хочешь? Такой была Стелла и из-за этого её так обожали?

— Ох, я так и знала, что не смогу толково всё объяснить! Пойми же, душечка, это обычные женщины, встав перед выбором, долго терзают себя и сомневаются, на чём следует остановиться. А Стелла, когда хотела несколько вещей сразу, не выбирала, а брала сразу всё и когда её спрашивали, что же ей всё-таки больше нужно, она, не думая, останавливалась на том, что в данный момент было удобнее, выгоднее, приятнее, или даже просто ближе! Не думая о будущем. Её признания в любви и обещания были словно звон колокола, отбивающего точное время — верны только в тот момент, пока звучат.

— И это вся её тайна?

— Это одна из многих её тайн, которую удалось открыть мне. Сколько их ещё, ведомо только Богу и самой Стелле. Ну и, если он конечно не миф, её дневнику, который так тщетно ищут рыцари её ордена.

— А неужели в вашей библиотеке не сохранилось ни одной записи моей прапрабабушки? Хотя бы письмо кому-нибудь. Ведь писала же она письма?

— Да, разумеется. Но из них сохранились самые незначительные — письма знакомым, дальним родственникам, приглашения, расписки. Те письма, что она писала Робину, моему деду, он сжёг перед смертью, те, что она писала мужу — утонули вместе с ним через два года после её исчезновения. Остались только у её лучшей подруги — Ольги Рижской, которую никто не видел уже лет шестьдесят! Хотя утверждают, что она жива и затворницей обитает у себя в замке. Впрочем, если добраться до неё самой, то и письма будут ни к чему, она сама сможет рассказать больше, чем сухие листы бумаги.

— А можно ли как-то это устроить? Повидаться с ней?

— В молодости я предпринимала попытки, безуспешные нужно заметить. Но несколько лет назад у меня появился далеко идущий план, которым я поделюсь с тобой, так как вижу, тебя это всё волнует не меньше, чем меня саму! Я обручила своего сына Генриха с наследницей Риги. Когда они поженятся, я смогу беспрепятственно поехать туда, отыскать Грод ля Фротс, этот проклятый замок, в котором прячется Ольга и сделаю всё возможное и невозможное, чтобы встретиться с ней!

— Если бы вы знали, как я хочу поехать с вами! И когда же это всё произойдёт?

— Не раньше весны, я думаю.

— Что?! Так долго?

— Душечка, ты не представляешь, сколько я ждала этого момента! Я устроила помолвку много лет назад, хотя все не понимали меня, отговаривали и даже возмущались, что герцог такой крупной планеты станет мужем какой-то незначительной королевы, но я настояла на своём, и вот осталось чуть больше полугода. Исполнение моей мечты приблизится на один шаг.

Беллона понимала, что у неё нет столько времени. Ей нужно знать об этой Стелле Нордмунской как можно больше и как можно быстрее! Потому что встреча с Дерекком, возможно, не за горами, а она ещё близко не поняла, как себя нужно с ним вести! Счастливое замешательство принцессы после разговора с императором Голубого квазара бесследно пропало. Какое ей дело до того, как Виталий относился к Стелле, она ведь собиралась нравиться не ему, а Дерекку, и только Дерекку! Стало быть, нужно продолжать уподобляться прапрабабке. А прошлая ночь...она, конечно, поступала так ради своей цели, но это было ошибкой! Чего только не натворишь сгоряча! Хорошо, что Виталий оказался благородным и достойным мужчиной, иначе репутация Беллоны могла бы сильно пострадать.

— Тётя Виктория, а вы не можете мне сказать, где ещё я могу осведомиться о Стелле? До наступления весны, — девушка снова застыла в ожидании. Когда Виктория думала, она любила растягивать этот момент, чтобы её слова прозвучали торжественнее, и воспринялись с ещё большим энтузиазмом, хотя она почти всегда сразу могла ответить на вопросы.

— Через десять дней будет великое событие для поклонников нашей с тобой прародительницы — двадцать девятое июля, день её рождения. Ей бы исполнилось сто двадцать четыре. Значит, на Северную Луну под предводительством Маурицио Стеллона придут сто двадцать четыре рыцаря и устроят роскошный пир в её родном замке. Вот у этого доходящего старикашки — их магистра, и можно что-нибудь выведать.

Пред взором девушки невольно нарисовалась картина; почти полторы сотни рыцарей и кавалеров прибывают в одно место. Богато одетые, яркие, пёстрые, спешиваются, оставляя своих вычищенных и блестящих коней лакеям, обмениваются рукопожатиями, обсуждают волнующие друг друга темы, гуляют, пьют, едят. Как говорил Джордан Льюмен, новопоступающих в орден мало заботит важность их миссии и серьёзность того, что они делают, поэтому, скорее всего, они напьются, наедятся до отвала и устроят глупое веселье, наподобие сельских оргий в первый день весны. В главном зале соберутся такие ответственные лица, как сам граф Льюмен, магистр, князь Вальядов, возможно, и Сержио. При воспоминании о нём у Беллоны потеплело на душе. Маркиз был замечательным другом и прекрасным юношей, на которого всегда можно положиться, так как даже дружба с принцем Робинем не смогла его сбить с пути к рыцарству, а стало быть, благородству и сохранению мужской чести. За месяц разлуки она соскучилась по его обществу. Но всё это отодвинулось в сторону. Следующим кадром перед принцессой возник Дерек. Весь в чёрном, с, как всегда, загадочным, хитрым, но мрачноватым лицом. Он держится ото всех в стороне, молчалив, солиден. Он идёт в комнату, в которой выросла его любимая герцогиня-нищенка, которую он вознёс в фантазиях до божественной высоты и думает только о ней. И ничто не может помешать ему в созерцании её образа в его мечтах. По щекам Беллоны снова потекли слёзы, но ни она, ни королева Виктория этого не заметили. Первая слишком остро чувствовала обиду и боль, вторая — увлеклась рассказом, беседуя уже как будто сама с собой, но, надеясь, что её внимательно слушают.

— А знаешь, почему этот Маурицио так много может рассказать? Правда, знает он много, но помнит мало, ему всё-таки уже почти девять десятков! Этот Стеллон — последний любовник Стеллы и единственный из них оставшийся в живых! Представляешь, как ему завидуют сотни, нет, тысячи мужчин во Вселенной!

Беллона не хотела представлять, но точно знала одного такого мужчину — графа Дерекка. Вот уж кто бы отдал хоть душу дьяволу лишь бы очутиться на месте магистра своего ордена. Боже, но чем, чем она, живая, красивая, молодая, была хуже той, тело которой обратилось в прах, а душа, возможно, попала в ад или растворилась вовсе? Ничем! Она была лучше! Принцесса упорно убеждала себя в этом. Девушка всегда знала, что прекрасна, её хвалили за ум и находчивость, но ни то, ни другое, ни третье не заставило Дерекка полюбить её. Так в чём же суть? В том, что то, что раньше было достоинством стало недостатком? Мир перевернулся вверх ногами? Нет, дело именно в этом человеке — сэре Аморвиле и в ней — принцессе Феирской.

Ей немедленно хотелось во всём разобраться, помчаться к Дерекку и спросить, что же ему нужно? Что он хочет? Кого он любит на самом деле? Но ей нужно было пройти последнее испытание — после премьеры любой дебютант может впервые выехать только по приглашению, а уже после — куда сам захочет. А за десять дней вряд ли её пригласят, а даже если так, она не успеет там побывать и вернуться вовремя на Северную Луну.

За торжественным обедом, на котором присутствовало не многим меньше народа, чем вчера на балу, Беллона вела себя замкнуто и молчаливо, хотя её не раз пытались вовлечь в разговор. Она замечала на себе взгляды, в них всех читалась какая-то одинаковая мысль. Некоторые, отведя глаза от неё, начинали перешёптываться, что девушке не нравилось, а потом вывели из себя, и она уткнулась в тарелку, не удостоив больше никого ни словом, ни жестом. За столом сидели только государи и правители, а свиты стояли за их спинами, поэтому гул голосов сзади становился поистине невыносимым. К концу трапезы у принцессы разболелась голова и полуденную прогулку перед очередным танцевальным вечером она предпочла провести в обществе Доры Незардроун, тихой, спокойной и уравновешенной. Габи, хоть и была полностью прощена подругой, всё же направилась к Энжел, под опеку её фрейлин. Беллону радовал сей факт, так как она надеялась, что наследница Гиганта достаточно благоразумна для того, чтобы прилюдно не ударяться в те потехи, которые находила будущая графиня Леонверден, непременно при этом ставя под угрозу своё достоинство.

У замка королей Вермаша не было садов, аллей или парков, таких привычных феирской принцессе, ведь он стоял на высокой скалистой горе, с неподходящей для декоративной растительности местностью. Имелся круглый двор при въезде, с конюшнями, постройками для экипажей, и пристройками с комнатами для солдат и более солидное здание — дом начальника стражи. Чуть дальше шёл атриум — маленький внутренний дворик, тенистый, с одним единственным фонтанчиком, который представлял собой идущего коня (стоящего на трёх ногах и подогнувшего переднюю), из чёрного мрамора в настоящий рост животного, льющего изо рта струю прозрачной холодной воды. Бортик фонтана сделали из голубо-красных плиток, на которых выгравировали «Мощь и ум». Всё это было символом, гербом и девизом правителей из рода Атика. Беллона, как их родственница, могла бы проявить к этому всему уважение и остаться тут для прогулки. Но этот конь напоминал ей о том, как она еле-еле избежала смерти и, конечно же, о вороном коне графа Аморвила, которого, к раздражению девушки, звали Север (несомненно, он прозвал его так из-за родины его обожаемой Стеллы). К тому же тут уже собралось много людей, желающих так же прохладиться перед долгим празднеством, а их компания для Беллоны была сейчас самым нежелательным, что только можно придумать.

Принцесса и её спутница вышли за пределы замка и увидели горную тропку, ведущую ещё выше. Она смотрелась одинокой, но, отнюдь, не заброшенной, а хорошо протоптанной. Значит, по ней смело можно было идти — в страшную западную она не приведёт. Путь хоть и был очерчен, но всё же подниматься приходилось по камням и стёсаным булыжникам, между которыми прорезались травинки, не имеющие возможности разрастись в этих твёрдых горных породах. По сторонам тут и там, где нога человека ступала редко или не ступала вовсе, росли яркие маки, делающие удивительный контраст с серой тропинкой и тёмно-коричневой землёй. Всю дорогу Беллона думала только об одном — предстоящем вечере. Вчера, не без помощи Виталия, ей удалось пройти формальное посвящение в элиту общества. Но он говорил совсем не от лица всех, только от большинства. Сегодня же, перед балом, ей предстоит аудиенция с теми, кто не боится и не подчиняется императору Голубого

квазара — с императором и императрицей Южных ветров. Можно даже не надеяться, что его возможно завоевать одной красотой, а её — вежливостью и лестью. Про них слыли рассказы, что они оба невероятно мудры и проницательны, хотя ему нет ещё и пятидесяти, а ей около сорока. Из-за противостояния двух этих могущественных систем чета де Леви-Ролло могла специально не принять принцессу Феира, так как она приглянулась Виталию Дьюсу.

В своих размышлениях девушки дошли до вершины, на которой виднелась беседка, нависающая над пропастью огромной глубины, дно которой было неразличимо в ужасающей черноте. Её плоская крыша держалась на толстых белоснежных, но потрепанных временем колоннах, слегка испещрённых царапинами и щербинами, появившимися вследствие дующих ветров, приносящих с собой и песок, и мелкие камешки. Между колоннами шёл крепкий парапет из часто стоящих столбиков, поэтому нечаянного падения можно было не опасаться. Ещё издали Дора заметила, что там кто-то есть. Поспешив предупредить об этом госпожу, она ждала, что та решит. Принцесса решила продолжить движение. Приблизившись, она узнала Астерикса и его свиту; двое юношей были того же возраста, что и принц, один немного младше, последний — заметно старше.

— Беллона, здравствуй! Каким попутным ветром тебя сюда занесло? Я думал, что ни одна миледи не осилит в своих хрупких туфельках забраться сюда. К тому же, большинство девушек боятся высоты.

— О, такие страхи мне не ведомы. Можешь удивиться, но темноты и мышей я тоже не боюсь.

— Да ты просто эксклюзивная особа! Бесстрашная принцесса — это что-то новое!

— Не такая я не пугливая. Как раз для того, чтобы успокоиться и набраться сил я предпочла покинуть замок и побыть где-нибудь в другом месте. Толпы в залах и дворе меня угнетают.

— Что же тебя так тревожит, если не секрет?

Принцесса посмотрела за спину принца. Там по-прежнему стоял квартет из молодых людей.

— Ах, да! — среагировал Астерикс, хлопнув себя по лбу. — Забыл вас всех представить друг другу. Господа, это принцесса Феирская, её высочество Беллона и моя троюродная сестра.

Сняв шляпы, все четверо поклонились. Один из них, тот, что выглядел взрослее всех, невольно напомнил девушке рыцаря Дерика. Нет, они не похожи лицом или фигурой, но придворный принца Офеля одет во всё чёрное, без единого вкрапления других цветов, и черты у него имели выражение крайне серьёзное, почти суровое. Страхнув с себя очередное наваждение, Беллона сосредоточилась на представлении ей свиты её кузена. Начал он с самого юного, лицо и тело которого были ещё мальчишескими, но взгляд уже изобличал внутреннюю уверенность и характер.

— Это шевалье Эйдин де Брик, — ведя рукой дальше, принц остановился на следующем, — это его брат, виконт Ивейн де Брик, будущий граф Деспертон.

Действительно, сейчас Беллона заметила их сходство. Оба среднего роста (хотя, конечно, они ещё подрастут), русые волосы до плеч, светло-серые глаза с тёмной окаёмкой по краю, большие и открытые. Астерикс представлял оставшихся, начав с того, кто смутил воспоминания принцессы.

— Князь Ромуальд Эстридж, выдающийся мастер риторики, доктор медицинских наук,

известный теолог и алхимик. Не правда ли, убедительный перечень? И это несмотря на его двадцатипятилетний возраст! Человек поистине удивительный во всех отношениях.

Пока наследник Офеля хвалил друга, у того не пошевелился ни один мускул, ни одна мышца не дрогнула на лице. Он без единого слова выслушал оду своей гениальности и разносторонности. В этот момент Беллона и поняла, что делает такими похожими Дерека и Ромуальда — их внутренний мир. Девушка вспомнила первое ощущение, когда увидела графа. У неё сразу возникла мысль, что он самоуверен и эгоистичен, заносчив и самолюбив. Сейчас у неё в голове вертелась та же идея относительно князя. Ещё у них обоих были цели в жизни, фанатичные, безумные, невозможные, но такие, которые захватывали всё их сознание и не могли отпустить. У рыцаря это был поиск легендарной женщины или разгадка тайны её исчезновения, а у этого мастера по всем направлениям — поиск философского камня. Да, Беллона знала кое-что об алхимии, хотя занятия ею были запрещены, как попытки возродить скованную и утерянную магию. Но раз сам один из наследников Южных ветров покровительствовал этому начинающему учёному, то ему возразить было нечего. А слабость к талантам и всякого рода одарённым личностям Астерикса была такой же известной, как и его вечная весёлость и оптимизм. Он мечтал, когда станет королём, создать вокруг себя двор такой культуры, равному которому не найдётся нигде во Вселенной!

Между тем принцесса нашла и различие возлюбленного с князем Эстриджем. Первый, мрачный и таинственный с виду, непреступный и даже пугающий, он был, словно затаившийся огонь — стоило выбить искру, и он начинал кипеть и гореть со всем пылом и жаром. Дерек определённо страстная натура. Второй, с виду такой же, загадочный и тёмный, но внутри, внутри было то же самое, что и снаружи — тьма и холод, который не растопить ни одному пламени, только если самой преисподней. Он был похож на тень своих друзей, в то время как граф никогда не согласился бы стать тенью. Беллона отвлеклась от сравнений, в очередной раз пообещав себе оставить прошлое на Феире, а здесь жить другими вещами, людьми и мыслями.

— А это — князь Зоурбрейд, Лоэнгрин из нас самый любитель женского общества, — принц засмеялся, похлопав по плечу товарища, которого заставил залиться краской, — а всё потому, что год назад вступил в ряды ордена Стеллы Нордмунской и уже стал его кавалером!

С Беллоной чуть не случилась истерика. Ей хотелось то ли заплакать, то ли засмеяться. Да когда же это кончится? Всё, абсолютно всё напоминало о Дереке, и от этого никуда нельзя было деться! Астерикс, видя, что даже знакомство с его свитой не сделало девушку открытее и разговорчивее, отвёл её в сторону, где никто не мог услышать разговора кузена и кузины.

— Ты так и не ответила — что тебя тревожит?

Девушка была рада тому, что принц напомнил ей о её первоначальных думах по поводу вечера, и откровенно заговорила с ним об этом. Если он поддержал её перед премьерой, то и тут не оставит без помощи и совета, или хотя бы снова поддержит морально.

— Я переживаю за то, что не придётся по душе правителям Южных ветров. Вот вся моя проблема.

— И это всё? — Астерикс деланно прыснул от смеха и деловито вперил руки в боки, что готово было обидеть Беллону, если бы он не заговорил дальше. — Велика важность! Могла бы сказать мне об этом сразу! Ты что, забыла, Мериан и Павел де Леви-Ролло — мои родители!

И в самом деле! Как же у Беллоны это вылетело из головы?! В суматохе и прочих делах:

приготовлениях, подготовках, обучению этикета, получению нужных знаний, девушка так разволновалась, что всё перемешалось вокруг, и она забыла, что Астерикс — сын императора и императрицы Южных ветров.

— Боже мой, мне кажется, тебя мне послал сам Господь. Астерикс, пожалуйста, скажи, что мне нужно делать? Как себя вести? Я помню твои наставления перед дебютом, но мне будет стыдно лицемерить перед твоим отцом и матерью.

— Вот с ними этого как раз и не стоит делать! Я дам тебе важные наставления, тщательно их запоминай!

— Слушаю тебя внимательно.

— В первую очередь, поверь мне, я поговорю с ними обоими перед тем, как они тебя примут. Я постараюсь сделать всё, чтобы отношение к тебе изначально стало располагающим. Теперь к делу. Итак, моя мать — умная, честная и гордая, но не стоит стараться подхалимничать перед ней, она сразу же повернёт всё дело так, что ты не будешь знать, как себя вести дальше. Отвечай на её вопросы прямо и искренне. Ей нравятся люди, умеющие и не стесняющиеся говорить правду. Не держи себя слишком заносчиво, самоуверенно, иначе она подумает, что ты не нуждаешься ни в чьём одобрении и постарается быстрее от тебя отделаться. Дальше идёт отец. С ним сложнее. Мало того, что ему не понравилось вчера поведение императора Голубого квазара...

— Что он такого сделал?

— На тебя обратил внимание, глупышка! Он не любит тех, кого любит Виталий, — на эти слова Астерикса у девушки возникла только одна мысль: «А я-то думала, что враждуют только Олтерн и Феир, а на Вселенской арене оказывается вон сколько битв!» — И ещё. Не поверишь, но ко всем твоим сегодняшним трудностям, мой отец — один из лучших друзей короля Элиоса Третьего. Я не знаю, что может заставить его побороть преданность давнему товарищу, и принять в круг Южных ветров принцессу Феира...

Да уж! Вот так незадача! Беллона думала, что вчера все её треволения и преграды, мешающие начать новую жизнь, закончились. А нет! Всё оставалось впереди.

— Астерикс, так что же мне делать? Я совершенно потерялась.

— Старайся просто держаться ближе к моей маме, её расположения добиться может и трудно, но легче, чем отца. А с ним ни в коем случае не заговаривай о его семье — сестре Люсинде и отце, он приходит в ярость, когда о них вспоминает, но умело её скрывает.

— А что с ними такое? Извини, если это некорректный вопрос.

— Как, ты ничего не знаешь? Тогда тебе же лучше. И не советую тебе никому задавать вопросы о них, это... как бы сказать, грязное пятно на сливках высшего общества. Ну что ж, я рассказал всё, что мог, ни пуха, ни пера тебе!

— К чёрту! И ещё раз огромное спасибо! Я буду помнить твою неоценимую услугу всю жизнь! По крайней мере, пока буду находиться в здравом уме, — девушка и юноша громко засмеялись и вернулись к своим спутникам. Молодые люди увлечённо беседовали, а фрейлина принцессы послушно стояла в стороне, как элемент местного ландшафта.

— Пойдём, Дора, мне нужно успеть привести себя в порядок перед аудиенцией, от которой очень многое зависит, — и девушки тронулись в обратный путь по резким склонам и шатким булыжникам, по которым нужно было очень осторожно ступать, тем более, в таких туфельках на каблуке, как у принцессы и виконтессы.

Приём у высокопоставленных лиц прошёл не быстро, но гладко. Он напомнил Беллоне прослушивание, когда она первый раз пела перед учителем музыки; он просил её что-либо

исполнить, и она исполняла. Только на этот раз вместо песен были фразы, слова, тексты, рассказы. Её спрашивали — она отвечала. Не успев зайти в гостиную, больше похожую на зал, где на креслах, больше похожих на троны, сидели Мериан и Павел, девушка сразу же почувствовала тепло, исходящее от императрицы. Та явно была настроена благосклонно. Она улыбалась и всё больше вела беседу доверительную и дружескую, задавая вопросы несложные и обычные, не каверзные, а, напротив, подталкивающие к нужному ответу. Император же сидел молча и только несколько раз что-то произнёс; по всей видимости, сын уговорил его принять нейтральную позицию между Олтерном и Феиром. К тому же, он любил и уважал свою супругу, а раз она отнеслась к этой девочке по-доброму, то и ему не следовало пытаться навредить ей. Беллона, даже если бы её не предупредил Астерикс, сильно переживала, и вид её никак нельзя было назвать уверенным или хотя бы спокойным. Её выдержки и нервов хватило только на предыдущее официальное действо, а сегодня она смущённо и растерянно сидела перед этими людьми, совершенно чужими, но являющимися обязательной ступенькой в её венценосной жизни. Это сразу стало импонировать Мериан, которой присуща была жалостливость и сострадание тем, кто страдал или попадал в неловкие ситуации не по своей вине. Женщина и девушка нашли одну, но очень прочную точку соприкосновения, младшую сестру императрицы — Сибилл, которую когда-то спас дедушка Беллоны Робин Второй и, которая теперь была женой Рейнальдо Линкольна, поручителя принцессы. Беллона знала её мало, можно сказать, не знала совсем, но зато само то, что её предок сохранил жизнь родного человека императрицы, сблизило их невероятно. В этом воспоминании Мериан принцесса снова почувствовала Астерикса, который, несомненно, приложил руку к тому, чтобы мать заговорила на эту тему. Одного принцесса никак не могла понять, почему Павел, родной кузен её отца, предпочитал Олтерн и наотрез отказывался даже улыбнуться ей? Впрочем, это было уже неважно, так как, в конце концов, за Беллоной признали персону, достойную Южных ветров и разрешили удалиться. Не успев выйти из «комнаты допроса», как прозвала её перед аудиенцией Габи, дочь Робина Третьего увидела троюродного брата и кинулась ему на шею. Он приподнял её и принялся кружить, а потом, поставив на место, сардонически улыбнулся.

— Думаю, судя по твоему довольному виду, глупо спрашивать, как всё прошло?

Беллона поцеловала принца в щёку, подозвала рукой своих фрейлин и, махнув ему на прощание, удалилась в свои покои, готовится к балу. «Какая разница, что император Южных ветров не одарил меня улыбкой, ведь его сын и его отношение ко мне сполна восполнили это. Никогда у меня не было такого хорошего друга! За исключением Бернардо». Принцесса вспомнила виконта Тревора и на неё легла лёгкая грусть. Она не видела его и Марию уже больше недели и соскучилась по ним, хорошо, что на Вермаше ей оставалось быть два дня.

На долгожданном балу Беллона вновь позабыла все печали. Все помехи и препоны остались в прошлом, и её ждала блистательная жизнь светской леди. Забавная и счастливая, или тернистая, с интригами, но уж точно не такая унылая, какой была до этих дней. Уже сейчас девушка ощущала, насколько занятыми были все её минуты, и насколько у неё не оставалось времени для долгих прогулок в раздумьях, для отдыха в тишине, пустой болтовни с подругами и элементарного уединения. И принцесса радовалась этому!

Уже на первом танце, который одновременно открыли чета Дьюс и Павел с Мериан, Беллона кружилась в паре с Ричардом, который снова, словно случайно, оказался рядом. Они мило беседовали и смеялись. Юноша выказывал восхищение содержательностью девушки,

хотя чувствовалось, что ему неудобно говорить комплименты. Он к этому был не склонен. Ричард редко находился в компании особ женского пола, поэтому не слишком преуспевал в том, что касалось очарования дам. Неподалёку от них стояли и наблюдали за сыном и дочерью короли Медео и Феира. Наслаждаясь предстоящей перед ними картиной, они были уверены, что всё пройдёт точно по их плану, который Робин после долгих раздумий решил поддержать.

Вторым танцем Беллоны завладел Астерикс. Ставшие друзьями, ровесники энергично поддались веселью, расковано болтая о том, о сём. Кузен поделился с кузиной, что ему бы очень хотелось иметь такую сестру, которой у него, к сожалению, нет. Та, в свою очередь, посетовала на то, что брат у неё есть, но она бы желала именно такого, как принц Офеля — оживлённого, понимающего, готового прийти на помощь. Музыка заканчивалась, обозначая смену партнёров. Беллона обещала Пауло, что следующим будет именно он, но к удивлению всего зала и самой девушки, её пригласил сам император Голубого квазара. Отказать было невозможно — все бы восприняли это как оскорбление монаршей персоне, но согласиться... не было ли это ещё худшим решением? Виталий потянул за руку принцессу в круг вальсирующих, помогая ей сделать выбор.

— Ваше величество, вам не кажется, что это сильно скомпрометирует и меня, и вас? — озираясь по сторонам, но, всё же поддаваясь движениям в ритм мелодии, Беллона замечала всё больше глаз, устремляющихся в их сторону. Любопытные, завистливые, назойливые и злобные — они ото всюду пожирали взглядом самую интересную и странную пару. Каждый делал свой вывод, но в основном они все сходились на одном и том же.

— Ваше высочество, а мне показалось, что мы вчера расстались друзьями?

— Так и есть, но, поймите, такая дружба не может долго длиться... или выставляться напоказ.

— Я знаю, что своим прошлым смущаю умы присутствующих. Однако никакого зла я вам не желаю, я просто от всей души захотел ещё пару минут с вами пообщаться, прежде чем мы разъедемся по домам.

Беллона, хорошо подумав и взвесив все «за» и «против», решила, что ничего плохого в этом нет. Расслабившись, принцесса смело отдалась во власть музыки и ведущего её кавалера. Несмотря на свой возраст, Виталий танцевал отменно. Он двигался искусно, пластично, грациозно и с изящной лёгкостью. Ему уступали в мастерстве и Ричард, и Астерикс. Беллона заметила, что Габриэль в этот момент танцует с князем Лоэнгрином, другом наследника Офеля и кавалером ордена. Что ж, виконтесса тоже радовалась возможности отвлечься от воспоминаний и развлечься. Хотя, когда принцесса представила фрейлинам свиту Астерикса, Габи тут же положила глаз на Ромуальда Эстриджа. Но он оказался не из тех, кого можно заставить выйти из тени и предаться забавам и разгулу. Несмотря на все усилия будущей графини Нови, алхимик остался непреступен и непоколебим. Не успел закончиться вальс, во время которого Беллона увлечённо общалась с Виталием, как к ней подошёл отец и попросил пройти за ним.

— Что-то случилось?

— Я всё объясню чуть позже, идём за мной.

Девушка, удивлённая и растерянная, пошла за отцом, как тот и велел. По его голосу и лицу нельзя было сказать, чтостряслось что-то страшное, но, по всей видимости, разговор предстоял серьёзный. Поднявшись по узкой лестнице в ту часть замка, где обитали его хозяева и родственники, Беллона понуро миновала свою спальню. Почему-то сейчас ей

хотелось остаться в ней и не следовать дальше. Конечной целью оказался кабинет короля Жерара, который тот любезно одолжил шурина. Пропустив дочь вперёд, Робин зашёл вторым и прикрыл за собой дверь. В комнате, на кресле перед камином, уже сидела Веста. Её руки нервно сжимались и разжимались, а каждое движение губ и глаз говорило о её крайней напряжённости. Королева находилась в смятении. Король указал дочери на кресло рядом с матерью, а сам остался стоять.

— Беллона, я не хочу заниматься пустословием, поэтому перейду к делу — разговор пойдёт о твоей помолвке.

Принцесса чуть не рухнула на пол. Вопреки тому, что сиденье глубоко погружало в себя сидящего, у неё было ощущение, что она выскользывает из него. Сознание терять она не собиралась, так как за плечами девушки были и более серьёзные переживания, но к такому подвоху судьбы она и не думала готовиться! Казалось, всё начало налаживаться, всё пошло хорошо, даже замечательно. И вот, это рушат не кто-нибудь, а её родные родители.

— Но, отец, вы просили меня самой подобрать себе мужа. Однако я такого пока не нашла, поэтому не вижу необходимости обручаться. Впрочем, и не с кем!

— Об этом тебе больше думать не придётся. Я сам подобрал нужную кандидатуру. Твоим суженым будет Ричард. Завтра же, за обедом, в кругу семьи, мы объявим о том, что вы жених и невеста.

— Ричард? Но он мне совсем не нравится! Он, он... — Беллона не знала, что сказать. Какой он? Некрасивый? Нет, с его внешностью всё в полном порядке. Скучный? Нет, с ним можно долго и занятно разговаривать. Тогда в чём дело? Сказать, что она любит олтернского графа, было равносильно тому, что саму себя заключить в тюрьму. После такого признания отец непременно запер бы её в монастырь до самого замужества, или отправил в Интермедию, до поры до времени, пока не образумится. Если бы принцесса была опытнее и знала одну простую вещь, которую знают все взрослые люди, она бы толково всё объяснила родителям, хотя им бы такое оправдание вряд ли понравилось. Ричард Линкольн не влёк её к себе, как мужчина, он не притягивал и не возбуждал. Ей не хотелось быть с ним ближе, чем они были во время вальса. Беллона не осознавала, что именно всё это она переживает при встрече с Дерекком.

— Вот видишь, ты просто сама не знаешь, что к нему испытываешь. Вы слишком мало знакомы, но пройдёт время, и вы станете прекрасной парой! Главное общайтесь побольше.

— Нет! Я же сказала — нет! Я не пойду с ним под венец и не буду его женой!

— В тебе говорит твоё вечное желание противопоставить себя кому-либо, — Робин стал суровее, — я твой отец, и мне решать твою судьбу. Тот, кого я выбрал — будет твоим мужем.

— Тогда зачем вы оба обещали мне свободу выбора? Зачем были эти ничего не значащие, напрасные слова, в которых говорилось, что вы не торопите меня, что я сама вольна строить своё счастье?

Тут не выдержала и вмешалась королева. Голос Весты был дрожащим, но, тем не менее, решительным.

— Так сложились обстоятельства. Мы не хотели гнать события, но нам приходится так поступать. Ради твоего же блага.

— Какие обстоятельства? Вы можете мне нормально объяснить, что произошло. Или происходит? — Беллона переводила взгляд с отца на мать и обратно. Тщетно она пыталась найти там путь к отступлению, оба были настроены твёрдо, а королева и вовсе категорично. Она и продолжила полемику.

— Если ты ещё ничего не слышала и оставалась слепой и глухой к творящемуся вокруг, то я всё тебе расскажу. Баронесса Клотильда сообщила мне всё, о чём ходят сплетни в замке.

— Эта выдумщица, которая рассаживает слухи?

— Прошу тебя, не перебивай! Клотильда не сказала мне ни слова лжи. Так вот, назревает скандал, и связан он с тобой!

— Со мной? Боже, но я ведь ничего такого не сделала!

— Всё из-за того, что к тебе проявил благосклонность император Голубого квазара. О нём ходят дурные слухи, он известен как человек, который портит репутацию молодым девушкам и даже замужним женщинам! Он постоянно смотрит на тебя, пытается приблизиться. Это всё пугает и настораживает нас, а окружающих заставляет осуждать тебя за то, что ты потакаешь его знакам внимания.

— Это наглая клевета! Мы с ним просто стараемся подружиться!

— Вот как? — глаза Весты потемнели и, казалось, в них засверкали молнии. — И когда же это вы успеваете?

— Вчера он по-доброму отнёсся ко мне, — Беллона пыталась выкрутиться из угрожающей ей наказанием и позором ситуации, нужно же было как-то объяснить их отношение друг к другу, не упоминая о ночи. — А сегодня за танцем мы говорили о разных мелочах. Ничего плохого или постыдного! Мама, я же обещала тебе когда-то, что никогда не подвергну имя Карлеалей осмеянию или оскорблению, неужели я должна клясться вам в том, что не преступлю законов приличия?

Король и королева замолчали. Веста повернулась лицом к огню, но обращалась по-прежнему к дочери.

— Я слышала, как тебя называли Минервой Второй. Для меня было ужасно это услышать. Я хочу, чтобы ты никогда, никогда не стала на неё похожей.

— Если бы я знала, какой она была, я бы такой не становилась. Но вы мне ничего о ней не рассказываете!

— Когда-нибудь, возможно, я всё тебе о ней поведаю, но не сейчас. Сначала ты должна устояться, как личность. Стать добродетельной, со стержнем внутри, тогда и посмотрим...

Беллона перестала слушать поучения матери, которая, порой, противоречила сама себе. Как-то она утверждала, что нужно слепо повиноваться старшим, а после этого повествовала о том, что вопреки отговоркам своего отца убедила его выдать её замуж за принца Феира. Она утверждала, что любовь с первого взгляда — это не стоящая внимания привязанность, которую нужно стараться забыть, однако рассказала, как ей хватило одного мгновения перед портретом далёкого юноши, чтобы оцепенеть от его красоты, полюбить его и через много лет стать его супругой. Супругу прервал Робин, немного смягчившийся и ослабивший напор на дочь. Он понял, что виной слухам была не она, а Виталий Дьюс и само это «высшее» общество, которое мнило себя правильным, образцом для подражания, а на деле просто завидовало и пыталось сбросить со своей высоты конкуренцию, возникавшую порой.

— Белл, извини за грубость. Мы не собираемся силой заставить тебя выйти замуж, если того не потребуют крайние обстоятельства. В любом случае, не в нашей власти приказать тебе полюбить кого-либо. Я и твоя мать не будем торопиться ещё некоторое время, но в отношении Ричарда я даю тебе эту ночь — обдумай всё тщательно и завтра за утренней трапезой дашь нам свой ответ. Когда будешь размышлять, прими к сведению одну важную деталь — ты очень понравилась наследнику Медео и пришлась по душе его родителям. Насколько я разбираюсь в людях, Ричард стал бы заботливым мужем, не требующим чего-то

сверхъестественного. Он внимателен и терпелив. И, по-моему, он начинает любить тебя...

Беллона встала, сделала реверанс в знак уважения и солидарности, и удалилась. Пока она шла по коридорам и помещениям, заполненным придворными, дворянами с голубой кровью и правителями, с поистине великой родословной, по девушке нельзя было сказать, что она хоть чуточку волнуется или испытывает какие-то потрясения. Принцесса спокойно шагала, мило улыбаясь и здороваясь. Дошла до распахнутых дверей в главный торжественный зал и застыла перед входом, оставшись в тени крайней колонны, первой из бесконечно длинного ряда. Там, в центре, при свете тысяч свечей и дополнительно вставленных в железные подставки факелов, продолжали танцевать, кружиться, выполнять сложные па люди, разные, но кем бы они не были, они, всё же, были людьми, ни чем, по сути и строению, не отличавшимися друг от друга. Так зачем же они оговаривали, вредили, плели интриги, портили жизнь? Вторая Минерва! Да, принцесса интересовалась судьбой и жизнью женщины, как-никак, она была её родной тётёй, но если она и собиралась кому-то подражать, то уж точно не ей, для этого у неё вчера был выбран другой объект. Куда более значительный и важный для неё.

Среди пар Беллона выхватила взглядом Виталия Дьюса. К её удивлению, слабому, но всё же немного встряхнутому девушку, он плясал рука об руку с Матильдой фон Даберлёф. Они оба лучезарно смотрели друг другу в глаза. Он при этом ослеплял своим чарующим оскалом хищника, а она завораживала застывшей соблазнительной ухмылкой. Так вот какова цена дружбы императора? Не прошло и получаса после его заверений в лучших к ней чувствах, как он точно так же любезничает с её фрейлиной, которую она не любила настолько, что не скрывала этого. Беллона уже не в состоянии была длительное время оставаться в уравновешенном состоянии и склонила голову, прислонившись лбом к холодному мрамору. Он слегка освежил её и придал сил для того, чтобы достойно и с высоко поднятой головой покинуть бал. В эту минуту к ней подросла Энжел с одной из своих телохранительниц.

— Я заметила тебя издалека. Мне показалось, что ты неважно себя чувствуешь? Уж не заболела ли ты, простудившись на местных сквозняках?

— Нет, Энжи, спасибо за беспокойство, но я здорова. Просто мне наскучило всё это, и я решила удалиться.

— Ты почти впервые в жизни на подобных праздниках, а тебе уже скучно? Вот ненормальная! А как же повеселиться до самого рассвета? Как же почувствовать настоящий вкус праздника и удовольствия?

— Всего этого я ещё успею вдоволь получить. А пока, тут, я испытываю дискомфорт, как будто не в своей тарелке. Как будто, против меня что-то задумано. Помнишь, как тогда, на Феире? Я рассказывала тебе о покушениях.

— Помню, конечно, помню! Бедняжка, тебя просто преследуют призраки прошлого. В таких случаях нужно кардинально менять атмосферу, окружение и всё-всё прочее. Может, немедленно займёмся этим?

— Ах, прости, но не сейчас. Я хочу побыть одна. Мне есть о чем подумать. Я стою перед дилеммой, которую вряд ли сможет решить кто-либо, кроме меня самой.

— Всегда замечала, что ты слишком глубокомысленна и часто занимаешься отвратительной вещью — самопознанием. Если бы ты относилась ко всему и всем проще, тебе и самой бы стало легче. Но, спорить не стану, могу лишь предложить проводить тебя до покоев.

— Спасибо, не стоит.

Девушка повела плечами и с сопровождающей её амазонкой затерялась в толпе. Беллона, не думая о том, куда она идёт, подчинялась своим ногам. Однажды она им уже слепо доверилась и повстречала Дерека. Так разве могли они её подвести? К тому же, для мозга работы и без того хватало. Обручиться с Ричардом. Вот так задача! Не замечая того, что шум и звуки музыки оставались где-то позади, всё дальше и дальше, девушка вышла к фонтану. Подсвечиваемый масляными лампами, конь выглядел устрашающе. Ему как никогда соответствовало слово «мощь» из девиза правителей Вермаша. Но в чём же был его «ум»? Беллона открепила одну из ламп, удостоверившись, что её света хватит ещё надолго, и покинула атриум. Выйдя во внешний двор, принцесса, в богатом и переливающимся драгоценными камнями, ярком голубо-жёлтом платье, приковала к себе взоры стражи и охранников, отвечавших за безопасность замка. Они ничего ей не сказали, а один из них лишь рассыпался в поклонах и приседаниях, когда она попросила отворить калитку, выводящую за пределы королевского дома. Он беспрекословно выполнил просьбу и попросил, когда она вернётся, стукнуть по дверце трижды, тогда он снова её отворит и впустит племянницу Виктории Атики. Беллона поблагодарила его и отправилась туда, где днём обрела уверенность и хладнокровие — к беседке над обрывом. Одно дело было совершать такое путешествие ночью, но совсем другое — ночью на Вермаше! Ведь небо его было темнее самой чёрной расщелины ада; ни лун, ни крупных звёзд, только лампа в руке девушки. Но у принцессы была одна замечательная и часто помогающая ей особенность — она имела удивительную зрительную и осязательную память, поэтому с поддержкой хилого огонька Беллона с лёгкостью сориентировалась по единожды пройденной тропке, и, вскоре, достигла вершины, ни разу не споткнувшись и ни разу не оступившись.

Стоя уже в беседке, облокотившись на перила, принцесса пожалела, что не взяла с собой тёплый плащ, так как подувший ветер, развевающий её локоны и треплющий юбки, был не то что свежим, а буквально холодным, пронизывающим до костей. Прикрывая рукой во время особо сильных порывов слабое пламя светильника, Беллона стала подумывать, что надо бы возвращаться, как вдруг вздрогнула от того что ей на плечи опустилась накидка, подбитая тонким мягким мехом. Обернувшись, девушка увидела королеву Сивиллу.

— Тётя? Как ты нашла меня? — из молчания женщины Беллона поняла одно: пора бы ей привыкнуть к чутью и непредсказуемости Сивиллы и перестать задавать дурацкие вопросы. — Ты боялась, что меня продует? Не переживай, у меня здоровье достаточно крепкое, чтобы не схватить простуду. Да, к тому же, я не собиралась долго здесь торчать.

— Я волновалась не только из-за этого. В этих горах живут волки, разве ты не знаешь об этом?

Беллона знала, но забыла, как и многое, что вылетало у неё из головы в связи с последними событиями. Она и правда слышала их вой из своей спальни, но он казался таким далёким, что о серьёзной возможности встретиться с этими зверьми, принцессе не мыслилось. Приняв безмятежный вид, девушка снова повернулась к парапету и посмотрела вдаль, а вернее — никуда, ведь горизонт был покрыт той же тьмой, что и всё вокруг. Действительно, вой можно было слышать и теперь, но прежде он не был таким близким и реальным.

— Волки — животные ночи, они боятся света, а у меня с собой есть огонь, который при желании можно разжечь сильнее и отпугнуть их, — заявила Беллона.

— Это верно, но если начать обороняться агрессивно, то они уйдут лишь на время,

затаив ещё большую злобу и обиду от унижения, ведь здесь — они законные хозяева. Волки что люди, только обличье имеют другое...

Теперь принцесса наконец-то поняла, о чём пыталась втолковать ей тётя! Та никогда, или редко, говорила прямо, предпочитая метафоры и сравнения, загадки и ребусы, чтобы собеседник сам додумался до того, что от него требовалось. Сейчас речь шла о тех, кто находился в замке и кто пытался испортить Беллоне репутацию и дальнейшую судьбу, кто пытался запугать её, чтобы она знала своё место. Можно было найти главных заводил и сплетниц, оговорить их, припугнуть, утратить любыми методами, но разве этим избавишься от такого количества женщин и девушек, желавших жить её, Беллоненной, жизнью? Сравнение с волками было как нельзя более точным.

— Но, Сивилла, как же тогда отвязаться от их преследования? Как огородиться от зла, идущего от них?

Тётя снова ничего не сказала. Поведя рукой куда-то в сторону, откуда они пришли, она шагнула в ту же непроглядную черноту. Беллона было последовала за ней, но вдруг заметила сверкающие пары глаз и тихо вскрикнула, больно прикусив губу. Девушка застыла, не зная, что предпринять, понимая, что они окружены немногочисленной стаей волков. Королева Луны дальше сделала то, что принцессе представилось миражом — это было слишком сказочным для реальности, но слишком реальным для сказки. Женщина подошла к самому крупному животному — по всей видимости, вожаку стаи — погладила его по вытянутой мордочке и он, о чудо! сел перед ней, будто преклоняясь, и завилял хвостом, как верный пёс. Остальные последовали его примеру, пригнувшись, но поджав свои хвосты. Сивилла заговорила:

— Просто нужно понять, что они нападают, только когда измучены нуждой или когда сами боятся нас. Не нужно противостоять им и враждовать с ними. Постигни их разум, отнесись со снисхождением, покажи, что ты равна им, и не уступишь предназначенного тебе одной места.

— То есть, стать такой же, как они?

— Вот видишь, ты опять думаешь, что волки недостойные и грязные лесные звери. Но это не так! У них есть душа, как и у всего живого, есть чувства и ум.

Вот оно! Ключевое слово «ум». Он состоял в том, что и делал мраморный конь — занимал своё место, не оспаривая его ни с кем, не мешая никому. И в то же время, не привлекая к себе внимания, он являлся постоянным его центром. Наблюдал за всем сверху, поглядывал с тем самым снисхождением и был невероятно умён своим поведением. Странно Беллоне было принять, что мёртвое изваяние оказалось мудрее её, всегда стремившейся быть особенной, или невольно становившейся средоточием наблюдателей. Так вот в чём была загвоздка: не успев появиться в свете, она уже замаячила рядом с императором Голубого квазара, то есть там, где ей пока быть не предназначалось. Прыгнула выше головы. Нужно было вернуться с небес на землю и продолжить своё постепенное восхождение. Нужно было умерить свой пыл и перестать на какое-то время думать о Стелле, Минерве, Виталии, и быть самой собой, не подражать и не подделываться под кого-либо. Сивилла повернулась посмотреть на племянницу. На её лице возникло довольство оттого, что она прочитала в глазах девушки.

— Ты всё правильно поняла. Волки могут быть и союзниками между собой, когда они все равны перед вожаком, и они могут принять к себе в стаю нового волчонка. Если он позволит им руководить и направлять его, до поры, до времени. А там, кто знает, может он и

сам вырастет в вожака... — звери поднялись с земли, и, сбившись в тесную кучку, уходили вниз, с гор, в леса. Королева взяла Беллону под руку и сказала, что пора идти обратно, иначе о них могут что-нибудь не то подумать. Девушка безропотно последовала в замок, но, уже подходя к калитке, остановилась и снова обратилась к Сивилле.

— Тётя, а что мне делать сейчас? — принцесса была уверена, что не нужно делать уточнений, так как эта женщина, унаследовавшая древние тайны колдовства и чародейства, скорее всего, уже догадывалась о происходящем. — Что мне ответить завтра отцу и матери?

— Прими то решение, которое подскажет тебе сердце. И не робей, когда дело касается твоего счастья — оно стоит того, чтобы за него побороться. Главное определи для себя, в чём именно оно заключается, иначе изберёшь не то, что нужно.

Пытаясь найти ответ на вопрос «в чём же именно заключается моё счастье?», Беллона долго не могла уснуть. Постановив, что уж точно не в браке с Ричардом Линкольном, принцесса вынесла за завтраком свой вердикт: с наследником Медео они друзья, и только друзья. Помимо этого между ними ничего быть не могло. Родители приняли это с разочарованием, но всё же покоряясь судьбе. Больше настаивать они не стали. Из замка потихоньку разъезжались гости. Становилось пусто, грустно и ещё холоднее. Князь Дмитрий Рейнтфилд передал Беллоне устное послание от Виталия Дьюса, что он хотел бы с ней попрощаться, но она на него ничего не ответила, и только идя по открытой галерее одной из башен с Габи и Дорой, наблюдала, как он отъезжает со своей свитой, придворными, императрицей и её огромным окружением нарядных и пышущих избалованностью леди всевозможных титулов. Она не стала всматриваться в это столпотворение и поспешно отодвинулась от окна, чтобы и её никто не заметил. Её сердило, не успела она ещё подняться с кровати, буквально всё, такой, видно, был день. Этому немало способствовала неважная погода. Ещё её рассердило пренебрежение Матильды своими обязанностями фрейлины — сопровождать госпожу. Та куда-то запропастилась. Это было на руку Беллоне, ведь когда есть причина для недовольства, её можно высказать, а последствием этого может стать удаление баронессы от двора.

Чуть позже ей пришлось проститься и с Астериксом. Вместе с отцом и матерью и четырьмя друзьями, он уезжал к себе в Южные Ветра, как всегда беззаботный, радостный и в состоянии вечного праздника. Такое ощущение, что омрачить его существование было просто невозможно. В то время как кузина едва сдерживала слезу при расставании на неопределённый срок, он продолжал улыбаться и говорил ей приободряющие слова. Императрица Мериан тоже подошла к Беллоне. Она выразила своё удовлетворение по поводу девушки и пожелала, в будущем, познакомить её с наречённой невестой сына, Лилой. Той недавно исполнилось шестнадцать и её ожидало испытание, которое стойко выдержала принцесса Феира.

— Вы непременно станете подругами. Она, судя по рассказам Астерикса, походит на вас характером.

Беллона низко поклонилась и поблагодарила за добрые слова. Оставшийся день ей надлежало провести среди родственников в одном нудном, но очень важном занятии — ожидании приглашения на следующее торжество или праздник от какого-нибудь правителя. Конечно, этого могло и не произойти прямо сегодня, или завтра. Приглашение могло прийти и потом, на Феир, вместе с гонцом или посыльным. Но это значило бы, что успех принцессы не был полным и то, что её отъезд куда угодно по собственному желанию откладывался. К счастью Беллоны, уже поздним вечером, когда она сидела и грустила в компании фрейлин, к ней прибыла Энжел, с видом самодовольным и раздувающимся от собственной значительности.

— Догадайся, для чего я к тебе пришла?

— Это нетрудно. Наверное, как и все, попрощаться и оставить меня совсем одну, пока завтра я и сама отсюда не уеду.

— А вот и нет, не только для этого! — наследница Гиганта протянула подруге конверт.

— Что это?

— Открой и прочитай.

Беллона, с надеждой в душе и с трясущимися руками сорвала громоздкую синюю восковую печать и вытащила оттуда сложенный пополам листок. По краям он был оформлен замысловатыми узорами, вроде холмиков и вершин скал — полукругов и острых углов, чередующимися между собой. От бумаги пахло духами и чернилами. Содержание было следующим:

«Её высочеству принцессе Феирской, Беллоне.

Приглашаю Вас со свитой на торжественное венчание моего брата — герцога Гиганта Эдгара Бига, с баронессой Антуанной ди Пуа, которое состоится 1-ого числа следующего месяца в храме Великой Богини, на Гиганте. Но Мы будем ждать Вас несколько раньше, чтобы Вы успели устроиться и почувствовать себя, как дома. Написано 20-ого июля в замке Атика-Форт.

Её величество Элизабетта I, королева Гиганта»

Первым делом принцессе хотелось запрыгать от радости. Так скоро! Её позвали! Её ждали, и скоро она сможет сама выбирать куда ехать! Но потом настал внезапный приступ разочарования. На свадьбе дяди Энжел она должна быть первого августа, а на Северной Луне ей хотелось быть уже двадцать девятого июля.

— Вот, возьми, — принцесса Гиганта вынула из поясной сумочки ещё один точно такой же конверт, — передашь брату.

Стоило ей это произнести, как Габриэль подскочила со стула и выхватила письмо вперёд Беллоны, которая слишком медленно тянула руку, в связи со своим удрученным состоянием.

— Позвольте, это сделаю я. Меня не затруднит, и даже доставит удовольствие.

Возражать никто не стал. Энжел и её спутницы всегда помогали Габи в её развлечениях и потехах, Дора никогда не встревала в разговоры вышестоящих, Матильда как-то странно целый день не пыталась ехидничать, язвить и портить настроение, а Беллона озаботилась другим. Она пробежалась ещё раз глазами по строчкам и снова подчеркнула для себя одну фразу — венчание герцога с баронессой. Как такое могло быть? Она сама ведь тоже, по сути, будущая герцогиня, значит что же, ей можно выйти замуж за графа? Энжел уже собралась уходить, когда Беллона её остановила.

— Энжи, слушай, а твой дядя Эдгар, он...сколько ему лет? — принцессе не хотелось сразу выдавать свои мысли и невоплощаемые в жизнь планы.

— О, ты тоже уже слышана о том, что мой зрелый дядя нашёл слишком молодую невесту? Ему сорок один, ей двадцать два. Ну и что ж? Неужели, ты это осуждаешь?

— Нет, я совсем не этим была удивлена, — Беллону слегка сбил с толку новый факт из биографии Эдгара Бига, поэтому она не сразу снова заговорила, — просто, он же герцог, а она — баронесса!

— И что же дальше?

— Как что, а закон, принятый в две тысячи девяносто третьем году? Он же запрещает монархам вступать в брак с кем-либо, кроме кого-то тоже королевской крови, и наоборот!

— А, ты об этом! Нет, мой дядя может и распутник, и бес в ребро ему ударил, но законы он не преступает. Во-первых, он уже был женат на королеве, у него родился сын, а его супруга скончалась в послеродовой горячке. А во-вторых, тщательнее изучай политику, Белл. В этой статейке про свадьбы венценосных особ есть оговорочка. Если до сорока лет эта

особа не находит себе равного по рождению благоверного, то после четвёртого десятка может удовлетвориться любым приглянувшимся. Разумеется, опять же, из дворянской семьи. Так что, вот такие дела.

После этого разговора, Беллона снова полночи ворочалась с боку на бок. Чудненько! Она вполне может стать графиней Аморвил, осталось только подождать самую малость — двадцать с лишним лет. И то, если повезёт, и она к тому времени ещё не будет замужем. А это полностью зависело от родителей.

Следующий день, как и все последние дни, был таким насыщенным, что у Беллонь снова не оставалось времени подолгу останавливать мысли на чём-то одном. Ещё до обеда она простилась со всеми родственниками: тётей Викторией и её мужем Жераром, их сыновьями и своей маленькой кузиной Аннет, дядей Вильгельмом и Сивиллой. Мельком ей удалось перекинуться парой фраз с отцом Марии, королём Антонио. Она хотела рассказать ему, как поживает его дочь, но заметила, что эта тема не сильно его волнует, и он старается перевести разговор. Что ж, тогда это были не её трудности, и Беллона с чистой совестью приготовилась к отправлению домой. На самом деле она немного страшилась этого возвращения. Придётся вернуться в ту атмосферу, в которой всё напоминало о Дереве. И не будет толп людей, друзей и родственников, которые бы постоянно отвлекали от воспоминаний. Успокаивало то, что по прибытии можно будет сразу же начать собираться на Гигант. А по ходу дела обмениваться впечатлениями с Марией, Бернардо, Сержио, если он, конечно, ещё не отбудет к тому времени на Северную Луну. Если же отбудет, то принцесса с нетерпением будет ждать его возвращения, чтобы он подробно рассказал, как всё прошло. Хотя сидеть сложа руки ей, опять же, будет некогда. Началась новая, отличная от прежней, другая жизнь, светская, похожая на воронку, образовавшуюся на воде — она закручивается и засасывает в себя, из неё очень сложно выбраться, а порой просто невозможно. Да и хотела ли сейчас Беллона из неё выкарабкиваться? Она точно знала, что нет, иначе тень графа Аморвила никогда, ни на миг не оставит её в покое. Страшась одиночества, девушка забралась в карету, где её уже ждали Габи, Дора и Матильда. Габриэль уже тараторила без умолку, что порадовало до глубины души принцессу, которая бросила последний взгляд на Атика-Форт, в котором открылись двери к самостоятельности и в котором начался путь к свободе, долгожданной и спасительной. Но сумеет ли Беллона верно ей распорядиться? Родители, которые ехали в карете чуть впереди очень на это надеялись. Король Робин был уверен, что его дочь не поддастся дурному влиянию со стороны, а сама по себе она не наделает глупостей. Веста же была погружена в противоположные мысли. После того, как она сделала открытие, что Беллона и олтернский рыцарь нравятся друг другу, её перестало покидать беспокойство, что девушка может совершить какую-нибудь страшную ошибку, которая будет иметь большие последствия. А уж после пребывания на Вермаше, поведения императора Голубого Квазара и возникших мелких сплетенок, у королевы Феира появилось нечто вроде фобии — обнаружить в дочери что-то от своей покойной сестры. К своему кошмару такого она находила не мало. Поэтому, как и Беллона, женщина искала спасения в болтовне своих фрейлин — баронессы, маркизы и двух графинь.

Теперь самое время уделить внимание немаловажному предмету — порталу, с помощью которого собственно все и перемещались с одной планеты на другую и не только. Итак, как же всё это происходило? Порталы представляли собой везде фактически одно и то же: своеобразный павильон, наподобие античных храмов — белоснежный, на колоннах,

находящийся на возвышении. Внутри располагалось всего одно помещение круглой или овальной формы, в центре которого тоже возвышалась площадка, вмещающая от двадцати до ста человек или несколько экипажей, запряжённых четвёркой лошадей. Эта осторожность была продумана с целью предотвращения внезапного нападения или нежелательного проникновения армии чужестранцев, но эта же осторожность затрудняла передвижение правителей с большими свитами или дипломатические посольства, которые обычно прибывали очень большими составами. А поскольку им уступали очередь по особым указаниям и документам, то образовывались пробки из купеческих караванов, граждан, путешествующих по личным делам, студентов, праздных бродяг, ученых, рыцарей, компаний дворян, едущих в гости.

Эта площадка была подвижной, то есть могла вращаться по кругу. На неё было направлено множество зеркал и кристаллов, которые преломлением лучей и падающего света помогали магическим силам телепортировать путников в то место, куда они собираются. Хотя магию и запретили, но эти порталы остались единственным, что не предали разрушению, а, напротив, способствовали их нормальной работе и функционированию. Они были трёх видов: внутренние, которые на особо крупных планетах могли переместить кого-то или что-то на расстояние более чем две тысячи километров, внешние, которые в основном располагались около столиц или королевских владений, они перемещали с планеты на планету или на кафедральный портал, третий и последний их вид, тот, который находился у выхода из системы и с которого можно было переместиться в другую систему. На нём обычно находилось огромное количество войск с каждой планеты из этой системы. Это был своеобразный таможенный пост, с очень строгими правилами и долгими досмотрами, разумеется, если ехал простой человек или несколько людей обычного вида. Королей и императоров никогда не задерживали в таких местах.

На Вермаше портал находился с противоположной стороны города. То есть, выехав из замка, туда нужно было добираться около часа, пересекая столицу славного королевства. Принцесса с подругами с интересом разглядывали прохожих и местные строения, которые немало отличались от феирских. Основная часть населения была дворянского происхождения. Придворные жили всё лето в городе и лишь осенью отчаливали по родным пенатам, где располагались их обширные владения. Хотя их городские дома тоже мало отличались от дворцов, которые теснились друг с другом бок о бок. На зиму эти светские особы недорого сдавали свои особняки купцам, лавочникам, врачам, преподавателям или артистам, чтобы дома не пустовали и не обветшали. Поэтому зимой жизнь Верстола — а именно так называлась столица — продолжала кипеть и бурлить, иногда даже ещё сильнее, чем летом. К новому году город и вовсе делался похожим на одну сплошную ярмарку или арену, где веселились, пели, торговали, танцевали и проводили безобидные соревнования, больше похожие на игры для детей.

Беллона улыбалась и махала всем дамам и мужчинам, которые кланялись её карете. Печаль охватывала девушку всё сильнее, ей казалось, что на Феире её снова ждут грусти и расстройств. Но на Вермаше она тоже не нашла успокоения и решения всех своих проблем. Стало быть нужно двигаться дальше, как сказала Энжел, полностью сменить обстановку и окружение. С обстановкой она была согласна, но вот с окружением... Беллона ужасно себя чувствовала, когда оказывалась среди незнакомых людей, поэтому этот пункт придётся опустить. Как любительница природы, принцесса сейчас жалела лишь о том, что не выкроила пару часочков для прогулки по знаменитому лесу, который говорил неведомыми

голосами духов прямо у подножья замка. Когда ещё ей представится случай увидеть что-либо кроме своих полей да лесочка, расстилающегося между дворцом Карлеалей и Риджейсити. Впрочем, о природе Гиганта Беллона ещё тоже ничего не знала, а там она будет уже через неделю.

Портал на Феире находился между Риджейсити и Стенбурдом, следующим по отдалённости от королевского дворца городом. Он был почти в два раза меньше столицы и больше напоминал крепость, так как большая часть его населения представляла собой военных, солдат, гвардейцев и их семьи, которые следили за пребыванием и убыванием кого бы то ни было с планеты или на планету. Их мэр вёл строгий учёт всех перемещений с помощью целого штата секретарей и писцов.

Таким образом, уже добравшись до родного Феира, королевской свите ещё следовало ехать не менее трёх-четырёх часов до загородного дворца. После Вермаша местное лето казалось душным и жарким, благо поездка выпала на послеобеденное время. Беллоне не хотелось, чтобы эта карета останавливалась. Она бы вечно ехала и ехала вот так, не зная никаких хлопот и проблем, там, за дверцей. Правда, после пары часов тряски, она так утомилась, что уже согласна была поскорее прибыть в свои покои, упасть в прохладный бассейн, потом расслабиться в тёплой ванне, хорошенько вымыться с дороги, и забыться долгим беззаботным сном. Вскоре её мечты воплотились в реальность, и она уже лежала на шёлковых простынях, умиротворённая и засыпающая. «Я так устала, что даже не зашла ни к Бернардо, ни к Мари. Они обидятся, что я не поздоровалась с ними. Впрочем, могли бы заглянуть и сами. Но, я думаю, Габриэль со всем справится за меня. Она, наверное, уже обежала весь замок и рассказала всем о своих впечатлениях. А самое главное передала приглашение Энжел Робину. Боже! А если там сейчас князь?! Нужно было додуматься заранее...» Но принцесса была так вымотана, что уснула, не попытавшись узнать, грозит ли её подруге какая-либо опасность от МакДжойна или нет.

Возможно, это было и к лучшему, что Беллона не сразу узнала о тех изменениях, которые произошли в её отсутствие. Ей нужно было хорошенько отдохнуть, прежде чем всё услышать и подготовиться ещё сильнее к тому, что её ожидало в ближайшем будущем. А пока ей снились смутные непонятные сны, всё кружилось хороводом: лица подруг, знакомых, родственников, Дерека и та маска, под которой спряталось лицо, укравшее её первый поцелуй. Ничего конкретного из этого сна изъять было нельзя, а всё вместе представляло собой полный абсурд. Такой и была первая мысль Беллоны, когда она проснулась утром — всё, что с ней происходило до сих пор, похоже на какой-то абсурд, бардак. Нужно как-то упорядочить собственную жизнь. Когда есть цель — а она у неё была — нужно не просто держать всё время её в голове, но и представлять хотя бы приблизительно, как её добиться, иметь план, что ли. Но, помня своё обещание, отдать всё в руки судьбы до конца лета, Беллона решила, что попробует его начать сначала, зачеркнув всё от того весеннего денька семнадцатого мая, когда её понесло гулять по всему дворцу, и до сегодняшнего утра, в котором она проснулась, озарённая этими свежими позитивными мыслями.

— Сержио, ну наконец-то я встретила хоть кого-то! И я безумно рада, что этим кем-то оказался ты! — Беллона бродила по замку с Дорой уже добрых три часа. Направившись на прогулку сразу после завтрака, они надеялись встретить кого-нибудь знакомого и хорошо провести время, но вот приближался обед, а в её восточном крыле было пусто. Марии не было. В поисках Бернардо девушки забрели в крыло королевы, но там сообщили, что он уехал на Олтерн с дипломатической миссией. Тогда ничего не оставалось, как пойти в западное крыло, чтобы вытащить оттуда Габриэль, которая, как оказалось, с вечера никуда не пошла, будучи такой же уставший, а побежала передавать приглашение с утра пораньше.

— Ваше высочество, с возвращением! — маркиз учтиво поклонился. — Как прошла ваша премьера?

— Всё прошло замечательно, как-нибудь я тебе расскажу всё в подробностях, но пока у меня самой миллион вопросов, я очень надеюсь, что ты сможешь на них ответить.

— Я постараюсь, если позволит моя осведомлённость.

— Во-первых, зачем Бернардо уехал на Олтерн?

— Это задумка принца. Он решил, что раз рыцари приезжали налаживать отношения для будущего к нему, то он тоже должен отправиться туда с делегацией и тоже понапрягать там всех своим присутствием. Вы же знаете своего брата, он любит веселиться, а для того, чтобы его с компанией не вышвырнули вон за неподобающее поведение, он взял Бернардо и ещё парочку серьёзных ребят из нашего консульского кабинета, чтобы они придали прибывшим приличествующий вид.

— А он, что, поехал с визитом к рыцарям?

— Нет, хуже, к тринадцатилетнему принцу Эдгару.

— Боже, да за такую насмешку король Элиос объявит войну!

— Не беспокойтесь, этот мудрый король вряд ли воспримет вашего брата в серьёз. Тем более, там есть королева, которая имеет не меньший вес, чем её супруг, а уж она-то не позволит обидеть такого обаятельного молодого человека, как наш принц Робин.

— Хорошо бы было. А что же ты? Почему не сопровождаешь его?

— Ну...я должен отбыть через пять дней на Северную Луну.

— Ах, да! Я совсем забыла. День рождения Стеллы Нордмунской...

— Именно оно. Я не могу его пропустить, сами понимаете, это очень интересное событие. На нём каждый год узнаёшь много нового, Маурицио Стеллон — незаурядный человек, обладающий мастерством красноречия и неисчерпаемыми знаниями. Слушать его — одно удовольствие.

— Как бы я хотела быть там вместе с вами!

— Вас действительно всё это интересует? Тогда вам обязательно нужно будет там появиться, — о'Лермон осёкся, он вспомнил с чем, вернее, с кем, связан жгучий интерес принцессы к их ордену. — Вы получили приглашение куда-нибудь?

— В том-то и дело, что получила, но на первое августа. Я поеду на Гигант, и не успею вернуться даже на закрытие вашего рыцарского торжества. Хотела поделиться этой напастью с Марией, но, как вижу, она уехала к себе домой, чтобы не скучать в наше отсутствие. Мне её так не хватало на Вермаше...

— Наверное, я вас удивлю, но эрцгерцогиня вовсе не в Риджейсити. Она уехала вместе с компанией принца.

— Что?! Как же так вышло? Она же...

— Незаконнорожденная? Я и Робин говорили Бернардо тоже самое, но он упорно не хотел отказываться от своей идеи и, в конце концов, так и настоял на своём, увезя Марию на Олтерн.

Для Беллоны это было как гром среди ясного неба. Она, принцесса Феира, не может поехать к Дереку, сковываемая множеством условностей и законов, а её безродная кухня спокойно отправляется именно туда, куда бы хотелось Беллоне. Наверное, именно в этом и всё дело. Она сама слишком значительная и видная персона, к которой постоянно приковано чьё-либо внимание, а Мария, простая девушка, может незамеченной переместиться куда угодно. Когда первое ошеломление прошло, девушка смягчилась и даже улыбнулась.

— Я знала, что Бернардо настоящий друг. Ни один человек больше не посмел бы пойти на такое — плюнуть на все эти великосветские премудрости и взять с собой человека из-за его личных заслуг, а не родословной. Мари скорее всего так скучала одна, ей конечно же было обидно, что она не побывает на роскошном празднике в честь дня рождения тёти Виктории, вот Берни и пожалел её.

— Я думаю, она и на Олтерне ничего великолепного не увидит, её ведь не допустят ко двору. Чтобы был хоть какой-то повод для того, чтобы она поехала, Бернардо приписал её к купеческой части делегации, которая возложила на себя миссию обмена культурами. Мать Марии поставщица лучшей ткани на Феире, вот дочь и поехала установить торговые связи ради дела матери.

— Значит, отдохнуть и развлечься ей не удастся. Жаль. Но зато она увидит новые места, увидит ту землю, которую наши подданные до сих пор называют «вражеской». Не скрою, я бы хотела поменяться с ней местами.

Беллона продолжала беседовать с Сержио, но всё это время её не покидали противоречивые мысли. Она и радовалась за двоюродную сестру, и завидовала ей, она и была благодарна виконту и злилась на него. Только один факт не вызывал в ней раздвоенности — вместе с Робинем уехал князь Сториан МакДжойн, а это означало, что за Габриэль можно не волноваться до того момента, пока они не уедут на Гигант и не вернуться оттуда.

Габриэль же была прямо противоположного мнения. Когда она узнала, что Сториана нет во дворце, да и вообще на Феире, её раздражение нельзя было унять несколько часов. Страсти кипели в душе юной виконтессы, которая проклинала всё, на чём свет стоит, а в первую очередь — принца Робина с его дурацкими затеями. Потом она немного утихомирилась и постепенно пришла к тому же тоскливому настроению, что и в предыдущие дни, которые она изводилась на Вермаше. Утешаясь прижиманием к груди приглашения на Гигант брата Беллоны с его друзьями, Габи всегда носила его с собой и удручённо вздыхала, потому что оно так и не было передано адресату.

Дни летели незаметно. Мадам Бланж вернули ко двору, чтобы она просветила дочь короля по поводу политики и истории Гиганта. Для остального наняли другую особу, более юную, чем гувернантка принцессы, но всё равно достаточно зрелую. Эта мадам Рул долгое время жила там, куда Беллоне предстояло отправиться, поэтому она наущала её во всех тонкостях, что там принято, а что нет. Она утверждала, что Феир и его двор будут казаться настоящим скопищем богословов, настолько на Гиганте жизнь бьёт ключом, всё там

прекрасно и весело, просто и непринуждённо. Пожалуй, эта дамочка стала спасением для Беллоны в эти дни, потому что Габриэль превратилась в собственную тень, после того, как узнала, что Сториана ей не видать ещё пару недель. Она даже нашла общий язык с Дорой и они вдвоём практически молча блуждали среди кустов роз до любимой беседки спрятавшейся в двух тополях с ивой, и обратно. Говорили они в основном о единственном в чём сходилась их интерес, и что они обе любили — о кошках. Виконтесса Незардроун восхищалась Ромашкой и сетовала на то, что её любимицы и любимцы остались у неё дома, так как вряд ли перенесли бы долгий и утомительный путь, который преодолела она, чтобы стать фрейлиной. Габи бы с удовольствием поделилась сердечными переживаниями, но новая подруга в этом ничего не смыслила, а Дора поговорила бы о литературе, да вот беда, наследница графства Леонверден в свои семнадцать держала в руках от силы десять книг: легкомысленные любовные романчики или сказочные истории.

По настоянию мадам Рул, Беллона устроила званый вечер, на который следовало пригласить одних девушек. Ведь на Гиганте женщина была главной по всем параметрам: она была центром внимания, была лучшей, красивейшей, умнейшей и так далее. Она устраивала балы и выбирала гостей на них. Именно с этой целью — почувствовать ответственность, самостоятельность и, самое главное, раскованность — мадам Рул и придумала небольшие посиделки. Беллона долго размышляла, кого же позвать, но знакомых у неё было не так много, поэтому пришлось остановиться на тех, кого она просто знала: Габи, Дора, Матильда, Британика и Дария Салис. Перед последней принцесса чувствовала вину, поэтому хотела хоть как-то развеять горе девушки из-за разлуки с любимым, ведь она была причиной этой разлуки. Тем более что бедная девушка не покидала с тех самых пор Финкер-Оренстофф, занималась тихой помещицкой жизнью и хозяйством графства, управление которым так внезапно обрушилось на её хрупкие плечи.

Британика тоже была не в лучшем состоянии духа. После того, как она потеряла ещё не родившегося ребёнка, она целый месяц хворала, а теперь полностью выздоровела, но врачи запретили ей ближайшие полгода заводить детей. Рана в боку хоть и не представила тогда опасности для жизни, но была глубокой и серьёзной, поэтому о ней нельзя было просто забыть. Теперь, как только девушка при неловком движении ощущала боль и прикладывала руку к оставшемуся под платьем шраму, Беллона вспоминала тот вечер, тот бал-маскарад, ту оплошность, вспоминала всё... Но мадам Рул учила, что на Гиганте женщины никогда не уходят от неприятностей, а смело кидаются их решать. А если у них есть неприятные воспоминания, то их напротив стоит прокручивать в голове как можно чаще, чтобы закалить нервы и перестать реагировать на то, что раньше раздражало или приносило огорчения. Таким образом, на Гиганте трудно встретить человека (да-да, мужчины там тоже исповедовали ту же психологию) у которого на лице были бы написаны его проблемы или бы он постоянно задумывался и хмурился. Нет, там все любили жизнь во всех её проявлениях и брали от неё только лучшее, плохое предпочитая не трогать.

Собравшиеся шесть девушек под предводительством одной многоопытной женщины не были расположены к забавам. Разве что Беллона и Матильда. Первая самую малость, а вторая напротив просто-таки полыхала счастьем, казалось, у неё в жизни произошло что-то такое, чего она ждала и жаждала больше всего на свете. Или это что-то должно произойти. Скорее всего, так и было, иначе она не преминула бы похвалиться перед принцессой. Мадам Рул решила развеять это сонное царство, в которое её пригласили преподавать обычаи и традиции Гиганта. Но так как она любила своё дело и с душой отдавалась ему, то ей

искренне захотелось взбодрить всех девушек.

— Итак, что я вижу. Суровые и безрадостные лица. Как будто у вас кто-то умер. Поймите, жизнь и молодость идёт, а вы уцепились за какую-то омрачающую деталь в прошлом и держитесь за неё. А зачем? Вот вы, ваше высочество, я вижу, что вы пытаетесь не думать о чём-то, но у вас не получается. Если держать всё в себе, то можно стать похожим на каменную глыбу, серую и неинтересную. На Гиганте всё по-другому. Если у кого-то случается беда, то друзья, родственники, подруги, все приходят на помощь. И если эта проблема не материального характера, то они просто поддерживают добрым ли словом, ласковой улыбкой, неважно! Но человек бодрится и уже на следующий день он готов жить, любить и радоваться снова! Будьте открыты, никто сам не станет навязываться вам, если не увидит, что вы в нём нуждаетесь. Общайтесь свободней, разговаривайте, умеете посмеяться над собой. Это относится и к вам, ваше высочество, если вы этому не научитесь, то Гигант приведёт вас в замешательство, особенно его королевский двор. Понимаете, там нет такой скованности и застенчивости, которую Заседание Министров и Представителей власти всех держав уже удачно привили на большинстве планет.

— Я заметила это по платьям, которые носит принцесса Энжел, — вставила Беллона.

— Представляю, вы, наверное, были шокированы, но раскованность тамошних жителей не только внешний атрибут, но и внутренний. И это то, чему у них стоит поучиться! Люди там умеют жить. Не только богачи, вовсе нет! Даже крестьянин знает, как устроить для себя праздник. И вам, скорее всего, придётся носить те же наряды, что и принцесса Энжел. Например, я с удовольствием бы жила там ещё и ещё.

— А что же вам мешает? — недовольно спросила Габи.

— Моя работа. Так сказать, у меня долгосрочная командировка. Я преподаю в Королевской академии Риджейсити культуру Гиганта, не только этикет и законы, но и их литературу, их танцы, а также некоторые особенности языка, он немного отличается от местного. Кстати, всему этому я вас обязательно обучу, но чуть позже.

— Но сами-то вы местная? — поинтересовалась Габи.

— Да, родилась я тут, в Риджейсити. Когда я оканчивала университет, к нам приехал профессор с Гиганта, он принимал у нас экзамены. Он был старше меня на двадцать лет, но я вышла за него замуж. И когда получила диплом уехала следом. Там я получила второе высшее образование, мой покойный супруг устроил так, что я сумела поступить в лучшее высшее учебное заведение.

— Так вы вдова? — снова вставила Габриэль.

— Я никогда себя так не называю, это слишком траурно звучит, не находите? Тем более я уже давно не страдаю по своему мужу. Я не из тех, кто затягивает трагедии на долгие годы. Это бессмысленно. Ну же, девушки! Я обращаюсь к тем, кто поедет на Гигант. Будьте разговорчивее, иначе при дворе королевы Бетти вас больше не захотят видеть. Вот вы, Матильда, расскажите что-нибудь о себе.

— Я? Да мне и нечего о себе рассказывать.

— Никогда не поверю! Такая красивая молодая девушка. Ваша жизнь должна быть наполнена событиями. Вот недавно вы впервые побывали на другой планете. Что особенно вам там понравилось или наоборот?

Внезапно довольное лицо баронессы стало надменным и каменным. Она поднялась с дивана и резко направилась к выходу.

— Мне определённо нечем поделиться с вами.

Это нахальное поведение — фрейлина не имеет права удаляться без разрешения своей госпожи — вызвало ухмылку у Беллоны. Что ж, ещё один минус, за который можно просить удалить баронессу от двора. После вечера всё кардинально поменялось. Кто был печален, после проповедей мадам Рул ушёл более-менее взбодрённый, а баронесса-младшая так и застыла с пренебрежительной миной на лице.

Но эта странность поведения Матильды была не последним, что снова окружило её вниманием и заставило Беллону задуматься. По прошествии двух дней после того вечера, во дворец прибыл посыльный, неизвестно кем посланный, но зато с известным гербом на камзоле. Это был гонец с Олтерна, в этом сомневаться не приходилось. К всеобщему крайнему удивлению, он попросил личной аудиенции у Клотильды фон Даберлёф и после неё, буквально через полчаса, умчался обратно. Беллона никак не могла понять, почему все события, связанные с Олтерном проходят мимо неё? Они, казалось, касаются каждого, кроме принцессы Феира. Но вечером старшая баронесса попросила разговора тет-а-тет с дочерью короля, из-за чего последняя обрела надежду, что ей хоть что-нибудь объяснят.

— Я слушаю вас, мадам Клотильда, — как бы ни была неприятна эта дама Беллоне, но она согласилась уделить ей время, чтобы удовлетворить своё любопытство.

— Ваше высочество, я пришла к вам с небольшой, очень незначительной просьбой. Ваша мать сказала, что я могу с этим обратиться к вам...

— Прошу вас, ближе к делу.

— Я хочу просить вас отпустить на время мою дочь Матильду от её обязанностей.

— Которые она и так-то не больно выполняет?

— Поймите, у девочки такой возраст, к тому же у нас сейчас возникли небольшие проблемы, из-за которых я и прошу отпустить её.

— Куда и как надолго?

— О времени я сказать точно не могу, а отправимся мы на Олтерн...

— Вот как? Вы отправляете её туда, где не любят феирцев, и хотите, чтобы я спокойно дала согласие на вашу просьбу. Нет уж. Потрудитесь объяснить мне, зачем ваша дочь туда поедет?

— Она поедет не одна. Её величество меня уже освободили от моих обязанностей фрейлины, поэтому-то и осталось только ваше согласие.

Беллона поняла, что из этой змеи, пожалуй, лишнего слова не вытянешь. Что-то здесь не так. Но как докопаться до истины? Может, спросить мать? Хотя, это будет напрасный труд. Веста так доверяет подругам, что никогда не станет интересоваться их проблемами — если они её о чём-то просят, она просто старается исполнить это.

— Поймите меня правильно. Я должна знать, насколько важны ваши проблемы. Через три дня я отбываю на Гигант и не могу остаться всего с двумя фрейлинами, это уронит престиж Феира в глазах общества.

— О, не волнуйтесь, ваша матушка уже послала за новенькими придворными девушками.

— Ах, так значит, все думают, что без меня уже всё решено! Так вот, мадам Клотильда, пока я не узнаю, с какой целью вы отправляетесь на Олтерн — Матильда останется при мне! Вы можете быть свободны.

Баронесса поклонилась и удалилась прочь. В душе Беллоны бушевал огонь. Ей так хотелось избавиться от этой Матильды, и вот, теперь, если она от неё избавится, то ту ждёт Олтерн, а её саму Гигант. И неизвестно, кому повезёт больше! Что же делать? Отпустить или

не отпускать? И даже посоветоваться совершенно не с кем! Дора вряд ли будет иметь своё мнение по этому поводу, Габи буркнет что-нибудь вроде «пусть катится ко всем чертям» (и где она только набралась таких грубых словечек?) или, напротив, прикинув, что там, на Олтерне, сейчас её любимый, сделает всё что угодно, чтобы поменяться местами с Матильдой или просто пристроиться ей в компанию. Решительно, Габриэль вообще не стоит посвящать в эти события до тех пор, пока Беллона сама во всём не разберётся.

Одинокая, с душевными метаниями, принцесса направилась к Сержио. С одной стороны, она понимала, что неловко, и даже некрасиво советоваться на личные темы с молодым человеком, который в тебя влюблён, но с другой — он был единственным преданным и верным другом, всегда с трезвой головой и разумными действиями, из всех, кто остался во дворце. К своему облегчению, она нашла его в комнате вместе с Британикой. Брат и сестра видимо прощались перед тем, как маркиз уедет следующим утром. «Зачем я буду влезать в эту идиллию со своими проблемами? Лучше присоединюсь к их беззаботной болтовне и отвлекусь от того, что меня тяготит». Таким образом, принцесса так ни с кем и не поделилась своей проблемой, но зато непринуждённо провела время, подготовив себя к самостоятельному принятию решения.

Опечаленная отъездом Сержио и успевшая попрощаться с ним лишь мимоходом, всё двадцать восьмое июля принцесса Феирская выслушивала упрёки матери, что она не может с пониманием отнестись к чужим проблемам, а, возможно, и бедам. Веста уверяла, что у баронесс фон Даберлёф на Олтерне дальние родственники, опять же, с их слов, и они не могут не поехать туда, и не решить семейные трудности. Беллона, выведенная из себя, в конце концов, согласилась отправить куда подальше Матильду с её мамашей. Она решила, что если не будет ставить препятствий другим, то и ей судьба улыбнётся и всё станет получаться легче. Девушка посчитала, что если завтра они отправятся на Олтерн, то в это же время оттуда как раз уедут рыцари на Северную Луну. Стало быть, завидовать нечему. Пусть развлекаются там, как хотят! Ей и самой осталось два дня на сборы, а в день отъезда ей предстоит ещё познакомиться с двумя новыми фрейлинами. Ну что за жизнь! Сплошная суматоха. Позлившись ещё немного, Беллона внезапно улыбнулась и умиротворённо пригласила на прогулку Габи и Дору. Девушки уединились в аллеях розовых кустов. Принцесса подумала, что все эти неурядицы и суета — это то, чего она так долго ждала. Теперь ей совсем не до меланхолии и уныния, из которых даже виконтесса Леонверден стала потихоньку выходить. Главное только, как можно дольше продержаться от неё в тайне, куда упорхнула Матильда, тогда всё будет замечательно. Их ждёт встреча с Энжел, замечательной подругой, которая окунёт девушек в мир, полный чего-то нового и немыслимого, того, что так хвалила мадам Рул. И до этого момента оставалось каких-то два дня...

Мадам Рул занялась тем, что нашла немного новых нарядов для принцессы и её подруг. Юбки в них были уже, прямее, без кринолинов. Платья более подходили для лета и прогулок при жаркой погоде. Пышность рукавов отсутствовала, а длина останавливалась на локтях. Вырез открывал теперь не только грудь спереди, но и спину сзади. Габриэль пришла в восторг от этих одежд, Дора, поначалу, чувствовала себя в них неуютно, но, взяв пример со второй виконтессы, решила воспринять это, как изменение в положительную сторону. Беллона же вновь окунулась в тот день, когда надела костюм фрейлины Энжел, чтобы отправиться на бал-маскарад. Конечно, те наряды были ещё более откровенными, но в этих платьях в приличном обществе принцесса тоже бы щеголять не стала. Исключение она собиралась сделать только для Гиганта. Раз уж там так полагалось ходить, то выбора не было — стоит уважать чужую культуру. Впрочем, Энжел, приехавшая на Феир, мало заботилась о том, что принято здесь и не единожды шокировала обитателей дворца своей полуобнажённой грудью или ногами, которые были видны почти до бедра. В чём Беллона не могла отказать своему новому образу, так это в удобстве. В этих платьях не было душно, тесно или неудобно. Узкие сверху, облегающие бёдра юбки расширялись книзу, позволяя делать свободный шаг, а лёгкая ткань не утомляла и не заставляла всё время приподнимать её и носить.

Тридцатого числа всё было готово. Три экипажа, окружённых гвардейцами, стояли у главных ворот. Все три девушки, а с ними и мадам Рул, не показывали ни королю, ни королеве, какие платья они взяли с собой и собираются носить на торжестве, на которое едут. Габриэль при этом ещё уверяла, что как только они окажутся на Гиганте, она сделает своему самому красивому платью точно такой же разрез посередине юбки, какой был у

Энжел. Беллона не стала возражать, зная, что как только Габи окажется вне досягаемости для родителей, она станет неуправляемой. И будет просто счастьем, если она не попытается опять пуститься в те же приключения, от которых её еле уберегло на Вермаше.

Одна карета уже была заполнена пятью служанками: три личных для принцессы и две для дочери графа Гордения Леонвердена. Вторая карета вместила в себя горничную Доры, двух служанок только что прибывших фрейлин и мадам Рул. Сюда же нагрузили все вещи дочери короля и её наперсниц. Последний экипаж ждал принцессу с подругами, а в нём их ждали приехавшие из не очень далёкой местности две маркизы, две сестры — Каролина и Аделина Итали. Старшей было семнадцать, младшей скоро должно было исполниться шестнадцать. Они не успели даже отдышаться после прибытия, как их снарядили в очередную дорогу. Родители строго-настрого указали им в напутствии, что придворная жизнь — это не отдых и не сплошной праздник, а определённые обязанности и они должны быть готовы ко всему, раз их величества призывают их ко двору. Сёстры очень волновались и переживали, что предстанут перед самыми значительными особами, которых они только могли представить — повелителями их родины, их планеты, места, где они выросли, живут и состарятся, но ни короля Робина, ни его венценосной супруги они не увидели. К ним подошла женщина, держащая себя учтиво, вежливо, но сухо, представилась бывшей гувернанткой принцессы и сообщила, что они теперь фрейлины её высочества, должны присоединиться к её свите и сопровождать её на другую планету, куда и приглашена дочь короля. Пока никаких обязанностей на них не налагается, но если принцесса что-либо прикажет, они должны повиноваться. Аделина — старшая, — молча кивнула, и сидела в карете, ожидая свою госпожу, а Каролина разочарованно забилась в угол. Она знала, что принцесса Беллона её ровесница и не понимала, почему ей может приказывать такая же девушка, как и она сама? Ей начинало хотеться обратно, домой, в своё родное поместье Итали-де-Жуаре, где над ней тряслись и где выполняли все капризы маленькой маркизы. В этот момент как раз и появились три девушки, спутницами которых им нужно было стать, как минимум, на неделю. С первого взгляда было ясно, кто из них принцесса: златовласая, с удивительно чистой и нежной кожей, большими изумрудными глазами и гордой статью. Вся она излучала величие, грацию и изящество; не стоило надевать на неё драгоценностей, шикарных платьев и украшений, чтобы понять, что она королевской крови. Рядом с ней шли девушки, ниже её, но одинакового между собой роста. Одна кудрявая, с оранжевыми искорками в своих вьющихся локонах, светлоглазая и улыбчивая, но излишне жестикулирующая и громковато разговаривающая. В общем, видно было, что это натура оживлённая, непоседливая, любящая внимание и развлечения. Вторая же хоть и держала ровную осанку, казалось, сгибается под важностью и яркостью своих спутниц. Её русые волосы были убраны назад, а лицо выражало крайнюю увлечённость рассказом той, что смеялась и болтала.

Беллона залезла в карету. Габриэль сразу примостилась рядом с ней, значит, Доре пришлось сесть третьей вместе с маркизами Итали. Принцесса взглянула на новых фрейлин. Ей успели сообщить, что они сёстры. Впрочем, об этом можно было бы догадаться и так. Смуглые, кареглазые брюнетки, можно было подумать, что они приехали с далёкого юга, но на самом деле оттуда просто вёл своё начало их род, а сами они уже давно обосновались в десяти часах езды отсюда. Несмотря на разницу в год, сразу было понятно, кто старшая. Аделина, с узким лицом, выдающимся вперёд носом, как у орлицы, серьёзного и задумчивого вида, сильно отличалась от Каролины, с таким же носом, но из-за более

широкого лица выглядящего значительно аккуратнее, с огромными глазами, как спелые вишни, и алыми губами. Она была красивой, её высокомерие можно было бы сравнить с заносчивостью Матильды, но оно у них было совсем разных характеров. Баронесса знала о своих прелестях и любила выставляться на показ и доказывать другим юным леди, что она лучше них, а маркиза была просто избалованным ребёнком, уже превратившимся в девушку, и ещё не подозревающую, какой эффект может произвести на мужчин. И она не была от природы эгоистичной и чрезмерно амбициозной, просто готова была признать равными себе только действительно достойных. Что и сделала, увидев принцессу. Она сразу поняла, что если кому-то и будет подчиняться, то только этой восхитительной девушке.

Для близкого ознакомления друг с другом и общения у пяти девушек впереди было несколько часов пути. Они не стали оттягивать момент знакомства. Первой, как и полагалось, заговорила Беллона, задала несколько вопросов и дальше всё пошло само собой. Габриэль быстро почувствовала, что атмосфера намечается довольно-таки дружеская, и вновь расцвела в полную силу, впервые после отъезда на Вермаш. Она стала рассказывать всё про двор, как там что положено, про высший свет, который она повидала совсем недавно. Но самое главное, чем она хвалилась, это тем, что лично общалась с королём из Южных Ветров — Эммануилом Вторым, галантным молодым мужчиной, с которым они друг другу понравились, но, вот беда, тот скоро женится. Беллона, довольная, наблюдала за подругой. Кажется, всё начинается неплохо. Ну и что, что на Гиганте не будет рыцарей ордена Стеллы Нордмунской. Их праздник на Северной Луне скорее будет похож на поминки, в то время как принцесса со свитой по присутствуют на настоящем веселье — герцогской свадьбе!

Проделав уже знакомый путь до портала, экипажи добрались до места назначения, когда стемнело. Мадам Рул вышла, чтобы указать порталному капитану (это была очень почётная должность, так как только он умел приводить в действие портал и имел право вообще пропускать кого-либо через него) куда именно они направляются, и в какую часть Гиганта их следует перенести. Мужчина проверил все зеркала и кристаллы, а потом подошёл к большому камню, очень древнему, стоящему вертикально. На нём были начертаны цифры и буквы, с помощью которых и задавались координаты для точки направления. Большим ключом странной формы, с множеством изгибов, он повернул в скважине посередине камня, и все символы вырезанные на нём стали выпуклыми, словно клавиши. Набрав по ним нужную комбинацию, порталный капитан открыл ворота и пропустил внутрь первый экипаж. Когда возвышение завращалось и на него упало тысяча лучей, которые ослепили всё пространство, пассажиры кареты, то есть, принцесса и фрейлины, почувствовали лёгкую встряску, а потом вдруг тишину и отсутствие движения. Карета двинулась с места и выехала из тёмного зала. К удивлению девушек, на улице стоял день. Вместо окружавшего леса и видневшейся вдалеке крепостной стены Стенбурда, вокруг простиралось поле, слева, на горизонте, виднелись горные хребты, а прямо и направо совсем близко, сразу за полем, начинался густой зелёный лес, в чашу которого уходила дорога. Подождав остальные два экипажа, кортеж двинулся по этой самой дороге, после того, как мадам Рул объявила: «Да, мы на месте, трогаем!».

Дорога только на первый взгляд казалась глухой и диковатой. Стоило по ней немного проехать, как она стала в два раза шире, тут и там виднелись повороты и указатели на высоких столбах. Временная новоиспеченная гувернантка принцессы (которая в отличие от Гермии Бланж, больше была похожа на сообщницу, чем на надсмотрщицу), сообщила, что до

королевского дворца ехать часа два, поэтому пока можно расслабиться и полюбоваться на местные пейзажи. Но девушкам было совсем не до расслабления. На улице стояла жара, градусов до сорока и им не терпелось переодеться в то, что они заготовили ещё на Феире. Маркизы Итали страдали не меньше, но, к сожалению, их не предупредили и им не на что было поменять свои наряды. И пока, прямо в карете, Габи, Дора и Беллона освобождались от своих грузных бальных платьев, в которых они могут выглядеть здесь только посмешищем для местного населения и одевали те невесомые костюмы, Аделина и Каролина поменялись местами со служанками, сели в одну карету с мадам Рул, и направились к ней домой. У той, как оказалось, были две дочери, которым было около двадцати лет, поэтому у них могла найтись одежда для сестёр Итали. Пообещав принцессе, что вернёт её фрейлин очень скоро в целости и сохранности, женщина удалилась, оставив кучеру точные указания, как добраться до дворца королевы. Беллона с обеими виконтессами, облачённые в лёгкие платья из тонкой воздушной ткани, вздохнули с облегчением и, откинувшись на спинки сидений, принялись обсуждать всё произошедшее. Габи, как обычно, не давала никому и слова вставить. Она произносила вслух всё, что приходило ей в голову, принцесса иногда вставляла своё мнение, а Доре лишь оставалось быть невольной слушательницей, внимательной и благодарной.

— Аделина, по-моему, немного скучновата, но вполне сносна, а Каролина вселяет надежду, что с ней можно славно провести время, приобщив к всевозможным забавам. Главное не дать пойти ей по неверному пути, вслед за старшей сестрой, иначе она с её характером, а как мне показалось, он у неё есть и ещё ого-го какой! станет похожей на Матильду, а по возвращении той присоединится к ней без всякой задней мысли.

— Габи, напрасно ты так. Мне обе сестры показались очень приятными. Ничего общего с баронессой! А Аделина не скучная, а сдержанная. Этого качества нам двоим сильно не хватает после разлуки с Марией. Но может маркиза возьмёт нас под уздцы.

— Ещё чего! Не для этого я вырвалась из золотой клетки под крылом папы, чтобы опять заковать себя в цепи каких-то условностей. Веселиться, так веселиться! Настройся на это, Белл, иначе зря потратишь время.

Выехав из леса, девушки увидели из окна, что переезжают старинный каменный мостик, очень живописный и прелестный, который крутой дугой поднимался над прозрачной зеленовато-синей речкой, вода которой была настолько прозрачной, что виден был каждый камушек её дна.

Обе оставшихся кареты — с её высочеством и её служанками, — въехала в городок, очень миленький и уютный, больше похожий на сельскую деревню по своей атмосфере и виду жителей, радушных, улыбчивых, пёстро и открыто одетых. Однако дома были каменными и кирпичными, с крышами, покрытыми красной или синеватой черепицей, большими окнами и распахнутыми дверями. В такую жару запереть дом, значило задохнуться в нём. Беллона заметила, что они ещё не раз пересекали речушки по мостам, маленьким и более крупным, с двумя короткими пролётами. Повсюду простирались сады — между домов, вдоль дорог, и даже когда завиднелся королевский замок, то им пришлось проехать последний отрезок пути в каком-то раю. Всё было наполнено благоухающими запахами, деревьями со спелыми плодами или только зацветающими бутонами. Среди ветвей слышалось пение всевозможных птиц, а на тропках то и дело виднелись полуобнажённые юноши и девушки, прикрытые невесомыми туниками, несущие корзины с фруктами или кувшины с колодезной, ледяной водой. Гости с Феира смотрели, как

заорожённые. Но самым поразительным был сам дворец, отделённый от окружившего его города райским садом и ещё одним водоёмом, на этот раз искусственным, своеобразным рвом, скорее служащим элементом, украшающим ландшафт, чем оборонительным сооружением; он немного возвышался над всем, так как был построен на насыпи. Больше всего удивляло отсутствие башен, шпилей, острых крыш, устремляющихся в небо. Все крыши были абсолютно плоскими и на них тоже расстилались сады! Виноградные лозы увивали стены от земли до самого конца. Перед всеми окнами, в приделанных к подоконникам горшках, росли цветы, многих из которых девушки даже не видели ни разу в жизни: белые, красные, голубые, жёлто-розовые и других причудливых расцветок.

Не доехав до главных дверей, кареты остановили два стражника, возвышающихся, словно колоссы. С тёмно-бронзовой кожей, голыми торсами, в белых шароварах и обутые в сандалии, они напомнили Габриэль божества или скорее демонов, о которых читала в детстве ей няня. Дора даже испугалась и вздрогнула, так как впервые сталкивалась с чем-то подобным. Стражники, с одинаково забранными в хвосты чёрными волосами, попросили подождать немного. Один из них забрал из рук кучера приглашение на имя принцессы Феирской и её свиты, и удалился. По прошествии двадцати минут он вернулся в сопровождении женщины, которая, несмотря на свой немолодой возраст и начинающую полнеть фигуру, была разодета словно молодая нимфа. На ней была светло сиреневая тога на одно плечо, подпоясанная под грудью, которую выразительно подчёркивала, ниже свободно развевающаяся множеством складок, но заходящая лишь слегка за колена. Ноги так же украшали сандалии с крупными полудрагоценными камнями, от которых крестообразно голень обвивали кожаные ремни до самого колена. Как заметила Беллона, почти все жители, которые им встречались здесь, носили такую обувь. Несмотря на то, что первой реакцией принцессы было возмущение от того, что женщины так спокойно показывают свои ноги, плечи, спины, она не могла не признать, что это невероятно удобно и желала побыстрее обрести такую же обувь, хоть длина её платья и не позволит покрасоваться этим приобретением. Женщина приближалась, и можно было рассмотреть, как она ярко накрашена, какая у неё замысловатая причёска, с золотыми украшениями в волосах, и как она располагающе и искренне улыбается.

— Ваше высочество, Беллона! Добро пожаловать! Как мы и ожидали, вы одна из первых. Бетти с дочерью специально так задумали, чтобы успеть вам всё показать-рассказать, пока не началось столпотворение и кавардак, который вечно начинается перед праздниками. А уж во время них! Ох, знали бы вы, как у нас тут весело и шумно в такие дни... Молодёжь балагурит и шалит только так!

Женщина залезла в карету, приказав кучеру двигаться прямо до самого центрального входа во дворец. Всё это время она не переставала говорить. Габриэль внимала ей с возрастающим интересом и азартом, а Беллона, сбитая с толку таким бурным приёмом, пыталась придти в себя.

— Поверьте, вас, ваше высочество, с огромной радостью у нас примет каждый. Все хотят на вас посмотреть и познакомиться. Наши гиганты обожают вашего брата. Его приезды тут — долгожданное дело. Ну, и конечно, все мы помним вашего батюшку и его визиты. В молодости он был ничуть не хуже сына! А вы на них обоих так похожи!

— Должна вас огорчить, брат не сможет приехать, у него возникли непредвиденные дела, — попыталась остановить поток изречений незнакомки Беллона. — Извините, но вы не представились...

— О, какая же я дурёха! — Несмотря на свои явно прожитые полвека, женщина вела себя совсем не считаясь с возрастом. — Простите, ваше высочество. Я княгиня Жоржета Ормонди, главный советник её величества и её подруга, в связи с чем, и наставница принцессы Энжел. Но это в прошлом, ведь наша девочка уже большая и не нуждается в советах и присмотре. А сейчас меня назначили распорядительницей свадьбы Эдгара и Антуанны. Поэтому всё у меня в голове кружится, перемешивается, и иногда я кое-что упускаю из вида. Не обращайтесь на это внимание, просто прямо говорите мне, если я что-то опять не то сделаю.

Беллона заверила, что обязательно укажет Жоржете (а именно так она просила себя называть), если она начнёт что-либо путать или забывать.

— Послушайте, от нас отстал ещё один экипаж, в нём две мои фрейлины, три служанки и моя... гувернантка, так можно сказать.

— Гувернантка? Ваше высочество, сколько же вам лет?!

— Шестнадцать... Но, я не совсем правильно выразилась, она вовсе за мной не присматривает, она больше выполняет роль проводника. Я ведь здесь впервые и не знаю, что к чему, поэтому её приставили к нашему кортежу...

— Можете не объяснять, я всё поняла. Я прослежу, чтобы, как только они прибудут, их пропустили без всяких там заминок и задержек.

— Спасибо! Вы очень любезны, я так боялась, что они потеряются или их не пустят без приглашения, которое мы вам отдали на въезде.

Кареты остановились у двух высоких дверей — парадного входа. Пассажирам помогли выбраться изнутри стражи, наподобие тех, что остановили их на въезде в главную аллею перед дворцом. Беллону и Дору, которые, не противясь, всё же вложили свои ладони в их крепкие руки, для того, чтобы спуститься с подножки экипажа, они по-прежнему смущали своим наполовину нагим видом, а Габриэль без задней мысли разглядывала в упор их сильные, крепкие и мускулистые тела. Где ещё ей представится возможность поглазеть с такого близкого расстояния на полуобнажённых мужчин, которые при этом не выказывают ни каких возражений или каких-либо других чувств? Их безмолвные и безразличные лица только ещё больше разжигали интерес виконтессы Леонверден и заставляли её сердце учащённо биться. Девушки вслед за княгиней Ормонди прошли, к некоторому удивлению, мимо главного входа и направились вдоль стены куда-то в сторону тенистого сада, по дорожке выложенной гравием и окружённой клумбами самых неожиданных форм и разных размеров, как в ширину, так и в высоту. Под палящим солнцем, шаги идущих невольно убыстрялись, стремясь к заветным кронам деревьев или чему-нибудь подобному. Дора несмело прошептала Беллоне.

— Я читала, что в некоторых местах мужчин кастрируют, и после этого они не обращают на женщин внимания, — тут и там постоянно попадались такие стражники, поэтому виконтесса Незардроун и не могла обойти их личности стороной. — Не знаю уж, как это происходит, но отцами они после этого тоже быть не могут.

— Не говори при мне такие страшные вещи! — оживилась Габриэль, говоря более громко. — Если эти статные красавцы окажутся теми загадочными кастратами, о которых ты толкуешь, то я не знаю, что я сделаю!

Распорядительница торжественной свадьбы услышала спор девушек и, смеясь, повернулась к ним.

— Милые барышни, успокойтесь, с этими мужчинами всё в порядке. Просто это личная

охрана королевы и принцессы. Это лучшие воины на всём Гиганте. Чтобы попасть в этот отряд, нужно долго и упорно учиться, да к тому же абы кого сюда не возьмут — нужны связи или влиятельные знакомства. Они идеально вымуштрованы и закалены не только физически, но и духовно. Они прекрасно образованы и с ними есть о чём поговорить, но — предназначено это только для королевской семьи, женской её половины. Невозмутимость и умение воздержаться от чего-либо сделали их знаменитыми в разных концах света.

— Но как же они смогут защитить королеву и Энжел? Они же безоружны и беззащитны своим...отсутствием не то что доспехов, но хотя бы камзола или плотного кожаного жилета... — Беллона шла в недоумении. Жоржета лишь покачала головой, понимая, что девушка совсем не просвещена по поводу того, какова главная роль этой прекрасной армии. Что ж, может, Энжел сама как-нибудь этим поделится...

— Это и не основное войско, ваше высочество, а только внутреннее, дворцовое, а сюда попадают только те, кто прошёл тщательный осмотр и кому кто-то из жителей дворца выказывает полное доверие, приглашая в свои покои. Настоящие солдаты, с мечами, арбалетами, в кольчугах, находятся по периметру сада Биг-Элорийс...

— Это тот, что мы проезжали, выехав за пределы города и который тянется прямо до территории дворца? — любопытствовала Габриэль.

— Да, он самый. Так вот, начиная с него, расположены все казармы, гарнизоны и прочие военные постройки, с грубым мужским присутствием и отсутствием красоты и гармонии, элегантности и порядка. А нам, женщинам, здесь нужен мир и покой. Бетти большая эстетка, впрочем, как и все её прародительницы, недаром они веками создавали то, что вы сейчас можете видеть вокруг.

— А куда мы собственно направляемся? — наконец задала главный вопрос Беллона.

— Я веду вас в апартаменты Энжел. Видите ли, в парадных залах вовсю идут работы, всё украшают, переделывают, ремонтируют, моют и чистят до блеска, поэтому там весьма не комфортно держать путь. К тому же дворец строился не сразу, а частями, и теперь его внутреннее пространство напоминает лабиринт; лестницы, коридоры, узкие комнаты с незаметными ходами — во всём этом заблудиться легче лёгкого. Лучше уж обойти с улицы.

Вскоре они достигли конечной цели. Железные решётчатые ворота, на которых были выкованы молнии, оканчивались сверху острыми колющими, поэтому перебраться через них представлялось затруднительным, тем более что по ту сторону стояли очередные чудостражники, сводившие своим видом Габриэль с ума. Они, едва завидев главного советника королевы, отпёрли ворота и пропустили всех внутрь. По обе стороны от вошедших возвышались заросли шиповника; он не позволял видеть, что находилось за ним. Зато прямо располагались каменные ступеньки, вырастающие непосредственно из земли. Они поднимались не более чем на метр, после чего открывался вымощенный мозаикой перистиль — площадка, окружённая со всех сторон колоннами. Посреди неё стоял фонтан со скульптурой совершенно голого юноши с рогом изобилия в руке, из которого плескалась вода. Сначала три девушки не обратили на это никакого внимания, но потом всё же различили кое-что, чего не видели никогда в жизни. Дора, как не старалась, так и не поняла, что же хотел изобразить скульптор в своей работе, поэтому быстро отвлеклась. А Беллона и Габриэль вскоре сообразили, что такое они увидели, переглянулись и дальше повели себя совершенно по-разному. Принцесса покраснела и отвела глаза, боясь снова наткнуться взглядом на увиденное. Неужели это и было то отличие мужчин от женщин, о котором на уроках медицины всегда быстро и осторожно, с крайней щепетильностью упоминала мадам

Бланж? Впервые захотелось, чтобы она оказалась рядом и объяснила всё толком, потому что у присутствующих спрашивать было неудобно. Виконтесса же приблизилась к фонтану вплотную, позволяя брызгам орошать её платье и руки. Она-то у себя, в родном Леонвердене, хоть и издалека, но видела, как купались крестьянские парни, поэтому ей не трудно было догадаться, что это за деталь у прекрасной скульптуры. Не заметив, как все проследовали дальше, Габи почувствовала, как Беллона тянет её за локоть.

— Как тебе не стыдно! Пошли скорее за мадам Жоржетой!

Не без сожаления девушка последовала за подругой. Стоило им сделать ещё несколько шагов, как слева открылся вид на зал, открытый с одной стороны на эту площадку, а с другой заканчивающийся стеной, расписанной удивительными яркими фресками. С крыши свисали виноградные грозди и ветви, оставляя тех, кто находился там, в прохладе и небольшом укрытии от прогуливающихся. Однако принцесса с Дорой и Габи не успели пройти мимо, как из этого зала выбежали две девушки, в которых Беллона быстро узнала двух фрейлин Энжел. Не тех грозных амазонок, которые никогда не покидали свою госпожу, а других, обычных юных дворянок, которые тогда уступили ей свои места на маскараде. Хоть убей, но дочь Робина Третьего не могла вспомнить, как их зовут, потому что её память всегда была больше зрительной, чем слуховой. Но, благодарная за их услугу и тот вечер, который пусть и закончился печально, — но ведь не по их же вине! — Беллона поприветствовала их и мило улыбнулась. На Вермаше она совсем с ними не общалась, ведь там было столько забот! Да и мадам Бланж, делая последние наставления перед премьерой принцессы, говорила, что её удел отныне общаться только с равными себе — принцами и принцессами, а не дворянчиками и вельможами. Но у Беллоны не было привычки поворачиваться к людям спиной только из-за их происхождения, поэтому она остановилась поговорить с ними.

— Альена, Риона, где Энжел? — вмешалась княгиня. — Только не скажите, что гуляет или ускакала к Вормону!

— Нет-нет, Жоржета, она у себя, скучает. А сёстры пытаются её развлечь.

— Ну, благодарность Богине! Нам не придётся плутать, ища её, или томиться в ожидании. Идёмте, ваше высочество.

Беллона махнула рукой знакомым, имена которых на этот раз попыталась запомнить. Четыре спутницы поднялись по ещё одной лестнице, на этот раз более длинной, в конце которой снова оказалась железная решётчатая дверь и стражник. Он, как и предыдущие, беспрекословно отворил её.

— А разве у Энжел есть сёстры? — не выдержала Беллона.

— Есть, двоюродные. Незаконнорожденные дочери её дяди, — княгиня говорила об этом с таким спокойствием, как будто это было чем-то рядовым. На Феире это считалось бы чем-то неприличным, то, что следовало скрывать. К этому относились бы так, как к Марии — позор, который следует спрятать, куда подальше, убрать с глаз долой.

— И много у него всего детей? — сорвалось у Габи.

— Помимо этих двух дочерей — ещё два сына. Один из них официальный, он эрцгерцог Колдвинда, что в Небесной дали. Второй внебрачный, ему всего восемь. Чудесный мальчуган, но сын прачки. Сами понимаете, при дворе ему делать нечего, а Эдгару так хочется чувствовать себя нормальным отцом, вот и решил жениться, когда это стало возможным. Они с Антуанной будут счастливы!

— Вы сказали, его сын — эрцгерцог? Но разве дядя Энжел был женат не на королеве?

— Да, Стикса Хратрон была королевой, но она родила единственного ребёнка —

мальчика, а наследовать могла только девочка, поэтому правит там теперь племянница покойной.

Дальше были снова коридоры и ступеньки, галереи и комнаты. Беллоне и её подругам было когда поразмыслить над местными традициями и степенью «открытости», о которой говорила мадам Рул. Залы и решётчатые двери, казалось, будут тянуться вечно, пока, наконец, они не упёрлись в настоящие, деревянные, с кованными золотыми петлями. Одна была приоткрыта, поэтому слышно было, что в комнате весело разговаривают, громко смеются, и даже пытаются напеть что-то. Жоржета Ормонди без стеснения распахнула обе двери, и в коридор ворвался свет из открывшегося взорам девушек помещения. Судя по всему, это была опочивальня Энжел. Стоявшие с краю её телохранительницы дёрнулись в инстинктивном порыве помешать войти лишним, но тут же сели обратно на свои места. Спальню освещали три арочных проёма, выходящие на улицу. От самого пола до потолка, во всю ширину стены, они были завешаны прозрачной бирюзовой занавеской, сквозь которую струился жаркий полуденный свет. Центр занимала удивительная круглая кровать с множеством подушек, над которой висел убранный балдахин, ночью, по-видимому, опускавшийся на ложе. На нём возлежала Энжел в неопишуемых прозрачных лоскутах, оставляющих её фактически нагой, но зато увешанная большим количеством драгоценностей: тяжёлые серьги до плеч из граната и янтаря, окаймлённые серебром в виде виноградных гроздей, широкое ожерелье из тех же камней и того же метала, а вдобавок к нему золотая цепочка, на которой висел круглый медальон с изображением молнии, сделанным из жёлтых топазов и алмазов. Перечесать все браслеты и кольца было нелегко, поэтому Беллона даже не стала уделять внимания рассмотрению этих вещей, зато заметила на босых ногах принцессы Гиганта золотые цепочки, которые тоже, видимо, являлись украшением. Под одной рукой Энжел лежало блюдо с фруктами, под другой забавлялся маленький тигрёнок в толстом золотом ошейнике. От сверкания, роскоши, богатства и излишеств, у принцессы Феира пошла кругом голова. Дора вовремя взяла её под руку. А Габи тем временем продолжала любоваться жизнью наследницы Гиганта. Как бы ей хотелось иметь всё то же самое и не думать о том, как себя вести и что делать, ведь можно совершенно всё! Пей, гуляй, веселись, забавляйся и бездельничай — никто не в праве тебя остановить. Что за чудо! «Мне начинает казаться, что мы из реального мира попали в рай» — подумалось Габриэль. Но не успела она глубоко уйти в завистливые мечты, как ещё две неизвестные прибывшим с Феира присутствующие девушки обратили внимание своей принцессы на вошедших.

— Великая Богиня! Белл, Габи, вы! Я так ждала хоть кого-нибудь и как можно скорее. И вот вы появились! Мои спасительницы от скуки, но... Где Робин? Его друзья?

— Извини, что огорчим тебя на таком радостном моменте, — съязвила Габриэль, которую саму ничуть не радовало то, что она произносила, — но его высочество Феирский в кои-то веки увлёкся политикой и упорхнул со всей компанией на Олтерн, решать важные дела в залог будущего мира и согласия.

— Вот как... — на лице Энжел невольно отразилось замешательство, близкое к расстройству, но она тряхнула своей рыжей копной, словно отгоняя все мрачные мысли, и снова лучезарно заулыбалась. — Ну, тогда им же хуже! Пропустят отличное мероприятие, шатаясь на скучном и недружелюбном Олтерне. Ой, девчонки, вы не смотрите, что я не одета, просто я недавно проснулась и ещё не выходила никуда, но сейчас я всех прогоню и уделю всё внимание исключительно вам, только вот накину что-нибудь, и мы отправимся

гулять...

Одна девушка с маленькой арфой в руках, застыла в направлении выхода, вторая прикрепила к ошейнику тигрёнка поводок и потянула его с кровати. Жоржета тоже стала разворачиваться, чтобы удалиться.

— Стой, стой! Не надо никого прогонять. Энжел, спасибо за радушный приём, но мы немного устали с дороги, дай нам передохнуть, и мы будем в твоём полном распоряжении. Не забывай, что на Феире сейчас начинается ночь и нам надо бы спать, а мы только собираемся бодрствовать. — Беллона искренне хотела быстрее удалиться куда-нибудь ненадолго от всего новоувиденного, поспать, переварить свалившуюся информацию и освоиться с непривычной обстановкой.

— Ладно, тогда, Жоржета, покажи Белл её покои, а Габи и...прости, я забыла, как тебя зовут?

— Дора, — несмело прошептала девушка. Она была столь тихой и серой, что на Вермаше Энжел её и видела-то только пару раз мельком. Но и тогда не удосужилась узнать, кто это и что. Её интересовали такие люди, как Габи, Белл, в большей степени Робин, Сториан...Но раз не было последних, то с первыми вполне можно тоже оторваться от забот и хлопот, и развратничать по полной катушке. Энжел ценила хороших друзей, активных, сильных духом, со своим мнением и умеющих отстаивать свои интересы.

— Да, покажи Габи и Доре их апартаменты тоже. Быстрее приходите в себя, девушки, буду ждать.

Стоило Беллоне увидеть большую кровать с манящими шёлковыми простынями, как её сразу стало клонить в сон. Она, через силу преодолевая себя, всё же добралась до ванны, хорошенько ополоснулась от дорожной пыли и пота, и даже воспользовалась ароматическими маслами, которые в ассортименте стояли на полочке. Но после этого девушка уже не в силах была сопротивляться накопившейся усталости. Запсторив все окна, принцесса легла спать, забывшись так, что и пушкой не разбудишь.

Проснувшись она сама. Не от шума, а просто, потому что выспалась. Выглянув на улицу, Беллона поняла, что уже ночь. Ни одного лучика солнца не было видно даже на горизонте. Может быть, оно только что село, а может уже давно. Найдя на диване рядом с дверью наряд, пошитый по местным обычаям и стоящие на полу сандалии с кожаными ремешками, о которых ей так мечталось в пути, девушка приняла последнее, но платье оставила своё, так как посчитала его всё же более приличным. А то, что предлагалось ей здесь, было просто вульгарно и безнравственно! Беллона вышла из комнаты и пошла к фрейлинам, проверить, нормально ли устроились они. Заглянув в соседние покои, принцесса увидела Габи, одевшуюся, как она и боялась, по моде Гиганта: тога на одно плечо, открывающая спину и подчёркивающая грудь, ещё короче, чем была у княгини — она доходила до колена. Только Беллона хотела возмутиться, как заметила, что здесь же сидит и Энжел, а при ней было неудобно критиковать то, к чему та привыкла и что для неё было родным. С ними же пристроились и три остальные фрейлины дочери Робина Третьего. Дора и Аделина, к удовлетворению их госпожи, так же были в платьях, подобных её — по самые пятки, с рукавами. Каролина же, не то из-за молодого возраста, не то из-за любви испытать что-то новое, свойственной её темпераменту, поддавалась под влияние Габи и Энжел и теперь красовалась, припрыгивала и кружилась перед зеркалом в столь же мало прикрытом наряде, что и выше упомянутые.

— Белл, ну, теперь мы все в сборе! — провозгласила наследница Гиганта. — Почему ты в этих грузных тряпках? Поверь, тебе будет гораздо удобнее, если ты оденешься, как мы.

— Спасибо, но я чувствую себя вполне комфортно. Мне нужно пообвыкнуться, и я непременно, если мне станет жарко, облачусь так же.

— Как хочешь. Но не будем терять время. Идёмте, мы, Белл, только тебя и ждали.

— Куда ещё идёмте?

— Как куда? Гулять! Развлекаться! Я ведь для того и приглашала тебя пораньше, чтобы всё показать и дать успеть тебе отдохнуть по полной, пока рядом нет ни родителей, ни наставников, ни других противных особ вроде родственников и гувернанток.

Боже мой! Беллона ещё могла принять, что Габи и Каролина просто повыбражают перед зеркалом во всём этом, но что они выйдут в этом из помещения и направятся туда, где их могут увидеть люди! Ладно женщины, но мужчины... за ними далеко и ходить не надо было. Эти стражники, они здесь стояли на каждом углу... Такие крепкие, невозмутимые, сильные. У девушки даже мурашки пробежали по спине. Для неё эти вытесанные из камня воины веяли опасностью и страхом. Наткнись она на такого в темноте, невольно потеряла бы сознание, как ей казалось.

— Кстати, о гувернантках. А где мадам Рул? Я предупреждала княгиню Ормонди...

— Да, да, — прервала Энжел, — она всё исполнила, как ты и просила. Встретила их Фрейлин отвела в покои и познакомила со мной, а мадам Рул, выполнив свою миссию, отправилась к себе домой, в соседний город. Так что не переживай, никто не будет тебе мешать вести себя, как тебе то заблагорассудится.

— И всё же, мне бы не хотелось, чтобы до неё дошли какие-нибудь слухи. Она осудит меня и всё передаст родителям...

— Она? Садись, я как раз рассказывала о ней Габи. Городок у нас тут маленький, в нём особо ничего не происходит, а тот, соседний, в котором живёт мадам Рул, побольше, поэтому все новости оттуда быстро приходят сюда. И вот эта особа, после того, как овдовела, недолго погоревала и стала жить с одним молодым офицером.

— Как это — стала жить?

— Беллона, ну какая ты смешная! Как это?! Вот так. Он переехал к ней, и они стали вроде бы как супругами.

— Так они обвенчались?

— Да нет же! Они решили сначала проверить свои чувства друг к другу. У них родился сын.

— Боже, незаконнорожденный?

— Да, а чему ты удивляешься? Эта мадам Рул такова, что ей нипочём все предрассудки. К чему я тебе это всё рассказываю? Чтобы ты поняла — что бы ты себе здесь ни позволила, ей на это будет всё равно, она даже похвалит тебя. К тому же сейчас её интересует только личная жизнь и её благоустройство, ведь офицер-то от неё сбежал с какой-то другой, молодой.

— У меня в голове всё не укладывается, как же отец мог приставить ко мне такую безрассудную женщину?

— Ну, твой отец, когда был молодым, часто приезжал к нам, и его вполне устраивало то, как здесь живут, впрочем, как устраивает сейчас и твоего брата. И что ты заладила — неприлично, непристойно, некрасиво, неудобно! Ты живёшь в мире людей, а не монахов и монашек, а если тебе всё так не нравится, то можешь податься в жрицы Богини, ты уже им под стать.

Энжел явно выходила из себя. Она говорила очевидные и обычные для неё вещи, а Беллона этого не понимала! Незаконнорожденные! Что за очередной предрассудок! Принцесса Феира произносила это слово, как будто речь шла о зачумлённых. А Энжел вообще слышала его впервые только когда стала выезжать за пределы своего королевства, на другие планеты. Если подумать, то она сама, по сути, была бастардом. Королевы Гиганта не имели права выходить замуж, и что же с этого?! Она никогда не знала своего отца, да и не задумывалась об этом.

— Знаешь что, Беллона, если тебе больше нравится компания таких, как твой Сноб или мадам Бланж, то флаг тебе в руки. Я здесь никого не держу. Я вижу твой настрой и не собираюсь заставлять тебя менять что-то в себе.

— Энжи, прости. — Беллона подошла ближе и взяла девушку за руку. Ей совсем не хотелось терять такую подругу, она ей действительно нравилась. Пусть бесшабашная, откровенная, где-то безнравственная, но она была доброй и готовой прийти на помощь в любой ситуации, она была первой, кого узнала Беллона из высшего света, кто развеял её одиночество, когда она сидела в своём восточном крыле, в то время как все веселились. — Прости меня, пожалуйста, я не хотела тебя обидеть. Просто вокруг меня столько нового,

неожиданного. Мне просто нужно привыкнуть.

Энжел посмотрела в глаза девушке. Они были примерно одного роста, но Беллона была младше на два года. «Что ж, она на самом деле ещё просто мала. Ей нужно показать жизнь, нужно многому научить. Я думаю, что вполне подойду для этой роли» — наследница Гиганта смягчилась и обняла подругу. Счастливая Габриэль бросилась туда третьей и обняла обеих. Ведь это она когда-то познакомила их!

— Так что, куда идём гулять? — спросила Белл, сдавшись под многочисленным напором.

Девушки стали собираться. Энжел щедро давала свои украшения Габи, которая хотела выглядеть сверхпрекрасно, чтобы стражи, стоявшие во дворце, рты поразевали. Аделина отказалась от прогулки, сославшись на усталость, а заодно запретила и Каролине идти куда-либо без неё. Ведь они ещё не спали сегодня, а ночью положено спать. Разумеется, если Беллона прикажет, то они последуют за ней. Та, в свою очередь, настаивать не стала и отпустила спокойную старшую и расстроенную младшую маркиз Итали на заслуженный отдых. Обе виконтессы, успевшие вздремнуть днём, были полны сил и энергии, поэтому готовы были следовать за принцессой Гиганта хоть на край света. Покинув дворец, весёлый квартет остановился у тех ворот, на которых были выкованы молнии. Беллона решила провести ночь с пользой, поэтому стала задавать различные вопросы.

— Энжи, а почему у вас везде изображены эти зигзаги?

— Это наша гербовая символика — молния.

— Но разве здесь часто бывают грозы?

— Дело не совсем в этом. Хотя когда идут дожди, гроза у нас на самом деле ужасающая. Она считается гневом Богини. Таков и второй смысл молнии на нашем гербе — в гневе гигантцы страшны! Мы можем простить обиду, но не предательство или оскорбление.

— У нас на Феире природу с Богом не связывают, но к человеческим поступкам относятся так же. Знаешь, а между нашими державами можно найти много общего.

— О, поверь, я и Робин это уже давно заметили... — Энжел осеклась, увидев, как посмотрела на неё подруга, хотевшая что-то сказать по этому поводу, поэтому скорее отвлекла её внимание на посторонние предметы. — Я вот всё думаю, куда бы нам отправиться? У нас столько замечательных мест, что все и не пересмотришь, а хотелось бы показать самое главное.

Беллона вспомнив фразу Жоржеты, когда она искала наследницу, решила снова спросить.

— Энжел, а кто такой Вормон?

— Святая Богиня, а я смотрю, ты времени здесь зря не теряла! Я то было подумала, что в тебе есть что-то от тихони, а ты уже вон о чём успела прослышать. Теперь понятно, что мы поедем смотреть.

— Но ты не ответила, кто это?

— Ни кто, а что! Это название небольшого водопада, но место это исключительное! Не буду забегать вперёд. Когда прибудем к нему, сами всё увидите!

Все три феирские девушки были заинтригованы до глубины души, поэтому с нетерпением спешили за Энжел, которая потребовала в конюшне немедленно оседлать лучших лошадей, а ей подать её любимого коня. Нужно отметить, что всё это время дочь королевы Бетти передвигалась без своих постоянных спутниц — амазонок, что ещё раз доказывало то, о чём толковала княгиня Ормонди: в королевском дворце ни о какой

опасности речи идти не может, все чувствовали себя надёжно и уверенно. Уверенность! Вот что снова чувствовала Беллона, как и всякий раз, оказываясь близко к Энжел.

Но стоило из конюшни показаться четырём прекрасным скакунам, как Беллона внезапно ощутила слабость. Её руки задрожали, ноги подкосились. Всё тело прошиб холодный пот, и она издала сдавленный крик. Ладонями прикрыв глаза, принцесса чувствовала себя всё хуже и хуже, пока не упала на траву, шепча что-то невнятное. Энжел подбежала к ней и потрясла за плечо. Реакции никакой не было, но теперь можно было разобрать, что она проговаривает. «Дерек, Дерек» — неустанно твердила она, пока не потеряла сознание. Наследница Гиганта подозвала одного из стражников, который, даже не заметив веса принцессы Феира, как будто ему на руки ничего не опустилось, поднял девушку и понёс туда, куда ему указали. Стало ясно, что ночное гуляние отменяется.

Беллона очнулась в полном порядке, но по-прежнему ощущала слабость. Рядом с ней сидели всё те же три девушки. У Доры вид был, словно ей сейчас повстречался сам чёрт. Она была испугана и бледна. Габи безмолвно плакала, принцесса даже не поняла, почему?

— Габи, ты чего? Со мной всё в порядке, у меня ничего не болит, и умирать я не собираюсь.

— Белл, ты...ты, — сквозь всхлипывания говорила виконтесса, — ты была лучшей наездницей во всём королевстве, а теперь...

Беллона сама чуть не разрыдалась, но сумела удержать себя в руках. Как же она любила лошадей, быструю езду, дикую скачку, ощущение свободы, которое испытываешь, мчась в седле, на спине мощного животного. И вот, с этим покончено. Её панический страх перед лошадьми, появившийся после всего прожитого, не прошёл, но твёрдо укоренился в её подсознании и засел там, не желая убраться прочь.

— Это я виновата, — начала Энжел. — Я совсем позабыла о том, что было. Прости...

— Ты здесь совсем не при чём. Не ты кидала нож в мою Фиалку, не ты неслась на всех скоростях возле театра, чтобы убить меня. Но даже то, что я теперь знаю, кто всё это делал, ничего не меняет. Этот человек просто исчез из моей жизни, оставив о себе болезненное напоминание в виде фобии...

— Ничего, это пройдёт. Время всё лечит. Отдыхай, а завтра я придумаю тебе нормальное развлечение, а если это не поможет, то вызову лучших лекарей со всего Гиганта! Обещаю.

— Спасибо, Энжи, но мне ничего не надо. Я счастлива уже оттого, что у меня есть ты. Габи, Дора, все вы...

Принцессу Феира оставили одну, чтобы она успокоилась. Дали маковый отвар для быстрого и крепкого сна, потушили свет. Не стоит пытаться сразу поменять ей режим, постановила Энжел, у себя на родине девушка никогда не ложилась позже десяти и не вставала позже восьми, за исключением некоторых редких случаев, праздников и торжеств. Дверь затворилась и только тогда засыпающая Беллона произнесла вместе со скатившейся по щеке слезой:

— ...и несчастлива оттого, что у меня нет Дерек. И, возможно, никогда не будет...

После этих слов девушка сразу уснула, но ей не снились кошмары, связанные с конём. Ей виделся балкон, а на нём она разглядывает книгу, забытую Энжел, или кем-то из её фрейлин. Вдруг на нём появляется рыцарь, весь в чёрном, с золотым орденом на широкой груди — это Дерек, он пришёл к ней. Он приближается, говорит какие-то слова, скорее всего, это объяснения в любви, но она отталкивает его. Граф пятится назад, спотыкается и

спиной, перелетев через перила, летит вниз. А там чёрная пропасть, которой нет конца. И он бесконечно, всё дальше удаляется, а она, Беллона, ничего не может сделать, чтобы вернуть всё обратно и изменить.

Покинувшие спальню Беллоны, Габи и Энжел были весьма опечалены своеобразным недугом подруги. Дора тоже стала унылой, поэтому сразу же ушла спать, желая отвлечься от неприятных мыслей. Она появилась при дворе после всех трагических событий, поэтому не была полностью осведомлена, но в общих чертах знала о покушениях на свою госпожу, что её страшило и расстраивало. Для виконтессы Незардроун Беллона была словно ангел, которым она восхищалась и любовалась, самой чистой и невинной девушкой на свете, обидеть которую было равносильно святотатству. Без неё она стеснялась оставаться в компании других фрейлин, особенно Габи, а тем более в купе с иноземной наследницей, которая тоже вызывала у Доры трепет.

Оставшись вдвоём, подруги направились в апартаменты Энжел. По пути они встретили амазонок, которых пригласили в свою компанию. Принцесса Гиганта была твёрдо настроена развеять ночные тревоги и сделать так, чтобы к концу посиделок оставшиеся участницы всё же разошлись удовлетворёнными и расслабленными, если не сказать радостными и довольными. Усевшись на свою круглую кровать, Энжел подобрала под себя ноги и, разглядывая перстни на пальцах, обратилась к своим фрейлинам-охранницам.

— Зира. — Так звали ту, что была чуть заметно крепче и старше, темнее волосами, с медным отливом в прядях и узкими, наблюдательными глазами. — Чем нам заняться? Ко мне приехали подруги, а я, как нерадивая хозяйка, не смогла их по-человечески принять.

— Я не знаю, Энжи, — голос Зире был таким же грубым, как и её наружность, но, несмотря на его низость, когда она обращалась к своей повелительнице, в нём чувствовалась теплота. — Обычно в это время ты идёшь во дворец Тритона.

— Нет, туда я наших гостей не поведу, ни одну из них. А ты что думаешь, Эрила?

— Ну, куда-то же вы изначально собирались?

— Да, к Вормону, но Белл видеть не может рядом с собой лошадей, поэтому ничего не получилось.

— Но сейчас-то принцесса Беллона не с вами...

Энжел поняла намёк амазонки и повернулась к Габриэль, всё это время сидевшей безучастно.

— Габи, как ты на это смотришь? Поехать туда, куда мы и намеривались без Белл?

— Я думаю, что это было бы некрасиво с нашей стороны...

— Но ты же понимаешь, что она не сможет туда добраться в любом случае.

— А что если отложить это на завтра? Днём она воспримет всё по-другому, возможно. Или взять карету? А? Точно! Возьмём открытую повозку и направимся к этому самому Вормону.

— Ты не понимаешь, Габи. Это место, куда нужно приближаться незаметно. По крайней мере, так гораздо интереснее. Днём туда тоже можно поехать, но ночью я сама там давно не была. Это поистине настоящая сказка! Ну, так что?

Виконтесса заметалась, не решаясь сделать выбор. Но вдруг там действительно что-то такое, где можно позабавиться так, что захватит дух, а если там будет Белл, то она не даст поучаствовать. Вдруг сейчас единственный шанс, который судьба специально уготовила для неё, Габи?

— А там есть что-нибудь такое, что могло бы не понравиться Беллоне?

Энжел подумала, что подруга ищет отходные пути, поэтому хотела успокоить её по этому поводу, но Зира правильное поняла вопрос девушки, поэтому поспешила уверить её:

— Я думаю, ваша принцесса была бы в ошеломлении после посещения Вормона.

— Тогда едем! — смело кивнула Габи и встала, оправив свои восхитительно лёгкие и откровенные одежды. Эрила гортанно засмеялась и подскочила с каким-то неведомым боевым кличем, видимо привитым ей ещё в детстве, у неё на родине.

— А-е-о! Нас ждёт хорошенькая встряска!

Девушки снова спустились к конюшням. Лошадей уже почти распрягли, но Энжел приказала оседлать двух заново. Габриэль поинтересовалась, почему только двух? Наследница объяснила, что амазонки при удобном случае предпочитают ездить на конях без всякой упряжи. Это у них в крови. С малолетства они учатся верховой езде и уже никогда не могут без неё обходиться. Своего коня они не меняют до его или своей смерти, как уж повезёт. Они с ним лучшие друзья и союзники. При скачке или погоне, амазонка и её животное превращаются в одно целое, неразделимое, мыслящее одним разумом существо.

— Хоть Зира и Эрила со мной давным-давно и всегда рядом, я сама порой их не понимаю. Иногда они такие же девушки, как я, как ты, но порой наступает их зов природы. Они могут надолго исчезать куда-то, странно себя вести. Это ведомо только их народу, их дикой душе.

— Разве Амазонка — это дикое место без цивилизации? — любопытничала Габи.

— Нет, я была там. Всё на Амазонке напоминает Гигант, да даже Феир! Но женщины живут там в гармонии с природой, наполовину в ней, а мужчины составляют ту отсталую часть, которая не понимает ни знаков свыше, ни шептания духов.

— Шептания духов?

— Да, религия амазонок отличается от моей и вашей, они почти язычницы. Наверное, именно поэтому их души загадочны и закрыты для постороннего человека. Они прислушиваются к ветру, воде, огню, перемене погоды, говорят, умеют общаться с животными, и единение с лошадьми тому прямое доказательство.

Забираясь на лошадь, Габи задумчиво рассматривала Зиру и Эрилу. Они и впрямь были словно не из мира сего. На Феире и на Вермаше, случались моменты, они вели себя, точно как и другие молодые дворянки, да и здесь они пока не сильно дичились. Но бывали случаи, когда в их жестах, взгляде, самой ауре ощущалось нечто неведомое и неподвластное. Виконтессе хотелось бы у них чему-нибудь научиться — выносливости, спокойствию, выдержанности, но она понимала, что её судьба совсем другая. По окончанию этой сказки в раю, несколько дней спустя, она вернётся к скучному Феирскому двору, тесным грузным платьям, и ещё более стесняющим манерам, порядкам и обязанностям. Будет ли там Сториан? Ещё не известно. Может, они на месяц поехали на этот проклятый Олтерн! Габриэль начинала понимать, почему на Феире его так не любят. Олтерн, разумеется. Хотя и Сториана жалуют не все.

Снова вернувшись мыслями к амазонкам, виконтесса вспомнила, как после неудачной охоты в лесах Финкер-Оренстоффа, они с подругами и рыцарями ужинали, и кто-то из них, кажется граф Аморвил, рассказывал, что существуют некие амазонские драконы, которых трудно победить даже очень сильному мужчине, но их с лёгкостью приручают даже самые хрупкие девушки-амазонки. «Ах, если бы я была одной из них, я бы пустила всё своё мастерство в ход, но приручила Сториана МакДжойна! Он, конечно, не дракон, но вполне

хищный и опасный зверь, ведя охоту на которого, можно попасться самой же».

Энжел тронула коня, Габриэль вовремя опомнилась от раздумий и последовала за ней, а телохранительницы, как всегда, оставались позади, несмотря на то, что искусством верховой езды превосходили обеих спутниц и могли бы намного обогнать их. Но такова была их доля, выбранная добровольно. Когда-то им приказали подчиняться наследнице Гиганта и с тех самых пор они ни разу не нарушили своего долга.

Девушки поскакали в ту сторону, где находились горы. Выезжая из портала, гости с Феира хорошо видели их очертания и холмистые силуэты, а сейчас, со стороны дворца, горы наполовину скрывал лес, дремучий и плотный, совсем не такой, как в окрестностях Риджейсити и королевского дворца Робина Третьего. Даже его состав был иным: наполненный тропическими деревьями, с переплетающимися ветвями, лианами, путающимися с корнями, толстыми и тонкими стволами, разветвляющимися и растущими самым невообразимым образом. Кустарник почти отсутствовал, но это было спасением для тех, кто хотел хоть как-то пробраться сквозь эти заросли. Если бы был ещё и он, то это был бы не лес, а живая непроходимая изгородь. Однако принцесса Гиганта двигалась вполне уверенно, а следом за ней и её сопровождение. Добравшись до джунглей — это было самое подходящее название сим местам — Энжел повернула и немного проскакала вдоль, пока не притормозила у огромного широченного дерева, спускавшего свои длинные ветви до земли. Они расстилались по ней, цепляясь за корни. Зира выехала вперёд, спешила, и осторожно расцепила начало и концы дерева, потом стала одну за другой отодвигать ветки в сторону и перед Габи возникла тропинка, узкая, но твёрдая и хорошо протоптанная. Когда принцесса, следом за ней виконтесса и Эрила въехали во владения природы, где вряд ли кроме них когда-либо ступала нога человека, Зира уже изнутри поправила всё, как было, и только тогда догнала маленький картеж, отправившийся на ночные приключения. Из присутствующих, при всём том, о конечной цели не знала одна Габи. Она смело фантазировала, представляя себе самое невероятное, что её будет ждать по окончании тропы у заветного водопада. Ведь девушка никогда не видела водопада! Но, медленно продвигаясь, след в след за Энжел, она слышала приближающийся шум падающей воды. Это наверняка было невероятно красиво! Не то, что искусственно созданные фонтаны, которые давно перестали удивлять виконтессу, особенно после увиденной площади Фонтанов в столице Феира, по которой она в последний раз промчалась на коне вместе с Рикардо МакДжойном. Уж шикарнее и изумительнее тех композиций золота и потоков воды вряд ли можно найти где-либо во Вселенной.

Тропа вела по наклонной вверх. Лианы то и дело мешали лошадям, которые вертели головами, откидывая назойливые растения. Когда шум водопада стал настолько явным, что стало ясно — он где-то за поворотом, где-то прямо рядом, Энжел приложила палец к губам, приказав Габриэль хранить молчание и беречь тишину. Принцесса слезла с коня, взяла его под уздцы и повела чуть назад. Там находилось поваленное дерево, которое обросло таким образом, что стало похожим на шалаш, но довольно просторный. Все девушки отвели в него животных, на которых приехали, и снова последовали за Энжел. Тропа продолжалась дальше, ещё выше, но была не пригодна для продвижения копытных. Она стала каменистой. Прикинув по времени и местности, Габриэль догадалась — они достигли гор! Выступы в скале, словно ступеньки (сколько же раз тут пробежали ножки Энжел, если так выточили эти камни?), привели их в грот на большой высоте. Принцесса Гиганта ещё раз напомнила подруге, чтобы та вела себя крайне тихо, и подвела её к самому краю, попросив к тому же пригнуться, или даже сесть на корточки. От обрыва на краю отгораживали небольшие

валуны, из-за которых четыре девушки осторожно взглянули вниз.

Первым желанием Габи было взвизгнуть или захлопать в ладоши, но она сдержалась. Картина, представшая перед ней, переплюнула все её желания вместе взятые. Энжел смотрела на блестящие, нет, горящие глаза подруги с нескрываемым самодовольством. Она знала, что эта девушка по достоинству оценит тот сюрприз, который она ей сделала.

Вниз с большой высоты стекали струи воды. Где-то более широкие, где-то более узкие. Они падали на поверхность маленького круглого озера, с одной стороны окружённого скалой, на которой сидели девушки, а с другой пологим берегом. Там была большая поляна, за ней виднелись всё те же джунгли, а на границе между ними маленькая каменная башня. За ней вилась дорога, нормальная, не потайная и не дремучая. По ней могла бы проехать и карета, но, видимо, это было тут редкостью, потому что дорога была порядочно заросшая корнями. Но не травами — значит, топтали её довольно-таки часто. Да и главное было не в пейзаже, а в том, как он использовался и для чего предназначался. Под водопадом, в озере и на поляне, у костров, расположились те самые великолепные стражники, которые были так строги и неприступны во дворце, а здесь смеялись, разговаривали и даже беззаботно спали прямо на мшистых камнях, постелив себе плащи с вышитыми молниями. Их было несколько десятков, может, около сотни, и некоторые из них, о чудо! были совершенно голыми. Они купались в прохладных водах, плескались и плавали в озере, выбирались на берег и натягивали свои безупречно белоснежные шаровары, пока капли стекали с волос по плечам, спине и груди. Один до сих пор стоял под тонкой нитью водопада, наслаждаясь этой душевной ночью холодом и влагой.

— Что...что это за чудеса? — только и смогла, дрожа всем телом, промямлить Габриэль.

Энжел, счастливая тем, что нашла развлечение по душе подруге, ринулась в подробные объяснения, смакуя каждую деталь, которую она открывала виконтессе.

— Здесь происходит их смена караула, и здесь они живут, пока не вступят снова на отведённый им пост. Чуть глубже, в лесу, есть ещё четыре таких каменных башни. Это своеобразные казармы, но на самом деле там всё убрано гораздо богаче, чем у простых солдат. Как-никак, а это королевская стража! Всего их пять сотен. Дежурство нужно нести непрерывно двенадцать часов. Во дворце всегда находятся только сто. Триста, наверное, уже спят глубоким сном, а эти только сменились в полночь, поэтому и расслабляются, как могут.

Габи жадно пожирала глазами каждую мелочь, каждую деталь. Она знала — такое ей доводится лицезреть первый и, скорее всего, последний раз. Но как ей хотелось спуститься вниз, приблизиться туда, в эту гущу стройных тел, красивых лиц, с правильными и мужественными чертами, сильных рук и крепких ног. Габи поняла, что если не отвлечётся, то либо прыгнет с этой высоты и непременно расшибётся, либо закричит животным воплем, выражающим все её внутренние ощущения, которые она уже была почти не в силах удерживать в себе. «Боже, да что со мной происходит? Когда я первый раз поцеловалась, я думала, что ко мне пришла любовь. Потом это оказалось заблуждением, и я обратила внимание на Сержио. Но и тут я ошиблась. Он симпатичен, обаятелен, добр и благороден, но я не люблю его. Потом появился Сториан. Я думала, это мимолётное увлечение, но вдруг я осознала, что не могу думать ни о ком другом, кроме него. Такого раньше не было. Его поцелуй был совсем не таким робким и наивным, как поцелуй Сильвио. Во мне будто закипела кровь в тот момент. У меня кружилась голова, и живот свело странной судорогой.

Я испугалась тогда. Даже Беллона признала, что теперь я, вроде как, полюбила. Но сейчас! Что творится со мной и во мне сейчас? Не могу же я любить всех этих мужчин? Однако чувство именно такое. Мне хочется туда к ним! Боже, я сойду с ума!» Габи отвернулась и обратилась к Энжел, которая, затихорившись, ждала дальнейших действий от виконтессы.

— Энжи, но как же так? Они были такие суровые и непроницаемые во дворце, а тут — нормальные мужчины!

— Не томи. Ты хотела спросить, почему они даже глазом не повели, когда ты, Белл или другие девушки проходили мимо во всех своих прикрасах?

— В общем-то — да!

— Всё очень просто. Для них существуют только две женщины — я и моя мать. В конце их обучения, королевские стражи посвящаются в жрецов Богини, то есть, должны хранить ей вечную преданность, а мы, её частички, единственные кому они могут принадлежать.

— Как это вы — частички Богини? — Габриэль чувствовала себя участницей какого-то эзотерического действия, в котором никак не могла найти свою роль и влиться в общий поток.

— Ты не знаешь истории нашего рода? Тогда слушай. Богиня, Великая и Единственная, в которую веруют все на Гиганте, ну, и не только на нём, тысячи лет жила одна. Она создала всё — Вселенную, системы, планеты, природу и людей, но не сделалась счастливой. Она не понимала, почему она, самая могущественная на свете несчастна, когда даже самые ничтожные создания иногда радуются и веселятся. И вот, однажды, на Гиганте, она увидела юношу, равного по красоте которому не было! Он был столь прелестен и очарователен, что Богиня не удержалась и сошла к нему на землю. Они полюбили друг друга и совокупились. Их союз длился одни сутки, дольше Богиня не могла оставаться с одним человеком, ведь её ждала вся Вселенная, о которой ей надлежало заботиться. Но когда она вернулась, то нашла возлюбленного мёртвым — его убили другие мужчины, из ревности и зависти. Горе её не знало предела. Молниями она поразила всех, кто участвовал в гибели её любимого. Их жёны стали молить о прощении и воздвигли ей храм, где сделались жрицами, пообещав не знать больше мужчин, только бы она не истребила их всех вовсе. Богиня смилостивилась. Через девять месяцев эти женщины у храма нашли золотую корзину внутри — это была девочка. Они стали воспитывать её подобно себе, но когда ей исполнилось шестнадцать и её должны были посвятить в вечные девы, у неё в руке появилась молния и она метнула её в одежды и все ритуальные предметы, спалив их этим дотла. Тогда люди поняли, что это дочь Богини и Тритона, того прекрасного юноши. Её сделали королевой. С тех пор, от дочери к дочери и переходит наш престол.

— Боже, да передо мной полубожественное создание! — восхитилась Габи, на что Энжел лишь ухмыльнулась и пожала плечами. — А как же Богиня? Она как-нибудь проявляла себя снова?

— Она поняла, что сама больше никогда не полюбит, потому что это бессмысленно — ведь она существует вечно, а её возлюбленные простые смертные. И тогда она завещала своей дочери и её потомкам, любить. Любить пламенно и страстно, не думая ни о чём, не бояться разочарований, не горевать от расставаний, а быть настоящим воплощением любви. Но чтобы произвести на свет наследницу, непременно зачинать её шестого июня — день, когда она сама сошлась с Тритоном.

— Но как же так можно? А если по каким-либо причинам возлюбленного не окажется рядом?

— Тогда обязательно окажется любой другой! Габи, ты не в том плане поняла завет Богини. Любовь души приносит страдания, а любовь тела — удовольствия. Это нам открыла Богиня. Так что, мы не привязываемся ни сердцем, ни разумом. Тот, кто нам повстречается шестого июня, тот и станет отцом будущей королевы.

— И кто же попался тебе в этом июне?

— А мне ещё рано об этом думать. Я не тороплюсь стать мамашей. Я продлю свою молодость до тех пор, пока это будет возможно!

— Вот счастливая, а я как подумаю, что родители вдруг захотят выдать меня замуж, и всё! Кончится на том моя беззаботная жизнь, полная новых открытий, путешествий и приключений...

Габриэль глубоко вздохнула и снова повернулась к зрелищу, открывающемуся внизу. Возникло молчание.

— Габи, я могу сделать тебе подарок, — начала Энжел, — я вижу, что ты томишься от душевной тоски, хоть уже и не так сильно, как когда я увидела тебя на Вермаше. Забудь о своих сердечных мучениях. Посмотри вниз хорошенько, и выбери любого, которого захочешь! Я имею такую власть, если я прикажу, он будет твой! Он покажет тебе настоящий праздник тела и любовь этого тела.

— Ты предлагаешь мне... — Габи даже не знала толком, как это и назвать, поэтому употребила слово, которое последним услышала от Энжел по этому поводу, — совокупиться с одним из этих мужчин?

— Ну да, а что в этом дурного? Мы и сами с удовольствием займёмся тем же, правда, девочки?

Зира и Эрила закивали, приняв слащавый вид.

— Но, в общем-то... — виконтесса поняла, что будет проблематично объяснить подруге значение выражения «обесчещенная девица», поэтому решила подойти по-другому, — я ни разу этого не делала и совсем не знаю, что для этого нужно.

— О, Богиня, Габи, так ты — девственница? — Энжел пребывала в некотором смятении. Сама она уже забыла, как давно рассталась со своим достоинством, которое не считалось на Гиганте таковым, а просто обозначало различие между детством и взрослой жизнью. Немного пораскинув мозгами, принцесса продолжила: — Ничего страшного! Поверь, эти парни как раз то, что для этого нужно. Если бы они были никудышными любовниками, их бы здесь не держали. Так что, дерзнёшь прямо сегодня?

Энжел казалось, что она приобщает девушку к чему-то само собой разумеющемуся, но прекрасному, без чего просто нельзя уже обходиться в семнадцать лет виконтессы. Она не принимала в расчёт, что той не оставаться жить на Гиганте, а возвращаться к себе на родину, где всё по-другому, а как — Энжел не знала. Она никогда слишком глубоко не интересовалась обычаями и порядками чужих держав, поэтому очень редко, но могла шокировать, ведя себя свободно и привычно для неё самой. А потом не могла взять в толк, почему в некоторые места её не приглашают?

Габриэль же терзали соблазны. Вдали от Беллоны, Марии и нового здравого смысла их компании — Аделины, давление Энжел и образа жизни местных жителей становилось всё тяжелее и напористее. Сам воздух пах искушениями, каждая песчинка, травинка и былинка так и нащёптывали «соглашайся!». И Габи была недалеко от этого. А эти молодые люди внизу, словно инкубы, которые только и ждут, когда она спустится к ним и начнёт прелюбодействовать. Почему бы и нет? Но, впервые в жизни, девушка решила хорошенько

взвесить все «за» и все «против». Она тянула со своим окончательным постановлением. «Если я откажусь сейчас, то много ли выиграю? Вернусь на Феир, поезжу ещё по свету с Беллоной. Нигде, возможно, больше не представится такой возможности, нигде я не встречу более широкий выбор симпатичных парней, а если и встречу, где гарантия, что я им тоже понравлюсь, и они согласятся на то, на что согласятся эти стражи по одному только слову Энжел? Потом наступит возраст, когда мне нужно будет выходить замуж. Кто сказал, что родители найдут мне мужа, который меня устроит? Они, конечно, дадут мне самой волю, если мне не понравится их кандидат, а мне нужен Сториан, и никто другой! Но он, судя по всему, не настроен на мне жениться, ни пока, ни позже. Энжел и его друзья говорили, что он дал себе клятву никогда не жениться. Его сердце черствее и твёрже бульжника. Тогда что же я теряю? По идее, ничего. Но если посмотреть с другой стороны. Я помню, как Беллона страдала, перепутав Дерека с принцем Голубого квазара. Не буду ли я так же безутешна, что первым стал не Сториан? К тому же, я думаю, у меня есть эта счастливая возможность — сделать Сториана первым, он ведь не отказывался, напротив, настаивал. Значит, всё может произойти при первой же нашей встрече. Но здесь, сейчас, какое неведомое доселе блаженство ждёт меня?»

Габриэль решилась заговорить. Она сделала выбор и всё для себя твёрдо решила.

— Извини, Энжел, но — нет, я не могу этого себе позволить. Я подчинённая Беллоны, а если бы она узнала о том, чем я собираюсь тут заниматься, то прогнала бы меня прочь от двора. Вернее, она бы ничего такого не сделала, мы ведь подруги, но если бы узнали её родители, то фрейлинского места я была бы лишена, дабы не очернить репутацию принцессы. Пойми, это зависит не от меня, я живу не в вашем райском мире, а в жестоком мире условностей, где главными являются мужчины...

Уголки губ наследницы Гиганта опустились вниз. Она предлагала такой дар! Сколько приехавших гостей желало хоть как-то расшевелить этих красавцев, но они всегда оставались верны королеве, её дочери и их приказам. Энжел чуть не впала в ярость, но потом ощутила тот же прилив жалости и сестринской любви к Габи, что и к Белл, когда они немного повздорили. Бедные девушки, они действительно совершенно иначе и неправильно воспитаны! Какой ужас жить, подчиняясь мужчинам и их законам.

— Ничего страшного, Габи, бедная моя подружка. Я всё понимаю. В таком случае, Эрила проводит тебя обратно, до дворца, а я с Зирой всё же воспользуемся моментом...

Виконтесса поднялась из сидячего положения, в котором находилась всё это время и последовала за амазонкой по тропе, которая их сюда и привела. Она безмолвно запрыгнула на коня, всё ещё раздумывая — не пожалее ли о том, что отказалась от вкушения плотской любви? Видимо, лицо её во всех красках выражало всю раздвоенность, печаль и надежду, раз телохранительница решилась заговорить с ней, чтобы вывести из этого состояния глубокого размышления.

— Габи, ты не расстраивайся. Ты ведь не последний раз на Гиганте. Если у вас там, на Феире всё так, как я слышала, то дождись того момента, когда станешь чьей-нибудь супругой, а потом приезжай сюда снова. Вот тогда мы устроим тебе настоящий приём, и, я уверена, Энжел предоставит тебе хоть все пять сотен своих любовников!

— Ах, Эрила, если бы всё было так просто. Но я не огорчаюсь. Я увожу отсюда только самые приятные воспоминания. И ощущения... Знаешь, когда я смотрела на этих обнажённых мужчин, меня так к ним потянуло, что у меня возникла безумная мысль, что я их всех люблю.

Амазонка засмеялась. Ей впервые приходилось выслушивать такие невинные речи, лишённые всякого подтекста или какой-либо надуманности. Девушка без жизненного опыта попыталась выразить словами то, что почувствовала, просто и ясно, но Эрила всё поняла.

— Это не любовь — это возбуждение.

— Что?!

— Желание, созданное природой, чтобы люди соединялись и производили на свет потомство. Это один из самых естественных инстинктов, как есть, пить, дышать...

— Так значит, я сделала что-то противоестественное, пойдя против своего желания?

— Можно сказать и так. Но человеку для того и дан разум, чтобы решать, когда поддаваться зову плоти, а когда нет. Хотя, когда ты возбуждена, нет ничего удивительнее и прекраснее, чем ему поддаться!

Эрила снова засмеялась, но больше ничего не добавила. Габриэль предоставили обдумывать всё самой. Как же так? Значит, она всё-таки оказалась в проигрыше, отказавшись от удовольствий и наслаждений. Решено, как только она встретит Сториана, она немедленно познает с ним все тайнства человеческой природы, которые начали приоткрываться ей сегодня.

Достигнув дворца где-то перед самым рассветом, виконтесса поблагодарила спутницу за сопровождение, однако попросила довести её ещё и до покоев. Внутренний лабиринт по-прежнему был не изучен Габи, поэтому она боялась в нём заплутать, постоянно натываясь на стражников в белых шароварах. Она и так всё время встречала их там и тут, но теперь смотрела на них высокомерно, словно они были для неё прочитанной книгой, в которой больше не было ничего интересного. Не то что бы они ей разонравились, но теперь она знала их загадку, знала, что они обычные молодые люди, которые несут свою службу и выполняют работу, вознаграждение которой — ночи с королевой и принцессой, а потерять такую награду ой как не хотел каждый из них. Поэтому-то они и не обращали внимания на других женщин — не потому, что те были некрасивыми или непривлекательными, а потому что у них самих были другие идеалы. Габи решила, что не станет рассказывать об этом Беллоне, пусть остаётся в неведении, тем более она-то ими и не очень интересовалась.

Зайдя в спальню, Габи с удивлением заметила, что Дора не спит, а, уставившись в потолок, таращит глаза.

— Ты чего? — полюбопытствовала фрейлина у фрейлины.

— Всё думаю о несчастье её высочества. Я так за неё переживаю. Думаю, для неё является сильным потрясением, что она не может больше быть лучшей наездницей.

— Ничего, найдёт себе другое занятие, которое понравится ей больше прежнего.

— Ты думаешь? Хорошо бы... а где были вы? Вас не было почти всю ночь.

— Да так, немного развеялись, прокатились по окрестностям. Природа здесь — просто чудо! Завтра пойдём гулять все вместе. Беллона, увидев многие изумительные вещи, сразу позабудет о прошлых напастях. А теперь, давай спать. Будь спокойна за нашу принцессу, она сильная, она и не такое переживала.

Габриэль разделась, плюхнулась под тонкое покрывало рядом с Дорой и мгновенно уснула.

Первой радостью проснувшейся Беллоны было отсутствие балкона в выделенных ей покоях. Если она довела себя до того, что Дерек начал ей сниться, и она стала испытывать перед ним угрызения совести, то ситуацию нужно срочно менять. По привычке и к своему сожалению, принцесса встала ни свет ни заря. Не решаясь надолго остаться одной, она зашла в умывальню, где стоял тазик и кувшин с прохладной водой, быстро привела себя в порядок и вернулась в комнату, чтобы одеться и причесаться. Как всегда, уделяя не много внимания своей внешности, потому что та от природы была одарена всем, чем требовалась, и даже более, Беллона обулась и вышла в коридор. Ей не терпелось найти себе какое-либо общество. Заглянув тихонько в опочивальню Габи и Доры, она увидела, как те обе крепко спят; первая, подложив ладошки под щёку и тихо посапывая, вторая беззвучно, свернувшись клубочком. Не стоит их будить, наверняка, с лёгкой руки Энжел, они легли очень поздно! Но, может быть, сама наследница уже пробудилась? Вряд ли, конечно, но можно проверить. Благо, путь дотуда Беллона запомнила, а если подруга ещё спит, то оттуда она помнила, как добраться в сад. А любовь девушки к природе было делом известным. На Гиганте она была гораздо буйнее и пышнее, чем на Феире, поэтому принцессе хотелось посмотреть повнимательнее новые растения, а, возможно, и животных! Дойдя до деревянных дверей, Беллона в них тихонько постучала. Через секунду одна отворилась и выглянула одна из амазонок, вечно охраняющих свою повелительницу.

— А Энжел ещё спит? — спросила Беллона.

— Нет, она не спит, — ответила телохранительница, — но её здесь нет.

— Она так рано встала на прогулку?

— Нет, — заслышался раскатистый смех. — Просто её высочество ещё не вернулись с ночной прогулки.

Принцесса Феира извинилась за беспокойство и направилась на улицу. Во дворце и впрямь было сонное царство. Делать было совсем нечего, но пока солнце не вошло в зенит и не стало обжигать, можно спокойно побродить под открытым небом. Немые стражи безропотно отворяли решётчатые ворота и калитки, как и вчера. Наконец, Беллона дошла до перистилля, в котором стоял фонтан в виде развратной статуи юноши. Справа находился зал, из которого выбегали Альена и Риона, шумевшие там со своими подругами. Сейчас там было пусто и тихо. Налево открывался вид на заросли шиповника, среди кустов которого светлела дорожка. Именно туда и направилась принцесса. Шиповник, дикая разновидность роз, вскоре сменился самыми настоящими садовыми царицами. Не без гордости, Беллона отметила, что её сад роз гораздо богаче сортами и расцветками этих цветов. Дальше кустарники сменились узкой аллеей тесно идущих друг за другом деревьев, будто стена, отгораживающая одну дорожку от другой, а их там было много, целый лабиринт поворотов и заворотов. Блуждая по этим тропам, девушка вышла на площадку, окружённую зарослями самшита. Так как она была квадратной формы, то по четырём сторонам стояли лавочки, а по углам были дорожки ещё в три стороны. Беллона хотела было присесть, но внезапно передумала. Ей захотелось идти. От этого своего желания она даже испугалась. Когда оно возникало, после этого обязательно что-то происходило. Первый раз встреча с рыцарями, второй раз разговор с тётей Сивиллой, окончательно убедивший её в том, что за Ричарда

замуж выходить не стоит и заставивший задуматься ещё много о чём. Так может лучше посидеть? Нет, глупо поддаваться внутренним страхам. Из-за них она вчера и так испортила всем прогулку, заставив отменить все развлечения своим состоянием. Так что стоит идти дальше. Выбрав наугад сторону, в которую стоит двигаться, Беллона вскоре вышла к бассейну, очень красивому, выложенному лазурной и золотой плиткой. По его поверхности плавали водяные лилии, ярко жёлтые и белоснежные, с голубой каёмкой. Судя по лестнице, опускавшейся в воду, это всё же был не декоративный бассейн, а предназначенный для купания. Вокруг также росли лилии, но уже земляные, высотой по пояс; тигровые, голубые, лимонные, розовые и нежно-кремовые — они представляли собой волшебное зрелище. Среди них девушка заметила и ступеньки, поднимающиеся к беседке, такой чудесной, будто сотканной из золотой паутины, настолько тонка была работа тех, кто вырезал перила, столбики. Вход в неё завешивала небесно-голубая ткань, а над ней нависали кроны деревьев с изумрудной зеленью. В общем, ощущение было полной сказки. При приближении просматривалась и изящная золотая крыша, с узорами и резными краями, но большую её часть всё-таки загорали ветви и лианы, которые собирались со временем оплести всё это чудо архитектурской мысли целиком.

Беллона поднялась по ступенькам и легонько откинула защищающее вход полотно. Сделав шаг, она заметила, что внутри не пусто, а кто-то сидит, и хотела незаметно удалиться, но, уже развернувшись, её что-то остановило. Там сидел юноша, который со спины был точь-в-точь её братом! Принцесса уже собиралась крикнуть «Робин!», но не стала этого делать, а вежливо постучала по дверному проёму и заговорила:

— Доброе утро, можно войти?

Молодой человек повернулся и развеял мираж Беллоны. Мало того, что он был не её братом внешне, так он ещё и читал книгу! Если бы она застала Робина за таким занятием, то это был бы верный дурной признак, что его нужно показать врачу. Но всё же в лице его было много общего с принцем Феира, хоть он и был ниже ростом и не так красив.

— Конечно, проходите.

— Я точно не помешаю вашему занятию?

— Нет-нет, что вы. Я читал так, от скуки, потому что в такую рань нечем заняться. Здесь многие не любят, когда с утра доносится хотя бы малейший шум, они спят до обеда. — Юноша по-доброму улыбнулся и отложил книгу в сторону. — Если вы не против, то я с большим удовольствием поговорю с вами.

— Не только не против, но даже «за», потому что сама извелась в поисках хоть одной живой души.

— Это замечательно, что вы наткнулись именно на меня! Но как вы сюда дошли? Вы ведь не местная, а не заблудились.

— Как вы поняли, что я не местная? — удивлённо спросила Беллона.

— Ну, у нас никто не носит летом такие платья, — пояснил молодой человек.

— Да, это действительно так, но моё воспитание и приличия моей родины не позволяют мне оголяться больше, чем я сделала это, надев подобный наряд.

— А откуда вы?

По неизвестной причине, Беллоне не захотелось говорить правду. Первое правдоподобное место, откуда она могла быть, которое пришло ей в голову, была Рига. По невесте своего кузена, принцесса ещё на Вермаше сделала выводы, что в том королевстве не сильно пекутся о нравственности, к тому же, там исповедовали подобную гигантской

религию, а самое главное — там тоже был матриархат. Вот роль Сандры, наречённой третьего сына тёти Виктории и будущей королевы Риги, Беллона и задумала сыграть.

— Я с Риги, это очень маленькое далёкое государство, вы о нём вряд ли слышали.

— Нет, отчего же. Вы принимаете меня за неграмотного, ничего не знающего дворянина, но я слишком много учился, чтобы позволить оставить о себе такое мнение, — шутливо сказал собеседник Беллоны, — поэтому позвольте, после двух университетов...

— Богиня великая, сколько же вам лет? — принцесса пыталась играть свою роль без помарок. Если перед ней стоял столь образованный человек, то одна ошибка — и всё рухнет.

— Мне двадцать семь. Я знаю, я выгляжу гораздо моложе, это у меня семейное. Так, позвольте мне испытать свои знания и попробовать угадать, кто вы такая.

— Ну, попробуйте.

— Беря во внимание ваш возраст, я знаю, что на Риге есть только одна девушка ваших лет с такой дивной красотой и несравненными манерами, вы — принцесса Сандра!

Беллона от души поразились пронизательности и осведомлённости незнакомца, напоминавшего её брата.

— Вы правы, я на самом деле Сандра. Но раз уж вы обо мне всё знаете, то, может, расскажете что-нибудь о себе? Начните хотя бы с имени.

— Меня зовут маркиз Норин де Руаль. Я придворный поэт. А ещё я преподаю в столичной академии культуру и историю Феира.

Лжесандра вздрогнула. Что-то слишком много совпадений. Мало того он смахивает на Карлеалей, так ещё и интересуется Феиром!

— А почему вы выбрали для своего изучения именно эту планету?

— Ну, у неё ведь действительно очень любопытная история, к тому же, я дружен с принцем Робинем и мне легко добывать сведения о культуре, традициях, законах или каких-либо нововведениях.

Беллона решила пойти ва-банк.

— Вы сказали, что молодо выглядите, потому что это у вас семейное. Кто ваши родители?

— Моя мать Жоржета...

— Княгиня Ормонди?

— Да вы я вижу, тоже немало знаете. Хотя, мою мать знают все приезжие, она ведь распорядительница на этой свадьбе, всех встречает, всех обустраивает...

— А почему же вы не князь, Норин? Кто ваш отец?

Молодой, как оказалось, мужчина, потому что ему уже под тридцать лет, был немало изумлён настойчивостью принцессы в вопросах его семьи. Ему это не понравилось.

— Я ношу девичью фамилию матери и наследовал её титул, а замуж моя мать вышла после моего рождения.

— Норин, я знаю принца Робина лично. Вы же не станете отрицать, что похожи с ним, словно братья? Зачем вы уходите от прямого ответа? Кто из Карлеалей ваш отец?

— Какая разница...ладно, судья вам Богиня. В конце концов, вы невеста моего кузена Генриха, который обо мне и знать не знает, но всё же, мы считаемся роднёй. Я незаконнорожденный сын Робина Третьего, вы довольны?

Беллона так и села на скамейку. Как хорошо, что кроме этого человека здесь никого нет! Ей бы не хотелось, чтобы кто-нибудь видел её разбитый вид. Так вот откуда у Жоржеты такая радость при упоминании Феира! И эти слова: «Все мы помним вашего батюшку и его

визиты!»). Как много было этих визитов? И кто эти «мы»? Может у него тут ещё добрый десяток детей? Вот уж отец, удивил, так удивил. И это он втолковывал ей слова о морали, учил быть порядочной? Это его она боялась и уважала, в то время как он, опять же, стоит вспомнить мадам Жоржету «Был в молодости ничуть не хуже сына»! Как она сразу не поняла подтекст этих фраз? Да он был самым жутким развратником, которого Беллона только могла вспомнить!

Постаравшись взять себя в руки, принцесса пыталась найти отцу оправдание. Норину было двадцать семь лет. Что ж, хотя бы не опорочил честь матери изменой, сделав ребёнка за три года до свадьбы с ней. Но даже этот факт не сильно успокоил её. Ей так хотелось вернуться на Феир поскорее и высказать всё этому «славному» королю Робину! Больше она не будет себя вести, как смиренная овечка. Уж теперь-то они узнают, какова она на самом деле! Она заявит о любви к Дереку, и смело будет противостоять всем женихам и ухажёрам, твёрдо стремясь к замужеству с графом Аморвилем.

Маркиз де Руаль тем временем обиженно, рассерженно, сжимая кулаки стоял спиной к Лжесандре. Такая милая и ласковая на первый взгляд, оказалась превреднейшим созданием. Вот уж правду говорят, внешность обманчива бывает! Но что б настолько, впервые Норин такое видел.

— Я слышал, что нрав у вас ещё тот! Слышал и о вашей нескромности, но в жизни всё предстало передо мной хуже, чем я даже мог представить. — Речь для будущей королевы оскорбительная. Сын Жоржеты надеялся услышать ответные высказывания, со злобой и угрозами, какими любят раскидываться стержовые и мелочные девушки, к которым он уже приписал Сандру, принцессу Рижскую. Но за спиной висело молчание. В чём же дело? Не выдержав — характер Карлеалей давал о себе знать — Норин обернулся и нашёл девушку сидевшей со скорбным видом, поникшей головой. Устало сложенные руки не шевелились. Ему показалось, что её высочеству плохо, поэтому он всё же проявил джентльменство, приблизившись к ней и присев рядом.

— Сандра, с вами всё в порядке?

— Простите меня, — еле слышно сказала она. Потом слегка встрепенулась и заговорила громче, но всё так же печально. — Простите меня дважды. За то, что влезла в ваши личные дела и по-хамски, некорректно, настояла на том, чтобы вы ответили на вопросы, неприятные вам. И за то, что обманула вас.

— Обманули? Меня? В чём же?

— Я на самом деле не та, за кого себя выдала. — Глаза маркиза расширились от удивления. Это утро принесло ему столько потрясений, и вот очередное! — Я... трудно в это поверить, но, ваша сводная сестра...

Норина охватило состояние близкое к шоку. Он уже мало понимал происходящее. Сводная сестра? По всей видимости, по отцу, раз она интересовалась Карлеалями. Значит, королевская дочка, такая прекрасная...

— Вы её высочество Феирская? — подскочил молодой мужчина, охваченный догадкой. Беллона молча кивнула. — Но, почему вы сразу не сказали мне, если всё поняли, почему не представились своим именем?

— Я не сразу всё поняла, я стала догадываться. Вы очень похожи на моего брата, и я сначала решила, что вы внебрачный сын одного из моих дядей — Антонио или Вильгельма. А потом ко мне в душу закралось другое подозрение... — принцесса выдержала паузу. Ей всё ещё было неприятно осознавать, что по свету она будет то и дело наткаться на братиков

и сестричек. — И мне показалось, что скажи я вам, кто я есть, вы бы ни за что не признались. Простите меня ещё раз. Я должна была знать...

— И вы меня простите. Теперь я понимаю ваш пыл и настойчивость. Разумеется, вам хотелось узнать правду. А я на самом деле никогда не признался бы вам, таков уж я и моя судьба, о моём настоящем происхождении мало кто знает.

— Однако, мой брат знает. Вы сказали, что дружны с Робинот. Как он узнал? И как он мог скрывать это от меня!

— Ему открыла тайну Энжел, а сам он умеет хранить секреты. Не мне вам рассказывать, он отличный парень.

Их разговор внезапно прервали шум и гам за беседкой. Раздались смех, визг и плеск воды — кто-то нырнул в бассейн. Послышалось много голосов. В мирном царстве лилий наступило пробуждение. Беллона и Норин и не заметили, что время уже близится часам к одиннадцати утра, а значит, жаре и солнцепёку. Маркиз незаметно выглянул из-за занавеси, отгораживающей нутро беседки от сада.

— Это гости с Амазонки, подруги королевы Элизабетты и подруги Энжел. Они не должны видеть нас вместе.

— Почему?

— Потому что моя мать не хочет, что бы вы, ваша мать или наш отец узнали о моём существовании, это её дело, и я не собираюсь мешать ей жить так, как она хочет, и поступать так, как она считает нужным. Возможно, ей просто горько вспоминать о молодости и она не желает ворошить прошлое. Так что давайте вы выйдете здесь и пройдёте мимо них, будто просто гуляете, а я скроюсь через задний проём...

— Но там же непроходимый лес!

— Ничего, я здесь вырос, не заблужусь! До свидания, ваше высочество!

— Постойте, называйте меня просто Беллона, мы же, в конце концов, брат, и сестра...

— Тогда уж и на «ты» перейдем, не пристало родне такой близкой на «вы» друг к другу обращаться.

— Хорошо, до встречи, Норин!

— До встречи, Беллона! — И маркиз де Руаль, спрыгнув с заднего парашюта на кусты быстро и ловко растворился в лесу. Девушка ещё немного посмотрела на пустоту, возникшую вслед за испарившимся Норинот и повернулась к выходу. Она сделала узкую щёлочку между занавеской и одним из столбов беседки, на которых держалась крыша, как это только что делал её сводный брат. Принцесса мельком увидела кучу женщин и девушек, брызгающихся и кричащих. Решив дождаться их ухода, она снова села на скамейку.

Беллоне совсем не хотелось сейчас оказаться на виду у незнакомых, но крайне нескромных и простых особ. Она точно окажется белой вороной и с ней захотят познакомиться, к ней пристанут с разговорами, вопросами, болтовнёй, а отвязаться от этого будет верхом неприличия. И мало того, что у девушки не было настроения для общения, так она ещё и совершенно не знала, как нужно вести себя «при» и «с» амазонками. Она с телохранительницами Энжел-то с трудом находила общий язык. К счастью, ей это редко приходилось делать. А тут, важные персоны с самой родины этих диковатых девиц! Беллона бросила взгляд на брошенную Норинот книгу и занялась чтением. Это оказалась история Робина Второго. В частности, как он похитил свою будущую супругу — внучку Элиоса Второго и Стеллы Нордмунской, после чего чуть снова не разгорелась война между Феирот и Олтерном, но закончилось всё не кровавой, а «холодной» войной. Принцесса много раз

читала это произведение и отлично его знала, но так увлеклась, что не заметила, как всё у бассейна стихло. Именно тишина-то её и отвлекла от знакомых страниц. Путь был свободен! Оставалось напрячь память и вспомнить, по каким дорожкам идти и где поворачивать. Откинув материю, Беллона ощутила на лице палящие лучи солнца, и спустилась по ступенькам к самой воде, с плавающими на ней, как ни в чём не бывало, лилиями. Прищурив глаза, она вдохнула аромат цветов. Надо было торопиться к входу в замок, иначе можно свариться прямо здесь. Скорее бы очутиться в своих покоях! Поток мыслей прервал фонтан брызг, внезапно вырвавшихся из бассейна и окативший задержавшуюся. Беллона ахнула и отступила, открыв широко глаза от негодования, хотя, нужно признать, охолонувший поток приятно разлился по её телу.

В бассейне виднелся виновник маленького цунами. По пояс из воды выглядывал молодой человек. Его внешность была потрясающе идеальной. Аккуратно остриженные чёрные волосы мокрой чёлкой падали на лоб. Из-под густых, но хорошо и красиво очерченных бровей, смотрели ярко бирюзовые очи, мерцающие искорками, словно бриллианты. Тёмные ресницы не отбрасывали на эти ясные глаза тень, а взмывали вверх, являясь достойной оправой. Ровный мужественный нос без малейших изъянов, словно выточенный, или вернее созданный, какими-то неземными силами. Губы, страстные, волнующие, обличающие в своём носителе напористость и чрезмерную гордость. Голый торс был столь безупречен, что описывать его ни к чему. Одним словом, этот юноша больше походил на бога или божественное существо, настолько всё в нём было гармонично, изыскано и грациозно. Каждая чёрточка его тела была совершенна. Беллона тоже это почувствовала, и даже онемела не в силах выразить ни гнева, ни восхищения. Молодой бог, видимо, знал о своём свойстве сеять в особах женского пола растерянность, поэтому открыто заулыбался своей лёгкой проказе, обнажив стройный ряд крепких белоснежных зубов.

— Прекрасная нимфа лилий, я решил, что в такую жару ты напрасно скрываешь своё стройное тело под одеждами, и решил спасти тебя от солнечного удара, — заговорил он таким же волнующим и чарующим, как его уста, голосом, — простишь ли ты мне мою дерзость?

Беллона поняла, что с ней хотят поиграть, как с наивной деревенской простушкой, обаяв парой красивых словечек, но настроение её не было игривым, поэтому она попыталась настроить юношу на серьёзный лад.

— Я не нимфа, а её высочество Беллона, принцесса Феирская. Я гуляла здесь, но так как очутилась впервые в этом саду, то заблудилась и теперь не знаю, как мне добраться обратно до дворца.

— О, нимфа не хочет признавать своё волшебное происхождение, прикрываясь человеческим обликом? Но невозможно спрятать твои сотканые из золота волосы, рождённые лесом изумрудные глаза...

Девушке становилось всё труднее противостоять юноше, который не хотел выходить из своей игры, закончив этим забаву. Толи жара убавляла силы Беллоны, толи кошмарный сон отнял их ещё ночью, но она перестала сопротивляться и села на корточки на краю бассейна.

— Прекрасный водяной, ты разгадал мои планы и открыл моё лицо, но не мог бы ты показать мне, как добраться до покоев принцессы Энжел?

— А я буду прощён за свой проступок?

— Разумеется, и за мокрое платье, и за отнятое у меня время, — не думая, согласилась

девушка.

— Я бы с радостью, но вот в чём ведь проблема. Я не могу покинуть своего водяного дома и выйти на сушу.

— Это ещё почему же? Уж не высохнешь ли ты в этом случае в мгновение ока?

— Нет, вовсе нет. Причина гораздо проще — я совершенно наг, но если ты настаиваешь, нимфа Беллона...

Парень без смущения приближался к бортику с намерением покинуть своё укрытие. Принцесса испуганно кинулась преградить ему путь.

— Не нужно! Прошу тебя! Оставайся там, я сама найду дорогу, ведущую из этого лабиринта зарослей, аллей и кустов ко дворцу!

— Отчего же? Есть и другой выход. Вон за теми лилиями лежит моя одежда, если ты согласишься подать её мне, то я облачусь, приняв под стать тебе, человеческий облик и выведу тебя через тернии и всяческие преграды к твоему сказочному убежищу.

Беллона сначала подумала, что это очередной розыгрыш, но вытянувшись и посмотрев в указанное место, увидела там мужскую одежду. Осторожно подойдя к кустам из лилий, при этом всё время озираясь назад — как бы не получить какого подвоха от этого странного субъекта — принцесса подхватила в охапку все вещи, лежавшие там и вернулась, протянув их молодому человеку, который в эту же секунду резко схватил её за руку и потянул с такой силой, что Беллона полетела прямо в воду и, с громким плеском, обрушилась в неё. Поднявшись над поверхностью воды, девушке было ужасно неудобно грести, из-за сковывающей движения мокрой ткани, но она слышала смех над собой, и это придавало ей сил. Поозиравшись по сторонам, она нашла незнакомца одевающимся в мокрые тряпки (что его совсем не беспокоило) рядом с лавочкой. На нём уже были штаны из оленьей кожи, на которых он затягивал толстый и тяжёлый ремень, с пряжкой, на которой была выгравирована большая буква «А» и украшена россыпью бриллиантов. Смех не прекращал раздаваться, поэтому Беллона подплыла вплотную к бортику. Отсюда, снизу, его и без того длинные стройные ноги казались ещё длиннее. Теперь они поменялись местами. Парень отжимал свою рубашку, а, закончив дело, перекинул её через плечо, решив не одевать.

— Как ты посмел сделать такое?! Я ведь сказала, кто я такая! Но ты, ты...

Молодой человек опустился на колени на самом краю бассейна и протянул руку.

— Давай помогу выбраться.

Девушка смотрела с сомнением. Ой, с какой неохотой она торчала в воде, но без помощи точно было не обойтись, так как юбки облепили ноги и, так и тянули ко дну. Однако снова довериться этому странному персонажу? Стоило ли?

— Ты посмел фамильярничать с принцессой, в тебе нет никакого благородства, и ты хочешь, чтобы я поверила тебе и опять оказалась в неприглядной ситуации?

— Да плевать я хотел на все титулы и звания. Я просто хотел развлечься. Думал, ты тоже нормально воспримешь эту забаву. Но, как хочешь...

Стоило ему произнести эти заветные слова, как обида Беллоны улетучилась, будто её и не было. Нашлась родственная душа, которая разделяла её политическое и социальное мировоззрение — юноша терпеть не мог деления на слои и ранги. Вот так радость! Что ж, нужно дать ему ещё один шанс и посмотреть на всё с другой стороны. Если бы изначально у Беллоны было хорошее настроение, она, возможно, тоже бы посмеялась над случившимся и забыла всё, как ни в чём не бывало. Но прекрасный водяной уже удалялся, оставив принцессу с её задетой гордостью.

— Постой! Подожди! — крикнула девушка. — Ну, вернись же, пожалуйста.

Со спокойным и безразличным видом, в котором читалось плохо скрываемое удовольствие и тщеславие, юноша вернулся и вытянул Беллону из воды, за что она коротко его поблагодарила. С тех пор, как она последний раз видела Дерека, она впервые посмотрела на противоположный пол с интересом. Принцесса не знала, кто это, как его зовут, откуда он. Его роль божества по-прежнему оставалась при нём, и Беллоне пока не хотелось развеять этот миф. Он тоже смотрел на неё с несгораемым любопытством. Их глаза одновременно опустились; он увидел всю её фигуру, которую влажная ткань так облегала, что можно было разглядеть фактически всё — грудь, бёдра, талию, ягодицы. Она тоже, как зачарованная, уставилась на его плоский живот, слегка выделявшиеся кубики мышц, широкую грудь, гладкую, как мраморное изваяние, узкие бёдра. Прошло больше минуты, когда они снова молчаливо подняли глаза и, ожидая неведомо чего, упёрлись взглядами. Первым задействовал он. Обхватив со всей силой фигуру девушки, которая доходила ему чуть выше плеча, он стал заваливать её на скамью, при этом жарко целуя в губы. К своему собственному удивлению, она не сопротивлялась, а быстро таяла в объятьях незнакомца. Беллона закрыла глаза, сама не заметила, как на лице появилась сладострастная улыбка. Мелькнула мысль, что она обречена всю жизнь целоваться с незнакомцами, которых встречает и видит первый и последний раз в жизни. Боже, да она распутница! Она хотела что-то для этого делать, стараться в поте лица, а всё выходило само собой. Приходилось ли Стелле Нордмунской вести себя подобным образом? Одна встреча, знакомство, сразу поцелуи, кратковременное удовольствие и всё! Больше этого человека ты не найдёшь никогда, да и не будешь искать, как и он тебя...

Поцелуи опустились по шеи до груди и стали ещё более крепкими, руки молодого человека гладили кожу упругих ног Беллоны сквозь тонкую прослойку платья, от чего ей хотелось застонать, но она посчитала это непристойным и закусил губу, откинув голову назад. Какие сладкие минуты! Вот бы им растянуться на долгие часы. Руки принцессы стали скользить по плечам и спине незнакомца, наслаждаясь их твёрдостью, ровностью, теплом. Несмотря на то, что на дворе стояло около сорока градусов, ей хотелось, чтобы он ещё сильнее прижал её к их убогому лежбищу. На этом-то всё и закончилось. В кустах послышался шорох, а сразу за ним раздался громкий звонкий голос наследницы Гиганта.

— Так вот вы где, сладкие голубки! Белл, а я уже тебя потеряла. — Знала бы она, как сейчас подруга хотела избавиться от её присутствия! — Мне сказали, что ты ушла ранёхонько утром на прогулку, да так и запропастилась, но теперь всё ясно. Однако тебе следует быстрее идти за мной, быстренько поешь, хоть обед уже и прошёл, и будешь представлена моей маме. А то как-то неудобно. Завтра свадьба, а она тебя знать не знает, как и ты её, — Энжел повернулась к молодому человеку, — а ты А...

— Стой! — крикнула Беллона так резко, что вторая принцесса подпрыгнула — Не говори его имени...

— Так вы что, не знакомы? — В ответ оба улыбнулись, она смущённо, он надменно, и покачали головами. Энжел, с округлившимися глазами повернулась к Зире и Эриле и сказала так, что слышали только они:

— Вот кого нужно было везти ночью к Вормону. Нет, её просто необходимо туда свозить!

— Габи, ты знаешь, за чем я её застала? — громко рассказывала Энжел, распахивая двери в спальню феирской принцессы. Там уже ждали свою суверенную госпожу четыре фрейлины, пообедавшие и нарядные, готовые сопровождать Беллону к королеве Гиганта. Энжел осеклась, подумав, что рассказ не для остальных трёх придворных девушек и отвлечённо продолжила. — Она сама тебе как-нибудь всё объяснит.

В свои покои вошла Беллона, едва подсохшая пока шла сюда, но всё же по ней было видно, что она где-то славно искупалась, не заботясь о том, что для этого нужно раздеваться. На неё уставились четыре пары удивлённых глаз, но она отмахнулась рукой от их немых вопросов:

— Нечаянно упала в бассейн. Тут всё так запутанно, что это было не трудно!

Стянув с себя обтекающее платье, дочь короля Робина завернулась в простыню и села на кровать. Служанки засуетились. Одна поднесла ей поднос с трапезой и поставила перед принцессой на подушки, две другие принялись сушить волосы Беллоны, растирая их полотенцами, приподнимая и расчёсывая каждую прядь. Когда со всем было покончено, девушка, наконец, уступила подруге-принцессе и надела тогу, подобную тем, что были на Габи и Каролине. Энжел принесла целую шкатулку драгоценностей, и почти всё её содержимое нацепила на Беллону, так как у той не было украшений, свойственных королевским дворам, в которых такая жара. Например, браслеты, одевающиеся на руку, чуть ниже плеча и многочисленные цепочки на лодыжки. Специально для подруги, Энжел даже нашла у себя в закромах все эти вещи, инкрустированные изумрудами. На шею Беллона надела своё кольцо, которое надевала на премьеру. Взглянув на его огромные камни, она невольно вспомнила только что разыгравшуюся ситуацию. «Невозможно спрятать рождённые лесом изумрудные глаза», — да, язык у того парня был подвешен, что надо! Девушка боялась встретиться с ним ещё раз, а, особенно, узнать его имя. Ей было стыдно. Господи, да что же с ней происходит? Что дёрнуло её повести себя подобным образом, позволить себе всё это? Когда её застала Энжел, то она подумала, что от стыда станет красной, как помидор, что убежит и спрячется. Однако Карлеали никогда ни перед кем не оправдываются, и даже из столь щекотливой ситуации нужно было постараться выйти с достоинством, которое она, кажется, с грохотом уронила где-то среди лилий. Зачем взялся этот парень, который словно околдовал её? Зачем он был таким прекрасным и...желанным? Она должна, должна дожидаться встречи с Дерекком и всё разъяснить между ними. Любит ли он её? Она не бросит своих замыслов и до конца лета точно не выбросит из головы графа. А то, как она себя ведёт...как она ему это объяснит? А впрочем, ему незачем знать — сам же виноват! Ему нужна была Стелла? Он получит! Ещё и не такую! Она будет вести себя дальше, как будто ничего не произошло, только бы скорее встретить Дерекка, иначе дел она наделает...«Кажется, оброненное достоинство я забыла поднять. Не потерять бы его совсем...»

Представление королеве шло, как по маслу. Элизабетта приняла Беллону, почти сразу стала звать её Белл и на «ты», попросив, в свою очередь, чтобы к ней обращались просто Бетти. «Теперь всё ясно, — думала принцесса Феира, — вырасти я при такой матери, вела бы себя точно так же, как и Энжел. А не так ли я себя начинаю вести?» Все мыли принцессы

снова и снова возвращались к бассейну. Она сама поражалась и дивилась тем переменам, которые произошли за последние полтора месяца, с того самого утра, когда она боялась, что кто-нибудь узнает о том, что она разговаривала с мужчинами, и рядом не было гувернантки, до сегодняшнего полудня. Какие сюрпризы ей ещё ждать самой от себя? Лучше бы их больше не было.

Сорокачетырёхлетняя повелительница Гиганта выглядела гораздо моложе и, видимо, тщательно за собой следила и ухаживала. Её фигура была, как у молодой девушки, потому что она никогда не отдыхала пассивно. Бетти устраивала скачки, плавала не ради удовольствия, а ради поддержания тонуса. Стрельбой из лука занималась для того, чтобы руки не обмякли и не выдали возраст. Эта была очень энергичная женщина, радушная, кокетливая. Рядом с ней стояло несколько дам, среди которых была и княгиня Ормонди. Беллона старалась не смотреть на неё, так как не знала, как теперь к ней относиться. Между ними ничего не изменилось, но её отец! Как будто его тень стояла за Жоржетой, а девушке так и хотелось ему всё высказать. Подумать только, он даже не знает, что у него здесь сын! Немыслимо! После разговора с Норинном Беллону раздирало желание пристыдить отца, но не прошло и часа, как она не могла без смущения представить себя, смотрящей в глаза родителям. Что это за интригующая и неизведанная планета — Гигант? Её нравы, атмосфера, привычки, от них всё в душе переворачивается. А, может, дело не в месте, а в самой Беллоне? Может, это она, наконец-то, повзрослела и начинает видеть жизнь такой, какая она есть, а не сквозь призму детской наивности и тщательного фильтра королевы Весты и воспитателей.

Королева подозвала близко к себе Беллону и даже приказала, чтобы той поставили стул рядом. Когда она усадила гостью, то доверчиво с ней заговорила.

— Ангел очень хорошо о тебе отзывается. А моя дочь знает толк в людях! Я и сама вижу, что ты милейшая особа. Рада я такому знакомству. Знай — всегда приму тебя с распростёртыми объятьями у себя при дворе.

И повернулась к себе за спину, где сидели дамы, Беллоне неизвестные.

— Познакомьтесь и вы, подружки мои, с дочкой Робина и Весты, девушка славная. К вашему двору тоже будет не лишняя, как-нибудь к себе её пригласи, Лина. — И королева Бетти поочередно представила всех семерых, женщин и девушек. Первой она указала на статную, с сухой загоревшей под солнцем кожей и морщинистым лицом, не очень высокую, но держащуюся очень величественно, пожилую женщину. На лбу её сияла диадема, золотая, с необычным серебристо-сиреневым камнем в центре. Одета она была в кожаный жилет и штаны, а через плечо перекинута была пятнистая шкура гепарда. За поясом виднелся длинный кинжал, а в руке она держала посох, выше её головы, с наконечником, изображающим львиную голову.

— Это Лина, царица амазонок. — Беллона слышала, что эта повелительница диких и необузданных женщин, которые держат мужчин в ежовых рукавицах, уже почти встретила шестой десяток, но из-за бурной жизни — постоянных охот, оргий, гулянок — выглядела плоховато и здоровьем сдавала с каждым годом всё сильнее.

— Эти леди — четыре её дочери. Ивана, Лерра, Дана и Вития.

Из трёх было почти непонятно, кто из них старшая, потому что женщины были близки по возрасту, друг к другу, и внешне не сильно отличались: каштановые локоны забраны в высокий хвост, переплетённый лентами с какими-то непонятными амулетами, загорелая кожа, подкаченные и натренированные фигуры, сандалии. Если не присматриваться, то,

увидев их в следующий раз, можно было не вспомнить, кто из них кто. Зато младшая — Вития, резко отличалась. Ей было за двадцать, может быть, двадцать пять, её волосы приятного орехового цвета были распущены, они были удивительной густоты и тяжёлыми волнами окружали её плечи и спину. На ней не было ни мехов, ни шкур, она смотрела умными синими глазами, в которых отражалась необычайная серьёзность, хотя на губах и скользила улыбка. Помимо дочерей, у Лины ещё были сыновья, но она никогда не вывозила их с собой, считая недостойными повидать мир и развеяться.

— А это дочери Иваны, Жуна и Рэйка. — Бетти закончила официальную часть, поднялась с трона, которым являлось просторное высокое кресло, и сразу же переключилась на болтовню со своими фрейлинами и царевнами Амазонки. К Беллоне подросла Энжел с Альеной и Рионой, предложив поближе познакомить её с внучками царицы.

— Жуна моя ровесница, а Рэйке только четырнадцать, тебе понравится их компания! Пошли!

У принцессы Феира в глазах рябило от окружавшего её женского царства. В связи с дебютом в свете и соответствующими, последующими изменениями в её жизни, Беллона привыкла, что рядом всегда находился какой-нибудь представитель сильного пола, а тут одни мадам и мадмуазель, и в таких количествах! Девушка отказалась от знакомства, сославшись на сильную слабость. Она не привыкла к такой жаре и хочет отдохнуть. Энжел уступила, однако в её хитрой ухмылке было видно, что она не поверила, но подумала что-то не то, хоть и порадовавшее её саму.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Беллона взяла за руку Габи и повела с собой, не отдав никаких распоряжений остальным фрейлинам и предоставив их самим себе. Ей не терпелось поделиться всем произошедшим, а с остальными девушками она пока была не настолько близка, чтобы довериться их ушам. Добравшись до опочивальни, закрывшись там и едва присев, принцесса выложила всё, как было, без подробностей, но довольно-таки эмоционально. Единственной и первой фразой, которая вырвалась у виконтессы после услышанного, была следующая:

— Тьфу ты, а я, дура, сдержалась и сохранила верность Сториану! — После этого настала очередь удивиться Беллоне, слушая рассказ подруги, как и полагается, со всеми деталями и мелочами, которые только охватило зрение Габриэль, её слух и осязание. Но в первую очередь всё-таки зрение.

— Нет, Габи, ты молодец. Ты правильно поступила. Нужно знать себе цену, а не размениваться так глупо, как я, — принцесса печально качала головой.

— Цену себе знают те, кто часто её называет! — тормозилась виконтесса. Как же так? Она лишила себя удовольствий и радостей плотских, а её младшая подруга отлично размялась перед обедом. Нехорошо...

— Где ты набралась таких пошлостей и гаденьких крылатых фраз?

— Услышала от Эрилы.

— Кого?

— Неважно. Слушай, может ещё не всё потеряно? Может, попросим у Энжел разрешения, возьмём экипаж, нарядимся по высшему классу. До Вормона меньше часа!

— Боже, ты всё об этом! Нет, нет, и ещё раз нет! Забудь! Это я совершила ошибку, а не ты. Так не бери пример с меня, посмотри на Дору, Аделину. Они хлопот и угрызений совести не знают. И вряд ли есть что-то такое, в чём бы они раскаивались.

— Это как повернуть. По мне, так тебе теперь хотя бы есть, что вспомнить.

— Вечная дилемма: что лучше — сожалеть о содеянном или не сделать и жалеть об упущенной возможности!

Подруги замолчали. Обе глубоко задумались. Кто был в более выигрышном положении? Та или другая? Как всегда, первой не сдержалась Габриэль и снова заговорила.

— Белл, ну, может, хотя бы, поищем твоего водяного?

— Это исключено. Я хочу навсегда сохранить от себя в тайне, кто это был, тогда снова, как и на бал-маскараде в Риджейсити, вроде ничего и не было. Если я решила, что Дерек — мой единственный, так тому и быть!

— Хватит! Белл, хватит обманывать себя и окружающих! Что это за бред: «Я его не видела в лицо, значит, его не было. Я не знаю, как его зовут, значит, его не было». Ты так добрую сотню переберёшь, а будешь из себя всё невинного агнца строить!

— Я не строю из себя невинного агнца, просто... просто мне стыдно! Да, я ужасно поступила и жалею об этом! Мне неприятно от собственной слабости, оттого, что я не устояла.

Виконтесса обняла подругу. Ей вспомнилось всё, что ей открыли этой ночью. Любовь бывает разной, духовной и телесной. Именно об этом Габи и стала говорить Беллоне. Та постепенно успокаивалась и всё с большим интересом слушала.

— Так неужели я могу любить сразу нескольких мужчин?

— Я тоже так подумала этой ночью, — рассмеялась виконтесса, — но мне объяснили, что сердцем можно любить только одного, и это является истинной любовью. А тело, оно создано природой, ей оно и подчиняется. А она требует иногда удовлетворения, в виде любви плотской.

— А я-то думала, что человека со всеми его потрохами создал Бог! Габи, тебе не кажется, что мы просто залезли туда, куда не следовало. Мы здесь чужие, мы не понимаем здесь ничего, даже самих себя. Это не наша среда, не наш мир. Нас другому учили и по-другому воспитывали. И сейчас у меня одно желание — быстрее расправиться завтра со свадьбой герцога и вернуться домой. Я думала отдохнуть здесь, а на деле так устала!

Церемония бракосочетания началась рано утром. Жених и невеста долго выполняли какие-то таинства в главном зале дворца: читали молитвы, одаряли друг друга талисманами и подарками, принимали советы и наущения родственников. При этом должны были присутствовать все гости. Беллона оказалась в первых рядах рядом с Энжел, поэтому смогла хорошенько разглядеть двадцатидвухлетнюю невесту. Антуанна была дородной, кровь с молоком: пышногрудая, с широкими бёдрами, круглолицая и румяная. В общем, пышущая здоровьем сельская дворянка. Видимо, она всю свою жизнь провела где-то далеко от королевского двора, потому что придворные девушки себе таких габаритов не позволяли. Одета она была в чёрную тунику с голубым поясом, шитым золотом. В этом она выглядела довольно-таки аппетитно, но на любителя.

Жениха Беллоне удалось рассмотреть ещё прошлым вечером. Собрав всех своих фрейлин, она направилась гулять по тем тропинкам, которые точно запомнила, но, видимо, снова пересекла где-то границу женской и мужской части, то есть садов дворца Раморы (он был назван в честь основательницы рода Биг — дочери Богини) и садов дворца Тритона. Девушкам встретился герцог Эдгар, который был навеселе по случаю прощания с холостяцкой жизнью, или уже вдовецкой долей, как знать? но совершенно одинок. Каролина что-то ляпнула о мальчишнике, за что её потом корили все спутницы. Тут всё и понеслось. Брат королевы не знал, что такое мальчишник, а когда ему худо-бедно объяснили, что это такое, попросил составить компанию его забавам, которые сейчас начнутся. Выбрав для развлечения жмурки — на первый взгляд безобидную игру, которая даже рассмешила девушек, заинтригованных, как будет смотреться сорокалетний мужчина, с повязкой на глазах и спотыкающийся на каждом шагу — Эдгар оказался на удивление ловким и проворным. Он перешутил всех девушек, бедную Дору вообще доведя до слёз, а Аделину до того, что она вlepила ему смачную оплеуху и убежала. Оставшиеся три потеряли друг друга из вида, так как к тому времени уже совсем стемнело. Досталось, как всегда, Беллоне. Герцог нашёл её, схватил и начал нагло домогаться, склоняя ко всякого рода непристойностям. Принцессе было ужасно неприятно и даже противно от этого мелкотравчатого бабника, который даже перед своей свадьбой лезет под чужие юбки! Вне всякого сомнения, она бы от него не отделалась, если бы не подоспевшие стражи, которые хоть и подчинялись только королеве, всё же женские права и вольности ставили выше мужских. Неприязнь к брату королевы от этого не прошла и Беллона, воссоединившись с Габи и Каролиной, которая и привела стражу, добралась до кровати с неприятным осадком. Уже сомкнув глаза и видя сны, в её голове всё крутилось: «Домой, домой, подальше отсюда».

И сейчас, стоя на месте почётной гостьи, Беллона не испытывала ничего, кроме скуки и раздражения. Ради Энжел она старалась улыбаться, чтобы не обидеть подругу, все эти дни так старавшуюся показать родину с лучших её сторон. Не её была вина, что Гигант не угодил феирским девушкам, поэтому её и не огорчали жалобами и выговорами. Планеты и их жители были слишком разными (если не считать наследника Феира с его друзьями, которые ничего против Гиганта и его традиций не имели).

Первая торжественная часть завершилась. Гости высыпали из помещения наружу, не

выпуская из центра наречённых, и направились к средствам передвижения, чтобы ехать к храму Великой Богини. Все были, кто на чём: кареты, открытые повозки, верхом на лошадях или даже верблюдах, колесницы, запряжённые мулами, ягуарами, рысями. Но самый великолепный экипаж был, конечно же, у жениха с невестой — огромный слон, а на его спине шатёр, украшенный гирляндами цветов и покрывалами, расшитыми золотом и драгоценностями. Он двигался медленно, вальяжно, словно осознал свою значимость на празднике, в котором принимал участие. Торжественная процессия тронулась. Ей предстоял небольшой путь, но, учитывая медлительность слона с женихом и невестой, он должен был занять часа два. Беллоне полагалось почётное место рядом с Энжел, верхом на великолепном жеребце, но в связи с её состоянием, открывшимся буквально накануне, девушка поехала в карете со своими фрейлинами, благодаря чему те оказались не в самом хвосте свадебного картежа, а в самом центре событий. Впрочем, кроме Каролины это мероприятие уже никого не волновало. Аделина и Дора изначально объединились во мнении, что это место развратно, тем более всё здесь нарушает заповеди их религии, а старшая маркиза была весьма набожна и веровала только в одного Бога. Младшая же Итали находила откровенность и раскованность в общении пикантной, но никак не греховной. Габи могла бы горячо ответить согласием на это, если бы они с Беллоной не зашли так далеко в своих философских рассуждениях и окончательно ни запутались, что правильно, а что нет. Теперь они обе чувствовали себя потерянными и смешно выглядящими на этом празднике опытных и знающих людей.

В храм, как оказалось, пропустили только венчающихся и двух самых близких людей одного и другой, то есть королеву Бетти и баронессу ди Пуа — мать Антуанны. Гости же остались терпеливо ждать снаружи. В округе были разбиты прекрасные сады с лавочками, на которых можно будет передохнуть. Неусидчивая Габи, как всегда, предпочла пройтись и оглядеться, но, вскоре, её привели обратно две жрицы в белоснежных туниках, потому что она нечаянно ступила в алтис — священную рощу, куда посторонним вход запрещён. Глубоко вздохнув, она подсела к подругам. Жрицы ещё хотели повозмущаться, требуя от виконтессы очищения осквернённого места — ей предлагали окунуться в ледяной источник, а потом помолиться в храме, но вовремя подросла Энжел, объяснив, что эта девушка не знает обычаев дактризма (религии, которую исповедует Гигант и большинство матриархальных планет), поэтому не обязана ничего делать. Женщины удалились, поклонившись своей принцессе, перед уходом дотронувшись до её ног. Как-никак, она была частичкой Богини! Энжел присоединилась со всей своей свитой к Беллоне.

— Я смотрю, вас не очень вдохновляет всё это? Просто пока ещё день! Мы же не можем нарушить вековые традиции и пропустить весь церемониал ради веселья. Зато потом, вечером! Когда стемнеет, в королевском одеоне артисты будут показывать представление, будут песни, пляски, фейерверки! И вино польётся рекой! После этого вы ощутите настоящий вкус жизни Гиганта! Если, конечно, вы этого ещё не успели сделать. — Энжел подмигнула Беллоне и снова затерялась среди гостей. Беллона поняла, что ей напоминают о вчерашнем происшествии. Боже, да оно теперь всегда будет преследовать её! Даже поцелуй на маскараде уже отошёл на задний план, настолько эта ошибка казалась ей больше и глупее. Словно чёрная клякса разлилась по белому листку её судьбы, текла и капала, пачкая всё вокруг. Захотелось сорваться и убежать подальше от всей этой суеты, но получилось сорваться только на Габи.

— Вот скажи, что тебя понесло по этим зарослям? Снова попала в переделку! Если этс

священная роща, наверняка она как-то отмечена или отгорожена, так почему ты всё равно туда полезла?

— Я увидела... — виконтесса наклонилась к уху подруги и зашептала, — очень красивого юношу.

— Как, наш разговор тебя не образумил?

— Да дослушай же ты! — не выдержала Габи и прикрикнула. — Я не для себя заинтересовалась. Я подумала, что это твой «водяной»! Он стоял рядом с прудом, как будто оттуда только что вылез. Пока я обходила вдоль берега, чтобы подойти к нему и поговорить — мы же решили с тобой, что от проблем больше уходить не будем и что тебе не нужно заниматься самообманом, вот я и взялась за опознание его личности — он куда-то испарился. Я повертела головой и увидела его мелькнувшую тень. Пошла следом в ту же сторону, наткнулась на родник, который каскадом спускался с возвышенности, туда вела лестница. Я начала по-настоящему верить в то, что он водный дух, поэтому и пошла к источнику этого родника. Когда поднялась, увидела аллею, по бокам вставших на дыбы каменных драконов, с ужасным выражением своих морд...

— Это должно было тебе о чём-то сказать, — нейтрально произнесла Беллона, уставшая от непосредственности и наивной глупости подруги.

— Ну...я подумала, что они не просто так здесь стоят, но там, в конце, виднелся бассейн! Я решила, что Он непременно там и смело шагнула, но тут появились эти две фурии, которые уверяли, что никакого юноши там быть не может. Но это не так! Он точно там!

— Габи, успокойся. Никакой он не водяной. Просто провёл тебя так же, как и меня, затихорившись поблизости, чтобы ты прошла туда, куда нельзя и схлопотала от жриц. Вот, наверно, он сейчас смеётся! Если, это, конечно, на самом деле он...

— Ах, вон оно что! Тогда я немедленно пойду туда снова и всё выскажу этому мерзавцу!

— Да сиди ты! — Беллона успела поймать девушку за подол и усадить опять рядом с собой. — Давай без происшествий пробудем на Гиганте последний день и живыми, здоровыми, целыми и невредимыми вернёмся домой.

Виконтесса угомонилась и стала сандалией рисовать на земле узоры, словно обиженное малое дитё. Принцесса же задумалась: «А и впрямь, что я всё убегаю от своих же проблем? Нужно взглянуть правде в лицо, пусть она и кольнёт мне глаза обликом принца Голубого квазара и резанёт уши именем этого «водяного». Время всё равно тянется ужасно долго, занять его нечем. В эти сады гулять пойду я!». Беллона поднялась со скамейки.

— Габи, а он был брюнетом?

— Да, очень жгучим.

— И с чёлкой? И с бирюзовыми глазами? И с поясом, на котором сверкала буква «А»?

— Глаза я не разглядела с такого расстояния, но на поясе что-то блестело.

— Тогда, присмотри за моими фрейлинами. Надеюсь, я могу доверить тебе это ответственное задание? И ждите меня здесь! Я скоро вернусь.

— Хорошо, но куда ты? — Ответом ей была удаляющаяся спина. «Наконец-то Белл набралась смелости. Ладно, посмотрим, что из этого выйдет. По крайней мере, она предупреждена, куда ходить не нужно». Габриэль улыбнулась и пошла к стоявшим чуть в стороне Доре и сёстрам-маркизам.

Конечно, Беллона могла бы спросить о нём у Энжел, но ей совсем не хотелось рассказывать наследнице о своих злоключениях в подробностях. Поэтому девушка сама

спешила по дорожкам территории храма, стараясь не попасть туда, где нельзя находиться. Мало ли сколько тут таких мест? Но сколько принцесса ни блуждала, попадающиеся навстречу жрицы ей нигде ничего против её присутствия не сказали. Беллона даже нашла тот родник, льющийся каскадами. Посмотрев наверх, она сделала вывод, что либо «водяной» действительно был тем, за кого его принимали, либо он обдурил и жриц, спрятавшись где-то в священной роще. Девушке не было большой радости окунуться в ледяную воду, поэтому она туда не последовала, а развернулась, готовая обойти сад ещё раз, чтобы точно убедиться, но тут её окликнула Энжел, сообщившая, что брачное таинство закончено и процессия трогается в обратный путь. Поиск не увенчался успехом. Что ж, обратно, так обратно.

Во всём остальном (стоит отдать должное княгине Ормонди) организация свадьбы была на высшем уровне. Всё было весело, насыщено, точно по времени. Не возникло ни одного недоразумения или ошибки. Всё было готово вовремя, предоставлено, когда надо. Чего ещё желать от праздника? Однако после музыкального представления, которым принцесса Феирская и её фрейлины восхитились от всей души, они все, кроме Каролины, решили удалиться в свои покои и больше не участвовать во всеобщих забавах. Энжел пыталась остановить их:

— Белл, ну что же вы? Ведь завтра вы уезжаете, неужели вам хватило нагуляться этих двух дней? А как же развлечения ночь напролёт? А встретить рассвет и всё остальное... — наследница снова намекала на шалости Беллоны, от чего той ещё быстрее захотелось убраться подальше из людного места.

— Извини, Энжи, вот именно потому, что завтра мы уезжаем, я и хочу отдохнуть хорошенько. Наша карета с мадам Рул прибудет за нами уже в семь часов, чтобы мы засветло добрались до дому.

— У меня такое ощущение, что тебе что-то не понравилось. Если это так — скажи прямо!

Наследница Гиганта посмотрела в глаза Беллоне, но не смогла понять, о чём та подумала в данный момент.

— Энжел, у вас всё просто замечательно. Я буду ждать тебя к нам в гости. Я тебя приглашаю к себе. Одиннадцатого у Габи день рождения, мы обе будем тебе несказанно рады! До встречи, завтра уже попрощаться не получится.

— В этом ты права. После таких торжеств обычно меня трудно растолкать даже к вечеру. Что ж, жаль, что вы пропускаете разгар веселья, но я думаю, у нас ещё всё впереди! До скорой встречи! Я обязательно вас посетю в ближайшее время! А за Каролину не волнуйся, я и мои девочки за ней приглядим.

Когда уже поздней ночью, Беллона, Аделина, Дора и Габи собрались в комнате первой, упаковать вещи и осмотреться напоследок, в спальню принцессы вбежала Каролина. Её глаза были огромней обычного, она взволнованно дышала, волосы растрепались, а щёки горели, словно она была с мороза.

— Это не планета! Это гнездо разврата!

— Что стряслось? — в один голос спросили девушки. Аделина подбежала к сестре и стала её успокаивать. Уж от неё-то никто таких слов не ожидал!

— Ваше счастье, что вы не видели того, что стряслось! После праздничного стола, всех забав, представлений и танцев, гости собрались провожать молодожёнов «в их брачную ночь». Я сначала удивилась, почему для этого все снова садятся в экипажи и повозки — ведь они уже все сильно пьяные и лишь единицы стоят на ногах ровно! Всё это шествие куда-то

двинулось и я вместе с ними в окружении подруг и фрейлин её высочества Энжел. Ехали где-то минут тридцать, потом остановились на огромной поляне, окружённой статуями и горящими кострами. Тут и начался кошмар! В самом центре поляны расположился герцог с молодой женой и они...они...они начали свою брачную ночь! А немного погодя к ним стали присоединяться все гости. И мужчины, и женщины, все начали раздеваться и...совокупляться! Ничего отвратительнее я не видела в жизни! Я вскочила на первую попавшуюся мне лошадь — не знаю, у кого я её украла, и кто вынужден будет возвращаться пешком — и помчалась сюда, — голос девушки сорвался и она заплакала. Какой бы любопытной и темпераментной от природы она ни была, представшее перед её взором зрелище оказалось выше её понимания.

— Да уж. Точно ужас! — подвела итог будущая графиня Леонверден, не без сожаления отметив про себя, что пропустила что-то интересное. Пусть запретное и неприличное и даже более того — бесстыдное и непристойное, но всё же что-то стоящее того, чтоб это увидеть. Габи даже хотела порасспросить Каролину, что именно она там видела, но Аделина, обняв младшую сестру, увела её укладывать спать, шепча на ходу молитвы. Дора тоже сложила руки и подняла глаза к небесам:

— Как замечательно, что мы отсюда так скоро уезжаем! — Виконтесса Незардроун редко высказывала своё мнение. Может, потому, что стеснялась показаться нелепой. Но теперь, когда она почувствовала, что все думают одинаково, она это произнесла и тоже скрылась в их с Габи комнате. Оставшаяся парочка искательниц приключений переглянулась и, не сговариваясь, постановила — им ещё далеко до понимания светской жизни.

Время на Феире не остановилось из-за того, что на нём кто-то отсутствовал, поэтому события развивались полным ходом. И они были совсем не доброго характера. Какой-то провидец, проезжавший мимо столицы, предрёк, что случившийся маленький инцидент — это начало огромных перемен и бед королевства, но его никто даже слушать не захотел, ведь вокруг было так мирно и спокойно, а такие инциденты всегда были и будут. Как и всегда, люди, пока их это не касалось, не вмешивались в чужие проблемы.

Беллона вернулась к ночи второго числа, поэтому ничего не успев узнать, удалилась в свои покои. Единственное, чем она поинтересовалась перед сном, это пребыванием эрцгерцогини. Служанки ответили ей, что та вернулась. Обрадованная принцесса с нетерпением стала ждать следующего дня. Ей так много нужно рассказать Марии! Нужно посоветоваться, познакомить её с новыми фрейлинами.

Ещё толком не проснувшись, рано утром Беллона начала одеваться и собираться к кухне. У той, скорее всего, тоже накопилось, чего рассказать. В конце концов, она же была на Олтерне! Вот уж о чём принцесса могла слушать бесконечно. Заметив, что, несмотря на ворвавшееся в комнату солнце, в ней не раздаётся птичьего пения, девушка обернулась к клетке и обнаружила её пустой. «А где же мой Флоупи?» — Беллоне не понравилось, что день начался с пропажи её любимой канарейки. Как туча появляется на небе, так и дочь короля, хмурая и сердитая, зашла к своим служанкам с приказом объяснить ей, в чём, собственно, дело? Её быстро успокоили, что канарейку забрала мадам Бланж, которая заявила, что кроме неё и её высочества, заботиться о птице никто не умеет. Беллона успокоилась, узнав, что с Флоупи всё в порядке и пошла к Марии. Однако неприятное предчувствие её не покидало. Как будто какая-то тень напозвала на дворец, очень смутная и далёкая, но грозная и неизбежная.

Мария была уже проснувшаяся, но с кровати ещё не вставала, однако появление кухни заставило её подняться и кинуться на встречу в одной ночной рубашке.

— Белл! Боже мой, у меня такое ощущение, что мы не виделись целую вечность, а ведь прошло чуть больше двух недель. — Эрцгерцогиня взяла за руки двоюродную сестру и усадила её на низкий диванчик, примостившись рядом. Беллона была так же рада, но ещё более эмоциональна, поэтому обняла Марию и сразу же засыпала её рассказами и вопросами вперемешку.

— Ну, как Олтерн? Ты не представляешь, что мне пришлось вытерпеть за это время! Меня чуть не выдали замуж, лучше бы я поехала с тобой, жаль, нельзя было этого устроить. Так что ты там видела? Видела рыцарей ордена?

— Тебя чуть не выдали замуж? — Мария будто не слышала вопросов и стала задавать их сама. — Вот это дела! Ты столько всего повидала за короткий период времени...

— Мари! — перебила принцесса. — Ты словно специально переводишь тему разговора. Прощу тебя, расскажи об Олтерне, там что-то случилось?

— Нет, что ты! Просто, я думаю, твои истории будут куда интересней, — девушка опустила глаза. — Я ведь только дела делала скучные, а вы с Габи, наверное, мир видели с иной стороны.

— Мари! — снова воскликнула Беллона. — Я же чувствую, ты что-то не хочешь

говорить мне. Говори прямо, иначе мне будет ещё хуже. И я всё равно тебе ничего не буду рассказывать, пока не услышу объяснений от тебя. Я жду.

Кузина робко подняла голову и серьёзно посмотрела куда-то в сторону, собираясь с мыслями.

— Хорошо. Сразу скажу, ничего страшного не случилось, но кое-что меня сильно обеспокоило. Самым примечательным из всего увиденного мною на Олтерне стала баронесса фон Даберлёф! Ты представляешь?

— Ах, это, — принцесса махнула рукой. — Я знаю, что она там. Я дала личное согласие на то, чтобы она туда ехала. Так что, этим меня не удивишь...

— И ты знаешь, зачем она там была?

— Нет, но мне и неинтересно. У неё там что-то вроде с дальними родственниками приключилось...

— Кто тебе поведал такую басню?

Беллона растерялась. Неужели мать её обманула? Нет, не мать её, а баронессы обманули королеву, которая потом и выдала ложную информацию дочери!

— А что, разве это не так?

— К сожалению — нет. Мне стало известно, что Матильда прибыла на Олтерн, чтобы... обручиться.

— Обручиться? О боже, это в смысле, чтобы потом выйти замуж за кого-то из придворных короля Элиоса?

— Вот именно. Очень верно подмечено. — Увидев, что Беллона бледнеет, Мария поспешила её утешить: — Да не переживай ты так, рыцарей тогда уже не было. Они за день до её появления как раз уехали на Северную Луну. Так что, твой Дерек там явно ни при чём.

Принцесса провела рукой по лбу. У неё было ощущение, что он вспотел от мыслей, которые успели пронестись у неё в голове. Кажется, тревога была ложной.

— Так ты видела их?

— Рыцарей? Нет, просто они там персоны видные, поэтому об отъезде много говорили. В принципе, этому факту — я про помолвку Матильды — можно только радоваться. Когда она выйдет замуж, то покинет Феир и перестанет мельтешить перед нашими глазами.

— Это точно. Но она всё время будет при дворе, рядом с Дерекком...

— Да нужна она ему! Он на неё даже внимания не обратит, как не обращал и на Феире.

— Мари, а вдруг кто-то из орденосцев не поехал со всеми? Вдруг она всё-таки обручилась с кем-то из них?

— Белл, это глупое предположение. Ты ведь знаешь, что большинство из них хранит духовную верность покойной Стелле и не свяжет себя узами брака. Тем более, она не тянет на их идеал роковой женщины.

— А по мне, так вполне. — Беллона всерьёз озаботилась судьбой младшей баронессы, которая раньше её совершенно не интересовала.

— Да брось, Белл! Расскажи же мне, наконец, за кого тебя хотели отдать замуж? Что вообще в свете высшем творится и как он выглядит? Тебе он понравился?

Но принцессу уже невозможно было отвлечь от ужасных представлений свадьбы графа Аморвила с ненавистной Матильдой. Это вполне могло стать реальностью.

— Извини, Мари, что-то у меня пропало настроение. Давай поговорим после завтрака? Мы придём вместе с Габи. Думаю, она окажется лучшей рассказчицей, чем я...

Беллона покинула кухню. Ей хотелось разобраться в происходящем. Как баронесса

могла уехать на Олтерн обручаться, если она там ни разу не была и её там никто не знает? Кроме рыцарей, разумеется. Это же очевидно, что с ними её отъезд как-то связан, даже если не напрямую. Идя по коридору, девушка остановилась, окликнутая маркизом о'Лермоном.

— Сержио! Вы вернулись? Я так рада тебя видеть!

— По вашему виду трудно поверить, что вы чему-то рады, — пошутил молодой человек, увидев меланхоличное лицо, полное растерянности. — А вернулся я вот уже как два дня.

— Нет, я действительно тебе рада, просто что-то с настроением... — Беллона вспомнила, откуда приехал Сержио, и моментально взбодрилась. Вот кто ответит на вопрос, который её мучает! — Скажи, на Северной Луне было такое торжество...много гостей съехалось со всех концов?

— Да, огромное множество! Помимо рыцарей там было достаточно вельмож и знатных лиц. Порой даже протолкнуться негде было! А как вам Гигант?

— Там всё замечательно, — торопливо произнесла Беллона, спеша разведать дальше то, что ей хотелось. — А рыцари приехали, как и намечалось, сто двадцать четыре человека?

— Ох, лучше и не спрашивайте! В последний момент всё чуть не испортила недостача одного рыцаря! Пришлось накануне посвящать одного юношу из кавалеров в орденосцы, чтобы заполнить пустое место в праздничной процессии. Вы так спросили, будто заранее знали об этом. Неужели молва людская так быстро всё передаёт?

— Нет, я не знала, просто почему-то предположила, что не может быть всё так гладко... — Голос её начинал дрожать. — А что же случилось у того, кто не смог прибыть? Я знаю, что вы относитесь к делам Ордена крайне ответственно, поэтому очень удивлена таким событием.

— Мы и сами были поражены. Тем более не ожидали подвоха от этого человека. Да, вы его прекрасно знаете, сейчас тоже удивитесь, что он мог легкомысленно отнестись к своим обязанностям...

Не успел маркиз договорить, как ему пришлось подхватить принцессу, у которой подкосились ноги. Она уже не была уверена, что хочет услышать дальше страшную фразу «граф Аморвил не смог приехать с Олтерна».

— Ваше высочество, вы себя хорошо чувствуете? Вы какая-то странная сегодня. Ах, простите, я совсем забыл! Вы, наверное, волнуетесь за своего брата?

Беллона сразу же вонзила взгляд округлившихся глаз в лицо Сержио.

— Брат? Что с ним? Что с Робинотом?

— Так вы ничего не знаете? Странно, все об этом только и говорят. Впрочем, вы же только вчера вернулись.

— Говорите скорее, что натворил Робин, не успев вернуться? Или он на Олтерне буянил?!

— Нет-нет, там у него всё прошло отлично! И здесь он ещё не успел напроказничать... но, на него подали жалобу и сейчас заводят судебное дело, дабы он возместил ущерб, который наносил жителям вместе с князьями МакДжойн и бароном Эливерсоном.

— Что? На принца подали в суд? Да кто же посмел?

— Один лейтенант, некий Бриан Фиджи.

— Но за что?

— Ваше высочество, увольте меня от объяснений. Пусть вам расскажет кто-нибудь другой, только не я.

— Но почему судьи не отклонили жалобу? Отец должен был им приказать...а того

нахала вообще следует наказывать! — Беллона прекрасно понимала, что её брат с друзьями давно заслуживает серьёзных пререканий, что они виноваты во многих преступлениях. Но сейчас кровь Карлеалей заговорила сильнее здравого смысла. Робин никогда не был ей особенно близок, но за имя семьи девушка могла и сама смело ринуться в бой.

— Видите ли, в чём дело. К Бриану Фиджи присоединился весь гарнизон Риджейсити, в основном солдатня, такие же лейтенанты и несколько капитанов с офицерами. Охранная армия княжества МакДжойн, почти вся, снялась с места службы и пришла в столицу, чтобы поддержать бунтовщиков...

— О, Господи, Сержио, скажи честно, насколько это всё серьёзно?

— Пока не очень. Они требуют жёсткого наказания только МакДжойнам, Робину грозит лишь штраф...если они, конечно, смогут добиться своего.

— Штраф? Принц королевской крови будет платить штраф? Он что, какой-то помещик или буржуа? — Девушка запыхалась от гнева. Вся её вечная борьба за равноправие социальных слоёв обесценилась и на секунду предстала перед ней детским заблуждением. Это нельзя так оставить! — Почему я не видела и не слышала возмущённых, когда вчера проезжала мимо столицы?

— Наверное, было уже поздно. Да они и не шумят особо. Вы слишком масштабно представили эту трагедию, — засмеялся маркиз. — Собравшиеся в кучу парни сами толком не знают, что им делать, поэтому для начала ждут решения суда на заявление Фиджи. А дело могут растянуть на месяц или несколько месяцев. Пока повода для беспокойства нет, а может и не будет.

Но Беллона была уже настроена на активное участие и вмешательство в создавшейся конъюнктуре. Живущие на одном уровне простые граждане и дворяне — это утопия, давно нужно было это понять. А уж граждане и королевская семья — это и подавно противоположные концы одной прямой. Что и говорить, если даже дворяне для монархов — это такие же подданные, которые должны их слушаться и не лезть в их личную жизнь. «Дерек это очень хорошо доказал, решив жениться на Матильде. Чего он хочет этим добиться? Моей ревности? Нет. Вряд ли он вообще в этот момент думал и вспоминал обо мне!»

— Что ж, спасибо, Сержио, что просветил меня хоть немного. А я пойду, как ты и посоветовал, спрошу у кого-нибудь, что же послужило поводом для столь бурных событий. Может быть, смогу чем-то помочь Робину, если даже армия уже занимается не защитой королевства, а нападением на него!

— О, не волнуйтесь, вскоре в охране недостатка не будет.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, как же, ведь все рыцари и большинство кавалеров ордена Стеллы Нордмунской переберутся на Феир в начале сентября, а они люди чести и защитят его величество и его высочество!

Беллона обомлела. Как же так?

— Но почему? Неужели «добрый» король Элиос Третий посылает своих подопечных на защиту, можно так сказать, своего недруга?

— Нет...ах да, вы же не дослушали! Так вот. Наш общий знакомый — Джордан Льюмэн, решил жениться, из-за чего и не прибыл на Северную Луну, из-за чего и потерял право становиться следующим магистром. Маурицио Стеллону хуже и хуже с каждым днём, а его приемник теперь Корнелио Модис, поэтому сентябрь — месяц, в котором пропала Стелла,

все рыцари проведут вместе, здесь, где будет их новое командорство.

До принцессы не сразу дошёл смысл сказанного, а когда дошёл, реакция её была неожиданной и внезапной для маркиза, которого она бросилась обнимать и целовать в обе щеки.

— Ваше высочество, чем я заслужил такую милость? С чего вы так счастливы?

— Просто теперь мне спокойнее за брата. И теперь ты всегда будешь рядом! А мне так иногда не хватает верного друга. Ах, Сержио, не смотри на меня так удивлённо. Сегодня прелестный день!

Маркиз смотрел вслед удаляющейся на завтрак принцессе. Он был ошеломлён её внезапными сменами настроения. Вот уж девушка-загадка! И как можно не любить такое создание? Как можно не восхищаться этой самой прекрасной на свете королевской дочерью?

После трапезы воодушевлённая и решительная Беллона не пошла ни к подруге, ни к кухне. Она направилась искать человека, который мог бы помочь решить две главные проблемы: спасти репутацию Карлеалей, вытащив брата из трудного положения, и спасти Габриэль от самой себя и Сториана МакДжойна. Не следовало пока говорить виконтессе, что её любимый в опасности. Она ведь, в силу своего юношеского безумства, кинется защищать его ценой собственной головы. Потому что, в этом принцесса почему-то не сомневалась, в деле МакДжойнов, хоть одна голова, но пострадает. Первым Беллоне вспомнился Бернардо, но, как оказалось, он был в Риджейсити, по делам. Потом она направилась к Британике Эскорини. Та ничего не знала, так как никогда не вмешивалась в работу мужа, а самого его, как и виконта Тревора, не было на месте. Беллона поняла, что обвинение — словесная атака, всегда требует оправдания — словесной защиты, поэтому все дипломаты и юристы, конечно же, сейчас занимались судьбой самых ярких лиц королевства, которые впоследствии (когда принц станет королём) станут и самыми влиятельными его лицами. Оставалось надеяться, что у них всё получится. Даже князю Сториану готова была помочь Беллона, так как могла представить состояние Габи, если с ним что-либо случится. Но, не зная, что же послужило поводом для этого бунта, девушка не решалась перейти к прямым действиям. А кто мог знать о преступлениях лучше, чем сам виновный? Разумеется, никто. И принцесса, уделив внимание своим подругам лишь после обеда, решила на следующий день пойти к Робину-младшему и всё открыто у него спросить.

Робин сидел в своей комнате мрачнее штормового океана. В его голове не укладывалось, как эти жалкие людишки могли открыть свой рот против него? Как эти армейские гниды посмели что-то возразить против него — законного наследника Феира, которому Божьим умыслом уготована корона? А ещё они требуют наказания Сториану и Рикардо...за это, пусть только всё поуляжется, Бриана Фиджи ждёт суровая расправа. Он дожждётся своего, несчастный выскочка! Робину хотелось отвлечься от этих гнетущих размышлений, но друзей не было рядом, а выпивка уже не брала его сознание. Оба МакДжойна уехали припугнуть своих стражников, оставшихся, которые не убежали с этим народным предводителем — лейтенантом Фиджи. Присоединившихся к нему усмирять в столице их отец, старый князь. Ему помогал Сантьяго, который при этом пытался оправдаться перед жителями Риджейсити, но главным образом — оправдать своего принца. Сержио, как друга Робина, тоже поначалу хотели приплести во все эти разборки, но он мужественно отстоял свою невиновность. Не уронив достоинства, маркиз при этом не отрёкся и от товарищей, общение с которыми сейчас не представляло собой ничего хорошего. Он не побоялся злых сплетен, скандала и судебного дела, продолжая находиться при дворе. А ведь мог бы упорхнуть в своё далёкое поместье. Ему повезло, что не нашлось ни одного свидетеля, который мог бы дать показания против личности Сержио. Да и откуда бы ему взяться, ведь молодой человек редко присоединялся к тому, что делала «знаменитая четвёрка». И всё-таки Робин гордился своими приятелями и дружбой с ними! Таких людей ещё поискать нужно — храбрые, целеустремлённые, верные.

В одной руке принц держал бокал вина, густого, красного, а другой, облокотившись на ручку кресла, подпирал лоб. В таком виде и застала брата Беллона, которой надоело спрашивать камергера, можно ей войти или нельзя. У неё было дело, и она плюнула даже на то, что Робин не ответил на стук в дверь — просто распахнула её и всё. Тот, не повернув головы, крикнул:

— Я же сказал, что обедать сегодня не буду! А если отец опять хочет сделать мне пару внушений, передайте, что я с ним полностью согласен. Я же сказал ему, что выполню любое его повеление!

— Робин, — тихо произнесла Беллона и села на крайний стул у входа. Молодой человек сразу же очнулся от полупьяной (или уже похмельной?) дремоты и посмотрел на сестру.

— Это ты? — Он долго измерял её взглядом и, выдержав паузу, продолжил. — Чего тебе?

— Я узнала о происходящем...

— И пришла поругать меня, как мама! Не стоит, можешь разворачиваться и отправляться восвояси!

— Я не уйду. Я хочу...помочь.

Робин посмотрел удивлённо, даже заинтригованно, и поставил бокал на стол.

— Вот как? И что же может сделать в создавшейся ситуации маленькая принцесса?

— Именно это я и хотела у тебя узнать. Что я могу для тебя сделать?

Принц, обмякнув, покачал головой.

— Если бы я знал, что нужно делать, то не сидел бы, сложа руки. Я просил совета у

отца, а он вместо этого порекомендовал мне обратиться на некоторое время с Феира, вместе со своей свитой... — Робин улыбнулся сестре. — Знаешь, только ты и Сержио во всём дворце предложили мне свою помощь. Когда разъехались мои друзья, все придворные прихлебатели стали упрекать меня и воспитывать, будто ребёнка. Даже нормально поговорить не с кем...

— И поэтому ты взялся за бутылку?

— Ой, опять началось. Тебе гувернанткой надо быть, а не принцессой! Я же сказал, с такими разговорчиками — сразу на выход!

— Я не поучать тебя хочу, а пытаюсь спасти честь семьи! Должна же она хоть кого-то волновать, если не тебя.

— Ах, так мы за репутацию свою беспокоимся?

— И не только за неё! Я же сказала, я и тебе помочь хочу! Просто я не знаю, что произошло, и по какому поводу начался бунт. Сержио рассказал мне лишь о последствиях.

— О! Да вы с Сержио уже стали близкими друзьями...

— Не язви. Лучше ответь, что ты такого наделал, что люди больше не стали терпеть?

— Не люди, а рогоносец Бриан Фиджи и ему подобные! Ты уверена, что хочешь слушать? А то мало ли, передумаешь занимать мою сторону и переметнёшься к солдатам, — Робин ухмыльнулся.

— Я в любом случае буду за тебя.

И принц поведал сестре банальную историю, одну из многих ей подобных в его жизни. Просто в этот раз в ней стал замешан нерядовой человек — темпераментный, гордый, взрывной и напористый лейтенант.

— Моя, теперь уже бывшая, горничная — Мег, невеста этого Фиджи. Недавно у них должна была состояться свадьба, но этому помешал тот факт, что Мег оказалась в положении. Бриан, который ни разу не был с ней даже просто наедине, оговорил девушку, сказал, что она...ну, в общем, чрезмерно легкомысленная особа. Она не стала терпеть оскорблений и призналась, что единственный раз в своей жизни была с мужчиной — со мной.

— Боже, Робин, так ты скоро станешь отцом?

— Так, давай без подколов. Я думаю, что это уже не первый и ещё не последний мой ребёнок. — Пока лицо Беллоны вытягивалось от получаемой информации, принц продолжал: — Она думала, что этот факт обелит её, а вышло всё наоборот — он очернил меня. Бриан не поверил, что Мег пошла на такое добровольно и назвал меня насильником!

— А... это правда? — Беллона уже не знала, чего ждать от брата.

— Вот ещё! Разумеется, нет. Ни одну девушку я никогда не принуждал силой! — В глазах сестры Робин увидел недоверие. — Что? Ты не веришь мне?

— Я вспомнила Дарию. Разве её ты не принуждал?

— Какую ещё Дарию?

— Ну, Дария Салис — кузина Мартина Бенка...

— Ах, эта! Не путай силу с хитростью! Применить в частной жизни хитрость — это полезно и увлекательно. Да, кстати, именно об этом случае и поговорим. С того вечера всё и началось! Когда ты увела отсюда кухню Мартина, мне стало так одиноко...тогда зашла Мег, принесла мне ужин...Ну, вот всё и произошло. Тот роковой единственный раз, в котором она созналась жениху! Так что, если хорошенько подумать, то виновата во всех моих проблемах ты и никто другой.

— Что? Да как ты можешь! Я спасала от бесчестья бедную девушку...

— И подставила под него другую, — захохотав, Робин даже шлёпнул себя по ноге. — Когда ты, наконец, поймёшь, что делать добро другим — рискованно и неоправданно. Ты такая наивная и глупая!

— Может, обойдёмся без оскорблений? — У принцессы на глазах готовы были появиться слёзы. Она очень поддавалась разным упрёкам и обвинениям, и действительно поверила, что во всём происходящем виновата сама. Зачем она лезла не в своё дело? Теперь она просто обязана вытащить брата и его друзей из передраги. Робин заметил это и угадал мысли сестры. Его тронуло то, как близко она это всё приняла к сердцу.

— Белл, брось ты! Не хватало ещё тут сопли распустить. Я же это так, полушуткой ляпнул. Соберись, не раскисай. Если и нужно что-то предпринимать, то времени тянуть нельзя. У меня тут для тебя кое-что есть.

Принц встал. Во время разговора с сестрой он заметно приободрился и сейчас не выглядел так жалко, как тогда, когда она только зашла. Можно даже сказать больше, он теперь выглядел, как и обычно: уверенный, знающий себе цену и вальяжный, раскованный и безмятежный юноша. Робин достал из ящика прикроватного столика конверт, вытащил из него шуршащую бумагу с крупной золотой печатью и сел с ней обратно.

— Знаешь, что это такое?

— Понятия не имею...но, прошу тебя, не надо играть в загадки и заставлять меня что-либо выполнить, чтобы получить ответ. — Принц изобразил на лице расстройство, но всё-таки кивнул и объяснил.

— Это приглашение на Валлор. На две персоны из королевской семьи Карлеалей с сопровождением.

— Валлор? Что-то знакомое. Кажется, там правит вдовец, король Филипп, и это находится в соседней системе?

— Всё правильно. Вижу, уроки современной политики не прошли даром. Но только король к этому приглашению не имеет отношения. Его собственноручно подписала королева-прабабушка Улиана Первая. И приглашает она посетить праздник в честь её ста двадцатилетия.

— А с чего это она оказывает нам такие знаки внимания?

— А с того, что я очень дружен с сыном короля Филиппа и он уговорил бабулю выслать нам экземплярчик.

— Да уж, у тебя везде товарищи имеются... — И тут, Беллона вспомнила, что именно туда обещали прибыть рыцари! Именно с Улианой Макартни они мечтали поговорить, если удастся получить у неё аудиенцию. Девушка подскочила со стула и бросилась в объятия брата. — Спасибо, спасибо, Робин! Ты не представляешь, как много это для меня значит!

— Действительно, не представляю. Чего ты так обрадовалась-то?

— Не важно, я в таком настроении сейчас, что готова любого расцеловать, даже Матильду фон Даберлёф! Нет — особенно её!

— Вот как? Но вы же с ней ужасно не любите друг друга? С какого перепугу ты так ей благоволишь?

— Пытаясь вызвать у меня зависть, она оказала мне одну неоценимую услугу. Так, когда будет это торжество на Валлоре?

— Через девять дней — тринадцатого числа. Очень скоро. Поэтому я и говорю тебе, что делать нам с судебным делом что-то надо срочно. Или не с ним, а с теми, кто его завёл.

— Робин, я надеюсь, ты собираешься обойтись без жестокости?

— Постараюсь, конечно, но ничего не обещаю!

— Нет, так никуда не пойдёт! Я думаю, мы будем всё делать совсем по-другому.

Первым делом навестим Мег.

— Что? Да ты хоть задумалась, как меня там встретят?

— Ладно, к ней я съезжу сама. Уверена, у меня получится поговорить с ней и её семьёй по душам. Намекну, что ты не оставишь своего ребёнка, что будешь помогать ему... может, дашь титул...

— Ещё чего! Чтобы при дворе через несколько лет появилось ещё одно чудо, вроде Марии?

— Да чем тебе не угодила бедная Мари? Ты что-то имеешь против кухни?

— Нет, что ты! Подумаешь, позор семьи, от которого ничего хорошего ждать не приходится...

И всё-таки Беллона переубедила своего брата. И съездила в ближайшую деревню, где жила бывшая горничная принца. Девушка, давно влюблённая в своего господина, со скромной радостью встретила его сестру и её фрейлин. Она сказала, что ей ничего не надо, и она никогда не желала зла его высочеству. Мег винила себя в несдержанности — могла бы ничего не говорить жениху. Однако того теперь успокоить было невозможно. Бриана подстрекал друг, у которого Сториан МакДжойн, воспользовавшись барским правом первой ночи, когда-то опорочил жену. Принцесса быстро поняла, что одним разговором дело не решишь. Вокруг, как запутанный клубок, одни за другие, цеплялись последствия забав принца и его друзей. Риджейсити и его окрестности были словно в паутине дворянских страстей.

Вместо того, чтобы готовиться к долгожданному балу, на котором, возможно, произойдёт встреча с Дерекком, Беллона занялась благотворительностью и разъездами по деревням, столице и Стенбурдскому району, который граничил с княжеством МакДжойн. Самое активное участие в этом принимала Габриэль. Стоило ей узнать, что случилось с любимым человеком и в какую переделку он попал, виконтесса сразу же вмешалась в дела принцессы, оказывая посильную помощь. Мария и Дора тоже не сидели, сложа руки, и везде следовали за госпожой. А первая даже не раз подавала идеи, как лучше всё устроить и чем задобрить жителей, чтобы они ни в коем случае не присоединились к мятежникам. Нужно заметить, что почти за неделю девушки уже имели заметные результаты. Красноречивая Габи лично выступила перед небольшой частью сбежавшей от МакДжойнов охраны и сумела их убедить, что князя — замечательные люди! Даже она, молодая и невинная, честная и благородная виконтесса, никогда не видела зла от Сториана и Рикардо. Можно себе представить, какой эффект произвели эти пламенные ораторские слова из уст хорошенькой и юной девушки на молодых солдат. Беллона потом ещё долго вспоминала, как бесподобна была её подруга в тот момент.

К моменту отъезда на Валлор, Робин уже мог не волноваться за свою судьбу. Под давлением короля, князя Эскорини, другой влиятельной знати и министров, погорячившиеся судьбы аннулировали дело, заведенное на принца, а обвинением друзей наследника занялись лично, стараясь максимально его смягчить. Народ ничего не имел против, польщённый вниманием принцессы и её фрейлин к своим персонам, а также осчастливленный подарками и денежной помощью, которая просыпалась на них, словно манна небесная. Робин-младший, по совету сестры, проявил «божественную милость» и всепрощение, лично повысив в чине Бриана Фиджис лейтенанта до офицера. Тот в полном недоумении, но всё же с затаённой в

сердце обидой, отправился на покой. Как все тогда подумали, навсегда.

Беллона, рассчитывавшая отдохнуть дома после Гиганта, десятого числа — когда уже нужно было ехать на Валлор — чувствовала себя совершенно разбитой и вымотанной. Но всё же девушка ощущала умиротворение и удовлетворённость собой. Во-первых, она помогла спасению чести Карлеалей, а во-вторых, она, наконец-то, стала общаться с братом, с которым раньше напрочь не могла найти общий язык. А теперь они ещё и вместе ехали на другую планету! Чем не повод подружиться ещё больше? Король и королева выказали по этому поводу свою радость. Если раньше они гордились своим сыном и не брали всерьёз дочь, то после последних событий, их мнение заметно стало меняться. Особенно это показывал Робин Третий, который, по-прежнему, сурово смотрел на наследника и не переставал нахваливать Беллону.

— Не перехвалите, ваше величество, — язвительно замечал Стенли Фиерман, никогда не нравившийся принцессе. — А то ещё сглазите!

Марию снова не пустили с подругами. Незаконнорожденная — и всё тут! А вот, что порадовало Беллону и огорчило Габриэль, так это то, что Сториану (вместе с братом, разумеется) не разрешили пока выезжать с Феира. Вместо них в свиту принц взял Сержио и Макса де Роля. Они этому тоже были несказанно рады. Особенно первый, который, не теряясь, выразил своё счастье словами, обращаясь к принцессе.

— Ваше высочество, вы не представляете, что значит для меня эта поездка! У меня есть сразу два повода для радости!

— Да? Поделись, пожалуйста, ими со мной. — Беллона теперь всё время обращалась к маркизу, как к близкому другу, а он уже не обращал на это внимание.

— Во-первых, я проведу время в вашем обществе и всегда буду рядом, чтобы с вами ничего не случилось, а во-вторых, наша рыцарская делегация может попасть на беседу с Улианой Первой! Мы так долго этого ждали!

— Ваша рыцарская делегация? — защемило сердце у девушки.

— Да. Туда приедут многие... — Сержио вдруг вспомнил, что, вернее кто, так волновал принцессу и грустно произнёс: — Сэр Дерек тоже там будет. Он будет представлять Олтерн.

Радость маркиза заметно погасла, а Беллона, напротив, стала настолько счастливой, насколько её никто никогда не видел. Она увидит его! Наконец-то! Она даже не могла представить, как поведет себя...как поведёт себя он? Да какая разница! Они снова будут вместе...ни что не помешает этому! Ни мадам Бланж, ни король, ни королева — их просто-напросто не будет. Даже здравомыслящая Мария остаётся на Феире. Беллона хитро улыбнулась этому и сразу устыдилась своей улыбки, переведя мысли на другую волну. Валлор, что ты за планета? Счастье ты приносишь или горе? Благоклонна ли ты к влюблённым? «Я буду на ней счастлива. — однозначно решила принцесса. — А как же иначе, ведь на ней живёт заклятый враг Стеллы Нордмунской — Улиана Макартни! А значит и ценности на Валлоре совсем иные, нежели на Олтерне...»

Уже за пять дней до празднества в замке Лекс, что на Валлоре, в котором и жила Улиана Макартни, собирались гости. Не столько повеселиться, сколько хотя бы просто посмотреть на эту легендарную женщину, съехались со всех концов Вселенной. Но без приглашения, разумеется, никого не пускали. Да и те, кто прибыл по приглашениям, не умещались в апартаментах дворца, и им приходилось снимать комнаты и покои в гостиницах и близлежащих поместьях. Старая бывшая королева не признавала значимости титулов и высокопоставленности особ, поэтому поселила возле себя тех, кто приехал первым или был ей более симпатичен. К этой категории относились доброжелательные, заводные молодые люди, которые могли позабавить и рассказать что-нибудь интересное. Не зависимо от пола, Улиана приближала такие личности к себе и проводила время в их обществе. В их число попал и Робин, принц Феирский, поэтому ему, его свите, а так же и его сестре с её фрейлинами досталось место в центре всех событий.

Беллона не нашла никого знакомого из прибывших принцев и принцесс, поэтому держалась брата. Как бы ни были роскошны те балы, на которых ей уже приходилось бывать, а такого столпотворения она ещё не видела! Коридоры, залы и балконы всё время были забиты придворными со всех концов света. В садах, где попрохладнее, всё время толпились правители и их наследники. Среди этого всего у Беллоны голова шла кругом, и рябило в глазах. С непривычки, она то и дело терялась и путалась, поэтому, в конце концов, вместе со своими фрейлинами присоединилась к Робину, с которым и проводила всё время. Сержио от этого расцветал с каждым часом, прямо на глазах. Ему всё время ненароком хотелось коснуться принцессы, не отводить от неё своего взгляда. Когда он предлагал ей руку для сопровождения куда-либо, девушка не отказывалась, не замечая при этом, как пульсирует сердце в груди маркиза от вида её аккуратной ладошки, лежащей на его локте. Робин не обращал внимания на ухаживания друга за сестрой. А даже если бы и заметил, он знал, каков маркиз — самоотверженный романтический юноша, который не осмелится и слова лишнего сказать Беллоне. Хотя с другими девушками он не был так щепетилен. Пожалуй, Сержио относился к тому типу мужчин, которые умеют ценить то, что на самом деле чего-то стоит, а к «безделушкам» относился соответственно. Он впервые влюбился — он не скрывал этого от себя. Однако глухие к столь высоким чувствам друзья не видели очевидного и пока об этой тайной и бескорыстной любви знали только его сестра Британика и виконт Тревор. Ну, и, конечно же, сама Беллона. Но ей совсем не хотелось портить дружбу выяснением глубоких чувств Сержио. Да ей они были не так уж и важны. Она сама любила совсем другого человека. Она сама сейчас надеялась, верила, ждала и замирала при мысли о Дерекке, завладевшем её разумом, душой и всем её существом. Именно о нём, как всегда, она думала, гуляя по тенистым аллеям около дворцового парка вместе с Габриеллой, Дорой и сёстрами Итали, когда навстречу им встретила огромная свита. Придворные и вельможи, которые шли рядом, стали низко кланяться, шепча на ухо соседу, что это одна из королев Южных Ветров Даниэла, приходящаяся сестрой Элиосу Третьему, королю Олтерна. В пестроте юбок и камзолов кричащих цветов, Беллона выделила в конце этой нарядной процессии тёмное пятно. Его чернота была настолько знакома и долгожданна, что перешла в сознание принцессы, в глазах которой стало также темно, но она быстро пришла в себя (вернее её

толкнула Габи, не понявшая, что происходит с подругой) и шагнула навстречу. Граф Аморвил не сразу заметил её. Весь в своих мыслях, он чуть было ни прошёл мимо, но уже боковым зрением увидел девушку и поспешно остановился. Её лицо светилось необычайным светом, глаза сияли, а улыбка затмевала собой солнечные лучи. Казалось, девушка просто искрится от счастья. Фрейлинам даже почудилось, что они воочию видят исходящее свечение от их госпожи, настолько сильны были эмоции той. Но она их сдерживала, как могла, поэтому они изливались тёплой энергией на окружающих. Её руки машинально поднялись, но тут же опустились, словно боясь протянуться и не ощутить того, что видят глаза.

— Добрый день, ваше высочество, — вежливо поклонился рыцарь. — Какая неожиданная и приятная встреча.

Холод голоса буквально растерзал Беллону на части. По интонации, с которой был произнесён каждый звук, было понятно, что это набор слов и не более. А это «приятная встреча» было сказано так небрежно, будто фразу наваяло скукой. «Что с тобой, Дерек? Что случилось? Это же я — я, Беллона, та, которую ты...». - принцесса молча одёрнула себя. Неужели всё, что было, всё, что говорил и делал этот мужчина — ложь? Или просто сон, красивый, но короткий сон.

— Сэр Дерек, вы печально выглядите, у вас что-то случилось? — попыталась развеять гнетущую тревогу девушка.

— Нет, у меня всё хорошо. Спасибо за участие, ваше высочество. Извините, но мне нужно идти...

Граф ещё раз поклонился и пошёл дальше. Принцесса так и осталась стоять с непонимающим лицом и разведёнными руками, как будто из них только что что-то выпало. Габи удивлённо проводила взглядом удаляющегося рыцаря. Посвящённая подругой во все мелочи и тонкости того, что происходило между ней и ним, виконтесса не могла взять в толк, что же изменилось, и почему эта встреча произошла так неудачно?

— Какой интересный мужчина, вы его знаете, ваше высочество? — не к месту полюбопытствовала Каролина.

Беллона повернула на неё невидящий взгляд, и, вдруг сорвавшись, помчалась прочь. Уже отбежав довольно далеко от толпы и праздно проводящих время дам и господ, девушка не сдержала слёз, уткнувшись в стену.

Спустя некоторое время ей на плечо легла рука. Вздвогнув от неожиданности и стряхнув с лица слёзы, принцесса повернулась к подошедшему, с надеждой произнесла «Дерек?». Но это был не он. Перед ней стоял Сержио и смотрел на её покрасневшие щеки своими чистыми голубыми глазами.

— Так это он вас огорчил? Он посмел обидеть вас? Я немедленно разыщу его и проткну шпагой!

— Стой! Сержио, не надо! — Беллона вцепилась в рукав маркиза, так как тот решительно не собирался передумывать и оставлять свои угрозы висеть в воздухе.

— Пустите меня! Давно нужно поставить этого мерзавца на место!

— Остановись же! Успокойся! Послушай меня, он ничего мне не говорил и не делал! Он ни при чём!

— Да? Тогда с какой стати вы плачете, если не после встречи с ним? Я видел, что он прибыл. Я предупреждал вас, чтобы вы с ним не связывались, чтобы держались от него подальше!

— Повторяю ещё раз — он ничего обидного не совершил! Просто...

— Просто вы так обрадовались, увидев его, что не смогли сдержать слёз радости?

— А хоть бы и так!

Сержио сжался от злости. Благодаря своему костюму, цвета бордо, он смотрелся алым от гнева. Но всё же под просящим взглядом девушки, он убрал руку с эфеса.

— Зачем вы его защищаете? Вы сами прекрасно знаете, какой он человек!

— Ничего плохого я о нём не знаю, если бы ты и Берни мне не наговаривали постоянно!

— Мы не наговариваем, а пытаемся открыть вам глаза!

— Я уже не раз предупреждала вас, чтобы вы не вмешивались в мои дела! Мне хватает учителей и без вас!

Беллона оттолкнула маркиза и снова убежала прочь, на этот раз до самой своей спальни, где и хотела закрыться, не желая никого видеть. Но задумка не удалась, так как из-за нехватки помещений, комнату принцесса делила со всеми своими фрейлинами. Однако они из понимания и вежливости не заходили в комнату до позднего вечера, не желая тревожить принцессу. Даже Габи не стала вмешиваться. Она в этот раз не имела представления, что можно сказать, чтобы как-то оправдать или хотя бы сделать понятным поведение графа. Виконтесса потеряно бродила поблизости, и решила зайти только вместе со всеми, когда уже нужно было ложиться спать. Все нехотя ждали утра. Придётся как-то себя вести, а как — никто не знал, тем более что кроме Габи, девушки не были посвящены в личные переживания Беллоны. К всеобщей радости, принцесса встала, не сказать, что в нормальном, но в сносном состоянии духа. За эту ночь, казавшуюся ей безумно долгой, Беллона успела перевернуть все варианты в голове. Всё плохое у неё становилось хорошим, а положительное отрицательным. В конце концов, плюсы перевесили минусы, и девушка решила, что у сэра Дерекка что-то случилось, поэтому он и был так немногословен и резок. А, зная его таинственную и скрытную натуру, можно было понять, почему он не стал делиться проблемами. Он ведь не сказал ей ничего плохого! Не нагрубил, не оттолкнул, просто был погружён в свои переживания и проблемы. Если, конечно, такие люди, как он, вообще умеют переживать. К тому же Беллоне совсем не хотелось показывать свои слабости перед мало знакомыми фрейлинами, которые невольно оказываются свидетельницами всех событий её жизни. Поэтому она взяла себя в руки и мило беседовала и улыбалась всем за завтраком, а потом пошла на прогулку, пригласив с собой, как ни в чём не бывало, Сержио, брата и его друзей. Она знала одно — ей нужно просто ещё раз встретить графа и наедине с ним во всём разобраться. Маркиз виновато и в тоже время обиженно плёлся на шаг позади, но Беллона то и дело оборачивалась и подбадривала его. Принцесса не знала, где расположилась королева из Южных ветров, а спросить, кого бы то ни было, не решалась. Таким образом, рассчитывать можно было лишь на счастливую случайность. Или на то, что Дерек сам разыскивает её. Да, да! Несмотря на произошедшее, наивная девушка ещё надеялась на это!

— Белл, ты какая-то задумчивая, или, я бы сказал — мечтательная, — прервал ход её мыслей Робин.

— Видишь ли, в чём дело. — Беллона наклонилась в сторону брата так, чтобы слышал только он. — Я встретила здесь одного знакомого. Хотела с ним пообщаться, но не знаю, где он остановился...

— Бывает, бывает... Я и сам тут иногда запутываюсь. Столько народа, что есть вероятность не встретить одного и того же человека дважды! Впрочем, при том количестве

очаровательных девушек, которые тут присутствуют, это совсем ни к чему... — В этот момент Робин как раз загляделся на обворожительную мимо проходящую барышню.

— Боже, это было бы ужасно! — не заметив поведения брата, продолжала принцесса.

— Тебе это так важно? Могу я узнать, кто так тебя интересуется? — Молодой человек развернулся обратно к сестре, так как заинтересовавшая его особа скрылась за поворотом.

— Ах, нет, пустяки. Я волнуюсь не за себя, — соврала Беллона. — Одной из моих фрейлин он очень нравится.

— Неужели снова твоя неутомимая мадмуазель Нови нашла себе идола для преследования и поклонения?

— Откуда у тебя о ней такое скверное представление?

— Вовсе нет! Просто я знаю, какой у неё необузданный и изменчивый характер... знаешь ли, мои друзья в нём уже убедились. Кажется, она уже их всех перебрала?

— Не смей так говорить о Габи! — прошипела сестра брату, покосившись на виконтессу. — Она порядочная девушка, может, немного легкомысленная. А вот твой МакДжойн коварный совратитель!

— Ой-ой! Честное слово, Габи совсем не ангел. А Сториан...я беспокоюсь за него. Что с ним будет? Его отказались выпускать с Феира, его — князя МакДжойна!

— Ему будет хороший урок, на будущее.

— Ему? Нет, Сториана не исправит даже могила. Точно так же, как и твою подругу. Кстати, передай своей влюблённой фрейлине, что сегодня будет маскарад и на нём можно будет встретить кого угодно!

— Что?

— Ну, маскарад...ты не знаешь, что это такое? Маски, костюмы, загадочность, музыка...

— Да знаю, знаю! Очень даже хорошо. Просто, не ожидала здесь этого увидеть.

— Почему же? Это одно из самых распространённых развлечений — роскошное, феерическое зрелище, в котором можно принять активное участие. И ещё можно натворить много глупостей и об этом никто не узнает, — Робин засмеялся и повторил ещё раз свои слова всем сопровождающим их. Сержио не разделил веселья друга. Он сейчас подумал о том же самом, о чём вспомнилось и Беллоне. — Улиана Макартни не могла придумать ничего лучшего на свой день рождения! Костюмированный бал — это то, что нужно!

Принцесса считала совсем иначе. Эти маски, закрытые лица... вот что нужно было ей сейчас меньше всего! Однажды она уже из-за маскарада разминулась с Дерекком, неужели это повторится вновь? Тут, к её радости, которую она вовремя сумела подавить, на глаза ей попался знакомый юноша. Память сразу же выдала все сведения, которые она о нём держала — Лоэнгрин Зоурбрейд, друг принца Астерикса и, самое главное, кавалер ордена Стеллы. Вот он, счастливый случай! К кому ещё можно обратиться с просьбой, как не к малознакомому человеку, с которым у тебя нет никаких общих дел?

— Извините, я покину вас ненадолго, — обратилась девушка к спутникам. — Подождите меня здесь, я сейчас вернусь.

Беллона не торопясь, но всё-таки уверенно и целеустремлённо, направилась к юноше. Она не отводила от него взгляда, чтобы не потерять из вида. Он заметил это, и остановился, ожидая, когда к нему приблизятся, а, дождавшись, галантно поклонился.

— Добрый день, князь, какая приятная и неожиданная встреча! — Молодой человек смущённо сделал кивок и что-то пролепетал в знак взаимной радости. — Как поживает мой

кузен?

— О, у него всё просто замечательно. К сожалению, он не смог приехать, но, если вы желаете, я передам ему от вас привет...

— Да-да, разумеется. Но, позвольте спросить, если Астерикс остался на Офеле, то с кем вы прибыли сюда?

— Я? О, мне выпала большая честь попасть в число рыцарей, которых взяла с собой королева Даниэла, чтобы они смогли добиться аудиенции...

— Я так и думала! Могу я просить вас об одном одолжении?

— Я полностью в вашем распоряжении, ваше высочество. — Лоэнгрин ещё раз поклонился.

— Вы знаете сэра Аморвила?

— О, кто же его не знает! Я не знаком с ним близко, но мы прибыли в одной свите...

— Замечательно! Тогда, прошу вас, зайдите ко мне через полчаса, я напишу записку, мне нужно передать её ему. Я могу на вас рассчитывать?

— Конечно, разумеется. Я буду у вас ровно через тридцать минут!

Беллона подробно объяснила ему, где она остановилась, распрощалась с ним и, жестом показав фрейлинам, чтобы следовали за ней, поспешила к столу. Габриэль, довольная и сияющая, подбежала вплотную к подруге.

— Это ведь князь Зоурбрейд, не так ли?

— Да, это он, а в чём дело?

— Он спрашивал обо мне?

— С какой стати?

— Ну, как же, мы ведь с ним тогда так танцевали на балу!

— И что с того?

— Так значит — нет?

— Совершенно верно. — Беллоне некогда было возиться с наивными убеждениями Габриэль. Как и большинство людей, которые были единственными детьми в семье, виконтесса верила, что её персоной все должны интересоваться и о ней все должны думать. Хотя, в последнее время, живя при дворе, сталкиваясь с разными личностями и ситуациями, эта твёрдая вера стала переходить в слабую надежду. Поэтому сейчас она огорчилась не сильно, посчитала Лоэнгрин не невеждой, а потом и вовсе перестала думать о нём. Через минуту, вспомнив о Сториане, она уже забыла об офельском дворянине.

Принцесса, наконец-то, добралась до пера и бумаги. Она торопливо придумывала, что же написать? Она уже жалела, что попросила князя зайти так быстро. Теперь поджигающее время ещё больше сбивало с мысли. «Так, всё по порядку. Нужно быть не слишком откровенной, но и не излишне пренебрежительной. Сухо изложить всё, как в официальном приглашении? Глупость! Для начала, нужно разобраться, чего же я сама сейчас хочу от него. Боже, это ведь моя первая любовная записка! Я никогда раньше ничего подобного не писала. Что вообще обычно пишут в таких ситуациях? Если бы здесь была Мария... уверена, ни одна из Итали ничего мне не сможет посоветовать, так же, как и Дора с Габри. А впрочем, может посоветоваться с Аделиной? Она старше, к тому же, такая правильная и благородная, что даже если она меня не поймёт, то никогда никому не расскажет о нашем разговоре». Беллона подозвала девушку к себе.

— Аделина, скажи, ты когда-нибудь приглашала на свидание молодого человека?

— Я? — Лицо фрейлины было таким выразительным, что принцесса сразу же поняла

всю нелепость своей ситуации. Она сама приглашает мужчину на свидание! А что же он? Боже, какой стыд. При этом Беллона не могла разобраться до конца, за кого ей больше стыдно, за себя или за мужчин в целом, которые ставят себя в положение слабого пола. Маркиза вывела девушку из раздумий. — Никогда, ваше высочество.

Как же Беллона была ей благодарна, что она не сделала того поучающего и карательного вида, который любила принимать эрцгерцогиня. Равнодушный взгляд более располагал к исповеди, чем обвиняющий взор.

— Видишь ли, в чём дело, мне нужно побеседовать с одним человеком, но я совершенно не знаю, что написать ему в записке, чтобы он точно пришёл.

— Ваше высочество, не мне вас воспитывать и, не дай бог, говорить, что делать, но я бы не советовала вам компрометировать себя какими бы то ни было записками, мало ли что...

— Да знаю я, Аделина. Всё знаю. Но мне это действительно очень нужно. — Маркиза посмотрела на принцессу, потом на чистый листок бумаги перед той и три скомканных в стороне.

— Ваше высочество, напишите искренне, как вам то кажется правильным. — Аделина поднялась со стула, собираясь уходить, но потом ещё раз обернулась и добавила. — И постарайтесь не писать лишнего.

Беллона снова впала в ступор, но, посмотрев на часы, и решив «Будь, что будет!», набросала пару фраз: «Мне очень нужно с тобой поговорить. Пожалуйста, приди сегодня на маскарад. Я буду в зелёном платье с длинными рукавами и золотой маске. Беллона». Девушка запечатала конверт. Она столько раз общалась в мечтах с Дерекком, что не заметила, или, вернее, не обратила на то внимание, что обратилась к нему на «ты». Её больше смущала подпись, ей казалось, напиши она «принцесса Феирская», он бы точно не пришёл, но зато случись что, и попади записка в чужие руки, она бы выглядела более-менее официальной. Ей хотелось написать «Твоя Беллона», но она не стала этого делать. И остановила её вовсе не скромность или та же боязнь, что прочтёт кто-то лишней, а неуверенность в том, что она может называть себя его Беллоной. Она не смела называть себя таковой. Наконец, пришёл князь, минута в минуту, как и обещал. Его пунктуальность взбодрила принцессу, она ценила это качество в людях. Записка была передана из рук в руки, и оставалось только ждать и догадываться, дойдёт ли она до адресата или затеряется невостребованной?

До маскарада оставалось несколько часов и с каждой минутой волнение принцессы всё больше нарастало. Ей хотелось и поторопить время, и оттянуть его. Ей хотелось подготовиться очень тщательно, ничего не упустить из вида, как в плане внешнем, так и внутреннем. Ей хотелось бы знать, что говорить, как говорить, как себя вести. А что же хотелось ему? За ответ на этот вопрос Беллона отдала бы многое.

Сумерки спускались на дворец Лекс. Воздух был пронизан сладкими ароматами цветов августа. Во всех окнах загорался свет, такой яркий, как будто он гордился теплотой своего света, щеголяя ей перед бледным месяцем на небе, прохладное мерцание которого отражалось в стёклах. Статуи и скульптуры в садах и вдоль аллей от него становились ещё белее, от чего теряли последнее сходство с настоящими людьми, в отличие от портретов, которые приобретали удивительную живость в просторах коридоров и галерей дворца. Они словно смотрели на происходящее и неслышно обменивались между собой впечатлениями.

Гул голосов всё нарастал. Многие ещё до начала праздничного вечера отведали шампанского и вина, и теперь пребывали в отменном настроении. Но даже те, кто ничего не выпил, не могли не присоединиться к всеобщему ажиотажу. Все понемногу выходили из

своих апартаментов и нестройными рядами тянулись к главному залу, где уже заранее ждал распорядитель торжества, а так же море слуг: официантов в белоснежных рубашках и таких же жилетах, лакеев в алых ливреях, пажей в камзолах всевозможных расцветок.

Приближались заветные девять часов. Летний закат никак не давал ночной темноте ворваться, разливая по небу свои жёлтые и розовые краски. Первая звезда силилась появиться, но её по-прежнему было почти не видно. До самого горизонта не было ни облачка, как будто они растаяли днём от жары. Слабое дуновение ветра приносило вместо прохлады запах жасмина и пьянящий вкус свободы и веселья.

Старая королева сидела на троне на огромном возвышении, больше похожем на сцену. Её всем было отлично видно, но она это делала с расчётом на то, чтобы всё было видно ей. Любопытство и любовь к развлечениям не прошла у неё с годами, даже после того, как она стала вдовой. Хотя какое-то время Улиана Макартни просто умирала от горя, но с тех пор прошло около тридцати лет, а время, как известно, лечит всё. Все её надежды на воссоединение с супругом на небесах не оправдались, а к людям, которые накладывают на себя руки, она не относилась. Вот и приходилось как-то тешить себя, а заодно и потешать других. За эту жизнестойкость и умение устроить праздник из ничего, её любили ещё в юные годы, а теперь уважали за это. Выглядела эта женщина следующим образом: на ней был парик с причёской каре, который смотрелся более жёлтым, чем золотистым, бровей, выщипанных в ниточку, было уже и не видно, глаза сильно подведены синим сверху и снизу, наклеены ресницы, щёки ярко нарумянены, губы покрашены малиновой помадой. В общем, полное несоответствие возраста и манеры выглядеть, а так же манеры вести себя. Многие нашли бы её смешной, но за доброту и простоту Улиану так любили, что даже не думали над ней смеяться. Довершало образ кричащее вульгарностью красное платье и огромные перстни на каждом пальце, от мизинца до большого. Беллоне она тоже казалась симпатичной и милой старушкой, но у девушки были свои мотивы для этого. Королева ей понравилась не с первого взгляда, а ещё заочно, с рассказов о ней.

Принцесса и принц Феирские появились вместе. Сестра держала брата под руку. Даже в масках, оба они смотрелись так блестяще, что их можно было бы назвать самой прекрасной парой вечера. Она, как и намеревалась, в зелёном платье с длинными, почти до колена, рукавами, распущенными великолепными волосами, которыми она затмила все парики присутствующих дам. Он — в золотом камзоле и изумрудной маске. Его друзья разбежались веселиться сами по себе, в том числе и Сержио, который предлагал стать принцессе спутником. Но она так категорично отказала, что он не посмел настаивать. Из её фрейлин рядом были только Аделина и Дора. Каролина и Габи захотели самостоятельности и отделились от компании. Последняя, справив два дня назад своё семнадцатилетие, металась и не могла сделать выбор: то ли она уже совсем большая и ей всё можно, то ли она стала взрослой, и теперь ей ничего нельзя. В решающий момент перед балом она сделала выбор в пользу первого.

Где-то к половине десятого зал наконец-то стал полным, и распорядитель объявил начало маскарада. Он махнул рукой в сторону балкона, где разместился оркестр, и заиграла музыка. Восхитительная, лёгкая, возбуждающая, она так и звала танцевать, плясать до упада. После первого же вальса, леди и джентльмены направились к столам за прохладительными напитками, которые протянулись вдоль трёх стен, поэтому недостатка в них не было. Прислуга суетилась и была очень расторопна, подавая вовремя всё, что заканчивалось и, поднося то, что у неё просили. По правилам маскарада, первые пять или более танцев, партнёры должны были сменять друг друга, давая возможность познакомиться или пообщаться с разными людьми, а, может быть, и узнать кого-то уже знакомого. Беллону это ужасно смутило, потому что ей пришлось выпустить руку брата и затеряться в толпе совершенно неизвестных лиц, а, вернее, масок. Перед ней оказался молодой человек,

возможно, мужчина, она не решалась начать разговор, он тоже увлёкся движениями и мелодией, поэтому не произнёс ни слова. Потом начался третий танец. Принцесса кружилась с очередным кавалером, с которым обменялась парой фраз о погоде, настроении и музыке. Вскоре всё завертелось одной бесконечной каруселью; невообразимые головные уборы девушек в виде лебедей, башен, цветов; мужские маски с орлиными клювами, волчьими осками; дамские туалеты, изображающие сказочные персонажи, вроде волшебниц, колдуний, фей, русалок; костюмы молодых дворян, подражавших пиратам, разбойникам, чародеям, султанам, пастухам. Сбившись со счёту, которая уже играет композиция, Беллона извинилась перед очередным приглашающим её придворным или принцем, впрочем, почему бы и не королём? и подошла к накрытым столам. На них можно было найти абсолютно всё. Девушка остановилась на мороженом и пока, разгорячённая и немного замотанная, ела его из хрустального стаканчика маленькой, даже не чайной, а скорее кофейной ложечкой, в голове у неё продолжали крутиться мысли, что Дерек не получил записки. Или получил, но даже не стал читать. Или прочёл, но не захотел придти! Или пришёл, но не подошёл к ней. Как же быть? Что делать? На своё чутьё Беллона полагалась слабо. Она даже не собиралась пытаться найти его сама. Ещё одной ошибки она бы не пережила, тем более здесь, когда он где-то рядом. Не дав ей насладиться отдыхом более одного танца, вновь появился Робин и вытащил её снова в самую гущу зала.

— Белл, я заметил, что ты загрустила, и отвлёкся от такого интересного знакомства! Ты теперь будешь должна мне до конца своих дней! Что случилось?

— Ничего особенного. Я просто утомилась и решила перевести дыхание. Спасибо, что ради меня пожертвовал этим знакомством. Ты не представляешь, как мне не по себе! Все чужие, я никого не знаю...И эти спрятанные лица, они так пугают и настораживают.

— Господи, сколько у тебя комплексов! Расслабься, со временем поймёшь, что в этом таится огромная прелесть. К примеру, добрая половина присутствующих леди — совершеннейшие дурнушки, а так, вроде бы с каждой можно и пообщаться, — принц засмеялся.

— Ах, Робин, ты опять о своём! Ты совершенно не бываешь серьёзным!

— Поверь мне, сейчас не тот момент и не то место, когда нужно таковым быть! Последуй моему совету и, наконец-то, стань весёлой сама. — Брат встряхнул её за плечи.

— Я постараюсь. Возьму с тебя пример!

— О-о, нет! С меня не надо! Не усердствуй над весельем, я имел в виду так, слегка.

— Да? А может всё-таки мне попробовать развеяться, по-взрослому? — пошутила принцесса.

— Попробуй, я собственноручно надеру тебе одно место и посажу под замок!

— С каких пор ты стал таким строгим?

Очередная мелодия закончилась, и им пришлось остановиться.

— Белл, я ухожу, но буду за тобой наблюдать. Только посмей выполнить свою угрозу! — Робин растворился в толпе, а Беллона с негодованием смотрела ему в след.

— Вот вредина, ему всё можно, а мне значит — нет! Что это в нём проснулся старший брат? — Принцесса снова подошла к столу, но на этот раз взяла шампанское и осушила бокал. Хоть этого никто и не видел, она радовалась про себя, что мстит условностям, воспитанию и всему-всему, что ей ещё не нравится. Оркестр снова играл, что есть силы, очень быстро, заводную мелодию. Кто не слыл хорошим танцором, тот даже не всегда попадал и не мог угнаться за остальными. Беллона, ощущавшая усталость скорее моральную,

чем физическую, пропустила этот танец, а вместе с ним пропустила ещё бокал шампанского. Когда заиграл вальс, медленный, лирический, с необычным сочетанием высоких и низких нот, принцесса, восхищённая музыкой, развернулась на зал, чтобы полюбоваться движениями музыкантов на балконе, их ловкими пальцами, которые извлекают такие чудесные звуки из струн и клавиш, но наткнулась на кого-то, кто стоял к ней буквально впритык. Сделать шаг назад было некуда, она и так стояла прислонившись к столу, поэтому Беллона подняла голову и посмотрела на того, кто к ней подошёл. Он весь был в чёрном — шляпа, маска, камзол, плащ. У девушки возникла мысль, что это граф Аморвил, но она отогнала её, сделав даже рукой жест, как будто рядом вертелось назойливое насекомое. Может, это снова проделки Сержио? Хотя нет, мало ли сколько ещё мужчин просто ходят в чёрном!

— Вы хотели говорить со мной, ваше высочество?

Что это? Его голос! Да, точно, и тембр, и интонация и...и она действительно хотела говорить с ним! Но всё-таки, после того маскарада на Феире, Беллона ни в чём не была уверена, тем более тот, кто к ней сейчас обращался, стоял спиной к свету, не позволяя разглядеть глаз и губ. Если бы на нём не было хотя бы шляпы, которая отбрасывает просто непроглядную тень на лицо...

— Давайте потанцуем? — Принцесса взяла его за руку и развернула лицом к танцующим. Да, теперь черты было видно, и они были теми же самыми, что и у Дерекка. Мужчина невольно последовал за девушкой, закружив её в вальсе, который так пленил её слух.

— Так о чём же вы хотели со мной поговорить? — повторил он.

— Я не скажу вам, пока вы не снимите маску. — Градусы выпитого алкоголя начинали влиять на поведение принцессы, и она чувствовала себя всё увереннее и раскованнее.

— Вы шутите? Это же маскарад, здесь нельзя открывать лица, — удивился собеседник.

— Ну, сделайте для меня маленькое исключение, — кокетливо настаивала принцесса.

— Как знаете, но меня в тот же момент выведут из зала, — дворянин взялся за завязку на затылке, но Беллона перехватила его руку и отстранила обратно.

— Нет, в таком случае не стоит... — на миг на девушку нашло просветление. — Я бы не хотела расстаться с вами так быстро.

— В таком случае, может быть, выйдемте отсюда? Хотя бы на балкон, который выходит во двор...

— О, с удовольствием. Здесь становится так жарко!

Мужчина взял девушку за руку и, растолкав всех, кто попадался навстречу, вывел её на свежий воздух. Там уже было несколько парочек и около десяти просто прохлаждающихся особ. Беллоне стало неуютно. Она и её спутник так ярко и контрастно выглядели, что все начали на них поглядывать. Он почувствовал это замешательство и потянул принцессу в самый угол, куда не падал свет зала через распахнутые двери и где неприкаянно висела пурпурная бархатная тяжёлая штора, отгораживая этот уголок от остального пространства.

— Вот теперь я могу выполнить ваше условие, — дёрнув за ленту, мужчина убрал маску.

— Дерек! — вскрикнула Беллона и засияла так, что месяц на небе померк окончательно.

— А кто же ещё? Или вы ждали другого?..

— Ах, нет-нет! — спохватилась девушка. — Я ждала тебя...простите вас!

Она только сейчас поняла свою оплошность и залилась краской. Боже, она с ним так

фамильярно обращается, а ведь он не давал для этого повода! Как некрасиво, неприлично...

— Всё в порядке, мне больше нравится «тебя», чем «вас». Слишком уж это грозно звучит. — Граф улыбнулся и снял шляпу, потряхнув своими льющимися смоляными волосами, которые падали почти до самых плеч. Беллона про себя отметила, что они стали длиннее, чем тогда, когда она видела их последний раз. — Тогда чему же вы, ваше высочество удивились, если ждали только меня?

Принцесса не могла так сразу ответить. Онемевшая от счастья, она наслаждалась его голосом, его ароматом, его обликом и присутствием рядом с собой. Её руки снова невольно хотели подняться, чтобы коснуться его, просто провести ладонью по его руке, камзолу, щеке.

— Ваше высочество? — позвал рыцарь девушку из её оцепенения.

— Что? Ах, да. Я ждала вас...извини — тебя, но боялась ещё раз перепутать тебя с другим.

— Ещё раз? Что это значит? Кого это вы со мной перепутали?

— Не спрашивай, пожалуйста, не спрашивай! — Беллона опустила глаза. Она не собиралась рассказывать ему, что подарила свой первый поцелуй не ему, а потом...потом не первый поцелуй, но тоже не ему! Боже, как она могла, почему она не дождалась этой встречи? Почему не дотерпела? — Лучше скажи, почему ты уехал не попрощавшись? Почему не написал ни строчки? Неужели я тебе безразлична? Ты ведь себя вёл...ну, я думала, что что-то значу для тебя...

Принцесса закрыла лицо руками. Что же она делает?! Какое унижение. Он ведь, действительно, ничего не обещал, ничего такого не делал, чтобы она могла быть уверена в его чувствах. Вдруг, её рук коснулись его пальцы и взяли их в свои ладони, убрав от лица. Она вздрогнула.

— Ваше высочество, я думал вам это не нужно...Честно признаюсь — я удивлён сейчас тем, что вы мне говорите.

— Как это — не нужно? Что ты имеешь в виду? Я думала, это не нужно тебе!

Дерек отпустил руки принцессы и посмотрел куда-то в сторону, за горизонт. Он молчал.

— Да говори же, почему ты подумал, что я не хочу встречи с тобой? Разве я не давала понять, что я к тебе равнодушна?.. — Беллона снова прикусила себе язык. Достаточно уже делать признаний! Их вообще не стоило бы делать, не убедившись в его чувствах. А теперь, наверное, она выглядит круглой душой.

— Видите ли, я был тогда на маскараде, в честь дня рождения вашего отца. Я знал, что вы приедете вместе с принцессой Гиганта. — Глаза девушки начали быстро округляться от ужаса и подозрений. — Поэтому я следил за вами от самого вашего приезда в Риджейсити, до того момента...

Принцесса издала сдавленный звук, похожий на стон, который издают когда получают сильный удар, и на крик сил уже нет.

— ...до того момента, когда вы соизволили встретиться с каким-то молодым человеком, и между вами произошла бурная встреча...

— Господи, Дерек! — Беллона еле сдерживала слёзы. Она разрывалась между желанием оправдаться и наказать себя каким-нибудь образом за то, что сама стала виной двух месяцев мучений! — Дерек, я всё тебе объясню...

— Мне не нужно от вас никаких объяснений!

— Да послушай же! Мне и так нелегко, а то, что я расскажу, покажется тебе и вовсе невероятным...Тот молодой человек, он...в общем, я думала, что это ты!

— Я?

— Да, именно ты! Это трудно объяснить, но я была уверена что... что...

— Что целуете меня? — Беллона прошептала губами «да» и совсем сникла. Так, как ей было стыдно сейчас, ей не было стыдно никогда в жизни! К её удивлению, и ещё большему смущению, раздался его смех. — Вот уж, в самом деле, забавный случай. Не знаю, как вы умудрились перепутать меня с кем-то ещё, но это, право, забавно.

— Забавно? Ты находишь это забавным? Да почему ты не подошёл ко мне раньше? Почему ты не подал вида, что где-то рядом? — Из самобичевания Беллона переключилась на нападки. Это единственное, что сейчас могло спасти её состояние и заставить на минуту отвлечься от смятения чувств.

— Вообще-то, с вами всё время был этот молодой человек, виконт Тревор, кажется. Я не мог позволить себе скомпрометировать вас.

— И это всё? Боже, но ты ведь мог потом написать или передать через кого-нибудь, что видел всё это, что всё об этом знал!

— Я уехал в очень отвратительном настроении. Как я уже сказал, я думал, что вам это не нужно.

— Как же мы оба ошиблись! Ты не правильно меня понял, а я...я совершила непростительную ошибку!

— О, поверьте, такие ошибки легко исправляются! — С этими словами Дерек сорвал с лица Беллоны маску, и, не задумываясь ни секунды и не дав ей опомниться, наклонился и обжёг губы девушки сладким поцелуем, настойчивым, требовательным и уверенным. Руки Дерек, те самые, о которых столько дней и ночей грезил принцесса, обхватили её с такой силой, что она, казалось, вот-вот не сможет дышать. Сколько это длилось времени? Минута, две, вечность? Когда рыцарь отстранился от Беллоны, её щёки пылали, глаза были наполнены слезами счастья, губы ещё держали на себе вкус этого поцелуя, рядом с которым померкло всё прошлое девушки, а руки ещё покоились на груди у графа. Они смотрели друг другу в глаза. Она в его чёрные, с фиолетовым отблеском, он в её изумрудные, как первые майские листья.

— Беллона, — прошептал он и погладил рукой её шёлковые золотые локоны.

В этот миг штора, за которой они так удачно уединились, отодвинулась, и из-за неё показался, метая молнии из глаз, принц Робин.

— Ах, вот ты где! Я ведь предупреждал тебя! — Молодой человек схватил сестру за руку и со всей силы дёрнул её так, что Беллона отлетела за спину брата. Только сейчас он перевёл свой гневный взор с неё, на мужчину, с которым она стояла. — О, сударь, так это вы?

Кровь Карлеалей кипела и злость с невыносимой скоростью нарастала в принце. Он вытащил шпагу и направил её к груди графа Аморвила.

— Мерзкий олтернский червяк, как ты посмел притронуться к моей сестре? Я разделаю тебя на кожаные лоскуты и прикажу пошить из них ремни для себя и друзей! — Дерек стоял, не двигаясь, спокойно глядя на Робина, который был в не очень трезвом состоянии, но крепко стоял на ногах и вполне хорошо соображал. Просто вино добавило горячности его характеру, и он уже не мог себя сдерживать. Собственно и не должен был, ведь речь шла о чести его младшей сестры.

— Что ты задумал? Хотел опорочить принцессу Феира? Вот тебе! — Робин показал кукиш рыцарю и размахнулся клинком, но Беллона вцепилась в его локоть и не дала осуществить задуманное — Не держи меня!

Принц прикрикнул на сестру и снова оттолкнул её назад. Из глаз девушки полились слёзы. Почему, почему у неё не может быть хоть минуты безмятежного счастья? Только она поверила, что теперь всё будет хорошо, что не о чем больше беспокоиться, как Робин всё испортил. Он, этот ходячий разврат и собиратель проблем, вдруг стал бороться за нравы и мораль!

Люди, которые, сначала не поняв в чём дело, убежали прочь с балкона, теперь вернулись в удвоенном количестве. Всем хотелось увидеть, что же здесь творится. Половина не поняли, что происходит и из-за чего. Кому-то пришло в голову позвать стражу, и очень быстро прибежавшая дворцовая охрана схватила Робина, как возбудителя драки и нарушителя праздника.

— Отпустите меня! — Принц стряхнул руки стражников с себя, как какую-то грязь и недовольно поморщился. — Я уйду сам, но не один.

Робин крепко сжал в руке руку сестры и потащил её за собой. Она обернулась на прощание и с невыразимым огорчением посмотрела на Дерека, в объятьях которого она была ещё минуту назад. Он стоял всё с тем же невозмутимым выражением лица, с надменным видом оскорблённого короля, и провожал Беллону взглядом, полным противоречивых чувств, которые девушка, уже в который раз, не смогла понять и разобрать.

Как он и обещал, Робин запер сестру в её апартаментах с фрейлинами и служанками, сказав, что придёт утром и тогда откроет, но ещё подумает, выпускать ли Беллону на волю или нет. Девушка возмущалась, кричала, била брата в грудь кулаками, но он остался непреклонен в своём решении. Принцесса больше волновалась не за себя, а за Дерек. Что принц мог ему сделать в таком состоянии? Один — ничего, потому что граф был куда более способным фехтовальщиком, но у Робина столько друзей, которые бывают такими же безумными, как и он сам. Если бы не это беспокойство, девушка была бы счастлива. Ну и что, что её брат против их любви, они вместе всё преодолеют. Лично ей, Беллоне, теперь всё нипочём. Когда все девушки легли спать, и ночь спустилась на окрестности, принцесса никак не могла заставить себя сомкнуть глаз. Она и переворачивалась с боку на бок, и утыкалась в подушку, и ложилась на спину. В конце концов, Беллона села, согнув ноги в коленях, и обняла подушку. Её волосы, спускаясь по спине, рассыпались по кровати. Вокруг была такая тишина, что слышался сверчок, который стрекотал под балконом. Предполагая, что сейчас может происходить там, за дверями, принцесса так напрягалась, что у неё почти начинала болеть голова, но потом она вспоминала поцелуй, руки, губы и голос рыцаря и все тревоги улетучивались, как по мановению волшебной палочки. Если бы продлить то мгновение ещё хоть на один миг, на одну секундочку! Беллона пыталась воспроизвести в памяти это всё, воплотить неведомыми силами воспоминание в реальность, чтобы оно повторилось, но ничего не получалось и где-то спустя час, вымотанная иллюзиями и собственными фантазиями, девушка снова легла.

За дверью, которая выходила на балкон и была распахнута, послышался шум, словно вой ветра, потом несколько раз раздались короткие стуки об пол, и всё стихло. Первой подскочила Каролина. Накинув халат, она выглянула из комнаты и ахнула. Проснувшаяся Габриэль побежала туда же. Оттуда уже доносился разговор младшей Итали и какого-то мужчины. Все фрейлины переполошились, а служанки сонно и настороженно выглядывали из соседних покоев. Вдруг раздался звонкий голос Габи, которая выглянула с балкона внутрь:

— Белл, иди быстро сюда! А вы чего уставились? Идите спать! — приказала она горничным.

Беллона, набросив на себя домашнее платье на пуговицах, шла и наспех застёгивалась. Что ещё тут происходит? И что, собственно, требуется от неё? Едва ступив на порог балкона, она чуть не рухнула на пол. Всё тело так обмякло, что девушка схватилась за дверной косяк. Перед ней и взорами Габи, маркиз Итали и Доры, стоял чудесный белоснежный пегас со сложенными по бокам огромными крыльями, а рядом с ним, словно выйдя из сказки, стоял Дерек, темнее ночи, резко выделяющийся среди всех светлых халатов и сорочек, в которые были облачены девушки. Он убеждал Каролину не шуметь, и та, словно мягкая глина при лепке, уступала его убеждениям, устремив свой знойный южный взгляд в упор на рыцаря.

— Дерек, что ты здесь делаешь? — пыталась с серьёзной и суровой интонацией произнести Беллона, чтобы не выглядеть при фрейлинах легкомысленно, хотя, куда уж дальше? Она ведь только что созналась, что знает этого ночного гостя.

— Я при...летел, за тобой. Ты ведь не откажешь мне в небольшой прогулке? — Он

отстранился в сторону, оставляя проход принцессе к пегасу. Беллону зашатало от счастья. Как тепло и нежно он сейчас это сказал! Он прилетел к ней, за ней, ради неё!

— Я не могу, пойми меня правильно... — Девушка вспомнила, как однажды уже оттолкнула его, а потом жалела об этом и стала искать возможность, при которой её согласие не выглядело бы бесстыдным. — Мне нужно подумать!

— Умоляю, думай быстрее, я украл этого пегаса из королевской конюшни Улианы Макартни и меня в любую секунду могут здесь увидеть дежурные стражники, которые стоят на посту.

После этих слов Беллона не думая, протянула ему руки, чтобы он помог ей забраться на животное. В этот момент она даже не задумалась, что её страх перед лошадьми прошёл, и она спокойно садится на одну из их разновидностей.

— Габи, прошу тебя, прикрой меня, если что, — обратилась принцесса к подруге, уже восседая в седле перед Дерекком, который сразу же залез следом на пегаса и одной рукой держал поводья, а другой придерживал девушку за тонкую талию. — Если придёт Робин, что вред ли, конечно, но всё-таки...а впрочем, мне всё равно на него!

— Не волнуйся, я придумаю что-нибудь. Счастливо покататься!

Пегас начал взмахивать крыльями, потом оттолкнулся ногами от пола и резко взмыл в воздух, запорхав по нему светлым пятном. Виконтесса Леонверден опёрлась на перила балкона, подложив под щёку ладонь, и мечтательно посмотрела ввысь. Вот бы и за ней примчался Сториан!

— Что ж, девчонки, идёте спать, чтобы не привлекать лишнего внимания. Дверь не закрывайте, мало ли, когда они вернуться... — И все фрейлины, кто с разочарованием, кто с радостью, кто с негодованием, ушли спать, но сон уже не шёл к ним, и девушки ещё долго переговаривались тишком друг с другом.

А Беллона и сэр Аморвил тем временем поднялись на такую высоту, что дворец, дорожки, фонари и клумбы были, как на ладони. От взмахов огромных крыльев пегаса шум стоял, будто поднялся ураган, поэтому, чтобы сказать что-либо друг другу, молодому мужчине и девушке приходилось очень громко и чётко произносить каждое слово и предельно близко наклоняться лицом к лицу.

— Боже мой, Дерек, как у тебя хватило смелости на такой безумный поступок?

— Я не мог упустить такую возможность, ведь уже послезавтра я улетаю отсюда! — Его дыхание принцесса чувствовала своей шеей. Когда он пригнулся к её уху, его волосы скользили по её щеке, и она тяжело дышала от накатывающего на неё возбуждения и взбудораженности. Такого она даже представить себе не могла!

— Как, уже послезавтра? То есть, если учесть, что двенадцать часов давно пробило, то уже завтра! Как быстро летит это ненавистное время! Я бы хотела остановить его!

Потом они долго летали молча, просто наслаждаясь тем, что другой был рядом. Под ногами проносились реки, сады, аллеи, фонтаны, загулявшие допоздна люди. Звёзды висели прямо над головой, казалось, ещё выше, и их можно задеть. Месяц, завалившийся на бок, был похож на улыбку кого-то невидимого, кто спрятался среди созвездий, в далёких пространствах и туманностях. Где-то там, в этой бескрайней пустоте Вселенной вертелись, каждый на своей оси, Феир и Олтерн, но они не могли достать здесь ни Беллону, ни Дерекка. Их вражда и взаимная неприязнь не смогла проникнуть на Валлор и помешать любви юной девушки, которая столько вытерпела ради этой ночи, этих мгновений.

Граф Аморвил потянул за уздцы начинающее устывать животное, и оно плавно

приземлилось на высокий холм на краю леса. С него открывался фантастический вид на какой-то город, весь подсвеченный яркими огнями. В домах горело столько окон, что можно было догадаться, что там тоже празднуют стадвадцатилетие старой королевы. Каждый житель Валлора чтит Улиану Первую, поэтому не мог себе позволить лечь спать рано. Беллона спрыгнула с пегаса на землю. Здесь, около леса, было довольно-таки прохладно, и её быстро взял озноб, но она так залюбовалась расстилающимся внизу, у подножья холма, селением, что не заметила этого. Дерек снял плащ и укутал её плечи. Она обернулась и обняла его.

— Спасибо!

— Да не за что, мне и так не холодно, — ответил рыцарь.

— Я не об этом. Я не только о плаще.

— Тогда о чём же?

— Обо всём, о тебе, о том, что ты есть, о том, какой ты есть. Если бы не ты, я бы никогда не узнала ничего этого — радости, счастья, свободы, всего!

— Неужели? — Мужчина поднял лицо девушки за подбородок и внимательно взгляделся в него. В его глазах скользила ирония и искорки азарта.

— Я серьёзно! — возмутилась Беллона. — Не смейся над моей наивностью!

— Я не смеюсь, и вовсе не считаю тебя наивной. — Он снова поцеловал её, так же уверенно, как первый раз, но теперь ещё более страстно. Девушка со всем пылом отвечала ему на его порывы, да так, что они долго не могли разомкнуть объятия.

— Если бы возможно было остаться здесь навсегда! — мечтательно произнесла принцесса. — Скажи, ты бы остался со мной? Ты бы мог бросить всё и быть со мной вместе всегда?

— Ну...самое большее, я могу пробыть здесь до зари...

— Что?!

— В общем, я сказал тебе не всю правду, даже хуже — я обманул тебя!

Беллона непонимающе отстранилась, выставив перед собой руки. Она так и знала, что что-то не так в этом прекрасном дне! Не бывает всё так безоблачно и гладко.

— Видишь ли, я не украл этого пегаса, я заплатил сторожу деньги и он согласился, с условием, что я верну его с первыми лучами солнца, — Дерек засмеялся. Девушка вздохнула с облегчением, но, по-прежнему, не могла отойти от шока, который вызвали её самые страшные и смелые предположения.

— Никогда меня так больше не пугай! Я уже успела подумать такое! — Граф снова притянул её к себе и стал целовать так, что в голове принцессы на этот раз не осталось ни одной недоброй мысли.

— Глупышка, и что же ты такого про меня подумала? — Он поднял её на руки и закружил по этой маленькой опушке леса, на которой слышались соловьиные песни и далёкая музыка с центральной площади городка, на которой, видимо, тоже был провинциальный своеобразный бал.

— О, не проси произнести это вслух!

— Боже, какие пошлые мысли в этой чудесной юной головке, — сделал изумлённое лицо Дерек.

— О чём ты? Я не подумала ничего неприличного! Просто, я несколько раз слышала о тебе разные вещи...

Граф положил принцессу на плащ и присел рядом с самым строгим видом, какой

только можно предположить в человеке с его укладом жизни. Он даже отдавал драматизмом, особенно его голос.

— ...и ты веришь, в то, что говорят обо мне?

— Нет, с сегодняшнего дня я верю только тебе!

Они снова слились в объятьях. «Я на всё готова ради него, — думала девушка, — ради нас! Я согласна бросить родителей, Феир, весь мир! Мне никто не нужен, кроме Него». Беллона касалась волос графа, вплетая в них свои тонкие пальцы.

— Дерек, а что, если мы не вернёмся туда, обратно? Что, если нам затеряться на Валлоре и больше никогда не зависеть от условностей и кого бы то ни было? Я верю, что эта планета принесёт нам счастье. Давай останемся здесь, и больше не нужно будет расставаться, пребывать в разлуке!

Рыцарь на минуту отодвинулся от принцессы и, сорвав травинку, стал вертеть её в руке. Потом заговорил:

— Мне бы этого очень хотелось, но ты не представляешь, что это будет за жизнь. Ты сейчас говоришь это, как будто всё так легко и просто, не понимая до конца, какие это повлечёт за собой последствия. Ты сама же потом пожалеешь об этом!

— Мне всё равно! Если ты будешь рядом, я выдержу всё!

— Ох, Беллона, как ты по-детски рассуждаешь! Тебе только кажется, что если ты убежишь от всего и сделаешь себя изгнанницей, то станешь свободной. На самом деле, тебе придётся ещё тяжелее. Если ты сама не думаешь о себе, то это сделаю я! Я не желаю тебе плохой и трудной жизни, я хочу, чтобы ты всегда улыбалась и была счастлива...

— Я уже счастлива!

— Тогда зачем просить у судьбы большего? Я не переживу, если кто-то о тебе скажет хоть одно недоброе слово, осудит...

Беллона обняла Дерек, уткнувшись лицом в его камзол. «Как он обо мне заботится! Боже, действительно, зачем мне что-то ещё, если у меня есть его любовь?! Я самая счастливая девушка во Вселенной! И пусть нам скоро придётся, на время, расстаться, потом мы снова встретимся. Теперь я знаю, что главное — это верить и надеяться. И всё будет, всё сбудется!». Хоть ночь и становилась всё холоднее, но возлюбленным было жарко. Принцесса лежала на плотном атласном плаще, как на шёлковой простыне, и по нему струились волнами мерцающие серебром в свете небесных светил её густые локоны. Граф расстёгивал пуговицы её платья, и она замирала при каждом его движении. Ей было интересно и любопытно, что же будет дальше? У Беллоны было ощущение, что произойдёт какое-то чудо, которое она даже вообразить себе не могла. Мир вокруг раскрасился всеми цветами радуги. Или даже более того! У каждого цвета появились тысячи оттенков, каждый из которых был таким ярким и блестящим, что глаза слепило и они закрывались сами собой.

Внезапно Беллона больно уколола обо что-то руку. Девушка вскрикнула и подскочила, чтобы посмотреть, что это было. На земле лежала какая-то переливающаяся вещь, круглой формы, размером, примерно с яблоко. Принцесса кинула взгляд на запястье; по нему, из тонкой и узкой царапины, крохотной струйкой лилась кровь. Дерек потянулся поднять тот предмет, но Беллона нагнулась вперёд, и взяла его в руки.

Это был прославленный и печально известный девушке орден. Довольно тяжеловесная золотая брошь расстегнулась и своей иглой поранила принцессу. Он был совершенно круглый и ровный, с плоской поверхностью, на которой выпуклыми узорами было выгравировано «С» и «Н». Каждую букву украшала россыпь драгоценных камней. Беллона

подняла голову на рыцаря. Он спокойно смотрел на неё, такой манящий и прекрасный, в своём распахнутом до пояса камзоле, и такой же рубашкой, которая обнажала его крепкую надёжную грудь и подчёркивала мужественную шею поднятым белоснежным воротничком. Девушка вертела между ладонями орден и уже хотела положить его подальше, как вдруг он раскрылся, как книга в плотном переплёте. Беллона взглянула внутрь и, как ошпаренная, чуть не отшвырнула его в лес, но сдержала этот порыв и посмотрела ещё раз, чтобы увериться, что ей не показалось. Нет, всё так и есть: внутри броши, как в любовном талисмানে, красовался портрет прапрабабушки принцессы. Она надменно улыбалась на изображении, как будто смеялась над своей праправнучкой. Беллоне даже показалось, что она въявь слышит её самоуверенный голос, который шепчет ей о Дерекке: «Он мой! Он никогда не станет твоим, его сердце принадлежит мне!». Девушка медленно наклонилась и положила орден на плащ. В её голове всё звучал женский голос, вроде бы и приятный, но надоедающий с каждой секундой так быстро, что выносить его было просто невозможно. Будто какой-то призрак поселился в душе. Да нет, это всё мираж, глупые страхи и выдумка. Но какое-то сомнение, недоверие и подозрение закрались в Беллону, и она уже не могла с ними совладать. Ей хотелось избавиться от них, но не получалось. Она боялась посмотреть снова на графа Аморвила, как будто на его месте можно было увидеть что-то другое и ужасное. В конце концов, девушка решилась на это, но ей показалось, что и он смотрит на неё уже другими глазами.

— Пожалуйста, отвези меня обратно, — твёрдо прошептала она.

— Белл... — Рыцарь поднялся и попытался обнять её, но она сделала шаг в сторону, к пегасу.

— Прошу тебя, не спорь. Я хочу обратно! — Беллона сама удивилась своей резкой интонации и этому безумному желанию поторопить разлуку, но будто неведомая сила подталкивала её сделать всё именно так.

Граф посадил девушку на животное, запрыгнул на него сам, и они взлетели, направляясь к замку Лекс.

Принцесса проснулась в ужасном состоянии, не только духа, но и тела. Она поняла, что простудилась. Голова болела, в руках и ногах чувствовалась слабость, лоб горел. Но сразу после определения симптомов болезни, Беллона проанализировала своё поведение ночью. Боже, неужели она на самом деле всё это сделала? «Кажется, я сошла с ума! Как можно было так поступить? Я снова оттолкнула Дерека!». Когда он привёз её на балкон, они попрощались молча, не произнеся ни звука. Что же теперь делать? Нужно бежать, исправить всё, пока не поздно! Но как, ведь дверь заперта доброжелательным братом.

Горничная принесла холодную мокрую материю и положила принцессе на лоб. Наконец, дверь открылась, и принесли завтрак, а следом зашёл и Робин. Он осмотрел всё вокруг, включая бледную сестру, лежащую по уши под одеялом. Габи подскочила к нему и стала ругаться, что он ведёт себя, как дикарь, что его не обязаны здесь слушаться, на что он ответил пренебрежительным взмахом руки.

— Можете идти пока все погулять, я хочу поговорить с Белл.

Обрадованная Каролина направилась к выходу, следом за ней Аделина. Виконтессы остались. Габриэль скрестила на груди руки и сердито смотрела на принца. Он тоже развернулся на неё.

— Мадмуазели, может быть, вы не поняли, но это был вежливый приказ!

— А я не подчиняюсь вашим приказам! Я подданная вашей сестры!

Робин уже хотел встать, но принцесса остановила его, взяв за руку.

— Девушки, в самом деле, выйдите, пожалуйста.

Фрейлины удалились, вместе со всеми служанками.

— Ну, что, заболела? Это тебе наказание за безрассудное поведение!

— Я с тобой совершенно согласна, — безропотно произнесла Беллона, думая совсем о другом своём поступке. Принц удивился, но не стал говорить сестре, что на неё не похоже такое поведение. А как же поспорить? Пошуметь и высказать своё, противоположное мнение?

— Я рад, что ты поняла это. Надеюсь, ты говоришь это искренне.

— Абсолютно. — Наконец, молодой человек не выдержал и резко поднялся.

— Да что с тобой? Ты так плохо себя чувствуешь? Я позову лекаря...

— Не стоит. Это обыкновенная простуда, наверное, попала под сквозняк, сама того не заметив.

— Не нужно было шататься по балконам!

Девушка чуть не подскочила от неожиданности, но потом вовремя опомнилась, поняв, о каком балконе идёт речь. Испуг немного встряхнул её, и она возразила.

— Любезный Робин, не тебе учить кого-либо, как жить! А если так хочется исправить в этом мире что-то в лучшую сторону — начни с себя!

— О, вот как мы заговорили?

— Да, так.

— Тебе самой не стыдно? Ты же девушка! И не просто из приличной семьи, а из королевской! Ты что, хочешь опозориться? Хочешь, чтобы за тебя приходилось краснеть отцу и матери? Чтобы тебя не пускали ни в одно общество? Чтобы ни один наследник не

попросил твоей руки? Хочешь быть изгоем для нормальных людей?

— Да! Что тебе-то до этого?

Принц не выдержал и ударил Беллону по лицу. Она откинулась обратно на подушки. Щека покраснела и стала гореть ещё сильнее, чем при температуре. Девушка положила на неё руку и заплакала. Робин растерялся и сразу осознал, что допустил непозволительную грубость. Он перебрался на кровать к сестре и обнял её.

— Белл, прости меня! Извини! Прости, я не хотел! Я просто хотел, чтобы ты поняла, что ты не можешь самостоятельно распоряжаться своей судьбой, так же, как и я, как и наш отец, как наша мать, как все люди нашего круга! Мы не имеем права думать только о себе, от нас слишком многое зависит, в том числе и жизнь кого-то другого. Наша честь — это честь всего народа, всех феирцев, всех наших друзей и близких. Прости меня! Я готов ещё сто раз извиниться, но кто ещё кроме меня сейчас сможет вразумить тебя? Вспомни, как тебя воспитывали, чему тебя учили!

— Робин, — прошептала Беллона, глотая слёзы, — но я не хочу такой судьбы!

— Её не выбирают. Она каждому даётся своя, и нужно по ней идти достойно.

— Но я люблю его! — закричала принцесса. У её брата на лице возникла такая гримаса, что девушке показалось, будто он сейчас её вовсе убьёт. Но он лишь сжал кулаки и с негодованием затряс головой. Его светлые волосы разметались, придав ему вид невинного ребёнка, который узнал какую-то страшную взрослую тайну. Глаза принца расширились, а брови сдвинулись к носу.

— Этого не может быть!

— Но это так!

— Ты сама не понимаешь, что говоришь! Ты слишком мала, чтобы понять это. Тебе только шестнадцать, и первая симпатия кажется тебе любовью до гроба, но ты ещё полюбишь! И не раз! — Робин успокоился и заговорил степеннее и спокойнее: — А если не полюбишь, то тоже не беда, выйдешь замуж за человека, который будет достоин тебя, который понравится всем нам и которого все будут уважать.

— Тебе не понять, ты ведь никогда не любил, поэтому и рассуждаешь так приземлено и меркантильно!

— О, я и не собираюсь влюбляться. Да и есть ли она, эта любовь?

— Вот видишь! Ты даже не знаешь, что это такое! Она есть, уверяю тебя, и однажды, когда ты полюбишь, ты вспомнишь наш разговор и поймёшь, что был не прав! Так, прошу тебя, сделай так, чтобы тебе не пришлось, потом жалеть о своих поступках — помоги мне!

— Что?! Нет, это уже наглость. Один вопрос — прошу ли я твоё поведение, но совсем другой, который даже не будет обсуждаться — это чтобы я способствовал или даже просто позволил тебе продолжать свой бездумный роман с этим ничтожеством...

— Не смей о нём так говорить! Дерек — порядочный и благородный, в отличие от тебя. Ты его не знаешь!

— А, я так понял, ты его уже знаешь очень хорошо? Хотелось бы узнать насколько?

Беллона не знала, что и ответить. Разумеется, она не собиралась признаваться даже в самом безобидном их поцелуе, но как-то же нужно было объяснить, откуда она знает, что он приличный мужчина и настоящий рыцарь...

— Белл, не молчи, ты меня пугаешь. Что между вами было?!

— Ничего, клянусь тебе, ничего! — уверила принцесса. — Мы с ним просто общались, разговаривали, к тому же, он ведь рыцарь. Так как же он может быть негодяем?

— Какие устаревшие понятия о рыцарстве! Ты хоть знаешь, что собой представляет этот орден Стеллы Нордмунской? Знаешь, с какими моральными принципами живут мужчины, которые вступили в него?

— Да я знаю, мне уже много раз объясняли, что там к чему. Но ведь не все же они там одинаковые! Например, Сержио. Ты скажешь, он недостойный юноша?

— Сержио совсем другое дело, он отдельный редкий индивид. Господи, да о чём я вообще говорю! Эта тема закрыта, и точка! — Робин направился к двери, но потом резко затормозил и вернулся. — Боже, я настоящий кретин. Тогда, на ту охоту, которую я устроил, ты ведь ради него ехала, не так ли?

Принцесса смиренно опустила голову в знак согласия.

— Какой кошмар! Я способствовал этой интрижке...как наивный тупица, поверил в твои лживые оправдания, повёлся на враньё младшей сестры! — Беллона всё сильнее вжималась в плечи. — Ну всё, теперь я точно не участвую в твоих замыслах. Моя бы воля, я бы и Габи с Марией от тебя убрал подальше!

— Нет, только ни это!

— Ладно-ладно, я не садист. — Принц снова пошёл к выходу, но уже в дверном проёме опять остановился. — Да, кстати, вечером официальный приём у Улианы Первой, ты должна там быть.

— Но я отвратительно себя чувствую! — пожаловалась девушка.

— Ты просто ни разу не присутствовала с похмелья на заседании министров! — засмеялся Робин. — Вот уж отвратительнее чего быть не может. Всё, шутки в сторону. В восемь я зайду за тобой, ты должна быть готова.

— Ну, неужели так обязательно туда идти?

— Да, старушка хочет представить свою праправнучку высшему свету, пока ещё сама жива и в силах это сделать. И даже не думай, там не будет твоего милого рыцаря. Забудь его, тебе же будет лучше. А побыть на балу с температурой и насморком — что можно придумать лучше для того, чтобы ты осознала всю серьёзность своего положения и ощутила все обязательства, которые налагает на тебя придворная жизнь?

Принц ушёл, оставив сестру в разнообразных думах, но они не смогли завладеть ею надолго. Беллона вспомнила самые романтические моменты прошедшей ночи — невероятной, волшебной, сказочной ночи — и стала набираться сил к вечеру, черпая их из счастья, которое охватывало её всякий раз, стоило ей повторить самой себе, что Дерек её любит. И что за наваждение нашло на неё, когда ей показалось, что призрак Стеллы появился рядом? С чего она взяла, что граф любит эту давно пропавшую и уже истлевшую женщину?

Не успела Беллона расслабиться, как в комнату вернулись Габи и Дора, в сопровождении маркиза о'Лермона. Робин велел ему присмотреть за сестрой, чтобы даже если она пошла гулять (что вряд ли, учитывая её состояние), то ни с кем не общалась, кроме своих фрейлин. Девушка и не собиралась ничего такого делать. Во-первых, потому что она, действительно, неважно себя чувствовала, во-вторых, потому что ей не хотелось совершать никаких глупостей, впрочем, она пока и не знала, что ещё такого можно предпринять и нужно ли, а в-третьих, ей не хотелось ставить в неловкое положение Сержио, который уже двое суток ходил, как в воду опущенный. Габи, то и дело, подтрунивала над его сумрачным видом, а принцесса одёргивала её, потому что знала, что виной ему она сама. Вскоре вернулись и сёстры Итали, но, несмотря на то, что все девушки были в сборе, и всем не

терпелось обсудить события ночи, спросить у своей госпожи что-нибудь о том, что же произошло, в конце концов, никто не решался заговорить из-за присутствия молодого человека. Маркиз вышел из покоев, только когда настала пора переодеться к приёму, но тогда уже было не до сплетен и бесед, все собирались тщательно, почти в тишине. К тому же, разговоры о личной жизни монарших персон не предназначались и для ушей прислуги. Как бы той не было любопытно, что же пробудило всех накануне ото сна, ей не суждено и не позволено было узнавать ответ.

Беллону затянули в тугий корсет, чтобы спина держалась ровно, так как собственных сил на это у девушки уже не было. Волосы забрали в высокую причёску, чтобы играющие на свету пряди не делали заметнее бледность лица и не оттеняли яркого румянца. Платье было серебристо-голубого цвета, с синими цветами, вышитыми на пышной верхней юбке и украшенными сапфирами. Принцесса дождалась брата, который задержался на десять минут, и отправилась с ним в главную залу, где уже начинался приём. Не стовариваясь, молодой человек и девушка, как нарочно, оделись в одинаковых тонах. На Робине был камзол, тоже серебристо-голубой, конечно, без цветов, но не менее красочный и роскошный, чем наряд у Беллоны. Первой их реакцией при виде друг друга была улыбка, но потом, когда они вспомнили утренний разговор, оба сделали взаимно обиженные, но вежливые лица.

Они шли по длинным коридорам в окружении своих свит. Светильники освещали широкие проходы. Каблуки стучали по паркетным полам, таким богатым, выложенным разными древесными породами, как мозаика. На стенах висели картины; старинные портреты чередовались со свежими пейзажами, пёстрыми натюрмортами. Все окна, через которые ещё проникали лучи заходящего солнца, были из разноцветного стекла, из которого тоже были сложены определённые сюжеты. Уже перед самыми дверьми туда, где проходила торжественная часть, на Робина из-за угла налетела девочка-подросток. Она явно куда-то торопилась, поэтому ничего перед собой не видела. Находясь, явно, в эйфории, она не сразу пришла в себя, даже когда отскочила от наследника Феира в сторону. На ней было скромное тёмно-бордовое платье, самого простого пошива, и передник, с кармашком посередине и оборками по краям, что выдавало в ней чью-то горничную. Принц брезгливо провёл рукой по тому месту камзола, о который ударилась девушка, как будто она замарала его одним своим прикосновением и обратился, как бы ко всем, игнорируя саму виновницу столкновения.

— Не следят за детьми... Кто их вообще допускает на такие мероприятия?

Тут служанка подняла глаза на стоящих перед ней вельмож и в упор посмотрела на каждого. От её взгляда у Беллоны мороз прошёл по коже: они были такими чернящими, словно в них утонула вся Вселенная, но при этом они излучали какой-то свет, больше напоминающий огонь из ада. Они были необычайно взрослыми и осмысленными, хотя их обладательница и была младше Беллоны на пару лет. На них ниспадала чёлка, длинная и ровная. Удивительным был и цвет волос, очень тёмный, можно было бы сказать, что чёрный, но при попадании света, они отливали синевой и пурпуром. Со злостью и достоинством, которое невозможно даже было предположить в этой девочке, она вскинула голову и бросила Робину в лицо:

— А кто допускает во дворец таких хамов, которые не смотрят, куда идут?

Принц опешил. Он не ожидал встретить в этом существе, доходящем ему от силы до груди, столько напора. Но из гордости Робин решил, что нужно что-то ответить, чтобы выйти из неловкой ситуации и поставить на место эту неуёмную пигалицу.

— Кто ты собственно есть, чтобы так со мной разговаривать? — Молодой человек использовал любимый приём для обезвреживания людей — указывание на их ничтожность и никчёмность.

— Я? Будущая королева! — ни на секунду не задумываясь, ответила девочка. — А ты кто такой?

Робин, совершенно сбитый с толку, сам того нехотя, вступил в переговоры с маленькой зазнайкой.

— Вообще-то, я наследник Феира, будущий король Робин Четвёртый! — Беллона подтолкнула его, чтобы он пошёл дальше и не связывался с ребёнком, но он упёрся.

— Да? — задумчиво произнесла спорщица в свою очередь. — Тогда не исключено, что ты будешь моим мужем.

— Что?! — принц от души рассмеялся. Гнев перешёл в милость, и он понял, что эта девочка попросту ничего не понимает. — Знаешь, малышка, я не собираюсь жениться ближайšie лет десять!

— Ничего, я подожду, — спокойно ответила она, поклонилась и исчезла в комнатах дворца. Все постояли, несколько минут глядя ей в след, и потом, словно очнувшись от какого-то гипноза, двинулись туда, куда и шли. Беллоне почему-то эта сцена очень хорошо и надолго запомнилась.

Стоял солнечный день ранней осени, десятое сентября. Принцесса Феирская со своими фрейлинами ехали в карете уже несколько часов. Дорога их изрядно утомила, и сейчас они, довольные, наблюдали за окнами родные, знакомые просторы. Риджейсити остался позади, и до горизонта простирались поля, холмы и деревеньки. Вот-вот впереди покажется загородный королевский дворец, и можно будет вдоволь отдохнуть от переездов, праздников, суматохи, толп незнакомых людей. Наступающая прохлада встречала вернувшихся из дальних странствий путников.

Беллона глубоко вдохнула прозрачный воздух полной грудью. Она вся сияла от счастья. Прошло около месяца с тех пор, как она попрощалась с Дерекком на Валлоре. Под корсетом она держала его письмо, которое он передал через князя Зоурбрейда, а тот, в свою очередь, через Габриэль, потому что Робин и Сержио до самого отъезда не давали никому приближаться к принцессе. Оно было коротким, но внушало надежду и радость. «Я буду постоянно торопить время, — гласили строки, — пока не увижу тебя снова. Мы обязательно встретимся. Терпеливо жди, так же, как это буду делать я». Девушка перечитывала эти слова постоянно, как только выдавался момент, когда никто не мог её видеть, за исключением, разве что, виконтессы Леонверден. Беллона так и не смогла приблизить к себе так же сильно остальных фрейлин, какими бы положительными они ни были. К тому же, вот уже месяц как в их приятную компанию вернулась баронесса фон Даберлёф. Мало того, что у неё были давние натянутые отношения с принцессой, а заодно и Габриэль, так теперь она ещё не понравилась и Каролине. Но, несмотря на общую неприязнь, Матильду оставили в покое и пытались просто не замечать, как данность, которая не слишком мешает, но иногда утомляет. К тому же, в ближайший срок она должна была покинуть Феир, выйдя замуж за Джордана Льюмена. Этот факт раздражал Беллону больше всех прочих. Почему даже у этой зазнавшейся красавицы жизнь меняется в лучшую сторону, всё идёт гладко, а у неё стоит на месте и сделать с этим что-либо невозможно, не применив какие-то недозволительные меры? Но уже недолго оставалось ждать счастливого момента. Скоро Беллона увидит Марию, по которой ужасно соскучилась, а завтра...завтра настанет тот долгожданный день, когда Дерек приедет сюда, на Феир, и они снова будут вместе. На этот раз ничто не сможет им помешать, а если кто-то посмеет возразить, то принцесса была готова до конца противостоять трудностям и преградам. Если нужно, она заявит о своих чувствах отцу, матери, всему миру, откажется от титула и светской жизни, откажется от богатств и подруг...Да, самое сложное будет расстаться с Габриэль и Марией, никогда больше не увидеть Энжел, Астерикса и других. Но даже это не остановит её перед безмятежным счастьем с Дерекком, который, она была уверена, пожертвует всем ради неё с той же самоотречённостью, что и она сама. Беллона гнала печальные мысли прочь. Ни к чему думать, что мир так жесток, что придётся много выстрадать ради торжества любви, ведь время уже доказало, что ему стоит доверять и подчиняться, что оно само всё расставит по местам, каждому воздаст по справедливости. Девушка была уверена, что как только она расскажет обо всём родителям, они поймут её, простят (да и было ли за что прощать?), пожелают счастья и дадут свободу действиям, они не станут чинить препятствий её будущему, которое она самостоятельно выбрала. А брат...что делать с Робинем Беллона

даже предположить не могла. Возможно, тогда он был не в себе из-за личных неудач и несчастий, которые принесло его поведение, возможно, он выпил лишнего, возможно, ему сейчас неудобно из-за своего поступка, но он никогда не признается в этом, поэтому просто больше не будет вмешиваться. Что ж, снова оставалось только подождать и посмотреть. Улыбка на лице принцессы становилась всё шире и ярче по мере приближения к дому. Хотя она с той же радостью осталась бы поближе к порталу, чтобы на следующий день как можно быстрее встретить рыцарей.

Кортеж возвращался с Зарландии, двенадцатой планеты от солнца в Голубом квазаре, где королевой была Патриция, приходившаяся сестрой Робину Третьему и тёщей императора Виталия Дьюса. Разумеется, он и сам присутствовал на завершившемся празднике, что смутило Беллону, которая снова не знала, как себя с ним вести. Мужчина, как всегда, сам вышел из положения, делая вид, что ничего между ними не происходило. Впрочем, ничего и не было, а неловкость возникала только из-за того, что они когда-то поговорили по душам. Так всегда бывает у людей, которые знают друг о друге больше, чем окружающие знают о них, или у них есть свой маленький секрет. Всё своё внимание на балах и обедах Виталий уделял баронессе Матильде, поэтому даже родители принцессы забыли о неприятных сплетнях и мучавшей их конъюнктуре, связанной с императором. Уезжая, Беллона всё-таки выгадала момент, чтобы выказать своё уважение и почтение ему, но он отмахнулся от всяких официозностей, по-отечески обнял её и пообещал непременно приехать на Феир, навестить её, когда наступит такое время, что его визит не покажется никому странным. Они расстались друзьями. Принцессе не совсем удавалось понять, каким образом и по каким причинам, два столь разных человека, как она и император, смогли найти общий язык, сумели понять один другого. Но, не находя объяснения, Беллона радовалась, что всё складывалось именно так. Горизонт был ясен и чист. День был на удивление спокойный и безмятежный, словно время кто-то остановил, как и в то утро, когда Беллона повстречалась со своим рыцарем. Тот миг вспоминался ей натянутой тетивой, которую долго растягивали, а потом резко отпустили, и стрела с неё сорвалась вперёд и до сих пор не могла достигнуть своей цели.

На следующий день три девушки, как и некоторое время назад, сидели в своём любимом месте, тенистом уголке розового сада, где теперь уже не спасались от жары, а скрывались от прохладных дуновений ветра, укутываясь кружевными шальями. Небо стало ниже, чем вчера; серое, надувающееся, как мутный мыльный пузырь, с проносящимися порой тёмными облаками, оно предвещало непогоду на грядущей неделе. Мария сидела на краю скамьи и грела руки в шерсти Ромашки, которая уютно свернулась на её коленях, Беллона, с умилением, следила за этой картиной, отвлечённым взглядом, полным невыразимого томления и скрытой улыбки. Обхватив плечи ладонями, она прислонилась к дверному проёму беседки и мечтательно вздыхала. Тоску и молчание развеивала своими шутками и рассказами Габи, произносящая фразу, до боли замучившую слух подруг за одни сутки:

— Ну, наконец-то я вот-вот увижу его! — Виконтесса вставляла её без дела там и тут, на какую бы тему не шла беседа. Она сильнее обычного не могла сидеть на месте, зная, что Сториан МакДжойн по-прежнему у себя в княжестве, под домашним арестом, но в конце месяца наказание должно закончиться, и тогда он приедет сюда, к принцу, своему другу. Тогда они встретятся. Беллона, раньше пытавшаяся присмирить неусидчивый нрав Габриэль, теперь сама переняла его и не могла находиться на одном месте дольше пяти минут. Она хотела бы также, как и Габи, твердить день и ночь о скором приезде Дерека, но боялась

произнести в слух эту счастливую весть, как будто она могла её сглазить. Даже Марии она ещё не решилась сказать обо всём, что было на Валлоре, о свидании, о письме... У эрцгерцогини начинало рябить в глазах, так как её собеседницы, словно сидя на качелях, то опускались, то поднимались. Причём делали это с удивительной монотонностью: одна садилась, другая вставала.

— Может, вы попытаетесь успокоиться? В связи с чем такая тревога? Я понимаю, вы не были дома почти неделю, до этого вы тоже были в постоянных разъездах, а когда возвращались, то не заставляли меня, потому что я была в городе, но мы так давно не виделись, что вы могли бы хоть на минуту отвлечься от своих новых впечатлений, спуститься с небес на землю, и уделить хоть немного времени мне.

— О, прости, Мари, — очнулась Беллона. — Мы, действительно, страшные эгоистки. Даже толком не поинтересовались, как у тебя дела, только и делаем, что твердим о том, что мы повидали... Расскажи, что у тебя нового? Было ли что-нибудь интересное в наше отсутствие?

— У меня всё по-старому, а вести всё те же. Весь август Риджейсити только и говорил о твоём брате и его дружках, о том, что они легко отделались, что их следовало наказать более жёстко, что теперь-то они точно исправятся и тому подобное... Да я и не хочу говорить о себе и о местных новостях! Просто, я же вижу, что у вас есть ещё что-то, о чём вы мне пока не говорите. Ну, что у вас за тайна?

Габриэль, огорчившаяся от напоминания о неприятностях Сториана, переглянулась с Беллоной и прочитала у той в глазах, что она ещё не готова поделиться самыми прекрасными моментами своей жизни с кем бы то ни было, даже с двоюродной сестрой. Виконтесса решила отвлечь Марию от принцессы другими увлекательными сплетнями.

— Знаешь, на Зарландии нет ничего такого, из чего можно было бы делать тайну. Там всё почти так же, как у нас, хоть это и Голубой квазар. Такие же платья, такие же причёски, тоже король и королева, у них сын и дочь... Хм, разве что, разница в том, что принц очень покладистый мужчина, который уже сам стал отцом и для которого удовольствия в жизни занимают чуть ли не последнее место, а принцесса — ваша кузина Гвинет, точно Робин в юбке, алчная до развлечений, высокомерная, не умеющая остановиться. Ума не приложу, как она заставила императора жениться на себе? Она же дура набитая!

— Габи, не горячись, — остановила её Мария. — Я думаю, у неё, скорее всего, есть чему поучиться...

— Поучиться у этой выскочки и зазнайки? Чему там, когда её мозг свободно болтался бы даже в черепной коробке у курицы! К тому же, император не стал однолюбом и в любой момент может захотеть сменить жену в пятый раз. — Габриэль подмигнула Беллоне и хотела толкнуть её локтем в бок, но не дотянулась.

— В любом случае, какой бы она ни была, Гвинет — императрица Голубого квазара, и если кто-нибудь узнает, как ты о ней отзываешься, и это дойдёт до неё... — предостерегла эрцгерцогиня, не заметив заговорщических жестов виконтессы.

— Я не боюсь! На примере одной недавно увиденной сцены я теперь знаю, что даже с монаршими персонами можно высказывать всё, что ты о них думаешь.

— О чём ты? — заинтересовались подруги.

— Белл, да ты знаешь, а вот тебе, Мари, расскажу. В один из вечеров на Валлоре, мы шли на бал, всей большой феирской компанией, и тут, из-за угла, на Робина налетела девочка, служанка. Она откровенно нахамила ему в лицо, а он посмеялся и пошёл дальше.

Вот тебе, пожалуйста! А под конец, ещё и заявила, что будет женой Робину. Ну, тут я тоже не выдержала и засмеялась, но наглость девчонки не знала границ!

— Это правда? Белл, скажи, как же вы позволили этому случиться? Зная Робина, могу предположить, что он убить хотел того, кто посмел ему слово поперёк сказать.

— Так оно и было, поначалу, — подтвердила принцесса. — Но потом его решение поменялось. И это к лучшему, ведь служанка была совсем ещё ребёнок. К тому же у неё был такой пронзительный взгляд, что я даже задрожала, когда увидела его, в нём чувствовалась такая злоба и агрессия, что наказывать её за что-либо было бы несправедливым. Мне кажется, она и так обиженна судьбой, не знаю уж точно, каким образом. А последняя её фраза о свадьбе с братом...это просто детская глупость, она и сама, наверное, не знает, что это такое...

— Я бы не была так уверена. Обиженные и рассерженные дети всегда держат своё слово. По крайней мере, так всегда было. Есть много известных случаев, когда какой-либо человек мстил за обиду, нанесённую ему в детстве. Правда, каким образом простая прислуга выйдет замуж за наследника Феира, ума не приложу, — засмеялась эрцгерцогиня, ей вторила Габи. Беллона слабо растянула губы, изобразив гримасу, похожую на ухмылку. Ей стало не по себе при воспоминании о той девочке. Слова Марии подтвердили её скрытые опасения, которые прорастали где-то в самой затерянной глуши её сознания. Принцесса ни кому не сказала, что просила Аделину узнать о судьбе служанки. Не сказать, что полученные сведения удивили, они так же не обрадовали и не огорчили, картина была вполне рядовая. Родители ребёнка были неизвестны, девочка росла с приёмным отцом-пьяницей, дальние родственники которого сумели найти ей место при дворе Улианы Первой. В тот день, когда она наткнулась на принца Феира, ей улыбнулась удача и девочка, имя которой было Эстер, бежала на приём к королю Пембертона. Дело в том, что утром, убираясь, она нашла в одной из комнат резвящегося мальчика. Он не хотел признаваться, кто он такой, поэтому Эстер собственноручно занялась поисками родителей, поняв, что он специально убежал и играет в прятки. Вскоре обнаружили не углядевшие за ребёнком няни, искавшие его уже в течение нескольких часов, все растрёпанные, рыдающие и рвущие на себе волосы, они поблагодарили нашедшую пропажу и рассказали о ней отцу мальчика — королю Станиславу. Он пообещал отблагодарить Эстер деньгами, драгоценностями, принять её, как гостью в своём замке. Именно к нему она и торопилась, чуть не сбив с ног Робина, в будущем, Четвертого.

На дне рождения тёти Патриции, Беллона услышала, как придворные дамы обсуждали, что на Пембертоне (а это тоже была планета Голубого квазара) умер маркиз Уитфлок, не оставив после себя наследников и его имение и титул король отдал в награду за некие заслуги одной из горничных своей королевы. Принцесса так и не узнала её имени, но почему-то в ней жила уверенность, что это та самая Эстер.

Беллона внезапно ощутила беспокойство за брата. Это чувство она никак не смогла себе объяснить, поэтому попрощалась с подругами и направилась к нему. Странно, раньше она никогда и ничего подобного не испытывала. Приближаясь к покоям Робина, девушка душой ощущала, как страх за него тает, но желание увидеть его остаётся. Не дойдя до двери его спальни, из окна галереи Беллона заметила, что принц стоит во дворе возле конюшни с двумя милovidными леди. Рядом слуги держали осёдланных лошадей. Принцесса, не думая, сделала разворот на мраморном полу и сбежала вниз по ониксовым ступенькам.

— Добрый день, Робин! — поприветствовала она брата, кивком засвидетельствовав

девушкам, что их она так же заметила. При более близком рассмотрении, они оказались не просто милovidными, а даже красивыми молодыми дворянками. Одна ярко рыжая, с подведенными веками и насурьмленными бровями, глубоким декольте и пышными кружевными юбками, другая, моложе, также рыжая, немного веснушчатая, что её совершенно не портило, круглолицая и большеглазая. — Откуда вы приехали?

— Мы не приехали, а собираемся уезжать, — поправил принц, — так что, извини, не могу взять тебя в нашу компанию...

— О, что ты, что ты, я даже не смела надеяться, — наигранно расстроилась Беллона. — Тем более, спутницы у тебя и так есть, я буду лишней.

— Да, кстати, познакомься, это Марлена и Джилия, внучки генерала Меджимела.

— Очень приятно, — задумчиво произнесла принцесса, продолжая их незаметно разглядывать. — И куда же вы собираетесь?

— Навестим Сториана, он, наверное, совсем там извёлся от скуки. Мы его немного взбодрим своим прибытием. Ну, да ладно, нам пора, нас уже давно там все ждут. — Робин подошёл к коню, но потом передумал и пошёл помочь забраться на лошадей девушкам.

Беллона сразу смекнула, к какой категории женщин относятся эти две «замечательные» внучки старого генерала Асканио и, от обиды за Габриэль, которая с радостью бы сейчас оказалась на месте одной из них, от раздражения, что таких беспутных женщин вообще носит мир, решила уязвить их, хоть как-нибудь. Первой под горячую руку принцессы попала старшая.

— Марлена, а разве вы не замужем? — Девушки посмотрели друг на друга, одна с откровенной неприязнью, другая онемев от неожиданности и от незнания, что делать. Вмешался Робин.

— Лорд Ругитан так завален делами, что ему некогда уделить внимание своей жене, поэтому он попросил меня это сделать, иначе она будет сидеть дома совсем одна и грустить...

— ...как и положено любой нормальной жене, не так ли? — огрызнулась Беллона. Её брат всегда знал, как выйти из самых неловких положений, что ужасно её раздражало. Но ей надоело, что он всегда выходит победителем из всех споров, к тому же, ей так хотелось отыграться за испорченное времяпрепровождение на Валлоре и прерванное свидание на балконе! Робин отпустил повод своего коня в руки лакея и, взяв под локоть сестру, отвёл её в сторону.

— Да что ты привязалась? Чего ты хочешь?

— Я хотела просто поговорить с тобой, а застала тут двух...двух...бессовестных кокеток! Ты что, не понимаешь, что они ведут себя более чем неприлично, что они нарушают все те правила и весь этикет, которому ты меня так тщательно учил менее месяца тому назад!

— Хватит путать всё в одну кучу! Ты моя сестра и дочь короля, а они... — Робин посмотрел через плечо, поджал губы и нервно одернул плечами, — они всего лишь придворные дамочки, без которых не обходится ни одна свита.

— Роб, я не хочу, чтобы ты связывался с подобными женщинами. Это не приведёт ни к чему хорошему! Они порочные, корыстные, хитрые!

— Ой, испугала, в этом всём меня никто не переплюнет, — с иронией заметил принц. — И хорошо бы, если бы ты не только учила всех направо и налево, но и сама следовала своим урокам!

— Заметь, это наша общая беда и проблема, — подколола брата Беллона.

— Это разные вещи. Я — мужчина, и спокойно могу себя так вести.

— Но это несправедливо!

— От твоего возмущения ничего не изменится и тебе придётся вести себя так, как то полагается. Я обещал, что прослежу за этим, и я выполню обещание.

— Если ты не изменишься, то я тоже ничего не буду менять в своей жизни!

— Ты хочешь сказать, что не выкинешь из головы бредовые мысли о дурацком олтернском рыцаре? Так вот, если ты этого ещё не сделала, то я заставлю тебя это сделать.

— Интересно, каким образом? Вот я, например, могу пойти, сказать отцу о присутствии здесь этих дам, или мадмуазель, и он-то остановит творящееся безобразие!

— Слушай, давай ты отстанешь от меня, по-хорошему. Ты ничего не знаешь, и слава богу, о мужчинах, их потребностях, их образе жизни, который им нужно вести. Оставь в покое Марлену, она любовница Сториана и об этом все знают, кроме тебя и никто ничего против не имеет.

— Что?! А как же её муж?

— А, этот идиот? А ему так и нужно, будет знать, как поддерживать возмущение против особ королевской крови и их друзей!

— Что ты имеешь в виду?

— Что лорд Ругитан был тем человеком, который убедил суд принять на рассмотрение дело против меня и который хотел развить его, добивался наказания МакДжойнам и мне...

— Прости, а как давно Марлена...эм...имеет отношения со Сторианом?

— Не знаю...год, может два...я не считал, а какая разница?

Брат и сестра посмотрели друг на друга. Беллона провела рукой по лбу и со смешком покачала головой.

— Боже, и это наследник престола Феира! Он даже не может проследить причинно-следственную связь!

Робин быстро оценил ситуацию, в которой выглядел, по меньшей мере, глупо. Как же он сам не задумался над всем этим! У него никогда не возникало идеи разобраться во всём, как следует, относительно своей жизни, своих поступков. Зачем злой рок послал ему на голову эту младшую сестру, с её вечным желанием докопаться до истины, расставить всё по своим местам, заставить всех задуматься и пофилософствовать, когда можно просто жить и либо создавать проблемы, либо решать их? Ничего зазорного в этом нет. Ну, ничего, сейчас она угомонится, у него есть козырь в рукаве.

— Что бы ты ни делала, и как бы тебе ни хотелось испортить мне сегодняшний досуг, я уже перестраховался на твой счёт и сделал соответствующие распоряжения. Ты, наконец-то, поймёшь, в чём разница между мужчиной и женщиной, пусть даже они оба из венценосной семьи.

— О чём ты?

— Ты не заметила, что обед уже давно был, а от твоего милого графа до сих пор нет никаких известий?

Беллона вскрикнула и сразу устыдилась своего невольного порыва. Она знала, что рыцари прибыли ещё утром. Она старалась не думать о том, что может задерживать Дерек в Риджейсити, и ждала его с минуты на минуту. Причина для визита у него могла быть любая, девушка не сомневалась, с воображением у графа всё в порядке. Она насторожено посмотрела на принца.

— Что, забеспокоилась? То-то же! Я не лыком шит и не пальцем делан, меня не обскочишь. Я знаю, что ты попытаешься увидаться с ним, поэтому отдал приказ, чтобы ему не давали покидать столицу.

— Нет!

— Да! Я хотел вообще запретить ему въезжать на Феир, но такое распоряжение мог выписать только отец...

— Господи, ты ведь ничего не сказал отцу?! — Беллона схватила брата за камзол и прильнула прямо к его груди, она пыталась прочесть в его глазах, что он шутит, врёт, разыгрывает её.

— Я хотел... — Робин заметил, что сестра волнуется необычайно сильно. Раньше он не особо присматривался к тому, насколько серьёзны её чувства и заявления, или не хотел присматриваться. Он увидел, как горят её глаза, бьётся сердце, трясутся пальцы, судорожно сжимая и разжимая ткань его одежды. Уже не так смело, он продолжал: — Я и сказал ему, некоторую часть, не упоминая о тебе и твоём участии в моей ссоре с графом...

— Что именно ты наговорил отцу?

— Да не переживай ты так! Я всего лишь сказал, что повздорил с этим проклятым орденоносцем, что он оскорбил меня, не уточняя каким образом, что не хочу его видеть на своей планете. Но отец возразил мне, сказав, что мы обязаны ему твоей жизнью, что он лично награждал этого человека орденом Храброго сердца, и не может запретить ему въезд из-за моей горячности, которая, он уверен, послужила виной нашей с ним размолвки. Поэтому мне пришлось отдать личный письменный указ, запрещающий покидать сэру Аморвилу территорию Риджейсити.

Робин увидел, как выражение лица Беллоны сменилось с бешенства на безнадёжность, что её взгляд потух, руки разжались, и она отшатнулась от него на шаг назад. Принц почти ощутил боль, которую только что причинил сестре. Он разрывался между долгом наследника сохранить честь семьи и долгом брата постараться устроить Беллоне счастливую жизнь. Он выбрал первое, чего никогда не делал относительно себя. Возможно, это был эгоизм, но скорее, как и большинство молодых людей, Робин просто считал, что знает, как нужно строить свою жизнь, а потому, он может жить, как считает нужным, а другие должны жить по правилам и законам.

— Ваше высочество! — окликнула принца Джилия Меджимел. — Мы и так сильно опаздываем к князю, может быть, поездка отменяется?

Молодой человек обрадовался, что ему напомнили о причине, по которой он может больше не отвечать на вопросы и умчаться отсюда подальше. Он больше не мог смотреть на унылый вид сестры, который напоминал ему о его жестокости по отношению к людям и его деланном равнодушии, которое он любил выставлять напоказ. Но так нужно, так должно быть, как бы он ни привязывался в последнее время к этой маленькой и наивной девчужке, совсем недавно ставшей девушкой, принц должен быть со всеми одинаков, без исключений.

— Извини, мне нужно ехать. Думаю, нам не стоит больше обсуждать эту тему, она не приносит никакого удовольствия ни мне, ни тебе и мы никогда не придём в ней к компромиссу.

Девушка уже не слышала ничего и не видела. Тройка всадников унеслась прочь под стук копыт, но это принцесса даже не заметила. Она хотела уйти к себе в апартаменты и укрыться в алькове, но остановилась перед входом в западное крыло и села на ониковую ступеньку. Там её и нашла горничная, которая разыскивала госпожу, чтобы позвать на ужин.

— Ваше высочество, — служанка увидела, что дочь короля была в глубокой задумчивости и нехотя вышла из неё, — простите за беспокойство, но стол в вашей столовой накрыт. Ваши фрейлины ждут вас и не начинают трапезу, что прикажете делать?

— Ничего, Яна, я уже иду. Спасибо, что напомнили мне о времени.

Беллона поднялась и, опустошённая, направилась туда, где её ждали. Что за радость быть принцессой? Эти стены замка...они как прутья в клетке, золотой клетке, дверцу которой открывают, только когда хотят посмотреть на её жильца и позабавиться с ним. Как можно исправить положение? Даже птицы, которые могут летать, не могут вырваться из клетки. Птицы...девушка остановилась, словно озарённая знамением свыше. Как она сразу не догадалась! Когда никак невозможно выбраться самой, значит, нужно найти кого-то, кто может выбраться. А кто это может сделать, да к тому же ещё и вынести с собой послание, как не почтовый голубь? Люди, конечно, тоже могут это сделать, и даже есть такие, которым можно полностью довериться, но они просто-напросто не станут браться за это. Марии не позволит совесть, Сержио любовь, Бернардо мужская солидарность, да к тому же, его как всегда нет во дворце. Он снова в разъездах с дипломатическими миссиями. Беллона с трудом могла вспомнить, когда видела его последний раз. Итак, решение проблемы стало появляться. Оно заключалось в одной маленькой специально обученной птичке. Вот только где её взять? Это было самым сложным, но всё-таки вполне реальным.

Немного оживившаяся принцесса вошла в столовую, как ни в чём не бывало. Она не стала говорить о столкновении характеров с братом, об открытии, что у Сториана МакДжойна есть постоянная любовница (да и была ли она единственной?). Беллона окинула взглядом всех присутствовавших девушек. Мария, раньше служившая единственной отдушиной в неурядицах дочери короля, теперь отошла на второй план из-за своей пуританской сдержанности и строгости. Ей непременно нужно было всё рассказать, но позже, когда Беллона будет готова выдержать её осуждающий взор и упрёки. А сейчас выбор пал на Аделину Итали. Она была степенной, в меру религиозной, воспитанной и умной. Она вызывала доверие. Даже если она не могла понять чьего-то поведения и поступка, маркиза не осуждала, а пыталась до конца войти в положение этого человека. Именно это качество Беллона ценила в ней больше всего и именно из-за него она хотела подружиться с ней, как можно ближе. Но для того, чтобы завязать крепкую дружбу, времени уже не было, а помощь нужна была сейчас, в эти несколько дней, пока рыцари на Феире.

После ужина принцесса попросила Аделину остаться у неё для долгого и серьёзного разговора. Та повиновалась, и они просидели почти до рассвета на кровати, болтая о том и о сём. Беллона знала, что если открыть душу перед маркизой, та не останется глуха к просьбе о помощи. И она рассказала ей всё целиком и полностью о своей любви к сэру Дереку, о каждой их встречи, каждом слове, которое хранила в памяти, каждом взгляде. Аделина ещё никогда не любила, но, в отличие от Робина, не зарекалась и согласилась помочь.

Сёстры Итали оказались на удивление проворны и организованны. Аделина подговорила авантюрную Каролину, которая из любви к приключениям и уважения к принцессе, не спрашивая, что и зачем, принялась помогать добывать почтовых голубей. Вечером двенадцатого числа она попросила аудиенции у королевы и, пустив слезу, попросила у той такую птицу, чтобы иметь возможность, как можно чаще, слать весточку своим матушке и папеньке. Веста была растроганна до глубины души. Она обнимала девушку, успокаивала её, и обещала сделать всё возможное, чтобы та чувствовала себя как можно комфортнее в разлуке с близкими. Королева подарила ей одного из своих лучших голубей, из тех, что сохранили остатки древних таинственных, мистических умений чутьём определять, куда их посылают и к кому надо лететь, белоснежного, с мягкими крыльями, которые он послушно складывал, как только попадал в руки, а потом распахивал, в поиске цели, которую ему предстояло достичь. Но погода складывалась не лётная и дождь, который заладил лить круглые сутки, сбил все планы. Время шло, а надеяться, что при такой сырости чернила в записке не расплывутся, было безумием.

Наконец, на утро третьего дня, проснувшись, Беллона увидела за окном ясное небо. Яркое светило солнце. Накинув домашний халат самого тонкого бархата, и подвязав его поясом под грудь, девушка поспешила в соседние со своими апартаменты, в которых расположились сёстры. К счастью, Аделина имела такую же, что и принцесса, привычку вставать ни свет ни заря. Она открыла двери и впустила госпожу в комнату. Каролина ещё спала беззаботным сном с расслабленной улыбкой на лице. У изголовья её кровати стояла клетка с голубем. Беллона осторожно вытащила птицу и ласково погладила по маленькой головке, которую та, пожившись, втянула в плечи. Это существо вызывало в принцессе самые нежные и тёплые чувства, потому что являлось посланником её любви. Она вытащила из кармана халата крошечный свёрнутый в трубочку листок, в котором заранее написала всё, что хотела. Прикрепив записку к лапке голубя, Беллона поцеловала его и, распахнув окно, выпустила туда. Больше от неё ничего не зависело, оставалось только ждать.

Младшая маркиза открыла глаза и, увидев принцессу, сразу поднялась и присела в поклоне.

— Ваше высочество, я не слышала, как вы зашли. — Несмотря на столь резкое пробуждение, Каролина всё ещё выглядела очень сонно.

— Ничего страшного, Каролина, я и не собиралась тебя будить. Спи дальше. — Беллона радостно поблагодарила фрейлин и вернулась к себе. Она точно больше не собиралась ложиться. Решив хоть как-нибудь занять своё время, девушка достала свой дневник и стала записывать всё, что с ней происходило, как в душе, так и снаружи. Находясь в добром расположении духа, она не стала гневиться на бумаге на брата, а просто по-сестрински, ругала его. Стоило ей поставить точку, как в дверь постучали и, не став ждать разрешения, в спальню вошла будущая графиня Нови.

— Габи? Ты, в такой час, и уже на ногах?

— Ах, Белл, не представляешь, с каким трудом я вообще засыпаю и как беспокойно сплю... что ты там пишешь?

— Да так, ничего важного... возникли в голове зарифмованные строки, решила

записать. — Принцесса выдвинула ящик стола и в самый его конец швырнула тетрадь. — А ты, значит, всё страдаешь по Сториану?

— И ничего не могу с этим сделать, — мечтательно произнесла виконтесса и села рядом на стул, подперев щеку рукой. — Я вовсе не мучаюсь без него, просто мне как-то скучно и я бы с таким удовольствием снова оказалась с ним наедине...

— Даже думать об этом не смей! Ты хоть понимаешь, чем это может закончиться?

— Перестань, неужели ты думаешь, что он посмеет грубо обойтись с единственной дочерью графа Леонверден? Ха, наивная, да если со мной что-то случится по его вине, в чём я лично сильно сомневаюсь, мой отец съест всех МакДжойнов с потрохами!

Беллона вспомнила последнюю встречу с Робинот. Неужели, если жена лорда Ругитана была любовницей Сториана и имела плохую репутацию в обществе из-за него, то он почитается с другими титулами, другой знатью? Да, возможно он не будет применять силу или жестокость к Габи, но только потому, что она добровольно согласится на всё, что он пожелает! Хотя после того, как она его облапошила, князь не станет проявлять терпение и уже не будет таким добреньким. Он был таким человеком, которому что крестьянка, что герцогиня были просто обычными женщинами, и они должны были подчиняться ему и приносить удовольствие, а не своенравничать и ставить условия.

— Габи, в тебе иногда проскальзывает здравый смысл, но когда он улетучивается — это становится просто Божьим наказанием для твоих родных и друзей.

— Всё, хватит обо мне! Я так не люблю, когда из чего-то делают проблему. Ты же знаешь, я умею за себя постоять.

— На каждого умника всегда найдётся кто-то, кто сможет его перехитрить. Будь осторожней, прошу тебя! Иначе мне придётся всюду следовать за тобой и следить, чтобы ты не напортачила чего.

— Вот только этого не надо. Увидишь, если я не разлюблю Сториана, я стану княгиней МакДжойн.

Беллона устало выдохнула. Ну, как ещё убедить подругу, что она заблуждается? Пожалуй, нужно последовать совету, который дала как-то тётя Сивилла: человек не может прожить без ошибок, он должен на них учиться, да и без них, на самом деле, было бы очень скучно.

— Габи, я должна тебе кое-что рассказать. Сегодня я отправила любовное послание Дереку...

— Что? Но...каким образом? Он был здесь? Но ты же сказала, что Робин...

— Да, да, и ничего не изменилось. Дерек, по-прежнему, судя по всему, не может покинуть Риджейсити. Но ты ведь знаешь, что у Каролины есть почтовый голубь...

— Знаю. Не подозревала в ней такой сентиментальности. Подумать только, хочет чаще обмениваться весточками с матерью...Но при чём здесь это?

— Я открою тебе маленький секрет — эта птица не для этого! Каролина обманула мою мать, чтобы достать почтового голубя для меня. Ведь, если бы я сама попросила, это выглядело бы крайне подозрительно, а Робин точно тут же бы догадался. Кстати, даже если бы маркизы попросили птицу для той цели, о которой сказали, то это не было бы зазорным. В отличие от тебя, они хотя бы помнят о родителях, беспокоятся о них и постоянно им пишут! А ты? За те четыре месяца, что ты при дворе, ты хоть раз вспомнила о матери, о доме? Разве ты не скучаешь?

— Ну...разумеется, скучаю! И я писала ей, как-то было...

— Вот-вот!

— Что вот-вот? Я уехала отсюда не для того, чтобы продолжать вести себя так же смиренно и притворяться тихоней. Это забирало все мои силы! Я не хочу провинциальной жизни, я уверена, что рождена для чего-то большего. Обещаю, как только я почувствую, что уже достаточно попробовала всего здесь и там, обязательно съезжу в Леонверден. Да, и кто знает, может быть в следующий раз, когда я там окажусь, я уже буду княгиней!

— Опять ты за своё!

— Хорошо. При тебе больше не буду говорить об этом. Так что же у тебя с Дерекком? Он уже ответил?

— Нет, ещё не успел. Я думаю, он его ещё даже не прочитал. — Беллона выдержала паузу, а потом развела руками. — Ах, Габи, я не знаю, правильно ли я сделала. Может, не стоило писать первой? Но, с другой стороны, у Дерекка нет никакой возможности связаться со мной!

— А ты советовалась с Мари?

— Нет, что ты! Она даже не знает обо всём этом. С тех пор, как мы побывали на Валлоре, я перестала ей рассказывать что-либо. Она такая правильная и строгая, что мне стыдно признаться в чём бы то ни было. Раньше я ей доверяла совершенно всё. А теперь не могу. Теперь у меня появились такие вещи, которые мне самой порой неудобно вспоминать...

— Боже мой, ты всё о своём незнакомце?

— Об обоих! В том-то и дело, Габи, что это был не единичный случай. Но я не хочу даже думать об этом. После того, как мы были вместе с Дерекком, я выкинула из головы совершенно всё, кроме него.

— Ладно, забыли. Так что ты написала Дерекку?

— Какие-то банальности, что хочу его видеть, что знаю, в каком он оказался положении, что готова на всё, лишь бы встретиться ещё хоть раз...

— Что ж, пламенно и откровенно. Посмотрим, как ему это понравится...

Вечером Беллона сидела на балконе, выходящем из её комнаты. На закатное солнце наплыли лёгкие облачка, словно порванные перья они окружили его и по тонким волокнам лучи разбежались холодными розовыми и сиреневыми цветами. Дора, укутавшись в шаль, расположилась на низком табурете и читала принцессе. Та её абсолютно не слушала. Мария так же была здесь, она переводила взгляд с чтицы на кухню и обратно. Эрцгерцогиня чувствовала, что у принцессы в душе происходят какие-то перевороты. У неё была достаточно развитая интуиция, чтобы понять, что от неё что-то скрывают. И ей казалось, что это очень недобрый знак. Из коридора донёсся звук шагов. Через мгновение в дверном проёме появилась Аделина.

— Ваше высочество, могу я вас побеспокоить одну минуту?

Беллона нервно подскочила, и это было видно, как ни старалась она того скрыть. Мгновение поколебавшись, девушка потёрла одну руку об другую, не то грея их, не то, предполагая заняться каким-то делом.

— Дора, Мари, вы свободны. Мне нужно решить кое-какие проблемы с маркизами.

Принцесса в сопровождении старшей из сестёр Итали достигла их комнаты. Каролина с нетерпением кинулась им на встречу и, не найдя слов, жестом указала на клетку, в которой сидел отправленный ими утром голубь с запиской на лапке. Беллона не поняла, её ли это была записка или другая, но без сил рухнула на стоящую поблизости кровать. Аделина

подала птицу ей в ладони.

— Боже, я так нервничаю, что даже руки трясутся, — торопливо бормотала Беллона себе под нос, открепляя бумагу от животного. Наконец, ей это удалось, и она поняла, что это была не её весточка, а иная.

Развернув листок, девушка прочла следующее: «Я тоже тешу себя надеждой, что смогу увидаться с тобой. Если ты хочешь, я нарушу все приличия и законы, но завтра же предстану пред тобой, и пусть мне хоть отрубят за это голову. Но я боюсь, что это навредит и тебе, поэтому, если сможешь, приезжай послезавтра с баронессой фон Даберлэф. Джордан Льюмен сегодня отправил ей вызов для того, чтобы встретиться с невестой». Беллона ахнула от счастья и завалилась на подушки, прижимая к груди бумагу. Как не справедливо, что они так любят друг друга и не могут беспрепятственно быть вместе! Но даже жестокий мир не может победить настоящую любовь. Послезавтра она поедет с Матильдой в Риджейсити...

Беллона наспех написала ответ, в котором просила рыцаря не совершать глупости, как бы сильно они ни желали вновь обрести друг друга. Она уверяла его, что сама сделает всё возможное и приедет, несомненно, приедет со своей фрейлиной, под предлогом сопровождать её. Как же на руку сыграл этот вызов Джордана Льюмена! Неужели он так влюблён в Матильду? За что её можно любить? Она такая вредная и злая! Неважно это всё было сейчас. Что и думать об этом. Беллона отдала записку в руки Аделины, которой теперь полностью доверяла и которая, по сути, стала её первой наперсницей. Попросив отослать с утра пораньше голубя, принцесса ушла.

Со счастливыми глазами и сияющей улыбкой девушка буквально ворвалась к себе обратно и захлопнула за собой двери. Погладив их, она развернулась и опёрлась о них спиной. Только тогда она заметила, что на её кровати сидит Мария и пристально на неё смотрит. Поняв, что своим поведением невольно себя выдала, Беллона опустила глаза.

— Я думала, ты уйдёшь вместе с Дорой...

— Тебе этого хотелось?

— Нет, Мари! Что ты! Как ты могла такое подумать. Ты прекрасно знаешь, что я всегда рада тебе, я отношусь к тебе, как к родной сестре, всегда относилась, и буду относиться.

— Тогда почему ты от меня что-то скрываешь? Думаешь, я не вижу, что что-то происходит? Думаешь, я не вижу, как ты стала вести себя иначе, не так, как раньше? Что случилось? Прошу тебя, ответь?

— Мари, я не говорю тебе всего, не потому что стала меньше любить тебя, а потому что боюсь, что если ты всё узнаешь, ты станешь по-другому воспринимать меня... хуже, если не сказать, совсем плохо.

— Боже, я не верю, что ты могла натворить что-то такое, за что тебя можно начать так сильно винить! Что бы ты ни сделала, ты всегда останешься для меня дорогим человеком, которого я пойму и которому помогу в любой затруднительной ситуации. Неужели я хоть раз заставила тебя усомниться в этом?

— Нет, но... я так боюсь потерять твоё уважение, если ты осудишь меня, я этого не вынесу. Ты всегда была моим главным советчиком. И мне тяжело носить в себе всё и не говорить об этом с тобой...

— Тогда расскажи! Уверю тебя, я никоим образом не поменяю своё к тебе отношение.

И Беллона стала говорить. Она начала с тех эмоций и того шока, которые испытывала на Гиганте, а закончила тем, что показала любовную записку Дерека, которую получила около часа назад. Лицо Марии всё время менялось, от изумления, оно переходило к

задумчивости, от улыбки, к серьёзности. Она ни разу не перебила свою кузину и подругу.

— Мари, я хочу узнать твоё мнение обо всём этом, но я предупреждаю, что если раньше я беспрекословно последовала бы твоим советам, то сейчас я не уверена, что послушаюсь твоих доводов...

Внезапно эрцгерцогиня просияла. Принцесса этому удивилась. Такой реакции она совершенно не ждала.

— Глупышка! Я не собираюсь ни осуждать тебя, ни ругать, даже не буду учить жить, как это делала раньше! Неужели ты думала, что я обвиню тебя в том, что ты полюбила? Ну, уж нет! Я сама, что ли, не девушка? Да к тому же, ты так далеко зашла, что поворачивать некуда...

— Ах, Мари, — младшая девушка кинулась в объятия старшей. — Спасибо, спасибо тебе за поддержку! Ты хочешь сказать, что сама любила? В прочем, глупый вопрос. Тебе ведь уже девятнадцать лет, конечно же, что-то у тебя уже было. И, наверняка, больше, чем у меня. Расскажи мне об этом?

— Как-нибудь, в другой раз, обязательно... Но мы говорим о твоих чувствах, о твоей ситуации, твоих трудностях. Разумеется, я не оставлю тебя в беде. Ни чья помощь сейчас не будет тебе лишней.

— Так ты согласна помочь мне?

— Разумеется! Ты ведь всё равно не перед чем не остановишься, Беллона Карлеаль. Наша кровь даёт о себе знать, это я говорю по собственному опыту. — Обе девушки гордо распрямили плечи, минуту помолчали и засмеялись.

— Мари, я и не подозревала, что ты можешь быть сорвиголовой.

— О, когда надо я могу быть разной. — Они снова развеселились. — А теперь ближе к делу. Что ты намерена делать послезавтра, когда встретишься с ним?

— Я ещё не знаю. Мне бы его просто увидеть, и я уже буду счастлива.

— Сомневаюсь, что ты на этом успокоишься.

— Да, ты права, но что же тогда? Там будет куча народу, придворные, рыцари. Нам вряд ли получится нормально поговорить. О том, чтобы уединиться, я даже не мечтаю...

— Вот именно! А, стало быть, вам нужно успеть договориться о настоящем, полноценном свидании.

— Но дело ведь не в том, что мы не сможем договориться, а в том, что свидание устроить просто невозможно! Как? Каким образом и где?

— Это я беру на себя, доверься мне. У меня уже возник один план. Слушай внимательно. В кабинете твоего отца, за одним из шкафов, есть потайная дверь. Она ведёт в секретные ходы, настоящий лабиринт за стенами дворца и под ним...

— Откуда ты всё это знаешь?

— Какая разница? Главное, что мои знания пригодятся нам. Эти ходы безумно запутанны, но я их хорошо знаю. Один из тоннелей ведёт в развалины замка, это между этим дворцом и Риджейсити. Если граф Аморвил сможет добраться до тех развалин, а я в этом не сомневаюсь, с его-то находчивостью, то я проведу тебя туда по застеночным коридорам.

Принцесса с эрцгерцогиней принялись обдумывать детали готовящегося события. Обсудив, казалось бы, все тонкости, они ещё не раз возвращались то к одному, то к другому. Им чудилось, что они могли что-то забыть или упустить, а всего одна промашка могла стоить очень дорого. Если они не рассчитают время или не примут во внимание какую-нибудь мелочь, то ничего могло не получиться. И так, всё было обговорено.

Весь следующий день прошёл у Беллоны в беготне. Она объясняла Аделине и Каролине их роли в намечающемся действе, выясняла, когда и где будет Робин, чтобы ни в коем случае не напороться на него. Потом она, на удивление старшей баронессы, спокойно разрешила Матильде съездить повидаться с женихом и даже сама напросилась в сопровождающие. Мария беседовала с Габриэль. Ту не хотели сильно напрягать и замешивать, но всё-таки лучше, если она будет в курсе дела и окажет хотя бы маленькую помощь. Часы пролетели незаметно, и настала пора отходить ко сну. Беллона, раньше мучавшаяся бессонницей из-за какого-либо предстоящего важного события, на этот раз уснула мгновенно, и спала, как убитая, пока её не разбудили горничные, пришедшие сообщить ей, что нужно собираться к завтраку, после которого принцесса с фрейлинами должна была ехать в Риджейсити.

В холле гостиницы «Вечный странник» царила непринуждённая атмосфера, когда в него вошли пять особ женского пола; лакеи сновали туда-сюда с сумками и чемоданами, официантки прошмыгивали из одной двери в другую, неся на подносах напитки, горячие и прохладительные, закуски, сладкие и солёные. Администратор стоял за высокой стойкой при входе, перед ним была открыта толстая книга, вернее будет сказать, журнал, в котором он записывал что-то для учёта, чтобы потом было легче во всём разобраться. Стоило ему поднять глаза, которыми он смотрел через очки, сползающие на кончик носа, как с его уст сорвался фальшивый радостный взглас и, он устремился навстречу появившимся.

— О, мадам Клотильда! — А первой шла именно она. — Как мы вам рады! Вас уже, по правде говоря, ждут. Мадмуазель Матильда, вы просто восхитительны!

Баронесс, действительно, знали очень многие горожане, знатные господа и большинство столичных дворян, так как они постоянно присутствовали на каких-либо представлениях, спектаклях, ели исключительно в ресторанах, а в хорошую погоду перемещались в открытой коляске. За матерью и дочерью проследовала принцесса, Габи и Дора, на которых обратили не меньше внимания, но их узнать никто не имел возможности, ведь стоило Беллоне начать выходить в свет, как она упорхнула на другие планеты, оставив родной Феир в неведении относительно её новой жизни и, собственно, внешности. Хотя многие догадались, что за девушка была рядом с фон Даберлёф и стали кидать мимолётные, но плохо скрываемые, любопытные взгляды.

Когда швейцар растворил перед дамами дверь в ресторан, было такое ощущение, что невестой из всех них является принцесса, а не какая-либо другая девушка. Причём невеста эта была на самых первых смотрах, так сильно она заволновалась и зарделась. Настоящая же виновница и близко ничего такого не ощущала. Матильда, как и всегда, ступала гордо, важно, с высоко поднятой головой, лениво и равнодушно поворачивающейся то в одну, то в другую сторону. Она намеренно оттягивала момент, когда нужно будет посмотреть на своего жениха, не потому что, ей не хотелось этого, а потому что она не желала, чтобы он думал, будто ей этого хочется. Он в свою очередь тоже не торопился встретить будущую жену глазами. Их взаимное отсутствие интереса друг к другу было не броским, но весьма заметным. Беллона не удержалась от мысли, каким же образом и по каким причинам тогда они обручились? Она-то подумала, что Джордан влюбился в Матильду! Что за холод и отчуждённость между ними? Или ей это всё только кажется? Матильду, казалось, ни капли не волновал тот факт, что её будущий муж с большим вниманием относится даже к её матери, нежели к ней. На неё были устремлены две другие пары глаз — барона Ван Стройера и шевалье ля Мерлоута. Оба полные обожания, восхищения, вожделения. Когда они перестали непрерывно лицезреть предмет своей немой страсти, Августин и Густаво с завистью и досадой посмотрели на своего брата по ордену, который вскоре должен был стать обладателем этих прелестей. Раньше они не посмели бы даже пренебрежительно подумать о нём, но когда, нарушив их устав, традиции и внутренние законы, он, кто был их наставником и должен был стать главным учителем, объявил о своём решении венчаться, все братья, если и не отвернулись от него, то осудили про себя точно. И теперь, одновременно желая и не желая оказаться на его месте, оба кавалера тихо его недолюбливали. Парис, князь

Вальядов, со стороны наблюдал всех присутствующих. Ему больше по душе была королевская дочь, но он, видя, что она смотрит либо себе под ноги, либо в противоположную сторону от него, не стал вести себя откровенно, как его товарищи. Как и все ему подобные орденосцы, больше всего в жизни ценя таких женщин, как Стелла Нордмунская и мечтающая заполучить себе, если не её саму, то хотя бы её родственницу, рыцарь был бы не прочь оказаться в недозволительной близости с принцессой. Однако, заметив ещё в прошлое посещение Феира, что она испытывает слабость к Дереку Аморвилу, Парис предпочёл не вмешиваться, чтобы не выглядеть глупо и не попасть под горячую руку Карлеалей. В свои двадцать шесть лет, он был невероятно проницательным. Его интуиция была сильнее всякой логики и разума, которые, кстати говоря, также были у него на высшем уровне. Он подчинил им все свои чувства и, порой, можно было подумать, что их у него совсем нет. Но не будем уходить всё дальше и дальше от главной темы. Все участники сцены приветствия, за исключением Беллоны и графа Аморвила, были лишь фоном, серой стеной, на которую повесили необычайно живописную картину с сюжетом, играющим всеми возможными красками ощущений, радости и счастья. Девушка вновь испытывала те мгновения экстаза, которые порой приключаются с людьми в редкие минуты, когда им начинает светить удача. В тёмно-зелёном платье, ткань которого была словно хамелеон — при разном освещении, она меняла насыщенность и оттенок — Беллона напоминала маленькую лесную фею, пробудившуюся по весне, чтобы приказать цветам зацвести, а деревьям стряхнуть с себя зимний сон. Дерек встал прямо напротив неё, чуть откинув голову назад и приоткрыв губы, из-под которых светились белоснежные жемчужины зубов. Шляпы на нём в этот раз не было, и волосы свободно разметались по плечам. Принцесса с трудом удерживала себя, чтобы вот так запросто не подойти и не обнять его, чтобы не сказать ему что-нибудь при всех, чтобы не коснуться его ненароком. Немного постояв, все, наконец-то, сели. Когда Беллона поняла, что может смотреть на возлюбленного бесконечно и это всё равно не удовлетворит её, она решила отвлечься от созерцания его красоты, которая так сильно притягивала её одну, а может, и не только. Посмотрев на всех сидящих за столом, Беллона, не без облегчения, констатировала тот факт, что здесь только олтернские рыцари и Сержио среди них нет. Он бы, несомненно, снова начал строить препоны, а, самое страшное, позже рассказал бы об этом всё наследнику. Впрочем, его можно было бы просить не делать того или иного, и он бы это выполнял, но принцесса уставала бороться с его ревностью, прикрытой видом благородной заботы.

Обед накрыли роскошный. Повара всегда здесь старались угодить приезжим (а эта гостиница была предназначена исключительно для чужеземных гостей), а когда они узнали, что прибудет ещё и фрейлина королевы, то потрудились просто на славу. Сочные куропатки, баранина, рябчики, фаршированные анчоусами, печень, тушённая с грибами, щучьи головы, судак под белым вином — от только-только принесенных блюд ещё шёл пар и невероятный, великолепный запах. У Беллоны всегда был хороший аппетит, но в этот раз он разыгрался не на шутку. Ей хотелось есть и есть, но она боялась, что это будет выглядеть не эстетично и Дерек в ней разочаруется, поэтому медленно накалывала всё на вилку и маленькими порциями отправляла в рот. Разговор вёлся очень скучный. Клотильда уточняла что-то про приданное, граф Льюмен молча кивал, точно не слушал, и ему это всё было неважно. Как будто намечалась не его свадьба! Беллона подумала, что если бы её жених выглядел так же перед заключением брака, она бы всё отменила и не пошла замуж. Но сейчас девушка просто ухмыльнулась. Ей совсем не хотелось вникать в семейные интриги

фон Даберлэф, пусть живут, как знают, лишь бы её это не задевало и никак не касалось.

— Ваше высочество, согласитесь, тут ужасно душно? — пролепетала невинным голоском Габриэль, промокнув губы салфеткой, после того, как допила вино, налитое ей в бокал.

— Да, виконтесса, вы правы, — угрюмо согласилась принцесса. — На улице такой холод, что от резкого перепада температуры бросает в жар.

— В таком случае, может, здесь есть балкон, на котором можно подышать? Сэр Дерек, не соблаговолите ли вы нас туда проводить, а то я здесь совсем ничего не знаю, — мило улыбнулась Габи, и так наивно оглядела помещение от пола до потолка, взмахивая своими пушистыми ресницами, что нельзя было усомниться в искренности её намерений.

Шевалье ля Мерлоут чуть было не поднялся первым, чтобы проводить девушек, но Парис инстинктивно придержал его рукой, под тяжестью которой он сел обратно.

— Конечно, ваша светлость, я провожу вас и её высочество, — огласил официальным тоном граф Аморвил и они все втроём удалились из-за стола, поднявшись по лестнице на второй этаж, где была огромная лоджия. Там никого не было, поэтому Габриэль осталась снаружи, так сказать, на дежурном посту, следить, чтобы враг не прошёл через линию обороны. Беллона и Дерек зашли внутрь.

— Боже, наконец-то! — выдохнула принцесса и прильнула к груди рыцаря. — Наконец-то мы снова вместе.

— Это ненадолго. Через пять минут нам придётся спуститься обратно...

— Да, разумеется. — Беллона подняла голову и посмотрела в глаза любимому. Он вернул её к реальности, и она вспомнила, зачем приехала. — У нас мало времени, поэтому внимательно слушай и запомни всё, что я тебе скажу. Завтра в десять часов вечера я буду ждать тебя на развалинах замка Морроу, это в часе езды от Риджейсити на восток. Ты сможешь выбраться отсюда на несколько часов?

— Не волнуйся, договариваться я умею. Если не поможет весомый довод, — рыцарь похлопал по кошельку, — то придётся употребить другой.

Дерек погладил эфес шпаги. Девушка замотала головой и положила свою руку поверх его.

— Нет-нет, прошу тебя, без глупостей. Не заставляй меня волноваться за тебя, я и так не нахожу себе места. Будь осторожнее!

— Перестань! Не нужно бояться. Со мной ничего не случится. Только если...твой брат, он не следит за тобой, как на Валлоре? Против него мне нечего противопоставить...на Феире, по крайней мере.

— Нет, я всё развела. Вчера ночью он ускакал на охоту с друзьями к МакДжойну. Раньше, чем послезавтра утром его можно не ждать... — Габриэль высунулась из-за двери и поторопила их, так как кто-то спускался с третьего этажа и мог заглянуть сюда. — Что ж, нам нужно возвращаться, ты всё запомнил?

Граф быстро кивнул.

— Тогда идём. — Не успела Беллона и шага сделать, как сильные мужские руки вернули её, развернули, и Дерек приник к ней жадным поцелуем. Когда принцесса высвободилась, она услышала, как шаги за дверью удалились. На этот раз прошли мимо... Девушка напустила на себя яростный вид и набросилась на рыцаря:

— Как ты мог? А если бы сюда вошли?

— Но ведь не зашли же, — спокойно ответил он.

— Мы не можем так рисковать! Ты сумасшедший...

— Не более твоего, — засмеялся граф. — Зато теперь я могу вернуться обратно.

Как ни в чём не бывало, троица спустилась снова в ресторан на первом этаже. Мадам Клотильда, выпив шампанского за будущее счастье молодых, словно уже была на свадебном торжестве, смеялась своим скрипучим неприятным смехом над какими-то шутками орденоносцев. Её дочь сидела тише воды, ниже травы.

Стражник стоял возле кабинета его величества короля. Всё было тихо, как всегда, когда Робин Третий уезжал в столицу и там занимался делами или развлекался допоздна. Молодому человеку так и хотелось размяться, а не стоять здесь битый час, караулить, неизвестно, что. Кому во дворце придёт в голову полезть в кабинет короля, если в нём живут одни легкомысленные придворные? М-да, быть гвардейцем монаршей личной охраны было почётно и престижно, но ужасно скучно и нудно.

Из соседнего помещения появилась виконтесса Леонверден. Она была чем-то расстроена, но приободрилась, когда увидела стражника.

— Добрый вечер, вы не представляете, как я рада увидеть такого отзывчивого и благородного человека!

Юноша не понимал, к чему это всё. С чего вдруг эта знатная мадмуазель оказывает ему такие знаки внимания? Он решил молча поклониться и ждать продолжения, не решаясь спросить что-либо. Габриэль поняла, что он готов её слушать.

— Вы не представляете, моя любимая кошка — Ромашка, пропала. Я ума не приложу, где её ещё можно искать во дворце, я всё перевернула с ног на голову, но не нашла. Мне в голову закралась мысль, что, скорее всего, она выбежала в восточный двор. Могу я просить вас?

— Разумеется, ваша светлость, — отчеканил стражник.

— На улице уже стемнело, там так холодно... Я так переживаю за свою любимицу. Вы не могли бы взять фонарь и поискать её?

— Простите, но мой пост... — с сомнением произнёс гвардеец.

— О, не беспокойтесь. Я постою и подожду здесь. Если кто-то спросит, я всё объясню.

Молодой человек знал, что даже король питает слабость к будущей графине, поэтому если она замолвит за него словечко, ему ничего не будет. Что ж, отличный способ сходить развеяться, а, заодно, сделать приятное этой очаровательной миледи.

— В таком случае, я повинуюсь вашей просьбе. Обещаю, что не вернусь, пока не выполню её, — охранник схватил лампу. — Вы будете здесь?

— Можете не волноваться. И шагу в сторону не ступлю, пока вас снова не будет на месте. И не торопитесь! Главное, чтобы Ромашка нашлась целой и невредимой.

Габриэль проводила взглядом очередного охранника. Только что, освобождая путь Беллоне, чтобы никто не видел, что принцесса идёт в апартаменты отца, она поведала ту же историю другому гвардейцу, с той разницей, что послала его в западный двор и покинула то место. Но отсюда она уходит не собиралась. Ей предстояло снова стоять на карауле. Оттуда же, откуда минуту назад виконтесса, появилась Беллона и Мария. Последняя быстро подошла к кабинету, запустила руку за гобелен на стене, вытащила ключ и отперла запретную комнату. Эрцгерцогиня делала это с такой невозмутимостью и спокойствием, что от них принцессе стало трясти. Она так волновалась, что, идя сюда, хотела надеть плащ, с капюшоном на всё лицо, лишь бы спрятаться и огородиться от всего окружающего, но

фрейлины разубедили её. Потому что если её увидят в таком виде, то всё равно узнают, но сразу заподозрят неладное.

— Белл, заходи, не бойся, — прошептала кузина. — Дорога каждая секунда, а ты их теряешь.

— Да-да, извини. — Беллона переступила порог и вспомнила, что раньше бывала здесь только для того, чтобы слушать поучения отца и его выговоры за какие-либо её детские проказы. Очередной её поступок был уже не детским, и она боялась, что если король узнает о нём, то и отвечать за него тоже придётся по-взрослому. Отвлечшись на грустные мысли, девушка просмотрела, как её двоюродная сестра заставила один из шкафов отойти в сторону, открыв тем самым проход, пугающий своей неизведанной чернотой.

— Мари, мы должны пойти туда?

— А как ты иначе хотела? Разумеется. Да не дрожи ты! Сейчас возьму свечу — и в путь.

Из открывшегося лаза повеяло холодом и сыростью. Запах был не сильный и вполне сносный, но такой настораживающий, будто предупреждал и хотел остановить. «Да нет, это опять моё воображение!» — отмахнулась Беллона и направилась след в след за Марией.

Стены в тоннеле были шершавыми, из необтёсанного природного камня. Свет озарил их зеленовато-серый цвет, неровную поверхность, вмятины и выпуклости, создающие фантастические узоры. Ровный коридор перешёл в крутую лестницу вниз, с такими высокими ступенями, что легко можно было сломать себе ноги и шею. Повороты плавно перешли в один сплошной загиб. Лестница тут была винтовой. Она вкручивалась в землю, словно хотела пробурить её. Беллона поняла, что они опустились на несколько метров ниже поверхности. Путь снова стал ровным. Коридор расширился, он разветвлялся в разные стороны, превращаясь в тот самый настоящий лабиринт, о котором говорила Мария. Она зажгла от свечи факел, поменяла их в руках и уверенно пошла дальше. Принцесса боялась отстать от неё, поэтому почти наступала ей на пятки. Она не сомневалась, что идя тут одна, непременно бы заблудилась. Хорошо, что Габи не пошла с ними, неустойчивость той вышла бы здесь за рамки и виконтесса запуталась бы в считанные минуты.

— Мари, и всё-таки, откуда ты всё здесь так хорошо знаешь?

— Тише, не разговаривай так громко. Здесь такое эхо, что оно меня пугает.

— А я думала, что тебя невозможно испугать, ты всегда такая смелая и решительная. Хотя, в отличие от меня и Габи, тебе эти качества приносят пользу, — Беллона говорила шёпотом, — ты думаешь, нас тут кто-то может услышать? Тут бывают люди?

— Нет, но перестраховаться будет не лишним. Я ведь не единственная, кто знает эти ходы...

— Иногда мне кажется, что у тебя от меня больше секретов, чем было у меня от тебя.

— Не придумывай! — отрезала эрцгерцогиня и дальше они пошли в тишине. Но младшую девушку она так угнетала, что она не выдержала долго молчания.

— А как долго нам ещё идти?

— Через минут десять мы выйдем на свежий воздух, потом около получаса пешком и мы будем на месте.

— Как хорошо! Мне не терпится выбраться отсюда поскорее. Дерек, наверное, уже там...

Мария пошла медленнее.

— Это древний лабиринт. Тут бывают ловушки, вроде проваливающегося пола или закрывающихся стен, поэтому следует быть ещё осторожнее. Я, слава Богу, с таким ещё не

сталкивалась, но случайности бывают разные. Не будем торопиться...

— Какой ужас! На что я только не соглашалась, но быть навечно запертой в подземелье мне совсем не хочется. Если бы не дикое желание увидеть Дерека, я никогда бы не подвергла тебя такому риску. Ведь я не имею права ставить под угрозу близких людей, ради собственного блага...

— Перестань, всё будет в порядке, вот увидишь.

Факел отбрасывал на стены причудливые дрожащие тени. Они то вытягивались, то сжимались, будто передавая душевные переживания принцессы, которая, то трусила, то вновь делалась храброй во имя своей любви. Отвага была у неё в крови, хоть она и была юной девушкой. Не возраст, не пол не помеха, когда по-настоящему чего-то хочешь и когда ты совсем близко к исполнению своего желания.

Где-то за спиной послышались отдалённые голоса. Это были мужские голоса! Самое страшное было, что они доносились со стороны дворца, а не снаружи. Девушки переглянулись полными ужаса глазами. Мария в испуге замерла, точно окаменела. Беллона, как бывало с ней уже не раз, в каких-то экстренных ситуациях, обрела полное хладнокровие и рассудительность.

— Кто это может быть?

— Белл, я не...не знаю, — заикаясь произнесла кузина.

— И что этот кто-то здесь делает? — Принцесса приложила палец к губам и прислушалась. Несколько грубых громких голосов слышались вдалеке. Они уверенно и целеустремлённо приближались.

— Там же Габи! Где она? Что с ней?

— Думаю, ничего плохого. Я сильно на это надеюсь. В любом случае, там уже что-то произошло, и мы не можем это изменить. Нужно подумать, что делать нам.

— Ты права, у тебя есть какие-нибудь идеи?

Наконец, чётко и ясно стало понятно, что кричал самый громкий голос. Он без конца повторял: «Белл, я знаю, что ты здесь! Немедленно вернись обратно! Да где же ты, несносная девчонка?!». Это кричал принц.

— Господи, это же мой брат! Что он тут делает?!

— Не имею ни малейшего представления...

— Он же должен вернуться лишь завтра! — Беллона схватилась за голову. — Я пропала... мне уже ничто не поможет. Но...но ещё не поздно спастись тебе и Дереку! Мари, обещай, что сделаешь то, о чём я тебя попрошу?

— Я не могу, что ты задумала?

— Прошу тебя, обещай!

— Я не оставлю тебя здесь с Робинотом! Он же неадекватный!

— Нет времени на споры, — прошипела принцесса. — Я приказываю тебе, клянись, что выполнишь всё, что я тебе сейчас скажу!

Мария обреченно уронила голову на грудь и прошептала «клянусь» бесцветным голосом.

— Беги скорее вперёд и предупреди Дерека, чтобы он уезжал оттуда, иначе ему конец. Торопись, а я задержу их. — Кузины наспех обнялись и старшая, взяв факел, стремительно побежала вперёд.

Беллона, оказавшись в полной темноте, попыталась прочесть смиренную молитву, но всё её существо возмущалось против того, что происходит, поэтому она коротко попросила

Бога помочь ей. Эхо в тоннелях было просто невероятным, поэтому не совсем было понятно, сколько времени оставалось до появления наследника, грубые ругательства и возгласы которого становились такими давящими, что его сестра чуть не падала в обморок. Что она сейчас ему скажет? Теперь он точно всё расскажет отцу, и она никогда в жизни больше не увидит Дерека. Нет, она не будет его замешивать в свою ночную прогулку, даже если Робин и так поймёт, что она здесь ради него, она будет отрицать его причастность хоть под страхом пыток, хоть под ними самими!

Беллона облокотилась на стену и хотела, съехав по ней, сесть на пол, но, неожиданно, эта стена куда-то исчезла и принцесса провалилась в неизвестность, пойманная кем-то, кто закрыл ей рот крепкой ладонью.

Сначала девушка пыталась сопротивляться, но потом, когда почувствовала, что стена захлопнулась обратно и она оказалась в каком-то крошечном застенке с кем-то неизвестным, присмирела. Пару минут спустя стало слышно, как мимо прошёл её брат, всё с той же бранью. По голосам Беллона так же узнала, что с ним Бенвор Эскорини, офицер тайной полиции, и Сержио. Принцессу довело до отчаяния присутствие последнего. Кто как не он мог навести принца на след? Впрочем, откуда он сам мог узнать обо всём происходящем? Что-то не так во всём этом. Странно, но Беллона ни в коей мере не испытывала страха по поводу того, кто же её схватил. Что-то родное и знакомое было в аромате, исходящем от этого человека, в его дыхании и даже ощущении его тела рядом. Когда трое мужчин затерялись где-то вдалеке, следуя за Марией, и перестали быть слышными, рука ослабла и отодвинулась от лица.

— Извините, ваше высочество, просто я испугался, что вы можете привлечь внимание к нам малейшим звуком.

— Бернардо! — принцесса на ощупь кинулась ему на шею и чуть не заплакала от счастья. — Господи, как давно я тебя не видела, какими ты здесь судьбами?

— Давайте скорее уйдём отсюда, и тогда уже поговорим. Робин может вернуться с минуты на минуту.

— Но как же Мари? Я не могу оставить её в таком положении!

— Поверьте, она сама выберется. Я её знаю лучше вашего. Скажите спасибо, что сами остались невредимыми.

— Как бы я ни доверяла тебе, моё беспокойство за кузину словами не растворить.

— Не заставляйте меня выносить вас отсюда силой! — И виконт стал подталкивать принцессу обратно, только не по тому пути, которым она воспользовалась, идя сюда, а несколько иным.

— Ты уверен, что мы идём правильно?

— Да, это кратчайший путь в ваше крыло. Нам остаётся только как можно быстрее добраться в ваши покои и, когда Робин вернётся, сделать вид, что мы никуда оттуда не выходили.

Юноша и девушка торопливо продвигались по узким ходам. Беллона, не дожидаясь конечной цели, засыпала своего спутника вопросами. Он, ни на миг не останавливаясь, отвечал ей.

— Объясни, как ты узнал, что я в подземелье?

— Никак. Я только что вернулся из Южных ветров и хотел отнести кое-какие бумаги в кабинет его величества. Я сильно удивился, вместо стражника увидев Габриэль, охраняющую комнату короля. Когда она объяснила, что вы с Марией ушли в тайных лабиринт, я помчался со всех ног, я думал, что с вами уже что-то случилось и вас нужно выручать из беды...

— Но почему? Ты знал, что Робин тоже скоро будет здесь?

— Нет, я удивился его присутствию так же сильно, как и вы.

Они упёрлись в стену и Бернардо, слегка надавив на один из кирпичей, отворил её. Принцесса и виконт оказались на лестнице, которая вела со второго этажа восточного крыла

В розовый сад.

— Никогда бы не подумала, что здесь существует тайный лаз.

— О, вы ещё много чего не знаете о возможностях своего родного замка. Думаю, это к лучшему, иначе вы бы такого уже натворили!

— Или сама бы вышла из затруднительного положения!

— Вы неисправимы. Хорошо, пусть будет так.

— Ты обязательно должен показать мне весь лабиринт и научить, как им пользоваться.

— Я подумаю над вашей просьбой, — улыбнулся Бернардо. — А сейчас поторопимся в вашу спальню.

Когда они были на месте, виконт принялся создавать непринуждённую обстановку. Он был уверен, принц появится тут с минуты на минуту. Скрестив руки на груди, молодой человек пальцами стучал по подбородку.

— Ваше высочество, вы сможете вести себя, как ни в чём не бывало?

— Я постараюсь, но если Робин начнёт кричать...это всегда на меня действует...

— Ладно, в таком случае моей задачей будет сделать всё возможное, чтобы он не разошёлся. Так, дальше...может вам раздеться и лечь в кровать? Будет ощущение, что вы уже давно собираетесь ложиться спать, но просто я зашёл к вам, поэтому вы ещё не спите.

Беллона удивлённо и непонимающе посмотрела на виконта.

— Берни, я надеюсь, ты сейчас в шутку предположил, что я могу раздеться перед тобой?

— А что такого? — Он вскинул брови с не меньшим удивлением и поставил руку в ожидающей ответа позе.

— Ну... — Принцесса растерялась, не зная, что и сказать. — Мой брат вообще одичает, если застанет меня с тобой поздно вечером тет-а-тет, а я ещё при этом без одежды...

— Да Робин по этому поводу даже слова нам не скажет! Впрочем, кое в чём вы правы. Скорее всего, он уже заходил к вам перед тем, как отправился на ваши поиски и не застал вас. Лучшим вариантом будет сказать, что мы были у меня.

Виконт, наконец-то, сел, закинул ногу на ногу и стал вести обычную светскую беседу. Беллона поражалась, как этот человек может брать себя в руки в любой ситуации и выглядеть так, как того требует момент. Некоторое время они говорили ни о чём, потом девушка всё же решила вернуться к тому, что было сейчас для неё более всего важно.

— Берни, и всё-таки, кроме тебя мне не у кого спросить: как ты думаешь, откуда Робин узнал о том, что должно случиться, и вернулся на день раньше?

— Здравый смысл подсказывает мне, что существует один возможный ответ и одно единственное объяснение — ему кто-то об этом сообщил. Другого способа передачи информации пока не изобретали...

— Да, ты прав...но кто мог сказать ему об этом?

— Сказать, написать...кто знает? Вы умеете попадать в разные приключения. Тут нужно во всём тщательно разобраться, проанализировать всех, кто знал об этом...

— А почему ты не спрашиваешь, что я делала в подземелье? — вставила принцесса.

— Да простит мне ваше высочество, но я успел услышать несколько фраз, которыми вы обменялись с Мари. По ним я легко представил всё, что произошло. Вы, по-прежнему, не можете оставить в покое сэра Аморвила...

— Но я люблю его!

— И вам всё равно то, какой он человек?

— Он замечательный человек! Откуда вы с маркизом только взяли, что он плохой?

Сами что ли придумали?

— Как, Сержио до сих пор не рассказал вам всего?

— Чего именно? О чём ты?

В этот момент дверь распахнулась. В неё так сильно ударили, что замок со скрежетом треснул, а сама она ударилась о стену. На пороге появился пышущий гневом принц. Он осмотрелся, заметил виконта и выпрямил спину, потом пригладил волосы, которые всё равно непослушно упали обратно, и вошёл.

— Дорогой Робин, рад тебя видеть. Только хотел бы сделать замечание. Когда хотят войти, стучат в дверь, а не дверью.

— Берни, я удивлён тебе и твоему приезду, и рад не меньше, но могу я попросить тебя оставить нас? Мне нужно поговорить с сестрой.

— Попросить можешь, но я не уйду. Я не виделся с её высочеством не меньше двух месяцев и ужасно соскучился, так что, займи очередь, или её высочество сами назначат тебе аудиенцию.

— Слушай, мне не до смеха. Хочешь — сиди, но говорить я буду сейчас!

— Пожалуйста, я даже послушаю.

Принц передёрнул плечами и повернулся к сестре.

— У меня есть сведения, что ты сегодня должна была встретиться с одним человеком за пределами дворца. Что ты на это скажешь?

— А что я могу тебе сказать? Я представления не имею, где ты берёшь такие сведения, — спокойно произнесла Беллона, но внутри у неё всё тряслось, и она собирала все силы, чтобы не выдать себя.

— Вот как? А где же ты была, когда я час назад заходил сюда?

Девушка удивилась, насколько хорошо будущий граф Тревор знает людей и с какой лёгкостью он предугадывает те или иные события. Он просто гениальный дипломат и психолог.

— Я была у Берни. Он только приехал, и мне не терпелось его увидеть.

— Хорошо, допустим. Тогда что твоя подружка, этот ангел Габриэль, делала под дверями кабинета отца? И почему он был открыт, а в нём был распахнут настежь тайный ход?

Беллона чуть не попала на удочку брата. Он знал, что она всегда безумно беспокоится за подруг и вообще за кого бы то ни было, потому что была чересчур доброй и жалостливой. Но девушка кинула взгляд за спину брата, где виконт жестами призывал её изобразить изумление.

— Боже, у отца в кабинете есть тайный ход? И куда он ведёт? — Изумление вышло весьма правдоподобным, Робин даже оглянулся через плечо, но Бернардо вовремя принял отсутствующий вид невольного наблюдателя, который даже не собирается вмешиваться.

— Какая разница, я спросил тебя о Габриэль!

— Я понятия не имею. А что она сама говорит по этому поводу?

Наследник пришёл в замешательство. Он понимал, что сестра имеет к этому всему непосредственное отношение, но какое, разобраться он не мог.

— Она ничего не говорит, она то молчит, то мямлит что-то невразумительное.

— Так что же ты от меня-то хочешь?

— Чтобы ты объяснила, что, в конце концов, происходит!

— Нет, ну откуда я могу знать? Ты с чего-то взял, что я должна быть где-то с кем-то и

примчался сюда по этой причине. Оказалось, что ты не прав. Что дальше?

— Мне сообщили совершенно верную информацию.

— Интересно, кто же?

— Какая разница. Мои осведомители точные люди и ещё ни разу меня не подводили.

— Тогда иди и спроси у них! Зачем ко мне привязался?

Робин замялся в нерешительности, хотя это было одно из самых несвойственных ему ощущений. Бернардо смотрел на него, переплетя пальцы рук на колене. Он тоже заметил, что принц себя ведёт странно, что-то недоговаривает. В этот момент в голом дверном проёме показался Бенвор Эскорини и Сержио. Князь поклонился принцессе и остановился с краю, извинившись за беспокойство.

— Ваше высочество, я нашёл в подземелье недавно затушенную свечу. Там точно кто-то был, так как один факел отсутствует в том же месте.

Принц взбодрился. Теперь у него были улики, и он мог продолжать настаивать на своём. Тем более, в глазах Беллоны проскользнул страх. Она не смогла его урезонить, забеспокоившись о Марии. Её не поймали, но если продолжат расследование в том же направлении, всё всплывёт.

— Итак, у меня есть предложение. Немедленно вызови сюда всех своих фрейлин...

— Роб, они же уже спят!

— Сильно в этом сомневаюсь, судя по Габриэль. Она бы не стояла там, если бы это был кто-то посторонний, а не одна из них. Так что, прикажи позвать их всех, сейчас же, не откладывая ни минуты. Пока я не спрошу каждую из них лично, я не успокоюсь.

— Как знаешь. — Беллона аккуратно дёрнула шнурок и вошла горничная. — Яна, будь так добра, сходи к виконтессам, маркизам Итали и баронессе Матильде, позови их ко мне. Скажи, это очень важно.

— А как же эрцгерцогиня? — уточнил князь. Принцесса, не поворачиваясь в его сторону, чтобы не выдать тревоги, быстро ответила:

— Она должна была уехать домой сегодня. Скорее всего, её уже нет во дворце.

— Однако я видел её после обеда...

Девушке хотелось уничтожить Бенвора за эти слова и вообще за его присутствие здесь, но она выдержала паузу и вежливо произнесла, как бы самой себе.

— Возможно, она отбыла позже.

Пять девушек выстроились в ряд, а принц расхаживал перед ними, накаляя обстановку, чтобы они первые не выдержали и сболтнули всё сами. Он не верил, что женщины умеют хранить секреты и вообще держать язык за зубами. Но фрейлины не торопились порадовать его и оправдать его ожидания. Сонная Дора еле сдерживала зевок, она ничего не знала и не посмела бы открыть рот без разрешения своей госпожи. Матильда не скрывала своего раздражения и тоже молчала. Её не посвящали ни в какие интриги, иначе она не упустила бы возможности насолить принцессе. Три других девушки напоминали плохих шпионов. По Габи и Каролине было видно, что они что-то знают, но боятся сказать, а Аделина виновато опускала глаза в пол, чтобы Робин не прожигал её своими глазами.

— Габриэль, я последний раз тебя спрашиваю, кого ты сторожила в апартаментах его величества?

— Я же уже сказала — никого. Я попросила одного гвардейца найти мою Ромашку и ждала его возвращения, чтобы его пост не пустовал.

— Что за бред ты несёшь? Кто же тогда отворил кабинет? Ты должна была видеть.

— Я ничего не видела. Может, это случилось ещё при стражнике! Или его величество забыл запереть за собой. Ваше высочество, я хочу спать, можно я пойду?

— Стойте на месте, виконтесса. Присядьте, если так устали.

— Почему мы обязаны участвовать в этом допросе? — вмешалась Матильда. — Это унижает моё личное достоинство.

— Потому, что я ваш суверен, сударыня, и вы обязаны делать всё, о чём я вас попрошу, — прошептал Робин, пожирая взглядом младшую баронессу. Подумать только, такая красавица, и отправится скоро на Олтерн! А он даже не успел ещё узнать её поближе... Сбившись с мысли, наследник засуетился и издал звук, похожий на рычание. Господи, и почему эта Матильда так некстати попала ему на глаза? Её глубокий вырез платья позволял видеть аппетитную гладкую округлую грудь, молочные плечи и лебединую шею. Робин смочил губы языком.

— Все можете быть свободны! Я сам уже устал. Нёсся сюда, как бешенный, а теперь ещё мне хамят мои собственные подданные. Завтра устроим отдельные беседы с каждой, по одной ко мне после обеда. А начнём с вас, — принц провёл кончиком указательного пальца по краю рукава баронессы.

— Извините, но я не смогу, — оборвала Матильда.

— Что?! Это почему же?

— Я вскоре стану замужней женщиной. Моему жениху не понравится, если я останусь наедине с другим мужчиной. Надеюсь, вы простите меня, — девушка, будто бы стыдливо, опустила глаза.

— Но он же не обязательно об этом узнает...

— Боже, что вы хотите мне предложить? — баронесса сыграла такое красивое возмущение, что оно понравилось даже Беллоне: «Как ловко она отшила моего братца!». Принцесса злорадствовала.

— Я говорю о допросе...то есть, о разговоре... Хватит! Как вы смеее так разговаривать со своим будущим королём? Кто вас учил манерам?

— Да, в этом у меня, действительно, огромное упущение. К тому же, в следующем месяце моим королём станет Элиос Третий. Простите ещё раз. — Матильда присела в роскошном реверансе и удалилась прочь. Беллона невольно испытала к ней симпатию и с сожалением проводила её глазами. Такие сцены, когда Робину обламывают крылья, приходится наблюдать нечасто. Он привык, что ему всё можно и нет ни в чём отказа. А в последнее время у него явно пошла чёрная полоса... То сестра портила ему его коварные замыслы по совращению девушек, то теперь девушки сами перестали поддаваться его чарам...

Робин вытолкал всех из комнаты и пожелал сестре спокойной ночи. Вынужденный прервать охоту и замечательную пирушку в тот момент, когда она была в самом разгаре, принц чувствовал себя крайне возмущённым и неудовлетворённым. Сил ехать обратно уже не было, но хотелось расслабиться и получить удовольствие любым способом. Увидев, что в комнате баронесс не горит свет, он подошёл к ней и подёргал за ручку дверь. Она была заперта. «Чёрт, ну почему этому гнусному типу с Олтерна должно перепасть, а мне нет? По моему, у меня есть отличная возможность позлить его. Бедняга, мало того, что лишён возможности стать магистром, так ему ещё и достанется порушенная невеста. Неплохо было бы, если бы он потом узнал, кто над ним посмеялся!» Робин постучал. Никто не ответил. Немного переждав, он постучал ещё. Снова ничего. «Притворяется, что спит, не могла же она, в самом деле, уснуть так быстро?!» Принц начал заводиться. Когда он в третий раз надел на дверь, его окликнула служанка:

— Ваше высочество, что вы делаете?

— Я пришёл к баронессе Матильде, — будто его не застали врасплох, как ни в чём не бывало, объяснил Робин. — Но она почему-то не открывает.

— Просто её здесь нет.

— Вот как? А где же она, позвольте спросить?

— Госпожа распорядилась постелить ей постель у мадам Клотильды, что я и сделала...

— Стерва, — процедил наследник.

— Простите...

— Да я не тебе, дура! — «Дьявол, эта фон Даберлёф сведёт меня с ума. Неужели я стал таким предсказуемым, что она поняла, что я приду?».

Злой, разнервничавшийся, Робин завалился к себе в спальню и плюхнулся в кресло. Его лицо приняло выражение капризного ребёнка, которого избаловали родители, а теперь он встретил посторонних людей, которые по неведомым обстоятельствам не хотят подчиняться его истерикам. В комнату зашла старая горничная и стала готовить постель принцу, положив под простыню грелку с углями.

— Я не знала, ваше высочество, что вы вернётесь сегодня, поэтому ничего не успела приготовить.

— Я и сам этого не знал, — буркнул молодой человек и с отвращением посмотрел на женщину. Какая жалость, что больше нет рядом его Мэг, она бы сейчас его так утешила... «Почему здесь эта скрюченная служанка? Почему на её месте не другая, юная особа?».

— Всё готово. Что-нибудь ещё, ваше высочество?

— Да, рома, много рома. И никакой закуски...

Чей-то голос позвал откуда-то издалека. Какой неприятный голос, просто отвратительный! Так, нужно собраться и определить, что же он говорит? Невозможно разобрать. И всё трясётся. Темнота и качка. Что же это, каюта корабля? Ах, нет же! Темно, потому что ещё не открыты глаза! Робин открыл их и увидел, что его за плечо толкает камергер и просит проснуться.

— Ваше высочество, уже полдень, вы изволите отобедать?

— Обедать? Да, можно. Но для начала, неплохо было бы что-нибудь выпить. Принесите

мне скорее воды. И выпить, и вымыться.

Служащий ушёл, а Робин резко сел. Его замутило, но если бы он пытался сделать это постепенно, он бы пролежал ещё минимум час. Взору предстали три раскупоренные бутылки. Так-так, и что же накануне был за праздник? Какой, к чертям собачьим, праздник! Это, наоборот, был траур. Настоящие поминки по безалаберной жизни. Куда катится мир? Всё ускользает из рук, ничего не получается. Проклятые женщины, с ними столько хлопот и суеты!

Внесли поднос с напитками. Слуги пробежали в соседнее помещение наполнить ванную горячей водой. Робин, не стесняясь ни чьего присутствия, полностью разделся и окунулся в неё. Как прекрасно тепло разлилось по телу, а влага обволокла его. Тяжесть и ломота в ногах, руках, проходили, будто их можно было смыть мочалкой. Окно запотело от пара, и пасмурное небо исчезло из вида. Остались только уютные огоньки свечей в канделябрах. Камергер собственноручно поставил рядом с ванной еду и снял с тарелок крышки. Аромат пищи распространился и достиг носа принца, который, вдохнув поглубже, почувствовал себя почти счастливым. Какое наслаждение! Вот и цыплёнок под тонкими ломтиками лимона, дразнится золотистой корочкой, вот свежий хлеб, намазанный жёлтым деревенским маслом, а поверх него блестящей красной икрой, вот и ананас, фаршированный креветками и мидиями под остро-сладким соусом. Взяв маленькую чашечку с кипящим кофе за ручку, Робин совершенно размяк в воде, и чуть было не уснул в ней, но его снова потревожил хранитель его апартаментов.

— Ваше высочество, к вам пришли.

— Кто ещё?

— Кажется, это фрейлины её высочества.

— Фрейлины? — Наследник одним махом выпрыгнул из ванны, чуть не опрокинув её. Только сейчас он осознал, что всю ночь ему грезилась Матильда. Его желание обладать ею снова появилось и выросло до невероятных размеров. Начав одеваться и, уже натянув на себя рубашку и бриджи, Робин остановился, передумал, и снял всё. Набросив на голое тело халат, принц задержался у зеркала. «Вид не из лучших, но от природного обаяния никуда не деться». Улыбнувшись и подмигнув себе, Робин уже хотел пригласить войти девушек, но потом передумал и стал тянуть время, создавая ощущение занятости. Пусть даже не думают, что могут сильно заинтересовать его и занимать важное место в его судьбе. Наконец, он сам распахнул дверь и разочаровано заметил про себя: «А тут, пожалуй, никто и не может занять такое место». В прихожей стояли Дора и Каролина, понуро опустив головы и носком ноги водя по узорам ковра. Настоящие дети перед учителем! Принц хотел незаметно исчезнуть обратно, но виконтесса заметила его и присела в реверансе.

— Ваше высочество, мы пришли, как вы и приказывали, — пропищала она немного колеблющимся голоском.

— Я вижу, но почему не все? — развязно бросил Робин.

— Виконтессу Леонверден и мою сестру позвали к себе её высочество, а баронесса у королевы, вместе с матерью. У неё какие-то дела.

«Она намеренно от меня скрывается! Хорошо же придумано, спрятаться за юбкой мамыши, причём, не только своей, но и моей! А Габриэль и Аделина явно что-то знают, раз сестра не дала им прийти сюда». Молодой человек снова хотел распрощаться, но внезапно что-то его остановило. Он ещё раз посмотрел на девушек, а, конкретнее, на Каролину. Чёрт, а она ведь тоже необычайно хороша собой! Если отместить ребяческое выражение лица, то

оставались полные алые губы, огромные тёмные глаза, словно два каштана, нос гордой орлицы. Если не обращать внимания на довольно некокетливую и простую позу и необдуманнные жесты (другие девушки с такой внешностью давно бы научились преподносить себя так, чтобы мужчины начали воспламеняться, глядя на них), то сразу бросались в глаза стройные утончённые формы, тонкая талия, аккуратная спелая грудь, белоснежные длинные пальцы, оканчивающиеся заострёнными розовыми ноготками. А эти волосы! Робин всегда предпочитал брюнеток, они на его взгляд были страстнее, раскованнее, темпераментнее и великолепнее во всех отношениях. И вот перед ним такие роскошные чёрные локоны. Как бы замечательно они смотрелись, разметавшись по подушке...

— Маркиза...

— Италии, — скорее подсказала, чем напонила девушка.

— Да. Зайдите, пожалуйста, ко мне, будьте так любезны. А вы, виконтесса, можете пока идти к себе, если понадобится, я пришлю за вами.

Принц впустил в спальню Каролину и незаметно запер дверь на ключ, который предусмотрительно вынул из замочной скважины и положил в карман халата. Жестом указав девушке на диван, Робин сел рядом. Она несмело, но без задней мысли, устроилась рядом.

— Выпьете что-нибудь? — предложил наследник в надежде, что если маркиза хоть немного опьянеет, то её будет легче сломить, или она вообще сама начнёт первая. От таких юных дев часто не знаешь, чего ожидать.

— Нет, благодарю...

— Жаль, — пошевелил губами молодой человек. Что ж, тогда стоит перейти к делу, запугать её, и она сама сдастся, согласная на всё, лишь бы не было никаких неприятностей. Отличный план! — Тогда сразу перейду к вопросам. Я знаю, что вчера моя сестра отправлялась на свидание с рыцарем сэром Аморвиллом. Какое вы в этом принимали участие?

Каролина, почти не зная наследника и его любимых трюков, которыми он раньше всех проводил, поверила в его осведомлённость, но решила до последнего всё отрицать, даже если это будет выглядеть не совсем естественно и он ей не поверит. Её долг перед принцессой превышает всего!

— Я ничего не знаю о том, о чём вы говорите.

— Да будет вам, Каролина, — прыснул принц. — Уж вы-то не знаете!

— Совершенно не знаю.

— Даже я знаю о её любви к этому олтернскому альфонсу, а вы тут из себя строите невинность. Любвеобильность моей сестры не могла пройти незамеченной мимо её фрейлин, которые постоянно при ней!

— Однако мне ничего неизвестно, — девушка поднялась. — Я вижу, что ничем не могу быть вам полезна.

— Как это возможно, — не унимался Робин. — Ведь на Валлоре, на балконе, при всех...

— На балконе? — Каролина задрожала и опустила на диван, забившись в самый его угол. Не зная, что произошло во время маскарада, маркиза подумала, что принц имеет в виду то, как граф Аморвилл среди ночи явился к ним в покои на пегасе.

— Ага, значит всё-таки вам что-то известно? Значит, вы признаёте, что знаете об их романе?

Девушка пыталась взять себя в руки и громко дышала, ища выход. Но его не было. Что

сказать по этому поводу? Просто молчать? Молчание — это знак согласия, а она не может так подставить госпожу. Робин взял её за плечи и с силой встряхнул.

— Что? Нечего ответить? Признай эти очевидные факты, о которых я всё знаю. Ну же.

Каролина собрала всю свою волю в кулак. Одна слезинка скатилась по её щеке, но лицо было смелым и честным. Посмотрев молодому человеку глаза в глаза, она громко произнесла:

— Я не могу вам больше врать, я всё скажу...

— То-то же. Я весь — внимание.

— Мы с графом Дерекком любим друг друга и принцесса, на самом деле, прикрывает нас.

— Что?! Ты издеваешься надо мной? Я же видел, как она с ним шепталась и обнималась.

— Он передавал через неё любовное послание для меня.

— Но она сама заявила мне, что любит его!

— О, благородство её высочества не знает границ. Она моя спасительница. — Каролина вошла во вкус этой лжи. Ей уже было не страшно. К тому же, обманывать было не так-то трудно. Сэр Дерек ей, действительно, очень нравился.

— А почему же вы делаете из своих шашней такую тайну?

— О, моя семья, как и большинство феирцев, ненавидит Олтерн и его жителей.

Робин ещё крепче сжал плечи маркизы, да так, что она вскрикнула.

— Ты всё врешь!

— Нет, что вы, как я посмею...

— Не знаю, но ведь смеешь же. Ты понимаешь, что я заставлю тебя повторить твои слова при короле, при твоих родителях, при моей сестре?

— Да, и я их повторю и готова поклясться в каждом из них, — решительно объявила девушка. Робин увидел, что она не шутит, и будет стоять на своём.

— А если я немедленно, тотчас же, напишу твоей матери подробный рассказ о твоей любви с рыцарем, который, я-то знаю, ты выдумала от начала до конца, тебе не будет обидно пострадать за это?

— Пишите... — Спокойствие Каролины переходило все мыслимые и немыслимые границы. Принц взбесился и гневно уселся за стол, схватил бумагу, перо, поставил перед собой чернильницу и задумался.

— Так, я пишу?

— Пишите, пишите...

Робин снова подскочил и замахал руками.

— Чёрт, у тебя вообще есть ум? Ты понимаешь, подо что себя подставляешь? Я ведь напишу обоим твоим родителям, во всех красочных подробностях описав развитие романа их дочери, которые тоже придумаю со свойственной мне прямотой. Я даже напишу, что ты позволила себя обесчестить этому кретину.

— Ну, обратное легко доказать... — смущено дёрнулись губы Каролины в улыбке.

— Но легко и подтвердить, — хищно оскалился наследник, сделав шаг ей на встречу. — Кстати, даю тебе последний шанс подумать и исправиться...

Он провёл тыльной стороной ладони по её щеке, а другой рукой притянул её к себе за талию, прижав так сильно, что маркиза упёрлась локтями в его бока.

— ...если ты подаришь мне немного ласки и нежности, то мы забудем возникшее между

нами недоразумение и останемся добрыми друзьями. С сестрой я разберусь сам, а твоим родственникам ничего писать не стану...

Девушка ослабила упорство, и Робин расцепил хватку. Это позволило ей немного отступить назад и провести взглядом по принцу, от его пяток до макушки. Изобразив недовольную гримасу на лице, Каролина сморщила носик и утвердительно кивнула.

— Пишите, ваше высочество.

Наследник, никак не ожидавший такой развязки, так переменялся в лице, что любой увидевший его в этот момент, в том числе и маркиза, испугался бы. Он покраснел от ярости, и, казалось, сейчас из носа у него пойдёт дым, а вместе с дыханием вырвется пламя. Сжав кулаки до того, что они побелели, он судорожно затряс ими.

— Сука! Одно дело, отказать мне, но пренебречь мной! Ты за это поплатишься. — Робин сел за письмо, но только успел взять перо, как сразу же отбросил его на стол. — Нет, сначала я всё-таки сделаю то, чего хотел.

И рванув с места, принц устремился к Каролине. Та, с визгом, обратилась в бегство в сторону двери, но она оказалась заперта. Девушка испугано оглянулась и увидела стоящего к ней впрыток и ухмыляющегося мужчину. Мурашки выступили по всему её телу, и душа упала в пятки.

— Вы не посмеете, я буду кричать!

— На здоровье, — с этими словами Робин перекинул её через плечо и, орущую и бьющую кулаками о его спину, донёс до кровати, где и опрокинул на спину. — Вот ты и доигралась. Мне давно следовало внять советам Сториана и перестать сюсюкаться с юными леди, которые сами не знают, куда их игры могут завести. Но я сейчас подробно объясню, куда это всё приводит...

— Мне нужно в туалет! — заявила не потерявшая рассудительности Каролина, которая наслушалась рассказов Габи о её приключениях и теперь пыталась вспомнить все возможности, которые можно употребить в данном случае.

— О-о, — захохотал принц. — Это старый номер и в этот раз он не пройдёт. Мне всё равно, что тебе нужно. Я не только получу то, что нужно мне, но и преподам хороший урок сестре, которая даже не подозревает, причиной чего она стала. Она будет так убиваться и винить себя...с удовольствием бы посмотрел на это зрелище, да жаль, что у меня, скорее всего, не будет на это времени.

Только стоило мужчине наклонить свою голову к маркизе, как та вцепилась зубами в его губу и до крови прокусила её. Он со стоном откатился с девушки, схватившись рукой за маленькую ранку. Каролина воспользовалась этим и снова подбежала к двери, начав стучать в неё, бить по ней и звать на помощь.

— Бесполезно, — заметил Робин, приподнявшись и облокотившись на руку. — В моём крыле слугам дела нет до подобных происшествий. Они привыкли и знают, что я с друзьями не люблю, когда вмешиваются.

— Тогда отдай мне ключ, иначе я тебя покалечу!

— Ты? Меня? О, как я испугался угрозы! — Принц снова схватил девушку и бросил её на кровать. Руки он завёл ей за голову, удерживая одной своей, а второй начал расшнуровывать корсет. Каролина брыкалась и лягалась, что его только ещё больше заводило. Он уже и думать забыл про Матильду. Эта девушка была не менее притягательной, впрочем, как и любая другая симпатичная девушка в такой момент.

На несколько секунд Робин отпустил её, чтобы скинуть с себя халат, а когда обернулся,

увидел, что маркиза потеряла сознание. Что за слабохарактерность? Впрочем, это, наверняка, очередной трюк. Такая смелая и отчаянная мадмуазель вряд ли может упасть в обморок при подобных обстоятельствах. Принц позвал её. Она не отозвалась. Он слегка потряс её, потом начал трясти сильнее. Ну, что за девушки пошли! С ними невозможно иметь дело! Лёгкая пощёчина тоже не привела её в чувства. Наследник встал и направился к трюмо, на котором стоял кувшин с водой. Каролина тем временем перестала ломать комедию, и, неслышно подняв с пола ключ, который выпал только что из кармана, кинулась к выходу. Робин в последний момент заметил промашку, но уже ничего не успел сделать и только крикнул в спину убегающей девушке:

— Я этого не забуду! Можешь начинать собирать вещи и готовиться ехать в монастырь!

Беллона не просто насторожилась, а буквально испугалась, когда узнала, что только что вернувшийся король призывает её к себе в кабинет. Девушка уже прокляла всё на свете и заранее приготовилась умолять о прощении и извиняться, лишь бы Дереку ничего не угрожало. Однако внешне она пока ещё не показывала этого и решительным видом удивила Аделину, Габриэль и Дору, которые так же, как и принцесса, не знали, чего можно ждать от такого приглашения. Габи пожелала подруге успехов и осталась у неё в комнате, ожидая исход встречи Беллоны с отцом. Надежда на счастливый конец не покидала её и виконтесса, по-прежнему, верила в её с Белл удачу.

Когда дочь короля приблизилась к его кабинету, её вера в лучшее заметно ослабела. У дверей стояла Каролина, и, по всей видимости, она так же была звана для аудиенции. Беллона пришла в некоторое замешательство, но всё же постучалась к отцу. Из комнаты вышел наследник и, довольно улыбаясь, пригласил девушек пройти внутрь.

— Робин, что всё это значит? — подозревая самое худшее, спросила принцесса.

— Проходите, миледи, там всё узнаете, а я, с вашего позволения, испарюсь. — Слащаво, но мстительно окинув взглядом сестру и маркизу, принц стал удаляться.

— Роб!.. — Беллона поняла, что ничего доброго она не узнает, и злобно посмотрела в след молодому человеку. — Идём, Каролина. Приготовься быть сильной. Нам предстоит нелёгкая беседа.

Зайдя в кабинет, первое, что бросилось в глаза принцессе, это спина отца, грозно темнеющая на фоне окна, в которое пробивалось закатное, чуть багряное свечение. Он стоял и даже не соизволил повернуться. Ужаснее предзнаменования Беллона и представить не могла. Каролина замерла в низком реверансе, не зная, когда ей разрешат распрямиться, и уже дрожа. Наконец, Беллона решилась подать голос.

— Папа...

— Садитесь, — грубо перебил её родитель и повернул голову через плечо, явив девушкам такой пронзающий и отрешённый взгляд, что маркиза опустила лицо и больше не смела поднять его, в то время как принцесса набралась смелости держать ответ за всё спокойно и с достоинством.

— Я хотела бы...

— Ты будешь говорить, когда я дам тебе на то позволение! — отрезал король.

«Господи, — взмолилась Беллона, осев в кресле от холодного голоса отца, — я так и знала, что Робин всё ему рассказал. Что ж, наступил тот самый, ужасный момент, которого я так боялась. Будь что будет, но от Дерекы я всё равно не откажусь, ни при каких обстоятельствах».

— Итак, ваше высочество, мне стало известно — что уж тут таить, когда всё понятно — от моего сына, что вы имели дерзость завести интрижку с неким сэром Аморвиллом, которого я, помнится мне, собственноручно награждал орденом за спасение вашей же жизни и на которого в тот момент, как мне казалось, вы даже не удосуживались смотреть. Если бы я знал, что, спасая вашу жизнь, он покушается на вашу честь...

— Ваше величество...

— Не перебивай меня! — Робин Третий гневно сверкнул очами на дочь. — Мне так же

сообщили, что вы в последнее время вели себя столь непристойным и недостойным королевского имени образом, что о вас вскоре могут пойти нелицеприятные слухи. О вашем безобразном поведении можно говорить долго, но мне бы хотелось думать, что это наговоры и клевета. Я хочу услышать объяснения из ваших уст лично. Теперь можете держать слово.

Беллона подумала, что если она не признается во всём сейчас, то дальше будет только хуже. Брат всё равно не даст покоя, Дереха всё равно вовлекут в это дело. Оставалось только набраться храбрости сознаться, а дальше отдать себя на волю случая. Принцесса, как можно менее вызываяюще, но бесстрашно посмотрела в глаза отцу.

— Мне нечего объяснять. Это целиком и полностью сущая правда.

Из короля вырвался тяжёлый вздох, и он сел. Потерев рукой лоб и помолчав немного, он, казалось, почерпнул откуда-то сил и снова заговорил.

— Я знал, что ты это скажешь, и даже не удивлён. У меня есть другая информация, поэтому я и хочу во всём разобраться. Мне доложили, что у графа Аморвила, так же имеет место быть роман с присутствующей здесь маркизой.

Беллоне будто вонзили в сердце шип. В первый момент с ней так сыграла ревность, что она даже долю секунды почувствовала себя обманутой и оскорблённой. Каролине же стало неудобно за то, что она не успела предупредить принцессу об этой придуманной ею лжи. От стыда она не знала, как себя вести дальше. Обе девушки от завладевших ими чувств заметно занервничали, что Робин-старший принял за своё приближение к разоблачению. Немного расслабившись в душе, он решил дальше вести допрос более мягко. Ему так претило заставлять переживать собственную дочь. Но эта нервотрёпка пойдёт ей на пользу, дабы никогда не ввязывалась в сомнительные мероприятия, как её братец и его дружки.

— Да-да, ваше высочество, я знаю, что вы своим именем пытаетесь прикрыть бессовестность младшей маркизы Италии. Но я скажу вот что — вы не имеете на то право, ибо это имя принадлежит не вам. А всей нашей семье, а, стало быть, ваша честь — это честь всего Феира.

— Ваше величество, вы не понимаете. — Беллона начала осознавать самоотверженный поступок фрейлины, но не в её принципах было использовать людей для своего спасения и принимать чьи-то жертвы ради своих благ. — В этой ситуации, действительно, замешана я, я и никто больше. Накажите меня, но только не Каролину.

— Ваше высочество, не нужно... — только и смогла произнести маркиза.

Король, который иногда бывал слеп в своей любви к своим детям, в данный момент видел только то, что хотел, а именно — невиновность и непричастность дочери. Она, казалось ему, настолько великодушна и благородна, что готова нести крест за чужой грех. Ах, бедное наивное дитя, её ещё столько придётся учить. Одно ассоциативное сравнение двух сидящих перед ним девушек тянуло чашу причастности Каролины к переполоху вниз. Беллона, этот ангел во плоти, с прямым и отзывчивым характером; Каролина, настоящая чертовка. Ох уж эти брюнетки! От них всё зло.

— Девочка моя, перестань прикрывать эту порочную девушку. Просто пойми, ей не место при дворе. — Принцесса хотела возразить, но в кабинет, через заднюю дверь, вошёл Стенли Фиерман и о чём-то доложил королю. — Прошу прощения, я на пять минут. Сейчас я вернусь, и мы закончим это дело.

Как только монарх удалился, Беллона накинулась на фрейлину:

— Боже, Каролина, зачем ты это делаешь?

— Это мой долг, ваше высочество. Я служу вам, поэтому всё, включая мою жизнь,

принадлежит вам.

— Глупая, и кто тебя только так воспитал?! Да забудь ты свой долг! Пойми, тебя накажут гораздо сильнее, чем меня. Мне вообще, мало что грозит, — фальшиво успокоила себя принцесса.

— А как же ваш возлюбленный?

— Дерек... — осеклась Беллона.

— Да, именно он! Вы не подумали, что от того, с кем у него был роман, зависит степень и его наказания? — Беллона молчала. При мысли, что с рыцарем что-то может быть, у неё пот на теле выступал, и её кидало в жар. — Вот видите! Вы со мной согласны. К тому же, у вас такая любовь, вам ни в коем случае нельзя терять её, а я...у меня никого нет. Я легко переживу, если меня отлучат от двора...

— Но твои родители могут отречься от тебя, если ты примешь на себя такой позор! — сорвался последний довод с губ принцессы. Странно, что она раньше не задумывалась над тем, что её действия, на самом деле, позор для королевской дочери...

— Прошу вас, не берите это в голову! Моя судьба ничто по сравнению с тем, что от вашей зависит весь Феир! Его величество очень верно заметили, что вы не можете использовать своё имя в таких делах...

— Тогда, с таким именем, будь оно не ладно, я не могу и совершать такие дела!

— Заметьте, король не сказал этого. Он всего лишь сказал, что ваше имя не должно упоминаться, — ободряющее намекнула маркиза.

Беллона не выдержала, и со слезами бросилась ей в ноги. Каролина подскочила и растерянно пыталась поднять свою госпожу.

— Встаньте, умоляю вас. Что подумают, если увидят такое...

— Каролина, спасибо! Спасибо тебе! Если бы не Дерек, я бы никогда, никогда не пошла на такое! Но я так люблю его! Воистину, когда мы любим, мы делаемся слабыми! Каролина, при первой же возможности, как только я смогу, я отблагодарю тебя. Хотя, я не знаю, что можно сделать, чтобы достаточно отблагодарить тебя за твой поступок!

— Мне ничего не нужно, ваше высочество...

Задняя дверь снова отворилась, и в ней появился король. К изумлению Беллоны, его вид был ещё грознее, чем прежде. Она с непониманием вглядывалась в него, а Каролина, не предавшая значения перемене, произошедшей в правителе, вступилась за принцессу.

— Ваше величество, я только что открыла её высочеству причину, по которой его высочество представил наше поведение не в лучшем свете и рассказал вам о моей симпатии к рыцарю и благородном поступке принцессы Беллоны, которая пыталась выгородить меня. Видите ли, дело в том, что сегодня, буквально пару часов назад, принц Робин хотел... пытался, как это сказать...

— Склонить вас к любовным отношениям, — закончил Робин Третий. — Я всё это знаю. Сын сразу сообщил это, предупредив, что он не клеветает из-за того, что вы ему отказали. Так что, для меня это не новость!

— Его высочество весьма предусмотрительны... — прошептала маркиза.

Беллона, по-прежнему, ничего не понимала. Как?! Её брат уже пытался совратить её фрейлину? Нашёл же, где выбирать очередные жертвы! Его наглость не знает границ! Быстро взяв себя в руки, принцесса попыталась подыгрывать дальше, во спасение любимого.

— Да, отец, Робин, как всегда, пытается выйти сухим из воды. Однако вам следовало бы...

— Не тебе говорить, что бы мне следовало, а что нет! — прикрикнул король, хотя с возрастом он всё реже это делал. — Я уже готов был поверить вам, юные леди, готов был высказать Робину, чтобы впредь не оговаривал людей, к которым у него личные обиды, но только что...

Мужчина опустился на кресло и по пояс исчез за столом.

— ...только что мне сообщили, что вчера в подземелье, прокравшись через мой кабинет, была ты, Беллона. Ты и никто другой. Думаю, мне следует допросить самого сэра Дерекка. Боже, а я так надеялся, что удастся избежать скандала и огласки!

— Отец, но это ложь! Это откровенная выдумка! Кто посмел обмануть тебя? Князе Эскорини? Кавалер о'Лермон? Снова Робин?

— Нет, ваше высочество, это сделал человек, который был с вами вчера вечером!

— Нет! — не выдержала Беллона. В голове всё завертелось, и в ушах поднялся страшный шум. Как такое возможно? С ней была только Мария, а потом Бернардо, её близкие друзья! Неужели, кто-то из них предал её? Господи, такого не может быть! Так значит...нет, стоп, Марии нет во дворце, она ещё не вернулась после ночного происшествия (и хоть бы ей удалось предупредить Дерекка об опасности, а он догадался скрыться где-нибудь!). Но измена Бернардо! Как он мог? Неужели он только прикидывался её другом? А если не брать конкретно подземелье, была ведь ещё и Габи... Какой ужас! Голова принцессы пошла кругом. Она почувствовала себя загнанной в ловушку. Всё было против неё, выхода не было. Бросившись на колени перед столом короля, девушка, всхлипывая, взмолилась о прощении.

— Отец, я прошу вас, поверьте мне! Я не хотела ничего плохого, я всего лишь помогала Каролине, — понимая, что они обе в любом случае получат наказание, она продолжала лгать ради графа.

— Так ты признаёшь, что не имеешь отношения к этому олтернцу?

— Да, да!

— Что ж, я не знаю, что и думать. — Робин Третий хмуро, но уже более рассудительно продолжал мыслить вслух: — У человека, который вчера с тобой был тоже могут быть основания врать, не знаю уж, какие. И я не могу положиться на эти слова с полной уверенностью. Если бы ещё услышать самого виновника этой драмы...

Маркиза, спеша опередить и заглушить принцессу, рухнула в такой же позе рядом с ней.

— Прошу вас, не трогайте Дерекка, он здесь ни при чём!

— Это мы посмотрим. Даже если вы все окажетесь не виноваты, вам всё равно последует наказание за то, что вы обманывали своего короля! А сейчас, — мужчина взялся за перо и бумагу, — я вызову к нам этого злополучного рыцаря.

— Что? — после ужаса от осознания того, что её предал кто-то из лучших друзей, всего этого допроса, очной ставки, напряжение достигло своего апогея, и принцесса упала без чувств. Монарха больно укололо сердце, потому что он понял, кто из девушек любил Дерекка Аморвила, а кто прикрывал другую. Какое унижение и досада: дочь короля Феира влюблена в олтернца!

Беллона очнулась, как ей показалось, почти сразу же, подскочив с возгласом «Дерек!»!. Под ней была кровать, она была в своей спальне и поначалу принцесса подумала, что ей приснился кошмарный сон. Но нет, это всё было правдивой реальностью. В окно ярко светило солнце. Что? Когда она была у отца, солнце уже садилось... сколько же времени прошло? Беллона увидела, что она в одной ночной рубашке, поэтому позвонила горничным,

чтобы одеться. Через минуту появилась Яна.

— Да, ваше высочество?

— Принеси мне платье, я хочу одеться, мне нужно идти. Пожалуйста, быстрее.

— Но, ваше высочество...король запретил вам покидать вашу комнату.

— Что?!

— Да, он сообщил всем, что вы находитесь под домашним арестом.

«Как он посмел? Что же произошло, пока я спала? Нет, его гнев не может быть серьёзным, скоро это кончится, это всего лишь его плохое настроение. Но если со мной он поступил так, что же с остальными?»

— Яна, а он объяснил как-нибудь свой приказ?

— Извините, ваше высочество, я ничего не знаю...

— Тогда позови кого-нибудь из моих фрейлин!

— Я не могу, им запретили с вами видеться...

— Нет! Только не это, не может быть... Я хоть с кем-нибудь могу поговорить?

— С её величеством, или его величеством, когда он позовёт вас...

Беллона без сил упала на мягкие перины и завернулась в одеяло. Да что же происходит? Она должна была предвидеть, что отец никогда не простит ей связи с олтернцем. Но что же сейчас с самим Дерекком?

— Яна, скажи, а во дворец кто-нибудь приезжал? Что-нибудь вообще происходило, со вчерашнего дня начиная?

— Да, рано утром, ещё засветло, во дворец прибыл какой-то граф, один из рыцарей, что гостят в Риджейсити.

— Это он... — простонала Беллона, — это Дерек...отец вызвал его, он допрашивал его! Так вот, откуда такая строгость ко мне, Дерек ведь не будет скрывать свои чувства, он не солжёт, у него такая горячая и прямая натура... А маркиза Итали?

— Прошу прощения, которая?

— Младшая — Каролина!

— Она вот-вот должна отъехать домой. Простите, я не знаю причин и не могу объяснить этот отъезд...

— Боже, и мне не дадут с ней попрощаться?

Горничная пожалала плечами в знак своей неосведомлённости и попросила разрешения удалиться, если больше ничем не может быть полезна. Беллона отпустила её и, встав, пошла на балкон. Сев на кресло, девушка была настолько разбита, что даже не сразу смогла заплакать, но потом хлынули такие слёзы, что некоторое время она в них почти захлёбывалась. «Я и не предполагала, какими могут быть последствия моего бездумного поведения. Но я ведь не желала ничего плохого, я всего лишь люблю человека и хочу быть с ним вместе! Неужели в этом есть что-то противоестественное? Разве любовь — это не самое прекрасное, что существует на свете? Тем более, взаимная любовь! Как это глупо — нас разделяет несколько комнат дворца, и мы не можем с ним увидеться. Только отец мог сочинить такую изошрённую жестокость! Как он может быть таким непроницаемым, будто сам никогда не любил?» Девушка так страдала душой, что ничего вокруг не хотела и не могла замечать, а всё думала и думала. «Если бы мне сейчас подсказали какую-нибудь возможность, даже самую безрассудную, самую опасную, как можно от этого всего уйти, сбежать, я бы согласилась, не думая, согласилась бы на всё, лишь бы Дерек избежал наказания, и мы вдвоём оказались бы где-нибудь далеко отсюда». Сознание постепенно

приходило в норму, переставало метаться из стороны в сторону и вновь приобрело умение сосредотачиваться. Беллона начала искать выход из сложившейся ситуации, поругав себя за то, что чуть было не впала в отчаяние, она вытерла слёзы, сказала себе, что ими горю не поможешь, и решила продумать свои дальнейшие действия. Осмотрев балкон, принцесса подумала, что с радостью бы спустилась с него, если бы была такой же ловкой и сильной, как рыцарь, хотя...возможно она сможет это сделать. Но вот что дальше? Подойдя к краю и свесившись через перила, Беллона хотела оценить высоту, но заметила Марка и Зигфрида, подручных старого садовника, которые подрезали цветы прямо вдоль стены под балконом и разговаривали так, что их было слышно. Девушка, никогда не подслушивавшая ни чьих разговоров, и в этот раз последовала бы зову своего воспитания, но тема беседы заинтересовала её и она притаилась сверху.

— Послушай, Марк, ты когда-нибудь попадётся, и тебя хорошенько накажут за твои пашни с Жанной.

— Не волнуйся, не попадусь! Я всегда смогу скрыться через болота и меня никто не поймает.

— Что? Через болота? Да это же всё равно, что идти на верную смерть. Оттуда ещё никто живым не возвращался, хотя уже лет сто туда никто и не ходил.

— А я постоянно там хожу и знаю ту древнюю единственную тропу через эту топь. Только никому не говори, понял? А то, и в правду, за такое с меня шкуру сдерут.

— Хорошо, я никому не скажу, не бойся, но откуда ты знаешь то, что даже сам король, наверное, не знает?

— Не наверное, а точно! Просто мой дядя живёт в доме с той стороны болота, он последний из жителей болот, на которых были гонения, которых жители села, что по ту сторону, принимали за злых духов, хотя они были обычными людьми. Ты же знаешь, какова суеверность необразованного человека!

— Да, это точно. Так значит, твой дядя просто живой клад!

— Это ты точно подметил! Он уже в довольно зрелом возрасте, поэтому, не имея своих детей, с малолетства обучил меня всему, что знал сам и сохранил от своих предков. Так что, теперь я пользуюсь этим и могу наведываться к Жанне, хоть ночью.

— А я-то всё думал, с чего ты взялся вместо Нормана ухаживать за цветами у королевских склепов, а это чтобы иметь законное право расхаживать там!

— Ты совершенно прав!

Принцессе казалось, что сами небеса послали ей этот случай. Она ещё не поняла как, но она должна была использовать болота в своём плане побега от тирании отца. Нужно бежать, каким-то образом вытащить Дерека и бежать вместе с ним. А если он не захочет? Ведь ему уже предлагался побег тогда, на Валлоре, но он отказался. «Он так заботился о моём будущем и моей репутации! Он может и в этот раз отступить. Мне придётся поставить его перед фактом, что я сбегу и без него. Ему придётся согласиться, я не дам ему жертвовать собой ради меня. Достаточно уже Каролины...Боже, что с ней теперь будет?». Пока Беллона обдумывала услышанную информацию, Зигфрид взял секатор, мешок с обрезанными ветками и удалился, оставив Марка одного. Времени думать не было, и принцесса сразу же перегнулась через перила снова и обратилась к юноше.

— Марк! Марк! — Девушка пыталась привлечь внимание как можно более незаметно. Молодой садовник повертел головой и, наконец, подняв её, увидел дочь короля. От неожиданности он выронил из рук свои инструменты и, сняв шляпу, поклонился почти до

земли, а сверху так и казалось, что голова её коснулась.

— Ваше высочество, добрый день!

— Тише, прошу тебя, тише. Тем более, не такой уж он и добрый... — вздохнула Беллона.

— Да, я слышал, его величество чем-то на вас очень рассержен, — стал говорить Марк так же, как перед этим говорил с товарищем, громким шёпотом, предназначенным для ушей только одного человека.

— Марк, послушай, у меня нет времени для того, чтобы всё объяснить тебе, поэтому сразу спрошу, ты готов помочь мне?

— Разумеется, ваше высочество!

— Предупреждаю, то о чём я попрошу, противоречит приказам короля и об этом никто не должен знать. Ты готов сделать кое-что вопреки королю?

Юноша растерялся. Он всегда боготворил и обожал принцессу, но пойти против её отца — это не шутки. Теребя в руках шляпу, он переминался с ноги на ногу, принимая важное решение, от которого могла зависеть и его жизнь.

— Марк, если ты не хочешь, ты можешь отказаться, — обречённо промолвила Беллона.

— Нет! — внезапно взбодрился молодой человек. — Я выполню вашу просьбу, я сделаю всё, о чём вы попросите. Говорите.

— Ах, Марк, я буду благодарна тебе всю жизнь! А теперь слушай, ты мог бы провести меня и ещё одного человека через северное болото?

— Ваше высочество, откуда вы... — парень спохватился и понял, что принцесса всё слышала. — Пожалуйста, не говорите никому...

— Даже не собираюсь! Но я тебя очень прошу, мне нужно бежать, а болота — единственный способ!

— Бежать?!

— О, не спрашивай. Я так прогневила отца, что мне кажется, жизнь во дворце будет теперь адом, если я в нём останусь. — Девушка заметила недоверчивый взгляд, который скользнул по ней, и решила объяснить. — Марк, я люблю человека, которого мне запрещено любить, и никто не хочет понять меня и помочь. Но ты ведь понимаешь, правда? Ты сам влюблен!

Юноша смущённо опустил голову. Как он мог не помочь принцессе, которая знала о его похождениях к горничной королевы, и не разоблачила его? К тому же, он её так хорошо понимал. Но в восемнадцать лет так не хочется рисковать своей жизнью, в которой предстоит ещё увидеть столько прекрасного.

— Ваше высочество, я помогу вам, но сам я не могу повести вас через болото. Переход через него занимает почти сутки! Если меня не будет так долго, для меня это плохо кончится...

— Как же быть?

— Завтра к часовне должен придти мой дядя. Раз в неделю он приходит к священнику, помогает ему что-нибудь починить, выполняет какие-нибудь работы, хотя о нём кроме святого отца никто и не знает. В четыре часа он, обычно, уходит обратно. До обеда я предупрежу его, чтобы он дождался вас и ещё одного человека, с которым вы хотите бежать. Он-то и доведёт вас до конца болота.

— Боже, завтра? Так быстро... хотя, конечно, тянуть нельзя. Спасибо, Марк, спасибо! Я всё запомнила, и ты не забудь предупредить своего дядю!

— Не забуду, ваше высочество! — раскланявшись, юноша через минуту удалился.

Беллона, улыбаясь и сияя, помахала ему рукой, но через секунду снова насупилась и вернулась в комнату. Сев на кровать, девушка обхватила голову двумя руками и стала придумывать все варианты, как можно предупредить Дерека и как ему и ей завтра оказаться у часовни. Ни одна толковая идея не приходила на ум. Казалось, на этом план зашёл в тупик. Слезть с балкона, высоту которого и поверхность стены Беллона отлично рассмотрела, было просто невозможно даже в самом свободном платье. И даже если бы её попытка увенчалась успехом, что было делать дальше, когда она близко не знала, в какой комнате находится граф?

Дверь в спальню (которая, принцесса проверяла, была заперта снаружи) отворилась и вошла служанка, нёсшая в руках большую клетку, накрытую струящейся тёмной тканью.

— Что это? — удивилась Беллона.

— Её величество передала, что эти почтовые голуби принадлежали маркизе Каролине Итали, которая, уезжая, умоляла королеву передать их вам в знак прощания.

Беллона едва не запрыгала от радости. Ей с трудом удалось побороть себя, чтобы не сделать этого. Служанка удалилась и девушка, сорвав с прутьев материю и поставив птиц к окну, ни на минуту не задумываясь о содержании записки, на этот раз быстро набросала на маленьком листке всего одну единственную фразу: «Согласен ли ты теперь бежать со мной?».

Принцессе не пришлось слишком долго ждать ответа, и скоро она держала его в руках, такой же короткий, как и её вопрос: «Согласен. У тебя есть какой-либо план?». Ха, был ли он у неё! Вот теперь Беллона имела план, продуманный в совершенстве. Влюблённое сердце, хотя, скорее это была голова, сочиняло ход действий так, словно его ему кто-то нашёптывал. Удивительная чёткость мыслей и спокойствие души возобладали в девушке над смятением, и она стала тщательно готовиться, для начала в немногих словах объяснив Дереку в послании, какого поведения он должен держаться. Граф должен был попросить короля о том, чтобы его отпустили помолиться в часовню к четырём часам. В этом никто никогда никому не отказывал, тем более Робин Третий довольно-таки верующий человек. Когда его приведут к кладбищу, он должен будет незаметно остаться у какого-нибудь склепа и дожидаться её. О ней пусть не волнуется, на свой счёт она уже всё спланировала. Итак, отправив ещё одну весточку, Беллона осмотрелась и наконец-то отдышалась от волнений. Чтобы совершить то, что она и собиралась, нужна была не дюжая храбрость и уверенность в себе. Впрочем, когда идёшь ва-банк, уже всё равно, что и как, терять нечего и если не пытаться что-то приобрести, то дальнейшее существование бессмысленно. Таковы рассуждения большинства юных максималистов. Всё или ничего. «Кое-что» никого не устраивает.

Беллона снова вызвала служанку и попросила передать королеве, что её дочь очень хочет, как и раньше, прогуляться с ней завтра в три часа к часовне и помолиться за здоровье своей милой бабушки. Она также надеется, что мать поговорит с ней о сложившейся ситуации и вразумит, как быть дальше. Принцесса, конечно же, считала, что её мать верх благородства и благоразумия, но ей казалось, что советы её полезны кому угодно, только не ей, которая хочет жить совсем не так, как делали её родители.

До этой весны девушка никогда не задумывала над тем, какие отношения у короля с королевой и у прочих людей, окружающих её, но когда она влюбилась, всё перевернулось вверх дном. В поведении каждого она искала то, что же у человека на самом деле в душе. Счастлив ли он? Беллона находила, что большинство живут так, как у них получается, а не так, как им бы того хотелось. А её брат, этот мерзавец Робин, который всё сильнее портит ей жизнь, живёт так, как он хочет, но в его глазах принцесса счастья тоже не видела. А может, она видит его только не в самые лучшие моменты его жизни? Неважно, сейчас ей не хотелось его даже вспоминать. Если побег удастся, её ждёт совершенно новая, другая жизнь. Другая жизнь... что в ней могло быть кроме неё, Дерекы и их любви? О, как это прекрасно! Бескрайний простор для чувств, вырывающихся из их сердец. Ветер, земля, вода и огонь будут окружать двоих и больше ничего вокруг, никаких придворных, с церемониалом и этикетом, никаких тайных заговорщиков и лицемерных друзей, с покушениями и интригами. Фантазия девушки рисовала живописные картины беспечного будущего, и чтобы лучше их представить, она вспомнила себя и рыцаря на небольшом холме, на окраине леса на Валлоре. Сразу вспомнилось сладостное ощущение, возникшее, когда граф целовал и обнимал её. Как будто фейерверки взрываются и рассыпаются вокруг. Однако, это, вероятно, было ещё далеко не всё, что могут испытать влюблённые вместе. Беллона слышала о том, что иногда души могут соединиться, а мужчина и женщина становятся единым целым. Неужели её и Дерекы тоже когда-нибудь охватит такое единение? Интересно, а он тоже хочет всего того

же и мечтает о том же самом? Он, определённо, был намного опытнее в таких делах. Хм, все, кто его хоть немного знает, утверждают, что он влюблён в покойную Стеллу Нордмунскую. Может, в этом есть какая-то истина? Может, он любил её, а потом разлюбил, когда встретил Беллону? Но может ли человек любить дважды? Это уже были лишние философствования. Сейчас нужно было ещё раз всё хорошенько обдумать, отдохнуть и за дело. Оставались всего сутки до момента, который должен был решить всю её дальнейшую судьбу.

До обеда следующего дня время то тянулось, то казалось, просто летело. Беллона сотни раз передумывала какие-то нюансы, потом её вдруг охватывал страх, бросало в дрожь, когда заходила горничная, ей казалось, что она смотрит на неё с подозрением, а, возможно, уже всё знает. Что за глупости? Откуда? Дерек не был неосторожным, хотя...иногда его охватывала такая страсть, что он совершал опрометчивые поступки. Когда Беллона пообедала у себя в комнате, у неё остался как раз час до прихода матери, которая вечером накануне прислала согласие на прогулку с дочерью. Устное послание передала Сальма Перфери, что было крайне неприятно принцессе, однако она всё внимательно выслушала.

— Её величество выразили свою надежду, что вы изволите всё объяснить ей лично, потому что она находится в совершенном недоумении от всего услышанного от его величества. Ваше приглашение очень обрадовало её.

— Конечно, передайте матери, что я всё ей объясню, но сначала мне очень хочется простоять всю молитву за здоровье, а потом ещё и исповедаться.

Графиня ушла, а принцесса ещё всю ночь представляла себе, как будет глупо, если королева глаз с неё не будет спускать и заметит, как она отправится не в исповедальню к святому отцу, а на выход из часовни. Боже, а вдруг ничего не удастся, и поймут Дерек? Тогда им обоим конец, по крайней мере, рыцарю точно.

Но вот, уже через какие-то час-полтора, всё должно было разрешиться. Как говорится: «Aut vincere aut mori!». Победа или смерть. Она уже не могла струсить и отступить, этим она окончательно бы подставила Дерек. От Яны она всё-таки узнала, что графа держат под стражей в одной из комнат южного крыла, и король уже допросил его, но что тот ему ответил — неизвестно. Однако посыльный на Олтерн был отправлен, видимо, с письмом к самому Элиосу Третьему, для оглашения судьбы его подданного, которая должна решиться при его участии. Но что было в этом письме? Просто доклад о событиях или уже приговор, который его величество Олтерна должен был просто подписать? Видимо, что-то нехорошее, раз граф Аморвил так скоро согласился на побег...

Беллона надела самое строгое платье в знак смирения, с воротником под самый подбородок, длинными рукавами, скрывающими пальцы до середины и подолом, узким и не удобным, ещё на несколько сантиметров стелящимся по полу. К счастью, погода была очень прохладной, а в нём было тепло и уютно, но не только для этого девушка оделась, словно послушница, готовящаяся на постриг. Под юбкой прятались брюки из тонкой кожи, которые принцесса так давно уже не носила, потому что долгое время не занималась верховой ездой. На ногах красовались блестящие ботфорты, заканчивающиеся почти на ладонь выше колена. Сверху под платьем, вместо обычной сорочки, была блуза, очень светлого цвета майской зелени. Ни о каких собранных вещах не могло быть и речи, поэтому Беллона подвязала к поясу, который находился под юбкой по бёдрам, кошелёк со всеми имеющимися у неё наличными деньгами. Их было достаточно, чтобы безбедно жить какое-то время, пока они не устроятся с Дереком где-нибудь далеко отсюда. Золотые монеты звонко лязгнули под

тканью, поэтому девушка затянула кошелёк ещё туже, чтобы королева ничего не заметила. За дверь раздались шаги и через несколько секунд она отворилась. Горничная шагнула вперёд.

— Ваше высочество, за вами пришли её величество. — Служанка испарилась, оставив мать и дочь наедине.

— Здравствуй, Беллона, — королева подозрительно и немного отчуждённо смотрела на принцессу, присевшую в самом элегантном реверансе, который только женщина видела с тех пор, как много лет назад смотрела на кошачью грацию своей старшей сестры. С тех пор Веста не так-то часто посещала светские рауты и прочие забавы высшего общества. После нехорошей кратковременной молвы на Вермаше, которой не дали разрастись, королева то и дело сравнивала дочь с Минервой. Вот она — поганая кровь! Неужели она прорастёт в этом нежном на вид и ещё не распустившемся бутоне? Ну, за что именно её потомство унаследовало все пороки своей умершей роковой тётки? Но, может быть, это всего лишь заблуждение? Как бы хотелось развеять все сомнения! Как бы хотелось больше никогда не вспоминать проклятую Минерву!

— Я хотела позвать с собой маркизу Коломбину Мевори... — Принцесса отчаянно вздрогнула, что, по счастью, осталось незамеченным Вестой. — Но потом решила, что нам лучше поговорить с глазу на глаз. Ты согласна?

— Да, мама. Так будет лучше.

— Очень надеюсь, что ты не притворяешься послушной, а таковой и являешься. Хотя в последние месяцы тебе удавалось водить за нос всех...

Беллона пыталась внешне не реагировать на уколы матери. Они больно жгли ей душу оттого, что она и сейчас, стоя с прямым честным взглядом, держит камень за пазухой и хочет воспользоваться доверчивостью и некоторой, сохранённой с юности, наивностью женщины. Слезы едва не коснулись глаз принцессы, но она лишь легко тряхнула головой.

— Я ведь догадывалась, Белл, я видела, как ты и этот рыцарь смотрите друг на друга... Если бы я знала, что ты посмеешь последовать зову своего сердца, а не разума! Скажи мне, что я ошибаюсь! Прошу тебя, опровергни обвинения отца!

Веста, несмотря на то, что уже четверть века жила на Феире, так и не стала настоящей феиркой, поэтому не относилась к графу, как к ничтожному олтернцу, а ставила всю вину на Беллону. Она гордилась своим происхождением от Альбины Великой, своим воспитанием, своим чувством достоинства и так мечтала, что её дочь будет похожа на неё, но этого не вышло. Беллона не могла больше слушать претензий матери. Ей было ужасно больно оттого, что она не могла, не посмела бы рассказать всё, как было на самом деле, и никогда не призналась бы, что сейчас вертелось в её голове. Если будет на то воля Божья, и всё удастся, то ей никогда больше не придётся смотреть в глаза матери и сгорать от стыда. Возможно, сегодня она видит её последний раз. А отца и брата она на прощание, то ли к радости, то ли к горю, так и не увидит.

— Мама, прошу тебя, давай поговорим после того, как помолимся в часовне. Мне нужно собраться с силами и очистить свой дух от скверных мыслей, чтобы всё правильно объяснить тебе.

Королева молча кивнула. Она не поняла сложностей души дочери, и вместо того, чтобы попытаться понять, решила, что просто постарается направить её на путь истинный. Но раз та хочет для начала помолиться, пусть так и будет. Девушка и женщина вышли из комнаты, и пошли к калитке в северной стене, проходя галереи, коридоры и залы, прежде чем выйти из

дворца и оказаться на воздухе.

— Почему ты сегодня забрала волосы в хвост? Ты ведь так любишь ходить с распущенными волосами...

— Я не хочу даже выглядеть легкомысленно, — солгала Беллона, скрывая настоящую причину. Каково будет пробираться сквозь заросли болота с распущенными волосами? Это будет не только неудобно, но очень скоро станет и выглядеть отвратительно.

Мать и дочь уже подходили к кладбищенской калитке, у которой сидел хмурый Валло, когда на донжоне пробило три часа дня. «Час, остался ровно час» — пронеслось в голове у Беллоны. Леди быстро прошли мимо склепов с громкими именами, выбитыми на каменных дверях, запертых навеки. Принцессе показалось, что из каждой гробницы доносится какое-то шептание, то предостерегающее, то приободряющее. До чего же расшатались нервы! Прошагав по выложенной тропке до часовни, они оказались в её полутёмной пустоте, пахнувшей воском и осенними цветами, которыми были убраны алтарь и стены. Сразу дойдя до самого конца, Веста опустила на колени и моментально с головой ушла в молитву. «Обычно она просто садилась на первую к алтарю лавку. Что за причуда? Видимо, просит Бога, чтобы он вразумил меня. Если маме больше сегодня нечем заняться, то мне ещё предстоит сутки пробираться через марь и непроходимые топи, а если у меня окаменеют колени, то я не знаю, что буду делать. Но, кажется, выхода нет». Принцесса примостилась рядом с королевой. Стоило закрыть глаза и сложить ладони у груди, как сердце бешено забилось. Девушка поняла, что когда ей придётся сменить позу, это уже будет поза скрывающейся непослушной дочери, которой нужно будет незаметно выбраться из часовни, покинуть её и осуществить свой план.

Минуты потянулись ужасно долго. Наверное, пытки на дыбе примерно также мучительны, как ожидание чего-то, что ты хочешь всей душой, но боишься больше смерти сделать это, а ещё больше, сделать неправильно. Беллона принялась думать о чём-нибудь, чтобы отвлечься, но боялась уйти в себя и не услышать следующего боя часов. Веста чувствовала, как беспокойно егозит рядом дочь.

«Господи, а если Дерекка не отпустили в часовню? Всё тогда сорвалось, а я даже не позаботилась придумать запасной план, — металась мысли Беллоны. — Нет, не нужно думать о плохом. У нас всё будет хорошо, обязательно будет. А если мать увидит, как я выхожу из помещения, вместо того, чтобы пойти в исповедальню? Скажу, что мне стало дурно, да, это выход». Принцесса была уже почти в истерике, когда услышала далёкий звук боя часов. Стараясь, чтобы её поднятие с колен не выглядело как прыжок, или, чего хуже, старт беговой лошади на скачках, девушка опёрлась на одну руку, которой помогла себе встать, так как ноги на самом деле занемели. Королева, продолжая шептать молитвы, приоткрыла глаза и покосилась на дочь.

— Я, п-пойду, как и хотела, исповедаться, — слегка заикнувшись, произнесла девушка и подождала реакции женщины. Та закрыла глаза и снова склонила голову. Неужели больше нет препятствий, чтобы уйти? Неужели перед ней финишная прямая, которую можно преодолеть одним прыжком и оказаться победительницей?

Не веря своему счастью и удаче, Беллона, пятась, почти задом, затаив дыхание, чтобы не привлечь внимания не то что королевы, но и какого-нибудь невидимого духа или неодушевлённого предмета, прокралась из часовни. Едва оказавшись на улице, где облака закрывали лучи солнца, и поднялся слабый ветерок, принцесса вдохнула полные лёгкие воздуха, как будто какое-то время находилась под водой, и судорожно задышала, словно

задыхаясь. Какое облегчение! Один шаг сделан! Нужно перестать трястись. Девушка сжала кулаки и двинулась в сторону кладбища. Начиная паниковать по поводу Дерека, Беллона бегала взглядом по пейзажу, как загнанный зверёк, который ищет выход. Удалось ли ему придти сюда? Наконец, заметив чёрное пятно у склепа Робина Второго, она поторопилась туда, с приближением всё больше узнавая графа Аморвила. Это он, он! Всё время повторяя про себя эти два незамысловатые слова, принцесса рухнула в объятия любимого. Он крепко прижал её к себе и поцеловал в макушку.

— Моя маленькая бесстрашная Белл, — прошептал мужчина. — Как ты только решилась на такое?

— Неважно, ведь решилась же, — едва не плача, на одном дыхании проговорила девушка, уткнувшись в его камзол и ухватившись за него руками. — Ради тебя я сделала бы и больше! У тебя всё прошло гладко?

— Да, правда горгулья на входе не хотела пускать нас сюда, но brave гвардейцы всё ей объяснили, и она пропустила только меня. Как ты догадалась, что она не пропустит их?

— О, верный Валло открывает калитку только нашей королевской семье, или тому, кто идёт по делу с нашего разрешения. Просто так топтаться у останков наших предков он бы не позволил кому попало!

— Что ж, не будем терять время, идём!

Беллона на миг остановилась. Боже, да они ведь перед часовней! А что, если прямо сейчас пойти и попросить священника обвенчать их? Без согласия родителей это невозможно, но тут была мать! Если ей рассказать, насколько они уже были близки с Дерекком, она даст своё согласие, чтобы избежать бесчестия. Тут раздался какой-то шум. Принцесса очнулась от раздумий и почувствовала, как граф тянет её за руку, а перед ними опускается та самая горгулья, с красными, будто налитыми кровью, глазами. Валло сел поперёк тропинки, ведущей к задворкам кладбища, граничащим с самим болотом. Он молчал, но всем своим видом показывал, что не сдвинется с места и требует объяснений, а иначе, поднимет такой грохот, что их поймают.

— Валло, прошу тебя, дай нам уйти... — взмолилась девушка. Существо по-прежнему смотрело на неё своим непонятным взором. — Я умоляю тебя, пойми нас! Разве ты сам никогда не любил? Разве тебе никогда не хотелось изменить что-то? Я знаю, что ты меня слышишь и понимаешь, поэтому прошу тебя, пропусти нас! Если я не сделаю этого, моя жизнь будет пустой и одинокой, она мне будет не нужна!

Беллона с вызовом подалась вперёд, так что рыцарю пришлось обвить её руками за талию и вернуть назад. Огромная горгулья, хоть и старая, но всё же сильная, как и раньше, могла принести урон человеку, сильно поранить его, если ей что-то не понравится.

— Валло... — всхлипнула принцесса.

Существо шелохнулось и отступило в сторону.

— Удачи вам, ваше высочество, и пусть вас обойдёт беда, которая постигла меня. В память о Дилле, идите!

Сначала Беллона была шокирована. Не только добротой горгульи, но и тем, что та заговорила! Она в жизни не слышала её голоса, и он оказался вполне человеческим, низким и глубоким, словно исходил откуда-то изнутри. Мужчина дернул девушку за руку, и они побежали. Отворив заднюю калитку, Дерек пропустил вперёд Беллону и последовал за ней. К её облегчению, у огромного подгнившего пня, что вырастал из мёртвой жижи болота, стоял мужчина зрелого возраста. Он махнул им и кивком головы приказал следовать за ним.

Ещё какое-то расстояние длилась видимая узкая полоса твёрдой земли, но потом она оборвалась, и тогда их проводник заговорил.

— Теперь ступайте за мной след в след, нескольких сантиметров будет достаточно, чтобы вас затянула смертоносная бездна болота. — Пара закивала головами.

Принцессу сначала поразила фамильярность дяди Марка, но потом она поняла, что манерам неоткуда было взяться у жителя болот, который всю свою жизнь провёл в них и почти ничего больше не видел. Мужчина выглядел немного диковато, но вполне опрятно; высокие сапоги, как у лесника, куртка с капюшоном, грубые толстые перчатки и штаны, из такой же тёмно-коричневой выцветшей кожи. Лицо выдавало возраст, хотя фигура и была крупной, плечистой, словно у молодого дровосека; один глаз наполовину был обезображен старым шрамом, а вокруг рта собралось много морщин, которые снизу прикрывала густая каштановая борода. Что ж, возможно, без Дерека Беллона испугалась бы такого общества, но с любимым она ничего не боялась. Ещё раз окинув их гида с ног до головы взглядом, девушка что-то вспомнила и остановилась. Мужчины с непониманием посмотрели на неё, в то время как она, сначала смутившись, но потом, отбросив все сомнения, сорвала с себя юбку и бросила в сторону, оставшись в брюках. Граф Аморвил с изумлением поднял брови и, чуть не присвистнув, оглядел стройные ноги и бёдра спутницы, которые были хорошо обтянуты, и контур очерчивался, словно нарисованный. Даже сейчас, в опасный момент, когда их судьба висела на волоске и зависела от случая, в рыцаре проснулся инстинкт, который он с трудом подавил и подтолкнул девушку вперёд себя, чтобы всё время видеть её, так как глаза от неё отвести было трудно.

— Кстати, я её вы...меня зовут Беллона, а это... — девушка хотела представить Дерека по отношению к себе, но не смогла определить, кем он ей был. Сказать возлюбленный, было то же самое, что назвать себя любовниками, поэтому принцесса одумалась: — Это граф Аморвил...

— Можете называть меня просто Дерек, — добавил он сам. — А как зовут вас?

— Я Йорхан, — сухо бросил дядя Марка, ни на минуту не останавливаясь и упорно следуя по какому-то невидимому пути, которому старались следовать и пара молодых людей, то и дело прося идти помедленнее, так как они боялись оступиться.

Во дворце начался настоящий переполох. Король запретил кому бы то ни было покидать пределы дворцовых стен не только, чтобы найти виновных, но чтобы и не распространились слухи о том, что сбежала принцесса. И не просто сбежала, а захватила с собой содержащегося под арестом олтернского шпиона, как назвал его монарх, который прибыл, чтобы опорочить феирскую принцессу и плести политические интриги. Если он поймает этого негодяя, он вздёрнет его на первом суку, и плевать ему, что скажет Элиос Третий! Он послал ему письмо, известив, что содержит у себя сэра Аморвила под стражей, но не вдавался в подробности и умолчал, за что тот лишился свободы. Он надеялся, что правитель Олтерна ответит ему разрешением располагать судьбой рыцаря по своему усмотрению. Но теперь, усомнившись в своих убеждениях, он отправил ещё одного гонца с письмом, в котором написал, что граф похитил его дочь. Робин Третий ждал, что Элиос Назаров сам пришлёт приговор к исполнению смертной казни, а если и не дождётся, то решит всё сам!

Принц был ошарашен известием о побеге сестры не меньше остальных. Он не знал, что его маленькая глупышка Беллона способна на такие отчаянные свершения. В отличие от тех, кто стал осуждать принцессу, он ей восхитился. Робин назвал бы побег скорее не

безумством, а героизмом. К тому же, юноша прекрасно понимал, что он и никто другой виноват во всём. Что же теперь делать? Он бы с радостью пожелал сестре счастья, но с этим олтернским отродьем... Нет, определённо, если тому ещё придётся попасться на глаза Робину, то он его проткнёт шпагой, а потом порубит на куски! Чёрт, он уже не раз вмешивался в роман Беллоны и этого проходимца, и вот к чему это привело! Лучше хотя бы теперь оставить всё, как есть.

Так как пропажи хватились не сразу, то не сразу и поняли, каким образом скрылись двое. После недолгих размышлений, все сошлись на том, что влюблённые бежали через болота. Эта информация была последней каплей в буре, которая плескалась в принце. Болота — это погибель, идти через них, означает идти на верную смерть. Робин моментально собрал нескольких стражников и устремился на поиски сестры, не слушая никого, даже предостережений и запретов отца. Спустя несколько минут, он уже мчался к северным топям, пройти которые не удавалось никому последние сто лет, а то и больше. Поддерживаемый по обе стороны, то и дело оступающийся и вытаскиваемый обратно, наследник Феира тщетно кричал и звал Беллону. Его уже просили идти обратно и возвращаться, но он ещё делал попытки продвинуться дальше, когда увидел впереди что-то резко выделяющееся на фоне густой неприятной поверхности болота. Удерживаясь за ветку дерева, он нагнулся и увидел край материи. Присмотревшись, он узнал в ней подол юбки, отороченный оборками. Страшная мысль вонзилась в его сердце и он, отпустив ветку, принялся тянуть ткань, но ещё больше увязал вместе с ней. Охранники вовремя спохватились и бросились на помощь принцу. После некоторых мучений, его подняли из топи, которая чуть не засосала его. В руке он держал обрывок материи, которая не вытянулась вся, так сильно она уже ушла на дно. Непонимающие, но догадывающиеся гвардейцы впервые видели Робина в таком кошмарном состоянии, в котором он сейчас находился. Пустой взгляд округлившихся глаз беспрестанно смотрел на мокрую грязную тряпку, которую держала дрожащая рука, и, в конце концов, с уст наследника Феира сорвался тихий стон боли:

— Сестрёнка, что же я наделал...

А трое путников тем временем затерялись в самой глуши болота. В основном они молчали, но иногда Беллона спрашивала что-либо и проводник объяснял ей или уточнял. Он был настолько опытным и знающим, что никто ни разу не оступился и даже не поскользнулся.

— Йорхан, скажите, а как ещё далеко до другого конца этой мари? — снова поинтересовалась королевская дочь.

— Ну, если идти без остановок, то к обеду доберёмся до моей лачуги, а она стоит точно на границе этих топких кочек.

— Только к обеду? Господи, а я так устала...неужели нам придётся идти всю ночь?

— Если вы не хотите застрять здесь на несколько дней, то придётся идти почти без передышки.

— Помилуйте, Йорхан, — вступился граф. — Такая молодая девушка не выдержит такой нагрузки. Сделайте ради неё хоть небольшой привал.

— Дерек, не стоит, я дойду, — попыталась сделать стойкий вид принцесса, но глаза её поблекли от усталости.

— Нет, вы правы, сударь, — согласился, наконец, житель болот. — Через часик мы поспим немного. Закат ведь уже был...

— И как вы это только знаете? — удивилась Беллона, потому что сверху их накрывали такие заросли, что неба было не рассмотреть.

— Миледи, это я уже больше чувствую, чем знаю! — захохотал дядя Марка.

Хоть с виду он и был довольно-таки отталкивающим, но, общаясь с ним всё больше, девушка поняла, что человек это добрый, а его суровый облик лишь отражение его образа жизни. К тому же, помощник её садовника, Марк, такой улыбчивый и отзывчивый малый, вряд ли мог произойти из семьи злых людей. Вскоре, как и обещал, мужчина остановился. Вокруг них, если присмотреться, так как никакого источника света не было, можно было заметить утоптанную опушку.

— Здесь и отдохнём, — заключил он. — Вы присядьте, никуда не ходите, а я пока соберу хвороста и разведу небольшой костёр, поджарим хлеба, который я с собой захватил. Наверное, проголодались?

— Есть немного, — кивнула Беллона и посмотрела на Йорхана, который полез ломать ветки мёртвых деревьев, потому что, само собой, внизу ничего сухого, да и вообще, лежащего на поверхности, найти было невозможно.

Дерек снял плащ, свернул его в несколько раз, положил на землю и предложил принцессе присесть. Та с удовольствием согласилась, и только после этого он сел рядом и обнял её.

— Ты очень отважная, Белл. Я никогда не видел девушек, способных так рисковать собой...

— О, это у нас в крови! — принцесса хотела улыбнуться, но потом поняла, что её замечание можно отнести скорее не к роду Карлеаль, на который она намекала, а к её прапрабабушке. Беллона отвернула лицо от рыцаря, чтобы скрыть огорчение, появившееся на нём, но это было лишним, так как всё равно было очень темно. Она заметила, как, отстегнув от плаща свой орден, сэр Аморвил предусмотрительно убрал его в карман, как ей почудилось, с необычайной заботой и лаской. Будь проклята эта Стелла! Неужели она и в этот раз посмеет им всё испортить?! Нет, нужно забыть о её тени, вечно вылезающей в самый неподходящий момент. Беллона прилегла, опустив голову на колени графу.

— Дерек, а что ты сказал моему отцу, когда он тебя допрашивал?

— Ничего, — быстро последовал ответ. — Он из меня не смог вытянуть никакой информации. Я апеллировал тем, что не являюсь его подданным и имею право не отвечать на его вопросы.

— Поэтому он оставил тебя в покое?

— До поры до времени. Он отправил письмо Элиосу Третьему, чтобы тот разрешил ему распоряжаться мной, как ему то заблагорассудится. Кажется, он хотел меня повесить, — ухмыльнулся молодой человек.

— Даже не говори такое! — вздрогнула девушка и ещё сильнее прижалась к любимому. Некоторое время она молчала. Страх снова охватил её. А что, если их догонят и поймают? Нет, это ерунда, никто больше не сможет пробраться по той тропе, по которой прошли они. Её ведь никто больше не знает!

— Дерек, а как тебе Мария?

— Что?!

— Чего ты так удивился? — засмеялась Беллона. — Я имею в виду, что вы пообщались, когда она предупредила тебя, чтобы ты уходил с развалин Морроу? Вас никто там не видел?

— Ах, ты об этом, а я-то подумал, на что ещё ты намекаешь. Да, у нас всё прошло

гладко. Хотя я был неприятно удивлён, увидев её, и разочарован, что это была не ты. К тому же, мне пришлось подвезти её до Риджейсити, чтобы её тоже не поймали.

— Мари хорошая подруга. Она много раз помогала мне и выручала, хотя всегда предостерегала, чтобы я не делала глупости. Представляю, как она будет шокирована известием, что я сбежала с тобой...

— Да уж, думаю, такое событие никого равнодушным не оставит!

Йорхан вернулся с охапкой сухих веток и с лёгкостью развёл огонь. Из дорожной сумки он вытащил большой ломоть хлеба и флягу с водой. Разрезав ножом буханку на три части, мужчина передал флягу девушке, дав ей утолить жажду первой. Пока они перекусывали, Беллона попросила рассказать проводника какие-нибудь болотные легенды, поверья или что-нибудь о себе, своём вымершем племени. Под эти сказки и истории, она уснула...

Когда новость о гибели принцессы распространилась по замку и достигла короля, всё будто погрузилось в дремоту. Стены и комнаты окутало немое молчание. Робин дошёл до кабинета отца и лишь там расплакался, как ребёнок. Вдвоём они долго стояли друг перед другом, опустив головы. Когда первая боль прошла, Робин Третий пришёл в страшный гнев и начал метать вокруг себя громы и молнии. Ему хотелось наказать всех, кто был каким-либо образом причастен к этому делу. Каким образом его дочь и олтернский негодяй смогли сговориться и спланировать побег? Тут явно не обошлось без чьей-то помощи! Наследник пытался успокоить и отговорить отца, ведь причинив вред кому-то ещё, Беллону уже было не вернуть! Но монарх оттолкнул его в сторону и приступил к собственноручному расследованию, не призывая никого в помощники. Только его советник Стенли Фиерман бегал за ним из апартаментов в апартаменты, пытаясь посодействовать своему повелителю. Учинив настоящий погром в спальнях фрейлин дочери, король нашёл в прикроватном столике сестёр Итали записки, маленькие, свёрнутые в трубочку, явно передаваемые почтовыми голубями. И это была переписка рыцаря и принцессы! Так вот как всё произошло! Вот зачем нужны были птицы! Ах, эти негодные Итали, как они появились при дворе, всё пошло кувырком. Не зря Каролину уже отправили домой с приказом их родителям отправить её в монастырь. Теперь осталось расквитаться со старшей. Но не отнимать же у родителей обеих наследниц? Аделина осталась единственной носительницей фамилии своего рода, которая могла его продолжить. Что ж, в таком случае её следует выдать замуж, и так, чтобы она страдала всю жизнь, всё отведенное для неё на этом свете время вспоминала, что виновата в смерти дочери короля. Монарх вспомнил самого некрасивого юношу при дворе — младшего сына графини Перфери, Доминика. Ужасно неприглядный, маленького роста, с мышинными глазами, круглым лицом... что может быть хуже, как ни выйти замуж за такого отвратительного типа? Отлично, всё решено. К тому же, он всего лишь шевалье, и может принять титул маркиза Итали, а потом укатить отсюда подальше вместе со своей новоиспеченной женой. Робин Третий подумал, что остальные фрейлины тоже могли быть замешаны. Виконтесса Нови... сколько раз он прощал ей проказы за её очаровательные глазки и обаятельную улыбку? Пора покончить с этим! Из-за его мягкотелости в семье, только в ней у него и нет порядка. И Габриэль, и Марию нужно отправить к матерям, и запретить им показываться при дворе, пока он не простит их. А Дора Незардроун... что ж, пока не до неё, но потом и ей можно будет заняться, если выяснятся обстоятельства, связывающие и её со всем произошедшим.

Беллона проснулась оттого, что Дерек ласково шептал ей на ухо, что пора вставать. Потянувшись с довольной улыбкой, принцесса встала на ноги.

— Кажется, меня сморил сон. Мы надолго задержались?

— Час с половиной, не больше, — задумчиво произнёс Йорхан и снова двинулся вперёд.

Принцесса, конечно же, не выспалась, но она не чувствовала желания ещё останавливаться. Теперь она была полна упорства поскорее выбраться отсюда и начать жизнь заново. Поселиться в какой-нибудь деревушке, жить, как обычная девушка, а Дерек будет вести хозяйство, охотиться, рыбачить, может, даже вспахивать землю. Беллона хихикнула, представив рыцаря в простой рубахе, широких штанах и с плугом в руках.

— Что? Почему ты смеёшься? — спросил тот, кто и был виновником её хорошего настроения.

— Да так, просто представила, что мы будем делать дальше...

— Ты восхитительная девушка! Даже перед пугающим неизвестным будущим умудряешься радоваться ему.

Трое шли ещё очень долго. Когда Беллоне казалось, что это уже никогда не кончится, сквозь ветки забрезжил рассвет. Его было еле видно. Потом принцесса догадалась, что это, видимо, были уже не первые лучи солнца, а ближе к полуденным.

— Боже, Йорхан, мы идём уже почти десять часов без остановок! Может, остановимся, хоть на минуту?

Мужчина перестал идти, снова развязал дорожную сумку и протянул воды Беллоне.

— Что ж, постоим. Подкрепитесь. Вы очень сильная девушка. Мне кажется, что вас впереди ждёт яркая жизнь, которая запомнится людям...

— О, прошу вас, не говорите так. Я хочу тихо и спокойно существовать где-нибудь вдали от передраг и принципов знатных вельмож, хотя ещё недавно обрадовалась бы такому пророчеству. Дерек, а ты что скажешь?

— Я думаю, Йорхан прав, и ты только сейчас думаешь, что тебя удовлетворит непримечательный, провинциальный быт, а потом ты заноешь, и снова захочешь блистать при дворе.

— Да я не об этом! Я спрашиваю тебя. Какой бы ты хотел жизни?

— Ну, точно не на этих угнетающих болотах, — перевёл тему граф. — Не в обиду вам, наш драгоценный проводник, мне они порядочно осточертели.

Подхватив Беллону на руки, сэр Аморвил махнул Йорхану головой, чтобы он вёл их дальше.

Король сорвал злость на королеве, накричав на неё, обвинив в излишней доверчивости, простодушии и других положительных чертах характера, которые он приписал к серьёзнейшим недостаткам. Как можно было поверить Каролине и дать ей почтовых голубей? Как можно было не усмотреть за дочерью в часовне? Как она не почувствовала, что той оставалось жить какой-то час?! Веста, уже давно выплакав все свои слёзы, с достоинством перенесла оскорбления и лишь вздрогнула, когда супруг хлопнул дверью уходя. Он никогда так с ней не разговаривал, или, почти никогда. Женщина вспомнила, как он накричал на неё так же двадцать лет назад. Она была ещё довольно-таки молодой, когда к ним прибыла её сестра, свергнутая с престола, раздавленная и униженная. Крошке Робину было около пяти лет, а Беллоны ещё не было на свете. Минерва вела себя, как ручная кошка: опускала глаза и краснела, как первая скромница, разговаривала тихо и вкрадчиво. Очень скоро она завоевала расположение и симпатию всего Феирского королевского двора. Когда вокруг неё снова начали вертеться мужчины и поклонники, она распушила своё оперение и стала вести себя намного увереннее и наглее. Веста всегда восхищалась сестрой, она была для неё такой великолепной, такой роскошной, как и жизнь, которую та любила. Однако, несмотря на то, что рядом стал находиться такой близкий и дорогой человек, Веста испытывала какой-то дискомфорт, её личные отношения с мужем испортились, он отдалился от неё и часто где-то пропадал на ночь, многое не рассказывал ей, было видно, что у него какие-то секреты. По наивности, королева думала, что в государстве какие-то проблемы, и он занимается делами, поэтому однажды, чтобы поддержать его, она пошла к нему в кабинет, но его там не было. Решив подождать супруга, женщина увлеклась рассматриванием книг на полках и другими вещами в комнате. Вдруг, до неё донёсся шум из соседнего помещения, где теперь сидит Стенли Фиерман, а раньше был другой секретарь. Веста подумала, что тот заработался, и решила спросить, где же король. Приоткрыв дверь, она обнаружила мужа и сестру, забавляющихся на кушетке, на которой иногда отдыхал секретарь после обеда. Королева кричала и рыдала, бранилась и кидала всё вокруг. Робин пытался её успокоить, но она заявила, что никогда не успокоится, пока Минерва будет находиться на Феире. Той пришлось покинуть планету... Робин Третий проводил любовницу и устроил тот первый и единственный до этих пор скандал. Он, как и сейчас, обвинил жену в том, что она была слишком спокойной, слишком покладистой, слишком мягкой, а ему нужна женщина более страстная, более властная, более своенравная. Одним словом, достоинства снова превратились в недостатки. Потом он долго извинялся за свои опрометчивые слова, но Веста поняла, что просто он любил не её, а свою первую невесту, которая, в свою очередь, никогда никого не любила до того момента, пока не стала жалким инвалидом, никчёмной изуродованной изгнанницей и не влюбилась в императора Голубого квазара. Как утверждают, он тоже никогда никого кроме неё не любил. Боже, но за что же все любили её? Минерве прощали грехи, измены, зло и предательства, тогда как ей, Весте, муж не простил даже покорности и бесконечной любви к нему. Королева провела рукой по сухим глазам и подумала, что сестра отняла у неё не только душу мужа, но теперь ещё и дочери.

Беллона вышла из зарослей, и её глаза ослепило солнце. Алый обжигающий закат

показался девушке не самым лучшим предзнаменованием, но она отмахнулась от него и, подойдя сзади к Дереку, обняла его.

— Вот мы и на свободе! Теперь наши судьбы в наших руках, а впереди только свобода и безмятежное счастье.

Рыцарь повернулся и, взяв лицо принцессы в свои ладони, хотел поцеловать её, но она вспомнила про их спутника и обратилась к нему.

— Йорхан, как далеко отсюда до ближайшего поселения?

— Пара часов, может чуть больше.

Беллона протянула золотую монету мужчине.

— Спасибо вам за то, что вы для нас сделали!

— Что вы, что вы! — Йорхан отвел от себя её руку. — Я сделал это, потому что меня попросил мой мальчик. Да, к тому же, мне ваши железки здесь ни к чему. Мне золото совсем не нужно!

— Что ж, тогда прощайте, наверное, больше мы с вами уже не увидимся.

— Пойдите, куда же вы, на ночь глядя! Вы можете заблудиться, к тому же, ночью жители Барвика — это ближайшая деревня, могут принять вас за духов, пришедших из леса со злым умыслом. Чего доброго, ещё забьют вас палками до смерти! Лучше оставайтесь у меня до утра, а потом я вам подробно расскажу, как туда добраться.

— Право, мне неудобно принять ваше предложение, вы и так для нас много сделали.

— Бросьте, миледи! Заходите. К тому же, вы оба уже еле на ногах держитесь, я вас накормлю ужином.

Лачуга болотного жителя наполовину уходила в землю, поэтому чтобы втиснуться в дверной проём, пришлось сильно нагнуться. О нищете её убранства нечего и говорить, если мужчина даже никогда не пользовался деньгами, но внутри было чисто, опрятно и необычно. На стенах замазанных глиной поверх неотёсанного камня, висели странные амулеты, посередине единственного помещения была земляная печка. Из предметов мебели виднелась только скамья, шкаф, да стол со стулом. Скамья видимо служила спальным местом для Йорхана. Быстро покидав что-то в котёл, он готовил суп. Беллона, ужасно проголодавшаяся, ела с аппетитом, когда всё было готово и даже не задумалась, вкусно это было или нет. Одно её обрадовало — это было сытно. Как только солнце скрылось за горизонтом, в хижине сразу же всё померкло и стало темно, хоть глаз выколи. Хозяин постелил на пол матрас, набитый соломой. «Один на двоих» — заметила девушка. Её очень обрадовал тот факт, что дядя Марка ни разу не задал им никаких вопросов и не посмотрел на них осуждающе. Видимо, для него было неизвестным понятие «нравственность» и все человеческие инстинкты, желания и зовы души и плоти были ему не чужды. Дерек следил за реакцией Беллоны и ждал её дальнейших действий. Она смутилась под его взглядом, но не подала вида. Сняв верх платья, который на ней до сих пор оставался, девушка осталась в одной шёлковой блузе, которая облегала её талию и грудь. Принцесса легла к стене и напряжённо уткнулась в неё носом. Почувствовав, что рыцарь ложится рядом и накрывает их обоим плащом, девушка напряглась ещё больше, по её спине побежали мурашки. Руки Дерек обхватили её тонкий стан и притянули к себе, его дыхание скользило у неё по уху, от чего ноги стали ватными и голова пошла кругом. Если бы она не лежала, а стояла, она бы точно упала. Граф попытался развернуть её к себе, но Беллона упёрлась. Ей было неудобно даже поцеловаться в присутствии постороннего человека, тем более годящегося им обоим в отцы.

— Белл, — зашептал Дерек, — что с тобой?

— Ничего, всё в порядке.

Рыцарь немного помолчал, глядя ей шею и затылок, а потом с придыханием произнёс:

— Ты что-нибудь сейчас хочешь?

Принцесса, не уловив подтекста и тайного смысла фразы, легла на спину и серьёзно задумалась.

— Да, пожалуй, я не отказалась бы оказаться в горячей ванне.

Девушка не видела лица графа в темноте, но он отпустил её из объятий и приподнялся на локте.

— И больше ничего? — сказал он всё тем же голосом, от которого у Беллоны закипала кровь от какого-то непонятного чувства, о котором ей тогда на Гиганте толковала Габи. Кажется, оно называлось возбуждением.

— Вроде, больше ничего, а в чём дело?

— Ни в чём. Спокойной ночи! — Рыцарь повернулся спиной, и видимо, скоро уснул. Принцесса пожала плечами. Что за странность спрашивать среди ночи, чего ей хочется? «По-моему, он уже мог убедиться, что если я чего-то хочу, то я это сразу делаю. Боже, а вдруг, он хотел, чтобы я сказала ему о том, что я хочу стать его женой? Может, ему нужно было услышать об этом, чтобы сделать мне предложение?» Но усталость не дала Беллоне долго предаваться мыслям и мечтам, поэтому она тоже почти моментально уснула.

Пробудившись от света, озарившего лачугу через единственное окошко, находившееся не намного выше уровня земли, принцесса огляделась. Как приятно было уже во второй раз просыпаться и видеть рядом любимого мужчину! Беллона приподнялась и, опираясь на правую руку, рассматривала Дерекка. Он спал на спине, скинув с себя плащ и подставив лучам солнца свою гладкую грудь, открывавшуюся из-под полурасстёгнутой рубашки. Руки покоились вдоль торса, голова лежала в профиль, и на лице, которое покрывала небольшая щетина, царило умиротворение. Одна нога была подогнута в колене. Девушка хотела коснуться его слегка колючей щеки или поцеловать её, но побоялась разбудить молодого человека; наклонившись, она вдохнула в себя запах его блестящих волос. Как и всегда, они ещё пахли тонким ароматом лаванды, мяты и горькой полыни. Беллона вспомнила тот вечер после охоты, когда Дерекк и Сержио пришли оправдываться перед ней и объяснять, что рыцари ордена не имеют отношения к покушению. Тогда она не посмела коснуться этих чёрных прядей, но теперь они были в её полном распоряжении. Счастливо выдохнув и расплывшись в улыбке, девушка пробежала глазами тесную комнату и заметила на подоконнике, если так можно было назвать крошечный выступ перед окном, гребень. Тут же распустив волосы, она схватила его, и, осторожно перешагнув рыцаря, вышла наружу. Йорхана нигде не было видно. Скорее всего, ушёл промышлять в поисках пищи. Встряхнув локоны, Беллона принялась их расчёсывать. Потом она заметила колодец, за ним виднелась каменная свалка, но, присмотревшись, становилось понятно, что они не беспорядочно разбросаны, а являются бывшей стеной ещё одной такой же лачуги, как та, в которой они ночевали. Видно, когда-то тут, и в правду, было поселение болотных людей. Принцесса нашла у колодца деревянное ведёрко, и зачерпнула воды.

— А, вы уже встали! — окликнул её Йорхан. От неожиданности, девушка вздрогнула, скользнула рукой по ведру и вылила воду из него на себя, хотя хотела сделать несколько глотков, прежде чем умыться. — Извините, я вас напугал!

— Ничего страшного, я всё равно не отказалась бы ополоснуться, — засмеялась

Беллона. — К тому же, утро на удивление тёплое, можно не бояться простудиться.

Зачерпнув ещё раз воды, она наконец-то протёрла лицо, прополоскала рот и вымыла руки. Солнце поднималось всё выше, и девушка вся засияла в его ослепляющем и тёплом свете. Золотистые волосы распались по плечам и спине, мокрая блузка облепила бюст и стала почти прозрачной. В этот момент, проснувшись от шума голосов, из полуподземной хижины выбрался Дерек.

— Доброе утро! Белл, почему ты меня не разбудила? Мы же собирались как можно быстрее добраться до Барвика.

— Не знаю, мне не хотелось тебя будить... — Настроение принцессы было таким замечательным, что она кокетливо улыбалась графу. Он улыбнулся в ответ и подошёл к ней ближе.

— Прекрасная миледи, не дадите ли вы мне тоже умыться?

Почему-то после этих слов Беллоне вспомнился странный незнакомец на Гиганте. Вот уж о ком точно не стоит думать, так ведь нет! Девушка отдала ведро графу и отошла в сторону. Она смотрела на него и любовалась, пытаясь запомнить его черты так хорошо, чтобы забылись все прежние мужские образы. Йорхан подал Дереку нож, с тонким и острым лезвием, чтобы тот побрился.

— Белл, что ты на меня так смотришь? Как будто первый раз видишь.

— Не знаю, почему-то мне хочется смотреть на тебя бесконечно. С тобой когда-нибудь такое было? — Беллона поняла, что совершила ошибку, задав такой вопрос. Где-то в душе она чувствовала, что он не скажет «я хочу смотреть вечно на тебя», и не признается, что готов постоянно смотреть на Стеллу, недаром носит её портрет на груди.

— Ничего бесконечного не бывает, поэтому не стоит этого и хотеть, — философски заметил сэр Аморвил.

— Глубокомысленное замечание, но как же любовь?

— А что любовь?

— Разве она не вечна?

— Как ты ещё наивна, разумеется, нет. Проходит всё.

— А... — девушка открыла рот, чтобы спросить «неужели ты меня когда-нибудь разлюбишь?», но снова задумалась, а любил ли он её сейчас? Что за глупости, конечно же, любил, иначе, зачем бежал с ней, зачем с тех пор, как он первый раз побывал на Феире, он вёл себя так, как вёл. — Что ж, я думаю, нам пора идти в Барвик. Йорхан, так как нам туда попасть?

— О, это не очень сложно. Пройдёте этот лесок вон по той тропке, она не очень хорошо видна, так как кроме меня по ней никто не ходит, но, я думаю, вы её не потеряете из вида. Окажетесь на поляне, вернее большом поле. Пересечёте его и упрётесь в ещё один пролесок; влево он протянулся очень далеко, а справа быстро закончится, если его попытаться обогнуть, поэтому вы так и сделайте. Ну а там уже Барвик будет виден. Удачи вам обоим!

— Спасибо, Йорхан! Когда увидите Марка, передайте ему мою огромную благодарность и это. — Беллона вложила золотую монету в руку мужчины. — Если вам она и не нужна, то Марку, я уверена, пригодится.

— Счастья вам, принцесса Беллона! — болотный житель неловко поклонился, чем невольно вызвал умиление у королевской дочери.

Граф застегнул камзол, накинул на плечи плащ и, взяв девушку за руку, вместе с ней направился к указанной тропинке.

— Юноша! — Дерек обернулся на голос Йорхана. — Берегите юную миледи!

Рыцарь серьёзно кивнул, повернул лицо к Беллоне, и, ободряюще улыбаясь, крепче сжал её ладонь в своей. Пара направилась по указанному пути, запомнив несложные объяснения опытного мужчины, который провёл в этих местах всю жизнь. Беллона, ощущая свою руку в руке рыцаря, таяла от блаженства. Несмотря на то, что она очень мало знала человека, с которым решила соединить свою судьбу, ей казалось, что лучше него на свете быть не может. Путь предстоял неблизкий, поэтому вполне можно было провести это время за разговором.

— Дерек, расскажи о своей семье. Я ведь ничего не знаю о твоём прошлом, юности, детстве...

— По-моему, это не самая лучшая тема, — как бы, между прочим, заметил граф.

— И всё-таки, я настаиваю. Так нечестно, ты ведь всё обо мне знаешь!

— О тебе всё знаю не только я. Таково твоё положение в обществе, что каждый твой шаг обсуждается в разных уголках Вселенной. — Беллона продолжала выжидающе смотреть. — Хорошо, я могу тебе что-нибудь рассказать, но разве это так интересно?

— А я похожа на девушку, которой нравится только бессмысленное романтическое щебетание?

— Уговорила. Спрашивай, что ты хочешь знать ещё обо мне? Предупреждаю, я не обещаю ответить на всё.

— Неужели у тебя есть такие тайны, которые ты не мог бы мне доверить?

— Дело не в этом, просто есть вещи, не предназначенные для твоих ушей. Да и вообще людей, не относящихся к какому-то определённом делу. К тому же, я не лучший рассказчик.

— Я и не требую от тебя истории, от которой захватило бы дух. У тебя есть братья или сёстры?

— Нет, я единственный ребёнок у родителей. Сами они уже умерли; отец, когда я ещё был маленьким мальчиком, и мать, сразу после него...

— О, я соболезнаю... А кто тебя воспитал?

— В чьих руках я только не побывал! Сначала какие-то дальние родственники отца, которых я и не помню, потом, когда подрос, я был пажом при дворе, под присмотром королевы Елизаветы, матери нынешнего короля Олтерна. Когда мне исполнилось двенадцать, то под своё покровительство меня взяла её величество Эстель. Она способствовала тому, чтобы я учился, получал образование. Я многим ей обязан! В шестнадцать лет я был предоставлен сам себе и решил удалиться от суеты в своё имение, моё родовое гнездо Аморвилей. Я недолго там высидел, хотя те дни, которые я провёл в отстранении от привычного образа жизни и в одиночестве сильно повлияли на мой характер и мои дальнейшие поступки.

— Значит, ты не любишь тихое провинциальное времяпрепровождение?

— Нет! Оно мне слишком быстро надоедает, впрочем, иногда такую же тоску на меня навеивает и городской шум и гам. Иногда мне хочется побыть наедине с самим собой.

— И как же ты представляешь себе идеальное будущее?

— Ничего идеального не бывает, но осесть в какой-нибудь глуши мне бы точно не хотелось.

— Такое чувство, что ты вообще ни во что не веришь, — грустно заметила Беллона. Он не хочет осесть в глуши...тогда что же они будут делать дальше? Вернуться ко двору невозможно, как и жить в большом городе у всех на виду. Это может быть опасно. — В

таком случае, куда же нам направится дальше, после Барвика?

— Я плохо знаю Феир. Единственное, о чём я подумывал — это герцогство Рольское...

— Что? Ты, наверное, мало об этом знаешь, мы не можем держать туда свой путь!

— Почему же?

— Герцог де Роль, отец твоего брата по ордену, постоянно досаждаёт моему отцу, то какими-то интригами, то мелкими нарушениями. Я согласна, что он будет рад принять нас, потому что он рад всему, что раздражает моего отца...

— Тогда в чём же проблема?

— В том, что отец непременно узнает о том, где мы, даже если герцог сам не напишет ему. А что начнётся потом, мне даже страшно представить! Отец потребует выдать нас, а герцог, скорее всего, затеет торги на определённых условиях. Если это не закончится гражданской войной, это будет чудо...

— А почему они так не любят друг друга? Я слышал, что в молодости они были лучшими друзьями.

— Так оно и было, до тех пор, пока не пришло время коронации отца. Отец Макса де Роля был чем-то вроде того, кем сейчас является Сториан МакДжойн при моём брате — искусителем и человеком, который создаёт неприятности и недобрую славу всем, кто близок к нему. Чтобы не было никаких инцидентов, отец предпочёл мирное правление дружбе, за что, тогда ещё граф, де Роль, ужасно обиделся и умчался в своё графство. Отец пытался загладить свой поступок, дал титул герцога, пригласил ко двору его сына, но тот до сих пор пакостничает, хотя и не проявляет откровенной вражды. В общем, я не хочу, чтобы он использовал наше появление против моей семьи, а он, скорее всего, так бы и поступил.

— А я бы, на твоём месте, специально досадил родителям и брату...

Девушка посмотрела на спутника. О чём он думает? Хочет поддержать её, или отомстить наследнику Феира за личные оскорбления, нанесённые ему? Или, может, у него вообще миссия от короля Олтерна, устроить на Феире беспорядки? Беллона промолчала и больше не стала заводить умных бесед.

Солнце сияло в зените и, несмотря на то, что стоял конец сентября, оно припекало голову. Вот и холм, а с него открывается чудесный вид на крошечное поселение — Барвик. Не больше пятнадцати домов, свободно разбросанных на равнине, окружённых огородами и садами. Чуть дальше золотился пруд и на его берегу сидели мальчишки с самодельными удочками. Через всё село проходила единственная дорога, делящая его на две части и убегающая до горизонта, на котором виднелись пасущиеся животные. Принцессе данная картина добавила оптимизма. Нужно спускаться вниз и поговорить с кем-нибудь из местных, узнать от них, где тут есть ближайший город. Может быть, кто-нибудь накормит их обедом...

— Дерек, как ты думаешь, как мне нужно назваться? Если я скажу своё имя, это тот час вызовет ненужные подозрения. Вся планета знает по слухам королевскую дочь... может, мне сказать — леди Аморвил?

Рыцарь странно посмотрел на неё.

— Не думаю, что это лучший вариант. Придумай что-нибудь другое, мало ли, какие слухи тут могут ходить обо мне.

— Вряд ли, конечно, но раз ты не хочешь... Да, ты прав, лучше представиться обычной девушкой и сочинить правдивую историю о нашем появлении здесь.

Пара проследовала к домам, но уже первые встречные стали смотреть на них не то с испугом, не то с недоверием. Некоторые старались обойти их стороной или что-то шептали на ухо тому, кто попадался рядом. Беллона расслышала, как, глядя на неё, говорили «нимфа», «дриада», а какая-то старуха, сидящая на лавке с вязанием в руках, отложила работу и с возгласом «ведьма и демон!» скрылась за дверь своей деревянной избы. Конечно же, облик графа вызывал большие опасения, впрочем, были и такие люди, которые сильнее боялись девической красоты, казавшейся им дьявольской, чем сурового и таинственного вида мужчины. С огромным трудом они отыскивали юношу и девушку, примерно ровесников принцессы, которые, не без любопытства, пообщались с ними и согласились оказать помощь. Беллона соврала, что она со своим «кузеном» заблудились и сутки плутали в лесах, пока, наконец, не вышли. Очаровательная крестьянка вынесла им поесть, извинившись, что не может пригласить их в дом, так как её родственники могут быть против, а юноша после этого подвёл двух лошадей, на одну из которых сел сам и пообещал, что довезёт их до постоянного дома, в котором можно будет найти и лошадей для дальнейшего передвижения, и еду, и кров на ночь. А от той таверны и до города уже будет рукой подать.

Беллона не пожалела ещё один золотой, чтобы ей принесли в номер горячей воды и лохань для того, чтобы нормально вымыться, оттереться от дорожной пыли, болотной грязи. Из Барвика они скакали всего два часа, но принцессе показалось, что этот промежуток выжал из неё последние силы. Когда они добрались, она была настолько вымотана, что поручила Дереку все заботы о благоустройстве, отдав ему половину денег, что у неё с собой были. Хозяйка постоянного двора, несмотря на утверждения пары, что они всего лишь горожане, возвращающиеся от дальних родственников, поняла, что перед ней особы более знатные. Без лишних вопросов она вертелась вокруг них и пеклась о том, чтобы им было удобно и уютно. После позднего обеда, или раннего ужина, рыцарь отправился на конюшню присмотреть лошадей, а девушка тотчас же взяла ключ от своей комнаты и побежала в неё, с нетерпением желая окунуться в ванну. Чем больше они удалялись от королевского дворца, тем свободнее и счастливее она себя чувствовала. А может Дерек прав и им следует отправиться в герцогство Рольское? Возможно, ничего плохого из этого не выйдет, хотя смущал сам путь, далеко на север, за Столвардские горы. Это чёрт знает, какая даль! Туда только добираться уйдёт не меньше месяца. Хватит ли у них сил и денег? Насчёт второго пока можно было не волноваться, их более чем достаточно, но вот первое...с каждым километром сил становилось всё меньше. Хотелось уже остановиться, найти постоянное пристанище.

Девушка вздрогнула от шума открывающейся двери и по подбородок ушла под воду с белоснежной пеной. Через полупрозрачную ширму она увидела знакомый силуэт.

— Дерек? Что ты здесь делаешь?

— Как что, я пришёл ложиться спать. Не думала же ты, что я останусь ночевать вместе с лошадьми... — донёсся до неё спокойный ироничный голос.

— Нет, но...почему ты не идёшь к себе?

— Куда?! Я и так у себя.

— Что? Не хочешь же ты сказать, что ты заказал для нас всего одну комнату?! — По короткому смеху мужчины, Беллона поняла, что ответ был «да». Господи, не стоило ему доверять такое дело!

— Дорогая Белл, трясти деньги направо и налево было бы сейчас крайне неразумно. Приходится экономить.

Ширма отодвинулась и граф, уже по пояс обнажённый, с горящими глазами, смотрел на принцессу.

— Я тоже страшно хочу вымыться. Ты будешь не против, если я присоединюсь к тебе?

— Только посмей! И задвинь ширму обратно! — вскрикнула Беллона. Что это ещё за шутки? Она совсем не ожидала, что сэр Аморвил попробует себя повести подобным образом. Впрочем, это ей ни не понравилось, просто ужасно смутило.

— Хорошо, хорошо, как скажешь. Подожду своей очереди.

Девушка так сверкнула глазами, что он не осмелился ей больше перечить. Её же стала бить мелкая дрожь. Ко всему прочему, она ещё и оставила полотенце на кровати. Привыкнув к тому, что рядом всегда суетились служанки, принцесса не подумала, что ей придётся идти за ним самой. Когда вода уже стала остывать, Беллона, как можно более строгим голосом, решила попросить об этой услуге графа.

— Дерек, не мог бы ты подать мне полотенце?

— А может, сама его возьмёшь? — «Нет, он просто издевается! В его интонации столько сарказма!».

— Я прошу тебя, пожалуйста...

Из-за перегородки показалась рука, протягивающая ей то, что она просила. Девушка немного привстала и взяла полотенце с коротким «спасибо». Вытираясь, Беллона никак не могла перебороть себя, чтобы показаться в полуобнажённом виде — замотанной в ткань, без всего под ней.

— Дерек, отвернись, я выйду.

— Слушай, перестань. Я видел тебя в не менее откровенном виде, когда ты наткнулась на меня тогда во дворце, — голос казался несколько раздражённым, поэтому принцесса больше не стала заминаться и вышла. Её влажные чистые локоны облепили плечи и закрыли спину до пояса. Полотенце укутало фигуру от груди и до середины икр. Молодой мужчина подошёл вплотную к девушке и обхватил её за талию.

— Ты восхитительна, — после чего последовал горячий поцелуй в губы и, несколько быстрых и скользких, по щеке. — Почему ты дрожишь? Ты нервничаешь?

— Нет, просто мне холодно и я хочу скорее в кровать, — высвободилась Беллона — Ты собирался ополоснуться — иди, вода остывает.

Девушка мелкими торопливыми шажками добралась до постели и забралась под одеяло. Отсутствие ночной рубашки приводило её в панику. Как она, нагая, будет спать под одним одеялом с Дерекком? Его брюки показались повисшими на ширме, и послышался плеск погружаемого в воду тела. Что же делать? Оставалось только спать прямо так, в полотенце. Беллона повернулась на бок, спиной к лохани и попыталась забыться, но её так трясло, что она поняла — ей не уснуть так просто. Через некоторое время снова донёсся плеск, а после этого шум шагов, направляющихся в сторону кровати. Принцесса так зажмурила глаза, что они заболели, и она на миг распахнула их, тут же увидев в зеркале на стене отражение обнажённого рыцаря. Вновь закрыв их, Беллона погрузилась в странный ступор. Она не знала, как быть дальше, как она должна себя вести? Что говорить? Может, сделать вид, что уже уснула? Нет, Дерек не поверит ей. Вдруг погас свет. Он потушил свечу.

— Надеюсь, ты не боишься темноты? — с юмором спросил граф Аморвил.

— Нет. Ты же видел, что на болоте мне было совершенно всё равно. — «Чёрт, зачем я

отозвалась! Нужно было попытаться сделать вид, что я уже вижу десятый сон».

Дерек откинул одеяло и лёг под него рядом с принцессой. В крошечной тьме было не так неудобно, как было при свете, заметила про себя Беллона. Она почувствовала сквозь хлопковую материю полотенца руку на своём бедре. Ладонь ласково пробежала по её локтю, плечу и откинуло волосы с её шеи, к которой тут же приникли мягкие страстные уста, обжигая кожу прикосновением. Девушка от неожиданности глубоко вдохнула воздух, не открывая глаз, и замерла. К её спине прижалась твёрдая жаркая грудь, в которой сильными и напористыми ударами билось сердце. Губы Дерек пробежали от виска до мочки уха, от чего Беллона сжала зубы. По её телу блуждали нежные, но жаждущие руки, дарящие волшебные ощущения. От них всё сознание уносилось куда-то ввысь, хотелось смеяться и плакать одновременно. Открыв глаза, принцесса не увидела ничего, кроме вспышек страсти и вожделения, возникавших в образе каких-то смутных отсветов и шевелящихся теней, являющихся скорее созданием её фантазии, чем реальностью. Развернувшись на другой бок, лицом к любимому, она пропустила между пальцами его волосы и прильнула губами к его губам.

Беллона могла бы вечно предаваться этим ласкам, всё глубже уходя в мир наслаждений и удовольствия, но внезапно она очнулась из приятного забытья от того, что Дерек стягивает с неё полотенце, в то время как на нём не было совершенно ничего! Она убрала от себя его руки и отстранилась.

— Белл, в чём дело? — Мужчина не сразу пришёл в себя, поэтому сел и в темноте завиднелись его белки глаз.

Принцесса не знала, что и сказать. Всё было замечательно, просто прекрасно, но он попытался сделать что-то, о чём она даже не имела представления. Вернее, она догадывалась, что это именно то, чем обычно занимаются мужчина и женщина в первую брачную ночь. А распутные люди и не обязательно после брака делают это! Или, это совсем не то, о чём она подумала?

— Белл, тебе что-то не понравилось? — Дерек погладил её волосы и поднял лицо, чтобы заглянуть в него, хотя без света мало, что было видно.

— Нет-нет, всё хорошо, просто...

— Просто что? — Рыцарь увидел заминку и понял, что девушке трудно о чём-то сказать. Если бы он знал, что ей вообще трудно говорить на такую тему!

— Давай не будем позволять себе лишнего до свадьбы... — в конце концов, выдавила из себя правду Беллона.

— До свадьбы? А почему бы нет?

— Это же неприлично!

— Ты хочешь сказать, что никогда... — граф осёкся.

— Само собой — нет! — вспыхнула принцесса. — Как ты мог такое подумать? Разве я давала повод подумать обо мне дурное?

Беллона гневно взмахнула руками; правая так и чесалась, чтобы отвесить пощёчину. Но потом она задумалась и вспомнила, что все её действия никак не отвечали понятиям о приличной девушке. Господи, неужели он думал, что она была с кем-то до него? С негодованием она ждала его ответа.

— Нет, я ничего такого о тебе не думал, и ты вела себя достойно. Ты девственница...

Принцесса хотела что-нибудь добавить, но не поняла последней фразы. Это был вопрос? Констатация факта? Восхищение, удивление, разочарование? Господи, зачем он

затянул этот разговор? Радость куда-то улетучилась, и в голову полезли ненужные и отрицательные мысли.

— Я люблю тебя, Белл, — прошептал Дерек и снова обнял её, — не бойся ничего. Неприлично когда делаешь это ради удовлетворения, ради выгоды, ради чего угодно, кроме любви!

— Я тоже люблю тебя! — Девушка обвила стройными руками шею рыцаря и уткнулась в его упругое плечо. — Но я не могу, пойми. Я не так воспитана. Я хочу венчания, стать твоей законной женой, графиней Аморвил. Тогда я буду полностью твоей. Хотя, я уже твоя, и душой, и телом, но не так это должно быть...

Беллона отодвинулась от него и ждала, что же он скажет ей? Поймёт?

— Тогда давай спать. Я не собираюсь ни к чему принуждать тебя.

Это всё? Что ж, он прав, утро мудренее вечера. Он не стал настаивать, поступил благородно. Девушка снова легла на левый бок, и ещё немного поворочавшись, уснула.

Сладко потянувшись на простынях, принцесса, ещё не раскрыв сонных глаз, улыбнулась и подумала, что же принесёт ей новый день? Развернувшись и раскинувшись на спине, она протянула правую руку в сторону и провела ей. Ничего не было. Вернее, рядом никого не было. Вскочив, Беллона увидела лишь пустую подушку и вмятину на ней от недавно находившейся там головы. Она чуть не закричала вслух, но вовремя увидела, что Дерек сидит на стуле у окна. Он был одет, гладко выбрит, в полном обмундировании, только шляпа пока лежала на прикроватном столике.

— Что случилось? Мы уже куда-то торопимся? — весело и непринуждённо спросила девушка, однако голос графа был далеко не таким жизнерадостным и даже отдавал трагизмом, таким же, как тогда у леса, на Валлоре.

— Беллона, мне нужно сказать тебе...обещай, что воспримешь это спокойно?

— Боже, да говори уже! Я начинаю волноваться, — попыталась отшутиться принцесса, но невольно стала перенимать то же состояние духа, в котором прибывал и рыцарь. Он поднялся и пересел на кровать, придвинувшись к Беллоне на такое расстояние, чтобы можно было смотреть друг другу прямо в глаза, чётко и прямо.

— Я думаю, нам нужно расстаться.

Девушка, которая готова была утонуть в этих очах, похожих на бесконечное летнее ночное небо, увидела в них на секунду бездну ада. Земля стала уходить из-под ног и стены пошли ходуном. Еле взяв в себя в руки, Беллона тряхнула головой, пытаясь отвести от себя наваждение. Слабеющим голосом она спросила:

— Но...почему?

— Прошу тебя, не подумай, что ты виновата в чём-то. Я это делаю ради твоего же блага! Я не достоин тебя, я испорчу тебе всю жизнь, ты загубишь себя со мной.

— Ты говоришь ерунду, — сдерживая слёзы, прошептала девушка, понимая, что её любимый человек говорит вполне серьёзно.

— Это не ерунда, это правда жизни. Нам с самого начала не суждено было быть вместе...

— Но мы всё же вместе!

— Перестань! Ты прекрасно понимаешь, что так долго не будет продолжаться, просто не хочешь с этим смириться и принять, как должное.

— Я не собираюсь принимать то, чего нет! — Беллона пришла в ярость оттого, что не

понимала, что происходит, а потому не могла ничего сделать. Встав с постели, она сердито посмотрела на Дерек. Нечаянно её покров из полотенца соскользнул, и она на миг предстала совсем без одежды, но тут же поймала его, и, покрасневшая и смущённая, завернулась обратно. Граф Аморвил подошёл к ней и взял за плечи. Видно было, как он судорожно сглотнул слюну.

— Ты прекрасна, таких, как ты, больше нет и никогда не будет. Ты создана для балов, даже больше, тебе нужно было бы жить среди богов, так как ты просто богиня.

— Но что тогда? Что тебе во мне не нравится?

— Я ещё раз повторяю, что дело не в тебе. Просто я не тот, кто тебе нужен. Ты лучше обойдёшься без меня.

— Ты забыл спросить об этом у меня! — Беллона расплакалась и увидела, что на лице рыцаря отразилось страдание. Она упала ему на грудь, цепляясь за камзол. — Я не смогу жить без тебя...

— Ты так думаешь... Со временем, это пройдёт.

— Нет! — Принцесса не знала, какие доводы ещё можно привести, чтобы убедить, что она по-настоящему любит, что полюбила первый и последний раз в жизни.

— Думаю, тебе нужно одеться. Собирайся, я провожу тебя до Риджейсити. Я спросил у одного парня в таверне, внизу; через пять дней езды по нормальной дороге, в объезд болота, мы будем на месте.

— Чт-то т-ты хочешь сказать? — всхлипывая, спросила девушка.

— Тебе нужно вернуться в королевский дворец и вернуться к своей жизни. Отец простит тебя, я уверен.

— А ты? Как же т-ты? — пытаясь успокоиться, продолжала плакать Беллона.

— Я отправлюсь туда, куда и хотел — к герцогу Рольскому. Это место, видимо, единственное, где я сейчас могу найти защиту и временное убежище.

Немного постояв, Дерек резко развернулся и вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Глава XXIX (Эпилог)

Обратный путь прошёл в молчании или редком обмене короткими вежливыми фразами. Беллона понимала, что больше жизни любит этого человека, так и оставшегося для неё загадкой. Чтобы не выглядеть жалко и унижено, она не смела плакать или высказывать ему что-либо. Преодолев время и расстояния, победив судьбу и всех, кто был против её любви, принцесса не могла бороться только с одним — с мужчиной, ради которого совершала все свои безумства. Если он, по тем странным причинам, которые назвал, не мог быть с ней, хотя и любил, как повторил уже не раз с той последней сцены выяснения чувств, то, что она ещё могла сделать, как ни смириться и вернуться к прежнему месту и роли королевской дочери?

Прощание было коротким и драматичным. Немая трагедия затянулась и обоим уже хотелось с ней побыстрее закончить, хотя Беллона представления не имела, как и зачем ей жить после этого? Дерек отдал ей свой чёрный плащ, чтобы она укрылась им, дабы не привлекать ненужного внимания, проезжая через столицу. Он не мог проводить её дальше границы города, не подвергая себя опасности, поэтому девушка одиноко побрела на лошади по удивительно пустынным и молчаливым улицам. Создавалось ощущение, что неодушевлённые дома, тротуары и бульжные проспекты чувствуют её боль и страдания и разделяют их. Однако, когда на некоторых зданиях принцесса заметила развешанные чёрные лоскуты, её объяла тревога, страшное предчувствие. Заметив в одном переулке собирающуюся торговку, Беллона поспешила спросить, что произошло в Риджейсити, на что получила ошеломляющий ответ:

— О, милочка, случилась большая потеря в королевской семье — умерли её высочество Беллона. Она была такая молодая, такая прекрасная. Её ждала яркая и длинная жизнь, и вот, всё оборвалось в один момент! Негаданно, неожиданно. Ничто не предвещало беды, да вот, она заболела, и скоропостижно отдала Богу душу. Бедный король и королева!

Пошатнувшись в седле, принцесса сначала было подумала, что родители отреклись от неё, но решили во избежание скандала выдать всё за её смерть, но потом вообще потерялась в догадках. Ударив лошадь в бока, девушка помчалась, что было сил, в королевский дворец. Через несколько часов бешеной скачки, когда у животного под ней по всему туловищу уже струился пот, она достигла своего отчего дома и нашла главные ворота распахнутыми в знак траура. Над ними так же были вывешены чёрные полотна. Замедлив шаг коня, Беллона прошла на нём во двор южного крыла и спешила. Стража хмуро посматривала на неё, не узнавая свою повелительницу из-за глубокого чёрного капюшона, надвинутого на лицо и плаща, свисающего до самой земли. Когда девушка хотела ступить на дорожку, ведущую к главному входу в торжественный зал, её остановил гвардеец, на что она просто открыла свой лик. Охранник онемел и, перекрестив пальцы, как бы в защиту от нечистой силы, отпрянул в сторону. Шагая дальше, принцесса осматривала знакомые просторы, в которых ей нужно было снова начинать жить. И этому ещё нужно было заново научиться. Как же ей придётся нелегко!

В дверях показался Робин. Он шёл, видимо, от отца, весь в чёрном, угрюмый и измученный. На нём не то что лица не было, он вообще был сам не свой. Беллона хотела его окликнуть, но потом передумала и решила пройти мимо. Но он заметил её, всю в тёмном, с

развевающимися под сентябрьским, прохладным ветром волосами, словно золотое руно.

— Белл? — испуганно пролепетал принц, выпучив глаза. — Дьявол, это её призрак, он хочет наказать меня за то, что я повинен в её смерти!

Наследник хотел побежать прочь, но сестра остановилась.

— Я не призрак, Робин, я живой человек!

Юноша, не сразу поверивший в эти слова, помотал головой, а потом со стенанием упал на колени перед принцессой.

— Боже, ты жива, сестрёнка, ты жива! Прости меня, прости! Я больше никогда не стану у тебя на пути, никогда! Я горжусь тобой, я всё для тебя сделаю, я буду помогать тебе — только попроси! Хочешь, я озолочу твоего графа? — Робин-младший обнял ноги Беллоны и смотрел на неё снизу вверх. Она заплакала, и он чуть было не разрыдался вместе с ней. Вдвоём они направились к королю.

Не стоит и говорить, какова была реакция отца, увидевшего свою дочь живой и невредимой. Он почти полчаса рыдал, смеялся и целовал её, пока не пришёл в себя и не осознал, что же произошло. Она же вернулась опороченной! И вообще, с чего она вернулась? Недобрые, мрачные мысли заметались в его мозгу, и он из всеобщего веселья перешёл на допрос, гневные крики и ругательства.

— Что было? Что ты делала всё это время? Где тот подлец? Как ты смела убежать? Ты знаешь, что я с ним сделаю, если поймаю? — Сын пытался успокоить его, прося милости для сестры, а та лишь безучастно наблюдала. У неё не было сил отвечать на это всё. — Что ж, иди пока, обрадуй её величество, что ты жива.

Беллона беспрекословно направилась к матери и нашла ту среди своих фрейлин, занятой вышиванием. Некоторые женщины так заохали и заахали, что чуть не потеряли сознание. Принцесса опустилась на колени.

— Я вернулась, мама. Я жива.

Веста смерила равнодушным взглядом вошедшую. Она прекрасно поняла, что гибель оказалась ложной, и на самом деле стряслось что-то другое.

— Мадмуазель, вы ошиблись. Моя дочь погибла неделю назад на болотах. — Королева поднялась и вышла прочь, дав тем самым знак присутствующим, оставить её дочь одну. Кроме Коломбины Мевори, все так и сделали. Маркиза же подняла девушку на ноги и приняла в свои объятия.

— У неё это пройдёт, девочка моя. Не обращай внимания. Она сильно страдала. Сейчас её душит злость и обида, но это не вечно. — Беллону сотрясали рыдания в крепких руках доброй женщины.

— Спасибо, тётя! Кажется, вы единственная, кто поддерживает меня. Другьям я больше не доверяю и не хочу их видеть.

— О, к сожалению или счастью, у тебя это и не выйдет! Из твоих фрейлин во дворце остаётся только виконтесса Незардроун.

— Что? А как же остальные? Что случилось?

— Твой батюшка отослал Марию и Габи к матерям, а Матильда и Аделина скоро выйдут замуж и уедут...

— Аделина? Но за кого же она выходит?

— Король обручил её с Домиником, сыном Сальмы. Венчание должно было состояться, когда закончится траур по тебе, но теперь всё произойдёт быстрее...

— Нет! Он же отвратительный тип, этот шевалье... Я не дам отцу испортить жизнь Аделине! — Беллона помчалась обратно в кабинет отца, но на пороге остановилась, услышав заинтересовавшую её фразу, и притаилась за дверью.

— Робин, я не передумаю, я отправил стражу именно за тем, чтобы этого олтернского ублюдка поймали и доставили ко мне. Вот... — послышался щелчок открывшегося и закрывшегося ящика. — Вот, что мне прислал король Элиос Третий.

— Что это, отец?

— Смертный приговор графу Аморвила.

— Нет!.. Элиос Третий не мог такого написать!

— Ну почему же. Возьми, прочти сам.

Возникло молчание и шуршание листков.

— Но, отец, он просит тебя при поимке выдать ему рыцаря, и хочет сам обезглавить его.

— Мне это неважно, я собственными руками прикончу его, если понадобится. Казнь состоится на Феире и точка.

— Нет!!! — с криком в дверях возникла Беллона. — Ты не посмеешь! Иначе я возненавижу тебя! Я прокляну тебя! Я сбегу ещё сотни раз, если ты это сделаешь!

Король посмотрел на дочь, появившуюся так неожиданно. По её виду было видно, что она не шутит, но он тоже не хотел выглядеть мягкотелым.

— После того, что он сделал, он не заслуживает жизни!

— Он ничего не сделал, ни тебе, ни мне! Он даже пальцем меня не тронул! Ясно?!

Робин Третий помолчал. Разумеется, такой поворот событий несколько смягчал наказание...

— Я ничего не буду для него делать...

— Отец! — хором выкрикнули брат и сестра.

— Единственное, чем я могу поступиться, это не марать свои руки в крови олтернца и отдать его другому монарху, которому он принадлежит. И вообще, ты, Беллона, тоже получишь наказание, поэтому ты даже не смеешь подавать голос!

— Мне всё равно, что заслужила я, но если хоть один волос упадёт с головы Дерека... Ты даже представить себе не можешь, что я сделаю.

Глаза девушки потемнели до цвета морской бури и загорелись демоническим пламенем. «Минерва!» — вздрогнул мужчина.

— Ступай к себе. Чтобы тебе было легче это пережить, завтра ты отправишься к моей матери — твоей бабушке. Ты отлучена от двора на три месяца.

На следующий день, провожаемая лишь маркизой Мевори, братом и Дорой Незардроун, Беллона уже садилась в экипаж, когда мимо неё пронёсся гонец. Соскакывая с коня на ходу и отдавая подбегающему конюшему поводья, он радостно ему сказал:

— Представляешь, того мерзкого олтернца поймали и сейчас он доживает свои последние часы! Как же эта новость порадует его величество!

Принцесса потеряла сознание и очнулась лишь много времени спустя, в карете, мчащей её за сотни миль от дома, от прошлого, от будущего, казалось, от самой жизни. Рядом сидела Британика Эскорини.

— Ваше высочество, у вас страшная лихорадка. Я буду приглядывать за вами эти месяцы. Выпейте...

Беллона отодвинула протянутую руку с фляжкой. «Дерек! Что с ним?» — еле слышно

пошевелила губами она. В ответ княгиня лишь печально опустила голову. Королевская дочь снова потеряла сознание.

Больше книг на сайте — Knigolub.net